1853
1943
MOB

ГЕ211
1534

С. Ф. ЛИБРОВИЧЪ

НА КНИЖНОМЪ ПОСТУ

ВОСПОМИНАНІЯ
:: ЗАПИСКИ ::
ДОКУМЕНТЫ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
ПЕТРОГРАДЪ И МОСКВА
1916

1984

ГЕ211
Л534

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
ПЕТРОГРАДЪ · Вас. Остр. 16 линія соб. домъ
1916 г.

Библ. Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
~~274~~ 66999
~~26~~

ЭТА КНИГА

ПОСВЯЩЕНА ПАМЯТИ

МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА

И

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ

ДѢЯТЕЛЕЙ ЕГО ВРЕМЕНИ.

Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь.

Пушкинъ.

* * *

«Воспоминанія», «дневники» и «письма», какъ знаменитыхъ людей, такъ и простыхъ смертныхъ — поучительное и занимательное чтеніе. Оно показываетъ людей и эпоху въ настоящемъ свѣтѣ, оно даетъ часто ключъ къ историческимъ загадкамъ и заставляетъ насъ относиться снисходительно къ человѣчеству.

Н. Юровскій.

* * *

На обязанности каждаго, имѣющаго возможность пояснить нѣкоторыя черты нравственной физіономіи культурнаго дѣятеля,—будь это писатель, ученый, администраторъ и пр.,—и тѣмъ способствовать установленію твердыхъ основаній для будущаго его облика, лежитъ обязанность сказать свое посильное слово, какъ-бы маловажно оно ни было.

П. Анненковъ.

* * *

Необходимо напоминать живущимъ объ у с о п ш и х ъ, оживляя ихъ нравственно привлекательные образы.

А. Ѳ. Кони.

НА КНИЖНОМЪ ПОСТУ.

Настоящія воспоминанія относятся къ тому времени, когда Петроградъ носилъ названіе С.-Петербурга. Поэтому въ текстѣ сохранено прежнее названіе столицы.

Есть люди, которые, не принимая активнаго участія ни въ литературѣ, ни въ наукѣ, ни въ общественной жизни, имѣютъ тѣмъ не менѣе большое вліяніе на всѣ эти области человѣческой культуры въ своей странѣ, способствуя появленію литературныхъ и научныхъ трудовъ, распространяя ихъ въ обществѣ и тѣмъ самымъ развивая такъ или иначе интересъ къ нимъ въ широкихъ кругахъ интеллигенціи.

Къ такимъ людямъ слѣдуетъ причислить Маврикія Осиповича Вольфа.

Онъ не былъ ни писателемъ, ни ученымъ, ни общественнымъ дѣятелемъ. Онъ былъ только издателемъ и книгопродавцемъ. Но—и какъ издатель, и какъ книгопродавецъ—онъ сыгралъ незамѣтную лишь на первый взглядъ, а на самомъ дѣлѣ очень видную роль въ русской жизни.

Цѣлыхъ 43 года Маврикій Вольфъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, стоялъ на книжномъ посту, цѣлыхъ 43 года провелъ онъ среди книгъ и писателей. За эти 43 года онъ перевидалъ и перезнакомился почти со всѣми представителями литературы и науки своего времени; онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ писателями самыхъ раз-

личныхъ лагерей, обмѣнивался взглядами по вопросамъ, касающимся книгъ, со многими общественными и государственными дѣятелями, превосходно зналъ требованія и вкусы большинства изъ нихъ, былъ поставщикомъ умственной пищи значительной части русскаго интеллигентнаго общества, а иногда и непосредственнымъ совѣтчикомъ въ выборѣ книгъ для чтенія; онъ, наконецъ, постоянно находился въ сношеніяхъ со всею читающей Россіей. Въ то же время онъ являлся, до извѣстной степени, кормильцемъ большого числа тружениковъ пера, былъ предтечею тѣхъ десятковъ и сотенъ издателей, которые за послѣдніе годы такъ оживили русское книжное дѣло, дали такой могучій толчокъ книгѣ. Своимъ примѣромъ, своею дѣятельностью онъ показалъ, что книжное дѣло въ Россіи можетъ стать видною отраслью промышленности, сохраняя въ то же время и свое высокое культурно-общественное значеніе. По мнѣнію же Тургенева, Вольфъ, какъ издатель, имѣлъ даже величайшія заслуги передъ русской литературой (письмо Тургенева отъ 27 октября 1879 г.).

Хотя Вольфъ и не былъ ни издателемъ-меценатомъ, какъ Солдатенковъ, ни строго идейнымъ издателемъ, какъ Павленковъ, онъ все-таки сыгралъ крупную роль въ исторіи русскаго книгоиздательства и русской книжной торговли, а въ связи съ этимъ и въ исторіи русской литературы. Между тѣмъ его дѣятельность, выражаясь словами Мордовцева, „все еще не нашла своего Геродота“, который всесторонне и безпристрастно освѣтилъ бы вліяніе Вольфа на судьбы русской книги, разъяснилъ бы значеніе его въ исторіи русской мысли и сообщилъ бы подробности о жизни незауряднаго работника на „книжной нивѣ“, какимъ былъ Маврикій Вольфъ.

Если вѣрно положеніе, что литература обязана помнить тѣхъ, кто создалъ ее, то несомнѣнно она обязана помнить и тѣхъ, кто, такъ или иначе, способствовалъ

появленію и распространенію литературныхъ и научныхъ произведеній. А развѣ дѣятельный издатель—съ одной стороны и пользующійся большою популярностью книгопродавецъ — съ другой не способствуютъ одинъ — появленію, другой—распространенію литературы?

Я глубоко убѣжденъ, что, рано ли, поздно ли, но наступитъ время, когда М. О. Вольфу, какъ издателю, какъ дѣятельному пособнику просвѣщенія, а, главное, какъ двигателю литературы въ указанномъ выше смыслѣ слова, воздастся по заслугамъ.

Но годы уходятъ, память перегружается, современники—живые свидѣтели дѣятельности Маврикія Вольфа—одинъ за другимъ сходятъ со сцены. Уйдутъ послѣдніе, и съ ними вмѣстѣ исчезнетъ возможность возсозданія полнаго образа этой замѣчательной, типичной личности и того круга, въ которомъ ближайшимъ образомъ протекала его дѣятельность. Чтобы не дать совершиться такому факту, я и рѣшилъ выпустить настоящую книгу.

Я далекъ, однако, отъ мысли взять на себя роль Геродота по отношенію къ Маврикію Вольфу. Мнѣ хотѣлось лишь подѣлиться нѣкоторыми воспоминаніями, касающимися преимущественно отношеній русскихъ писателей къ Вольфу, отношеній, представляющихъ, какъ мнѣ кажется, извѣстный интересъ и для характеристики русскаго литературнаго міра данной эпохи, и для исторіи книги въ Россіи.

Судьба свела меня съ Маврикіемъ Вольфомъ въ самый расцвѣтъ его дѣятельности, въ серединѣ семидесятыхъ годовъ м. с., когда имя и дѣятельность Вольфа были особенно популярны. Его, на ряду съ извѣстнѣйшими людьми того времени, знала тогда вся интеллигентная читающая Россія; его имя было извѣстно въ самыхъ отдаленныхъ, захолустныхъ уголкахъ, куда только вообще проникала книга. Это было время, когда, по шуточному, но мѣткому

замѣчанію Сергѣя Атавы, наиболѣе популярными были въ Россіи два имени: для пьющей Россіи—Елисѣевъ, для читающей—Вольфъ... Семидесятые годы м. с. были апогеемъ популярности Вольфа, „золотою порою“ въ его свыше чѣмъ 40-лѣтней дѣятельности, какъ издателя и книгопродавца, какъ крупнѣйшаго „поставщика умственнаго товара“, какъ энергичнѣйшаго распространителя русской книги.

Наиболѣе популяренъ былъ тогда Вольфъ, конечно, въ литературныхъ кружкахъ Петербурга. Безъ преувеличенія можно сказать, что не было почти ни одного писателя, съ которымъ онъ не былъ бы лично знакомъ. Со многими—и при томъ самыми крупными—Вольфа связывали узы дружбы. Со многими онъ находился въ дѣловыхъ, издательскихъ или книгопродавческихъ сношеніяхъ.

„Маврикій Единственный—царь русской книги,—острилъ Лѣсковъ.—Его армія разбросана отъ Якутска до Варшавы, отъ Риги до Ташкента, въ его рукахъ судьба литературы“...

Мнѣ пришлось быть очевидцемъ и свидѣтелемъ многихъ встрѣчъ Вольфа съ видными писателями и общественными дѣятелями того времени, иногда даже прямымъ участникомъ ихъ бесѣдъ и разговоровъ.

То, сравнительно, немногое, что сохранилось въ моей памяти или что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ встрѣчъ и бесѣдъ было мною занесено въ записную книжку, заключаютъ въ себѣ предлагаемые очерки, часть которыхъ уже появлялась въ разное время раньше въ различныхъ изданіяхъ („Новости“, „Новь“, „Новый Міръ“, „Вѣстникъ Литературы“, „Книжный Вѣстникъ“, „Извѣстія по Литературѣ“ и др.). Нынѣ я прибавилъ къ нимъ нѣсколько статей, обработанныхъ на основаніи данныхъ вольфовскаго архива, а также два-три воспоминанія о людяхъ, съ которыми Вольфъ былъ особенно близокъ и съ которыми я познакомился благодаря ему.

Первоначально я думалъ ограничиться очерками, заключающими въ себѣ свѣдѣнія, характеризующія сношенія М. О. Вольфа лишь съ русскими писателями. Но, по мѣрѣ того какъ я собиралъ разбросанные матеріалы и рылся въ архивѣ своей памяти, первоначальный планъ работы все разрастался и разрастался. Невозможнымъ оказалось ограничиться очерками объ однихъ только писателяхъ; приходилось невольно включать и исторію отдѣльныхъ книгъ, коснуться отношеній нѣкоторыхъ администраторовъ къ Вольфу, къ книгамъ и литературѣ его времени, упомянуть о томъ, каковы были мнѣнія интеллигентнаго общества второй половины прошлаго вѣка о дѣятельномъ книгопродавцѣ и издателѣ, и т. п.

Наконецъ, и сама личность Маврикія Вольфа, его выдающаяся книгопродавческая и издательская карьера казались мнѣ настолько интересными, что я подробно, въ нѣсколькихъ очеркахъ, коснулся цѣлаго ряда эпизодовъ, относящихся къ его біографіи. Если эти эпизоды и не имѣютъ значенія для исторіи литературы и культуры, то они, я полагаю, безусловно важны для исторіи русскаго книгоиздательства, въ которой Маврикію Вольфу несомнѣнно принадлежитъ видная страница.

Не забыты въ моихъ очеркахъ и ближайшіе помощники Вольфа по его книгопродавческой и издательской дѣятельности, а также и эпизоды изъ исторіи нѣкоторыхъ его изданій, характерные для порядковъ, нравовъ и обычаевъ того времени, и тѣхъ цензурныхъ и административныхъ препонъ, съ которыми приходилось тогда бороться.

И, тѣмъ не менѣе, я полагаю, что моя книга не есть книга только о Маврикіи Осиповичѣ Вольфѣ. Если центральнымъ, такъ сказать, лицомъ въ ней и является безспорно Вольфъ, то все же цѣлью моей оставалось желаніе, по мѣрѣ возможности, обрисовать въ предлагаемыхъ очер-

кахъ, въ отдѣльныхъ живыхъ типахъ тотъ міръ—литературный, административный и общественный,—въ которомъ жилъ и вращался Вольфъ, и ту обстановку, въ которой протекала его дѣятельность, поскольку она имѣла касательство къ книгѣ. Вотъ почему я и назвалъ мои очерки „На книжномъ посту“.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ „ПОЧТИ-КЛУБѢ“.

Когда Тургеневъ, пріѣхавъ въ Петербургъ изъ Парижа, въ 1878 году, спросилъ, гдѣ можно видѣть „въ сборѣ“ петербургскихъ литераторовъ, друзья великаго писателя очутились въ большомъ затрудненіи. Въ то время въ Петербургѣ, да и вообще въ Россіи, не было ни настоящаго литературнаго клуба, ни организованныхъ и санкціонированныхъ правительствомъ литературныхъ обществъ или кружковъ, гдѣ писатели могли бы сходиться и обсуждать свои нужды и потребности и вопросы, относящіеся къ писательской профессіи, или просто встрѣтить другъ друга, поговорить, потолковать. Сотрудники отдѣльныхъ журналовъ и газетъ группировались вокругъ редакцій изданій, въ которыхъ они работали, и туда не только нельзя было проникнуть не принадлежавшему къ данному изданію, но даже многіе не постоянные сотрудники съ трудомъ могли попасть на редакціонныя засѣданія. Бывали, правда, иногда собранія литераторовъ у графа Бобринскаго, у Лѣскова, А. Милюкова, Полонскаго и др., но эти собранія имѣли характеръ случайныхъ литературныхъ вечеровъ, гдѣ читались литературныя произведенія, декламировались стихи, но гдѣ рѣдко подвергались обсужденію какіе-либо литературные или общественные вопросы.

Своего собственнаго пристанища, собственнаго клуба у петербургскихъ литераторовъ не было, если не считать трактира „Капернаумъ“, въ которомъ собирались преимущественно „газетные литераторы“ съ Минаевымъ во главѣ, и ресторана „Малый Ярославецъ“, гдѣ, въ особомъ кабинетѣ, проводили часто вечера „генералы отъ литературы“ восьмидесятыхъ годовъ, группировавшіеся вокругъ Некрасова.

Рядомъ съ этими трактирными и ресторанными собраніями, но совершенно независимо отъ нихъ, существовали собранія писательской братіи въ такъ называемомъ „литературномъ почти-клубѣ“.

„Литературный почти-клубъ“! Немного уже осталось въ живыхъ изъ тѣхъ, которые помнятъ этотъ своеобразный клубъ; еще меньше тѣхъ, которые бывали въ этомъ клубѣ, принимали участіе въ его засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ. Да многимъ неизвѣстно даже самое названіе „литературный почти-клубъ“, хотя въ семидесятыхъ годахъ м. с. оно среди петербургскихъ писателей было очень популярно. „Литературный почти-клубъ“, или, какъ другіе его называли, „Маврикіева каморка“,—это было крошечныхъ размѣровъ помѣщеніе, всего въ 2 аршина ширины да $2^1/_2$—длины, въ Гостиномъ дворѣ, № 18, гдѣ въ то время—въ семидесятыхъ годахъ—помѣщалось русское и французское отдѣленіе книжнаго магазина Маврикія Осиповича Вольфа. Помѣщеніе это, отдѣленное отъ магазина стеклянною дверью съ маленькимъ окошкомъ по серединѣ, фактически служило кабинетомъ М. О. Вольфа. Тутъ онъ велъ всѣ свои издательскія дѣла, тутъ онъ давалъ распоряженія многочисленнымъ своимъ служащимъ, завѣдующимъ и управляющимъ, здѣсь велись переговоры съ писателями и художниками, обдумывались и обсуждались планы новыхъ изданій и проч., и проч. По вечерамъ, а нерѣдко и днемъ, этотъ чисто дѣловой кабинетъ

превращался въ мѣсто собранія петербургскихъ литераторовъ всѣхъ ранговъ, всѣхъ теченій и направленій.

Литературный міръ Петербурга зналъ превосходно М. О. Вольфа; большинство представителей этого міра были очень близки съ дѣятельнымъ издателемъ и книгопродавцемъ. Въ разговорахъ между собою тогдашніе литераторы никогда почти не называли Вольфа по фамиліи, а всегда ограничивались именемъ и отчествомъ, какъ это принято въ отношеніи очень близкихъ и извѣстныхъ лицъ. „Маврикій Осиповичъ“ былъ вообще однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Петербургѣ: его отлично знали всѣ, сколько-нибудь прикосновенные къ литературѣ или книгѣ, его зналъ весь петербургскій чиновничій міръ, вся аристократія. Его знали—и именно по имени и отчеству—даже... петербургскіе извозчики.

По этому поводу извѣстный писатель - этнографъ С. В. Максимовъ держалъ оригинальное пари: однажды, послѣ завтрака въ „Маломъ Ярославцѣ“, Максимовъ, выходя на улицу, поспорилъ съ Некрасовымъ и Салтыковымъ, что достаточно извозчику сказать: „поѣзжай къ Мавркію Осиповичу“—и любой извозчикъ довезетъ до книжнаго магазина Вольфа. Стали спрашивать извозчиковъ, стоявшихъ у подъѣзда: всѣ, точно сговорившись, брались довезти до „Мавркія Осиповича“, всѣ увѣряли, что знаютъ „Мавркія Осиповича“. И Максимовъ выигралъ пари.

Большинство петербургскихъ литераторовъ частенько заходило въ книжный магазинъ Вольфа побесѣдовать съ „Мавркіемъ Осиповичемъ“, узнать о новостяхъ литературнаго міра за границею, освѣдомиться объ успѣхѣ тѣхъ или другихъ книгъ или просто потолковать съ опытнымъ, старымъ книгопродавцемъ и издателемъ, имѣвшимъ обширный кругъ знакомства въ сферахъ, читающихъ книги и интересующихся литературою. Постепенно эти посѣщенія

литераторовъ приняли характеръ цѣлыхъ сборищъ. Многіе изъ писателей назначали другъ другу свиданія у Вольфа, многіе тутъ же вели длинные споры по литературнымъ вопросамъ,—и мало-по-малу книжный магазинъ Вольфа превратился какъ бы въ литературный центръ Петербурга.

Своихъ литературныхъ гостей Вольфъ принималъ въ упомянутомъ крошечномъ своемъ кабинетикѣ, гдѣ, строго говоря, мѣста и воздуха было много-много для 3—4 человѣкъ, но гдѣ нерѣдко собиралось человѣкъ десять и больше.

Въ непринужденной, часто очень громкой и оживленной бесѣдѣ, здѣсь иногда засиживались до 1—2 часовъ ночи, къ величайшему огорченію вольфовскихъ артельщиковъ, которымъ приходилось изъ-за этого дежурить въ непоказанное время.

Какъ-то разъ, поздно ночью, въ самый разгаръ такого засѣданія, къ магазину Вольфа неожиданно подкатила коляска грознаго петербургскаго градоначальника Трепова. Войдя быстрымъ шагомъ въ магазинъ и замѣтивъ въ открытую дверь кабинета собравшихся, Треповъ сказалъ:

— Да у васъ, Маврикій Осиповичъ, здѣсь почти клубъ!..

Съ легкой руки Трепова, собранія у Вольфа и получили названіе „литературнаго почти-клуба“,—названіе, которое упрочилъ за нимъ Лѣсковъ.

Роясь въ моемъ маленькомъ литературномъ архивѣ, заключающемъ въ себѣ письма многихъ писателей, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться на моемъ жизненномъ пути, я еще недавно наткнулся въ одномъ изъ писемъ Н. С. Лѣскова на слѣдующее мѣсто: „...объ этомъ я собираюсь подробнѣе поговорить въ нашемъ литературномъ почти-клубѣ...“ Это же названіе сохранилось въ запискѣ Сергѣя Атавы, въ одной изъ эпиграммъ Д. Д. Минаева, въ мемуарахъ П. Н. Полевого и т. д. Вообще оно въ

семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ было въ частомъ употребленіи въ писательскихъ кружкахъ.

Насколько популярными были тогда собранія въ этомъ литературномъ „почти-клубѣ“, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ.

Въ 1878 году, въ началѣ зимняго сезона, Вольфа „пригласили“ въ пресловутое „третье отдѣленіе“, вѣдавшее политическими дѣлами.

— По полученнымъ нами свѣдѣніямъ,—обратился къ Вольфу принявшій его шефъ жандармовъ генералъ Мезенцевъ,— у васъ, въ вашемъ книжномъ магазинѣ, возникъ какой-то клубъ. Прежде всего скажите намъ, если это не тайна, кто основатель этого клуба?

— Градоначальникъ, генералъ Треповъ, — отвѣтилъ Вольфъ, который зналъ хорошо Мезенцева, какъ постояннаго кліента своего книжнаго магазина, и по самому характеру пріема рѣшилъ, что допросъ не имѣетъ особенно серьезнаго характера.

— Какъ такъ?—удивился Мезенцевъ.

Тутъ Вольфъ разсказалъ о случайномъ посѣщеніи Треповымъ книжнаго магазина въ то время, когда тамъ, по обыкновенію, собралось нѣсколько литераторовъ, и о томъ, что именно Трепову пришла мысль назвать это собраніе „литературнымъ почти-клубомъ“.

— Да, по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, у васъ въ магазинѣ ведутся политическіе разговоры,—продолжалъ Мезенцевъ.

— Разговоры ведутся въ моемъ книжномъ магазинѣ всевозможные, — и о литературѣ, и о политикѣ, — отвѣтилъ Вольфъ, — и даже, — прибавилъ онъ, — удостоивая мой магазинъ своимъ посѣщеніемъ, ваше превосходительство, неоднократно сами вели подобные разговоры.

— Да, да... конечно... Мы и не придаемъ значенія полученному сообщенію,—возразилъ Мезенцевъ,—и я

пригласилъ васъ сюда только для того, Маврикій Осиповичъ, чтобы сказать вамъ дружески: „будьте осторожнѣе“... Вы знаете, въ какое мы живемъ время...

— Такъ что же, ваше превосходительство, развѣ вывѣсить мнѣ плакатъ въ магазинѣ: „просятъ не разговаривать“?.. Но вѣдь въ числѣ посѣтителей моего магазина бываютъ даже министры, великіе князья, и они же сами часто принимаютъ участіе въ разговорахъ...Приказать имъ молчать неудобно...

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего подобнаго... „Осторожно“ относится только къ вашему писательскому клубу,—сказалъ Мезенцевъ.

Изъ дальнѣйшаго разговора Вольфъ убѣдился, что „дѣло“ возникло по доносу лица, очевидно, какъ-нибудь случайно попавшаго въ завѣтный кабинетъ, и что „третье отдѣленіе“ вызвало его, Вольфа, только послѣ того, когда собрало справки о мнимыхъ „политическихъ собраніяхъ“ и убѣдилось, что ничего опаснаго они не представляютъ. О такомъ взглядѣ „третьяго отдѣленія“ свидѣтельствовало то обстоятельство, что Мезенцевъ не только не требовалъ закрытія и прекращенія писательскихъ собраній, но, напротивъ, подчеркнулъ, что вызовъ Вольфа отнюдь не долженъ быть понятъ, какъ желаніе „стѣснить“ или наложить veto на невинные разговоры. „Третье отдѣленіе“ заботилось о своей репутаціи учрежденія, которое преслѣдуетъ только крамольниковъ, или, какъ тогда принято было выражаться, „нигилистовъ“, но благосклонно относится ко всѣмъ „мирнымъ гражданамъ“...

* * *

Кто только изъ литераторовъ и публицистовъ восьмидесятыхъ годовъ ни перебывалъ въ литературномъ „почти-клубѣ“! Убѣленные сѣдинами корифеи русскаго печатнаго слова и маленькія звѣздочки литературнаго міра, старые опытные писатели и начинающіе авторы,—словомъ, за

немногими исключеніями, вся литературная братія. Но не всѣ на одинаковыхъ условіяхъ: были въ „почти-клубѣ“ и постоянные посѣтители, такъ сказать, дѣйствительные члены, были и случайные, лишь гости.

Число бывавшихъ у Вольфа писателей было такъ велико, что къ нему вполнѣ были примѣнимы слова, сказанныя за много лѣтъ до него Измайловымъ книгопродавцу Смирдину:

Когда къ вамъ ни придешь,
То литераторовъ всегда у васъ найдешь,
И въ умной дружеской бесѣдѣ
Забудешь иногда, ей-ей, и объ обѣдѣ!

„Почти-клубъ“ не имѣлъ никакого устава; вступленіе въ него новыхъ членовъ не было обставлено никакими формальностями; баллотировокъ не требовалось. Но, тѣмъ не менѣе, чувствовалась извѣстная сплоченность постоянныхъ посѣтителей. И нежелательнаго гостя, стремившагося попасть въ число „избранныхъ“, встрѣчали такъ холодно и давали ему такъ деликатно, но въ то же время столь ясно понять, что онъ лишній,—что онъ быстро исчезалъ. Въ книжномъ магазинѣ Вольфа могъ бывать, конечно, каждый, но въ завѣтную „каморку“, гдѣ засѣдали писатели, доступъ былъ строго обставленъ двумя цензами: литературности и... порядочности.

Опредѣленной политической программы кружокъ, собиравшійся у Вольфа, подъ наименованіемъ литературнаго „почти-клуба“, не имѣлъ. Въ этомъ кружкѣ бывали люди самыхъ разнообразныхъ политическихъ взглядовъ и воззрѣній, но въ общемъ все же преобладала въ немъ прогрессивная нотка, умѣренно-либеральная среда.

Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ на собраніяхъ у Вольфа особенно частыми посѣтителями бывали: И. А. Гончаровъ, Д. В. Григоровичъ, С. В. Максимовъ, Д. Д. Минаевъ, Н. С. Лѣсковъ, П. И. Вейнбергъ, пе-

реводчикъ „Фауста“ Струговщиковъ, секретарь „Голоса“ и бывшій редакторъ „Иллюстраціи“ В. Р. Зотовъ, Майковъ, Модестовъ, Полонскій, Плещеевъ, Данилевскій. Нерѣдко заглядывали туда же Салтыковъ, Модестовъ, Карновичъ, Крестовскій. Въ каждое свое пребываніе въ Петербургѣ непремѣнно заходили: Писемскій, Островскій, Мельниковъ-Печерскій, знатокъ искусства и авторъ цыганскихъ пѣсенъ А. Н. Андреевъ и др.

Позднѣе къ этимъ своего рода завсегдатаямъ „почти-клуба“ присоединились Терпигоревъ-Атава, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Каразинъ, П. Н. Полевой, П. И. Вейнбергъ и др. Нерѣдко появлялись и менѣе извѣстные писатели-публицисты, въ ихъ числѣ пресловутый король репортеровъ Шрейеръ, политикъ и переводчикъ Вильде, иностранный обозрѣватель „Голоса“ Загуляевъ, редакторъ „Сѣверной Пчелы“ П. С. Усовъ, Шелгуновъ, многіе профессора и пр., и пр. Изрѣдка заходилъ несравненный разсказчикъ И. Ѳ. Горбуновъ и многіе другіе. Бесѣды въ кругу такихъ людей представляли, конечно, громадный интересъ.

Душою литературнаго „почти-клуба“ былъ Владиміръ Зотовъ, поэтъ, романистъ, драматургъ, критикъ, историкъ, литераторъ, публицистъ, редакторъ по очереди цѣлаго ряда газетъ и журналовъ, сотрудникъ энциклопедическихъ словарей Толля и Березина, служившій въ то время у Краевскаго въ „Голосѣ“, въ качествѣ редактора хроники газеты. Всесторонне образованный, обладавшій энциклопедическими познаніями, изучившій въ совершенствѣ классическіе и новѣйшіе языки, тщательно слѣдившій за иностранными литературами,—Зотовъ охотно дѣлился своими огромными познаніями со всѣми посѣтителями „почти-клуба“, обращалъ ихъ вниманіе на выдающіяся литературныя новинки и т. д. Въ душѣ это былъ истинный поэтъ и добрѣйшаго сердца человѣкъ, литературная карьера ко-

тораго, начавшись съ блестящихъ надеждъ и ожиданій (Зотовъ учился въ лицеѣ, гдѣ его считали преемникомъ Пушкина), закончилась амплуа скромнаго газетнаго работника... Но онъ никогда не жаловался на судьбу и въ стихотворномъ экспромтѣ такъ самъ себя опредѣлилъ:

Вотъ и онъ—Владиміръ Зотовъ,
Чуждъ житейскихъ всѣхъ расчетовъ,
Жаромъ юности согрѣтъ,
До сѣдыхъ волосъ дожившій,
Ничего не прикопившій
Про запасъ для дряхлыхъ лѣтъ,—
Развѣ это не поэтъ!

Современникъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго, свидѣтель литературныхъ дебютовъ Гончарова, Тургенева, Достоевскаго, Льва Толстого, Писемскаго, Майкова, Полонскаго и др., Зотовъ нерѣдко бралъ изъ запаса своей обширной памяти цѣнныя и интересныя воспоминанія и сообщалъ ихъ своимъ собесѣдникамъ. Съ Маврикіемъ Вольфомъ онъ былъ очень друженъ, всегда тепло относился къ его издательскимъ трудамъ и отмѣчалъ ихъ въ редактировавшихся имъ изданіяхъ сочувственными отзывами. Въ „почти-клубѣ“ онъ считался вице-предсѣдателемъ, хотя никакихъ выборовъ тамъ и не было.

* * *

Наиболѣе многочисленными бывали собранія въ „почти-клубѣ“ въ пріѣзды въ Петербургъ Островскаго. „Только здѣсь и видишь братьевъ-писателей“,—говорилъ знаменитый драматургъ, жалуясь, что, пріѣзжая въ Петербургъ, не встрѣчаетъ нигдѣ своихъ сотоварищей по перу.—„У насъ въ Москвѣ знаешь, по крайней мѣрѣ, навѣрняка, въ какомъ трактирѣ бываетъ тотъ или другой изъ нашихъ, а у васъ въ Петербургѣ и того нѣтъ: разбрелись вы всѣ

по разнымъ „палестинамъ“: кто у Палкина засиживается, кто въ Маломъ Ярославцѣ проводитъ время, кто въ „Капернаумѣ“ пробавляется... Изволь-ка всюду искать!..“

Во время одного изъ пріѣздовъ Островскаго, по его иниціативѣ, заговорили о созданіи настоящаго литературнаго клуба. Противъ этого проекта возсталъ Салтыковъ. „Разъ клубъ будетъ имѣть связь съ литературою,—говорилъ Салтыковъ,—намъ его не разрѣшатъ иначе, какъ „подъ цензурою“, а какой же это клубъ, гдѣ того и гляди... ротъ тебѣ замажутъ красными цензорскими чернилами!?“ Лѣсковъ въ свою очередь усомнился, возможно ли будетъ соединить различныя летературныя партіи въ одномъ и томъ же клубѣ. Зотовъ, напротивъ, горячо отстаивалъ мысль о клубѣ, но предлагалъ не называть клуба „литературнымъ“, такъ какъ слово „литература“ само по себѣ представляетъ-де нѣчто опасное въ глазахъ того „начальства“, къ которому придется обратиться за разрѣшеніемъ устава, а потому онъ предлагалъ придумать другое, болѣе невинное названіе.

Подъ вліяніемъ этихъ разговоровъ, зародилась мысль объ учрежденіи клуба художниковъ, который явился бы сборнымъ пунктомъ для литераторовъ, художниковъ и актеровъ. Клубъ этотъ, открывшій затѣмъ свои дѣйствія въ роскошномъ помѣщеніи на Гагаринской набережной, возникъ такимъ образомъ въ нѣдрахъ „почти-клуба“. Но ожиданія, что онъ сдѣлается центромъ литературы и искусства, мѣстомъ взаимнаго обмѣна мыслями между лицами, такъ или иначе причастными къ искусству, не оправдались: клубъ художниковъ превратился въ шаблонный петербургскій клубъ, въ которомъ главную роль играли буфетъ, танцы, карточная игра да спектакли. Изъ „свѣтилъ“ литературы бывали здѣсь немногіе, но зато новоучрежденный клубъ усердно посѣщался молодыми тогда писателями,

съ Каразинымъ, Немировичемъ-Данченко, Майновымъ и другими во главѣ.

* * *

Въ самомъ „почти-клубѣ“ составъ посѣтителей постоянно обновлялся новыми лицами. Въ немъ стали появляться Клюшниковъ, Бол. Маркевичъ, Краевскій, Бильбасовъ, Случевскій и мн. друг. Не измѣняли ему Гончаровъ и Лѣсковъ. Послѣдній сталъ при этомъ все чаще „демонстрировать“ (какъ онъ выражался) въ „почти-клубѣ“ разныхъ, какъ говорилъ Атава, „уродовъ“: пріѣдетъ изъ провинціи какой-нибудь самородокъ-поэтъ—Лѣсковъ непремѣнно привозилъ его въ „почти-клубъ“ на показъ; появится въ литературѣ какой-нибудь новый талантъ—Лѣсковъ, познакомившись, ведетъ молодого товарища на вечернее собраніе у Маврикія Осиповича и тутъ знакомитъ съ другими писателями. Особенно, однако, любилъ Лѣсковъ приводить въ „почти-клубъ“ навѣщавшихъ его, пріѣзжавшихъ изъ провинціи, „батюшекъ“, среди которыхъ авторъ „Архіерейскихъ мелочей“ пользовался въ то время огромною популярностью.

Въ числѣ посѣтителей „почти-клуба“ довольно рѣзко выдѣлялся и своею внѣшностью, и своею манерою говорить фельетонистъ и передовикъ „Голоса“ по иностранной политикѣ М. А. Загуляевъ, фельетоны котораго объ иностранной жизни и литературѣ читались очень бойко и ожидались читателями „Голоса“ съ нетерпѣніемъ. Одѣтый всегда съ иголочки, вытянутый въ струнку, въ высшей степени корректный въ обращеніи и въ выраженіяхъ, Загуляевъ скорѣе походилъ на дипломата, нежели на публициста и фельетониста. Его называли не иначе, какъ „русскій французъ“ или „французъ изъ Голоса“. Рьяный почитатель Франціи и французовъ, онъ любилъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, ссылаться на примѣръ Франціи,

что со стороны С. В. Максимова вызывало стереотипно повторявшуюся фразу:

— Что очень хорошо по-французски, то выходитъ очень скверно по-русски.

Сравнительно рѣдко заходилъ въ „почти-клубъ“ Г. К. Градовскій, фельетоны котораго въ „Голосѣ“, подъ псевдонимомъ „Гамма“, производили тогда сенсацію. Случалось, что публика, находившаяся въ магазинѣ Вольфа, узнавъ, что тамъ, въ числѣ собравшихся литераторовъ, находится Гамма-Градовскій, нарочно ожидала, когда окончится собраніе „почти-клуба“, чтобы посмотрѣть моднаго, бойкаго фельетониста, и интересовалась подчасъ Гаммою-Градовскимъ больше, нежели Гончаровымъ и всѣми остальными писателями...

Наѣздами въ Петербургъ бывалъ на собраніяхъ „почти-клуба“ Евгеній Марковъ, котораго направленіе министерства гр. Д. Толстого заставило оставить педагогическую службу и поселиться въ глуши, въ Щиграхъ, Курской губ., гдѣ онъ сталъ виднымъ земскимъ дѣятелемъ. Въ этой глуши Марковъ внимательно слѣдилъ за всѣми проявленіями жизни, за всѣми литературными событіями и тщательно отмѣчалъ все болѣе важное въ своихъ фельетонахъ въ „Голосѣ“, освѣщая каждое событіе, каждое явленіе съ критической точки зрѣнія. Фельетоны Маркова, печатавшіеся въ эпоху наибольшаго развитія и значенія газеты Краевскаго, обратили на себя общее вниманіе и читались на расхватъ, дѣлая имя Маркова популярнымъ въ самыхъ широкихъ сферахъ.

Пріѣзжая отъ времени до времени въ Петербургъ изъ своей глуши, Марковъ каждый разъ заходилъ въ „почти-клубъ“. Появленіе его придавало всегда особый, серьезный оттѣнокъ бесѣдамъ. Марковъ держался довольно гордо, ненавидѣлъ „шутовство“ Минаева и старался давать разговорамъ характеръ политической полемики по волновав-

шимъ тогда общество вопросамъ. Особенно ярко это проявилось въ 1881 году, когда гр. Игнатьевъ вызвалъ Маркова въ Петербургъ для выработки проектовъ по питейному и переселенческому вопросамъ, и авторъ „Черноземныхъ полей“ былъ однимъ изъ 6 лицъ, избранныхъ для защиты въ засѣданіи государственнаго совѣта выработанныхъ „свѣдущими людьми“ проектовъ.

Читалъ Марковъ очень много, и цѣлыми тюками ему высылались книги сначала въ Щигры, затѣмъ въ Воронежъ (гдѣ онъ занялъ должность управляющаго отдѣленіемъ дворянскаго и крестьянскаго земельныхъ банковъ).

Бесѣды „почти-клуба“ принимали очень оживленный характеръ, когда являлись Стахѣевъ и Аверкіевъ.

Стахѣевъ—тогда редакторъ „Нивы“—всегда веселый, довольный, жизнерадостный, умѣлъ давать бесѣдамъ такое направленіе, что онѣ принимали видъ настоящихъ литературныхъ дебатовъ, часто затрагивавшихъ предметы вѣры. Сильно и искренно вѣрующій, Стахѣевъ любилъ говорить о религіи, религіозныхъ вѣрованіяхъ и охотно возвращался къ этой темѣ.

Аверкіевъ держалъ себя сравнительно гордо, стараясь, какъ будто, придавать вѣсъ каждому своему слову.

Изрѣдка появлялся среди посѣтителей „почти-клуба“ и Достоевскій, — но сидѣлъ недолго и говорилъ мало. Полемическій задоръ обычныхъ бесѣдъ, очевидно, не нравился Достоевскому, и онъ точно старался всегда подчеркнуть свое изолированное положеніе среди другихъ гостей Вольфа.

* * *

Особенное оживленіе въ жизнь кружка, собиравшагося въ крошечной „маврикіевой каморкѣ“, вносили пріѣзды Писемскаго, который отъ времени до времени посѣщалъ Петербургъ, преимущественно по издательскимъ своимъ дѣламъ. Превосходный чтецъ, любившій щегольнуть

умѣньемъ художественно читать, Писемскій превращалъ вечера почти-клуба“ въ настоящія литературныя собранія, на которыхъ авторомъ „Взбаломученнаго моря“ читались отрывки изъ его собственныхъ произведеній и изъ произведеній другихъ писателей, стихотворенія и пр. Умѣло, выразительно и глядя поочередно въ глаза своимъ слушателямъ, точно желая убѣдиться, внимательно ли они слушаютъ, Писемскій читалъ иногда цѣлый часъ, почти до утомленія.

Въ то время какъ-разъ печатался въ „Пчелѣ“ романъ Писемскаго „Мѣщане“, и Писемскій съ особеннымъ наслажденіемъ знакомилъ своихъ слушателей съ новыми главами романа. Между 1877-1878.

Слава Писемскаго, какъ первокласснаго писателя, къ этому времени уже начинала-было меркнуть: появились новыя птицы, новыя пѣсни. Но въ кругу посѣтителей „почти-клуба“ Писемскаго продолжали считать звѣздою первой величины. Это чувствовалось и въ отношеніяхъ къ нему, и въ разговорѣ. Въ особенности Лѣсковъ старался всѣми силами показать Писемскому, что онъ считаетъ его крупнымъ, великимъ писателемъ. Онъ не находилъ словъ, чтобы достаточно выразить свое преклоненіе передъ Писемскимъ и подчеркнуть, что талантъ автора „Тысячи душъ“ не только не идетъ на убыль, но, напротивъ, крѣпнетъ. Но и Гончаровъ, Григоровичъ, Майковъ, Зотовъ, Данилевскій, спеціально приходившіе въ „почти-клубъ“ „послушать“ Писемскаго, и др. громко выражали свой восторгъ Писемскому.

Писемскій принималъ всѣ расточавшіяся похвалы съ притворнымъ равнодушіемъ, какъ должную дань своему таланту, но въ то же время съ горькою ироніею замѣчалъ, что у него появились въ литературѣ лютые враги, которые, завидуя его успѣху, желали бы какъ-нибудь возстановить противъ него читателей, въ особенности молодежь.

Молчаливый обыкновенно Гончаровъ рѣдко пускался въ сужденія, но разъ его удавалось „раскачать“, какъ выражался Минаевъ, онъ выказывалъ себя такимъ тонкимъ художественнымъ критикомъ, такимъ глубокимъ знатокомъ, какіе встрѣчаются рѣдко. Тутъ ужъ Гончаровъ, не стѣсняясь, заявлялъ, что лучшія времена творчества Писемскаго онъ относитъ къ тому періоду, когда авторъ „Тюфяка“ оставался чистымъ художникомъ и не занимался обличеніями.

— Право, по-моему, не дѣло художника пускаться въ изображенія разныхъ мелкихъ негодяевъ, вовсе не составляющихъ типовъ, какъ не дѣло изъ грязныхъ случайныхъ анекдотовъ создавать картину жизни. Вамъ, Алексѣй Ѳеофилактовичъ, какъ большому кораблю—не мѣсто плавать въ маленькой лужѣ: вы созданы для крупнаго моря.

Въ особенности рѣзко отзывался Гончаровъ о драматическихъ произведеніяхъ Писемскаго. Несмотря на успѣхъ, которымъ пользовались пьесы Писемскаго „Подкопы“, „Финансовый геній“ и др., Гончаровъ находилъ, что все это—памфлеты, которые Писемскій долженъ бы вычеркнуть изъ своего литературнаго формуляра, и выражалъ опасеніе, что, увлекшись мишурнымъ сценическимъ успѣхомъ, Писемскій превратится въ мелкаго русскаго Скриба—драматическаго ремесленника, котораго быстро позабудутъ.

Писемскій горячо отстаивалъ достоинства своихъ пьесъ. Мало того: онъ находилъ, что его пьесы до нѣкоторой степени гражданскій подвигъ, ибо-де обязанность писателя изобличать всѣхъ эксплуататоровъ, концессіонеровъ, биржевиковъ и пр., и если бы его, Писемскаго, спросили, какое изъ своихъ произведеній онъ ставитъ выше всѣхъ, то онъ назвалъ бы „Финансоваго генія“, т.-е. то самое произведеніе, которое близорукая редакція „Рус-

скаго Вѣстника“ не захотѣла помѣстить на своихъ страницахъ.

Такого рода литературные споры возгорались при каждомъ почти посѣщеніи Писемскаго. Виноватъ былъ частью самъ Писемскій, который какъ-будто вызывалъ присутствовавшихъ на то, чтобы они говорили о немъ, о его произведеніяхъ. Въ этомъ отношеніи онъ являлся прямою противоположностью Гончарову, который терпѣть не могъ, когда кто-либо касался въ разговорѣ его произведеній.

Во время споровъ и разговоровъ, всѣ часто обращались къ Маврикію Осиповичу Вольфу съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе, —мнѣніе, такъ-сказать, посторонняго, безпристрастнаго лица.

— Мы, —острилъ Минаевъ, —актеры, нашъ же Маврикій—публика: вотъ послушаемъ, что она скажетъ.

Маврикій Осиповичъ, высказывая какое-нибудь мнѣніе, обыкновенно подчеркивалъ, что у него на литературу и на литературныя произведенія два взгляда, двѣ точки зрѣнія: точка зрѣнія книгопродавца и точка зрѣнія человѣка, любящаго литературу, безпристрастнаго, въ своемъ родѣ, библіофила въ широкомъ смыслѣ слова. Такъ, напр., Вольфъ указывалъ, что извѣстный романъ Крестовскаго „Петербургскія трущобы“, на который въ то время былъ особенно усиленный спросъ, является съ точки зрѣнія книгопродавца и большой публики выдающимся произведеніемъ, но съ точки зрѣнія просвѣщеннаго читателя, съ хорошимъ литературнымъ вкусомъ, произведеніе это не болѣе, какъ сенсаціонный романъ, въ родѣ „Парижскихъ тайнъ“, „Тайнъ Мадрида“ и т. п. Какъ книгопродавецъ и издатель, онъ, Вольфъ, большой почитатель Крестовскаго, но какъ человѣкъ и любитель литературы—онъ ставитъ его невысоко.

„Двойная“ точка зрѣнія дала поводъ Минаеву сочинить цѣлый рядъ экспромтовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала

горячій споръ, въ которомъ, между прочимъ, принялъ участіе рѣдкій гость „почти-клуба“, тогда еще сравнительно мало извѣстный Владимиръ Соловьевъ. Немного мистикъ, Соловьевъ выступилъ рьянымъ защитникомъ того взгляда, что о каждомъ художественномъ произведеніи можно имѣть, помимо личной воли и желанія, два почти противоположныхъ мнѣнія. Напротивъ, Гончаровъ доказывалъ, что это невозможно. Любопытно, однако, что самъ же онъ на слѣдующій день прислалъ Вольфу довольно длинное письмо, въ которомъ заявлялъ, что споръ о „двойной точкѣ зрѣнія“ не далъ ему покоя всю ночь и что онъ пришелъ къ заключенію, что Соловьевъ—правъ, и что онъ, Гончаровъ, поразмыславъ, вполнѣ признаетъ право за „двойственнымъ взглядомъ“ и радъ, что книгопродавческій взглядъ не заглушилъ въ Вольфѣ чувства и взгляда читателя.

Споръ о „двойственномъ взглядѣ“ быстро распространился среди тогдашнихъ петербургскихъ литераторовъ и публицистовъ. Объ этомъ можно было судить по неожиданнымъ посѣщеніямъ въ теченіе слѣдующихъ дней „почти-клуба“ такими писателями, которые обыкновенно тамъ не бывали и которые приходили для того только, чтобъ высказать свое мнѣніе о данномъ вопросѣ. Въ числѣ послѣднихъ были Бильбасовъ, Михайловскій и др.

Но разговоры и споры въ „почти-клубѣ“ далеко не ограничивались только литературными вопросами и переходили очень часто въ область политики и внутренней жизни Россіи.

— Хорошо, что эти стѣны не имѣютъ ушей,—замѣтилъ какъ-то разъ Зотовъ,—а то насъ всѣхъ, какъ злѣйшихъ нигилистовъ, упекли бы туда, откуда нѣтъ возврата...

* * *

Мечты о представительномъ строѣ правленія, о конституціи, занимавшія петербургское интеллигентное обще-

ство конца семидесятыхъ годовъ, отразились и на скромныхъ бесѣдахъ Вольфовскаго „почти-клуба“. Выписывавшіяся тогда изъ-за границы для разныхъ высокопоставленныхъ лицъ немногія, имѣвшіяся въ продажѣ, иностранныя сочиненія о государственномъ строѣ, слухи, носившіеся по городу, сплетни, которыя разносили нѣкоторыя лица, бывавшія въ высшихъ сферахъ,—все это давало богатую пищу и для разговоровъ.

Послѣ русско-турецкой войны всѣмъ казалось, что конституція—дѣло уже въ принципѣ рѣшенное, и что недостаетъ только подписи подъ соотвѣтственнымъ государственнымъ актомъ. Разсказывали даже, что уже рѣшено для будущей „палаты народныхъ представителей“ пріобрѣсти дворецъ великой княгини Екатерины Михайловны, что на Михайловской площади, и что художнику Микѣшину поручено составить проектъ памятника конституціи, который долженъ быть сооруженъ на площади передъ зданіемъ палаты... Слухи, одинъ чудовищнѣе другого, передавались какъ несомнѣнные факты. Газетамъ было строго предписано ничего не писать о предполагаемой конституціи, а цензура не пропускала ни одной книги, въ которой были хотя бы отдаленные намеки на конституцію,—это еще больше усиливало убѣжденіе, что Россія наканунѣ большого государственнаго переворота. Тайкомъ читали Чернышевскаго, Добролюбова, Герцена, иногда между строкъ вычитывая указанія относительно предполагаемой конституціи. И хотя многіе считали, что въ Россіи конституція немыслима до тѣхъ поръ, пока не будетъ „третьяго сословія“,—вѣра въ конституцію охватывала всѣхъ все больше и больше. И все чаще и чаще въ скромной Вольфовской „каморкѣ“ передавались слухи о разныхъ безчинствахъ въ провинціи, волненіяхъ, о которыхъ запрещено печатать и конецъ которымъ можетъ-де положить только конституція...

* * *

Когда заходилъ разговоръ о печальныхъ событіяхъ современной русской дѣйствительности, о притѣсненіяхъ, которыя переживали и печать и общество, Гончаровъ всегда вмѣшивался въ разговоръ и старался доказать, что жизнь вовсе не такъ плоха, какъ ее стараются изобразить, и что, во всякомъ случаѣ, не сегодня-завтра все будетъ лучше. Въ его рѣчахъ ясно сказывался гончаровскій герой Райскій, который „все чего-то ждалъ впереди—не зналъ чего, но вздрагивалъ страстно, какъ будто предчувствуя какія-то исполинскія, роскошныя наслажденія, видя картины, гдѣ плещетъ, играетъ, бьется другая, заманчивая жизнь, а не та, которая окружаетъ его". Въ этомъ отношеніи мнѣнія и взгляды Гончарова рѣзко расходились съ мнѣніями Лѣскова и другихъ, которые все видѣли въ мрачныхъ краскахъ и которымъ даже будущая Россія представлялась сплошнымъ, безпросвѣтнымъ, мрачнымъ туманомъ...

Въ личныхъ своихъ разговорахъ съ Вольфомъ, съ глазу на глазъ, Гончаровъ очень часто, высказывая какую-нибудь мысль, какой-нибудь взглядъ, мнѣніе, тутъ же вынималъ изъ кармана записную книжку или клочокъ бумаги и быстро-быстро заносилъ туда нѣсколько строкъ. Въ особенности онъ дѣлалъ это тогда, когда по поводу того или другого факта, той или другой встрѣчи вспоминалъ давно прошедшее минувшее, точно желая отмѣтить что-то имъ забытое и сохранить его въ своей памяти.

— Это ужъ у меня такая привычка съ самыхъ раннихъ лѣтъ моей жизни,—объяснялъ онъ.

Что сталось съ этою записною книжкою, съ тѣми клочками бумаги „для памяти", къ сожалѣнію, мнѣ не извѣстно.

* * *

Неизмѣннымъ посѣтителемъ собраній у Вольфа былъ, теперь забытый, но въ свое время очень типичный, мелкій

писатель-компиляторъ,—первенецъ русской литературной богемы, Владиміръ Петровичъ Бурнашевъ. Агрономъ-дилетантъ, составитель перваго русскаго словаря сельскаго хозяйства, авторъ безчисленныхъ популярныхъ брошюръ по сельскому и домашнему хозяйству (частью выпущенныхъ подъ псевдонимомъ В. Поповъ), въ сороковыхъ годахъ м. с. дѣятельный сотрудникъ „Сѣверной Пчелы“ и „Отечественныхъ Записокъ“,—въ то время, т.-е. въ семидесятыхъ годахъ, уже литературный инвалидъ, которому буквально изъ милости давали въ разныхъ редакціяхъ мелкую работу, Бурнашевъ былъ усерднѣйшимъ разсказчикомъ анекдотовъ изъ жизни писателей, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Въ его анекдотахъ, хотя и не всегда вполнѣ достовѣрныхъ и полныхъ сплетенъ, было однако много интересныхъ черточекъ для характеристики разныхъ лицъ. Съ гордостью разсказывалъ Бурнашевъ, что когда-то онъ былъ знакомъ даже съ министрами и сенаторами, что его принимали всюду, какъ желаннаго гостя, съ почетомъ,—а „вотъ теперь,—прибавлялъ онъ, грустно вздыхая,—и на порогъ не пускаютъ... Перестали цѣнить литераторовъ“.

Добрѣйшій, но недалекій и очень наивный, онъ игралъ въ собраніяхъ писателей незавидную роль шута, котораго терпѣли, надъ остротами и анекдотами котораго смѣялись, но котораго въ то же время и остерегались, зная, что Бурнашевъ, уходя изъ собранія, тотчасъ же записывалъ каждое слово, иногда немилосердно перевирая сказанное и приписывая тому или другому писателю такое мнѣніе или сужденіе, какого онъ никогда и не высказывалъ.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ Бурнашевъ, семидесятилѣтній старикъ, пришелъ однажды въ вольфовскій кружокъ очень озабоченный и, на разспросы присутствовавшихъ о причинѣ озабоченности, чистосердечно сознался, что

онъ уже второй годъ собираетъ деньги, чтобы купить клавесинъ и начать учиться на этомъ инструментѣ (на семидесятомъ-то году жизни!), и вотъ онъ узналъ, что владѣлецъ намѣченнаго имъ клавесина отказывается ждать и рѣшилъ продать инструментъ другому. „Семнадцать рублей собралъ,—разсказывалъ Бурнашевъ,—часто изъ-за этого безъ обѣда оставался, чернымъ хлѣбомъ кормился—и все же приходится разстаться съ мечтою...“ Клавесинъ стоилъ сорокъ три рубля. По предложенію Лѣскова тотчасъ же была открыта подписка на поднесеніе этого клавесина въ видѣ подарка бѣдному литературному инвалиду. Бурнашевъ былъ въ восторгѣ и на самомъ дѣлѣ началъ учиться на клавесинѣ, забросивъ изъ-за этого и тѣ немногія работы, которыя онъ имѣлъ тогда. Умеръ этотъ послѣдній могиканъ старой литературы, знавшій лично Пушкина, въ нищетѣ, въ 1888 году, оставивъ цѣлыя корзины ненапечатанныхъ рукописей. За десять лѣтъ до смерти Бурнашева, Минаевъ на собраніи у Вольфа написалъ ему такой экспромтъ:

Придетъ пора, и ты, какъ всѣ умрешь,
Но смерть твоя не дастъ газетамъ пищи,
И гроба твоего на городскомъ кладбищѣ
Не окружитъ печально молодежь.
Случевскій не почтитъ тебя своимъ куплетомъ,
Какъ гробовщикъ-поэтъ,—вотъ жребій твой каковъ!.
И вмѣсто всѣхъ торжественныхъ вѣнковъ
Два-три пріятеля лишь явятся съ *„букетомъ“*...

* * *

Однажды, совершенно неожиданно, въ „почти-клубъ“ явился пріѣхавшій изъ Москвы Катковъ. Какъ-разъ въ это время носились слухи, что Катковъ получаетъ какое-то высшее государственное назначеніе. Литературный кружокъ „почти-клуба“ отнесся къ Каткову съ сдержаннымъ почтеніемъ. Когда же Катковъ ушелъ, и вслѣдъ затѣмъ

начались разговоры о его предполагаемомъ назначеніи, Минаевъ тутъ же набросалъ экспромтъ подъ заглавіемъ „Подозрительный слухъ“:

Слухъ носится, что очень шибко
Впередъ подвинется Катковъ,
Но это явная ошибка:
Онъ, какъ извѣстно, не таковъ;
Онъ пятится назадъ полвѣка,
Настойчиво, изъ-года въ-годъ,
Такъ отъ такого-ль человѣка
Намъ ждать движенія впередъ.

Вообще изъ тѣхъ сотенъ эпиграммъ, которыя выходили изъ-подъ пера Минаева, очень многія сочинялись имъ, такъ-сказать, „налету“ во время засѣданій въ „почти-клубѣ“. Минаевъ писалъ обыкновенно свои эпиграммы карандашомъ, то на клочкѣ бумажки, поднятомъ съ пола, то на обрывкѣ газеты, то на обложкѣ какой-нибудь книги и затѣмъ переписывалъ ихъ, передавая оригиналъ для „коллекціи“ либо Зотову, либо Вольфу.

Какъ-то разъ—это было уже въ 1881 году—въ „почти-клубъ“ зашелъ князь Вяземскій, своего рода меценатъ литературы, основатель общества древней письменности, предсѣдатель комитета цензуры иностранной, назначенный въ то время начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. При немъ зашла рѣчь о современной печати. Вяземскій довольно рѣзко осуждалъ тогдашнихъ петербургскихъ журналистовъ за ихъ „непристойную“ полемику. „Вотъ гдѣ богатый матеріалъ для эпиграммъ. Вамъ бы надо охарактеризовать современную печать въ мѣткой эпиграммѣ“—обратился къ Минаеву Вяземскій, вообще дружившій съ литераторами или, по крайней мѣрѣ, очень желавшій пріобрѣсти популярность въ литературной средѣ. „Радъ стараться“,—отвѣтилъ по-военному Минаевъ и тутъ же набросалъ эпиграмму п. з. „Современная печать“:

Вой озлобленныхъ фискаловъ,
На которыхъ нѣтъ узды,

Травля бѣдныхъ либераловъ,
Клевета на всѣ лады;
Безпаспортные писаки,
Нововременскій содомъ,
Порнографіи клоаки—
Сущій Вяземскаго домъ.

Вяземскій, конечно, понялъ злую насмѣшку, (домъ Вяземскаго, какъ извѣстно, служилъ пристанищемъ всякихъ бродягъ и отбросовъ общества), но, какъ благовоспитанный человѣкъ, сдѣлалъ видъ, что не чувствуетъ себя задѣтымъ эпиграммою, и, согласно желанія Минаева, сдѣлалъ даже на рукописи помѣтку: „противъ напечатанія—ничего не имѣю“.

Эпиграмма появилась въ газетѣ Полетики, но Вяземскій долго послѣ этого въ „почти-клубъ“ не являлся.

* * *

Когда Щедринъ-Салтыковъ выпускалъ какую-нибудь новую свою книгу, онъ обыкновенно приносилъ въ магазинъ Вольфа нѣсколько ея экземпляровъ для раздачи приказчикамъ и снабжалъ эти экземпляры своей соотвѣтственною подписью, твердо вѣря, что этимъ онъ заставитъ приказчиковъ способствовать большему распространенію его книгъ среди публики.

Вообще же Щедринъ очень жаловался, что книги его (онъ ихъ самъ издавалъ), за исключеніемъ „Губернскихъ очерковъ“, въ то время распроданныхъ, не расходятся такъ, какъ онъ этого бы желалъ. „Поставьте ихъ хоть въ витринѣ, на виду, чтобы глаза мозолили публикѣ, а то совсѣмъ ихъ забудутъ“,—просилъ Щедринъ.

Нерѣдко Щедринъ высказывалъ горькіе упреки по адресу книгопродавцевъ и книжныхъ приказчиковъ въ томъ, что они „замалчиваютъ“ его книги, недостаточно заботятся объ ихъ сбытѣ. На одномъ особенно людномъ

вечернемъ собраніи въ „почти-клубѣ“ Щедринъ развивалъ громко мысль, что надо бы принять какія-нибудь мѣры для того, чтобы увеличить сбытъ русскихъ книгъ. Онъ предлагалъ учрежденіе особаго института интеллигентныхъ офеней, которые разъѣзжали бы по всей Россіи съ тюками книгъ и предлагали бы ихъ всѣмъ грамотнымъ. Минаевъ, слушавшій внимательно Щедрина, вдругъ всталъ и предложилъ въ стихотворномъ экспромтѣ сборъ пожертвованій на Діогеновъ фонарь для будущаго интеллигентнаго офени.

— Къ чему фонарь?—въ одинъ голосъ спросили всѣ присутствующіе.

— Чтобы разыскать грамотныхъ на Руси,—отвѣтилъ Минаевъ, — ихъ такъ мало, что безъ фонаря и не сыщешь.

Замѣчаніе Минаева вызвало горячій споръ. Одни доказывали, что въ Россіи достаточное число „читателей“, которые лишь по скупости не покупаютъ книгъ, другіе утверждали, что тормозомъ распространенія книгъ является незначительное, сравнительно, число образованныхъ людей въ Россіи; третьи сваливали вину малаго распространенія книгъ на книгопродавцевъ.

Защитникомъ послѣднихъ являлся всегда Лѣсковъ.

* * *

Случалось иногда, что во время самыхъ ожесточенныхъ споровъ или интереснѣйшихъ разсказовъ посѣтителей „почти-клуба“ Вольфъ въ маленькое окошко своего кабинета замѣчалъ появленіе въ магазинѣ какого-нибудь „важнаго“ покупателя или недостаточно внимательное отношеніе приказчика къ кліентамъ и моментально, съ свойственною ему живостью, выбѣгалъ въ магазинъ.

Однажды, когда Вольфъ послѣ такой „экскурсіи“

вернулся обратно въ кабинетъ, Владимиръ Головинъ, поэтъ-переводчикъ Тегнера и другихъ шведскихъ и финскихъ поэтовъ, встрѣтилъ его слѣдующимъ экспромптомъ:

Томитъ ли голодъ,
Жара иль холодъ,
Гремитъ ли громъ, царитъ ли тишь, —
Ты на посту своемъ стоишь.

Пусть тутъ и давка
Вокругъ прилавка,
Какъ предъ разводомъ на мосту,—
Ты неизмѣнно на посту.

Цензуры ропотъ,
Народный шопотъ,
Застой въ дѣлахъ,—все ни почемъ,—
Ты тутъ, ты на посту своемъ!

Стоишь спокоенъ,
Какъ вождь и воинъ,
И въ ходъ пускаешь, что ни мигъ,
За горкой горку новыхъ книгъ.

— Стихи посредственны, но мысль хороша,—замѣтилъ присутствовавшій тутъ же Аверкіевъ.

— Нѣтъ, и мысль невѣрна,—возразилъ С. В. Максимовъ:—потому что на посту стоятъ обыкновенно, чтобы охранять что-либо, а Мавpикій Осиповичъ вовсе не охраняетъ книгъ отъ публики: онъ радъ, когда ихъ у него берутъ больше; онъ готовъ всѣ отдать, всѣ продать.

— Ну, одной онъ все-таки не отдастъ, — замѣтилъ Сергѣй Атава.—А именно—своей кассовой книги.

* * *

Въ одинъ изъ вечеровъ, въ мартѣ 1879 года, въ то время, когда въ маленькой „каморкѣ“ Мавpикія Осиповича происходило какъ-разъ очень бурное и оживленное засѣданіе завсегдатаевъ „почти-клуба“, дверь магазина

вдругъ съ громкимъ шумомъ широко распахнулась, и въ ней появился высокій, представительный господинъ съ прекраснымъ, выразительнымъ лицомъ, окаймленнымъ совершенно бѣлою бородою, и съ длинными сѣдыми волосами. Одѣтый изящно, въ коричневаго цвѣта модный костюмъ, онъ быстрою походкою направился къ тому крайнему уголку, гдѣ находилась дверь „почти-клуба“ и откуда ему навстрѣчу вышелъ Маврикій Осиповичъ.

— Тургеневъ! — раздалось среди рьяно дебатировавшихъ въ „каморкѣ“, и сразу всѣ разговоры стихли.

Это былъ дѣйствительно Тургеневъ. Знаменитый писатель только-что пріѣхалъ изъ Парижа на побывку въ Петербургъ и поселился въ меблированныхъ комнатахъ на углу Малой Морской и Невскаго.

Находившійся въ то время въ „почти-клубѣ“ Гончаровъ какъ-то незамѣтно въ общей суматохѣ, вызванной появленіемъ неожиданнаго гостя, вышелъ изъ кабинета и, вопреки своему обыкновенію, быстро и ни съ кѣмъ не прощаясь, направился къ двери магазина.

Гончаровъ въ то время питалъ особенную вражду къ Тургеневу. Начало этой враждѣ, какъ извѣстно, положило убѣжденіе Гончарова, будто Тургеневъ позаимствовалъ у него какой-то сюжетъ. Хотя авторъ „Обломова“ потомъ, подъ давленіемъ друзей Тургенева, и призналъ, что онъ не совсѣмъ правъ и что одинъ и тотъ же сюжетъ, какъ это нерѣдко бываетъ, одновременно возникъ въ умѣ обоихъ писателей,—тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ враждебно относиться къ Тургеневу и не хотѣлъ съ нимъ встрѣчаться.

Появленіе Тургенева произвело въ маленькомъ собраніи сенсацію. Всѣ съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ привстали, кое-кто изъ знавшихъ уже Тургенева поторопился поздороваться съ писателемъ, другіе сами стали ему представляться.

Минуты перваго, невольнаго стѣсненія быстро прошли. Тургеневъ съ привычкою человѣка, вращающагося въ обществѣ, сразу началъ разговоръ, обращаясь то къ одному, то къ другому, называя рядъ именъ и произведеній, доказывавшихъ, что, живя на чужбинѣ, онъ все же внимательно слѣдилъ за русскою литературою.

Поговоривъ о томъ, о семъ, затронувъ попутно вопросъ о враждебномъ къ себѣ отношеніи со стороны части критики по поводу романа „Новь", выразивъ сожалѣніе, что русскіе литераторы не имѣютъ своего собственнаго клуба, напомнивъ, что въ его пріѣздъ, въ 1871 году, было устроено въ гостиницѣ Демутъ, по почину Рубинштейна, совѣщаніе относительно учрежденія чего-то въ родѣ художественнаго клуба для объединенія литераторовъ и художниковъ, — маститый писатель, обращаясь къ Маврикію Осиповичу, перешелъ къ настоящей цѣли своего визита.

— Одна дама прислала мнѣ цѣлую тетрадь дѣтскихъ сказокъ для просмотра,—говорилъ Тургеневъ.—Грѣшный человѣкъ, я долго никакъ не могъ собраться прочесть ихъ. Но, отправляясь въ Петербургъ, вспомнилъ о нихъ, прочелъ и нашелъ положительно прекрасными и достойными изданія. Вы, конечно, упрекнете меня,—прибавилъ Тургеневъ,—что я, по обыкновенію, являюсь въ роли покровителя сомнительныхъ талантовъ. Да, если хотите, это—моя слабость: я не могу отказать никому, кто обращается ко мнѣ съ просьбою за содѣйствіемъ найти литературную работу, пристроить въ какой-нибудь журналъ или къ какому-нибудь издателю произведеніе начинающаго автора. А такими просьбами меня за послѣднее время особенно часто осаждаютъ.

Предложеніе Тургенева дало поводъ къ оживленнымъ дебатамъ о сказкахъ. С. В. Максимовъ своимъ обычнымъ хриплымъ голосомъ пытался доказать, что писать

сказки—напрасный трудъ, такъ какъ такого богатства фантазіи, какое имѣется въ русскихъ народныхъ сказкахъ, никому не достигнуть; поэтому, вмѣсто того, чтобы сочинять новыя сказки,—надо поусерднѣе записывать тѣ изъ нихъ, которыя давно уже созданы народною фантазіею.

— Объ этомъ можно бы еще поспорить,—возразилъ Тургеневъ.—Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что рядомъ съ русскими народными сказками нашей дѣтворѣ не мѣшаетъ давать и иностранныя сказки, въ числѣ которыхъ такая масса чудныхъ, поэтическихъ, развивающихъ фантазію и эстетическій вкусъ. Впрочемъ,—добавилъ онъ,—что касается той тетради сказокъ, которую я принесъ, это не „сочиненныя“ сказки, а народныя же русскія сказки, переложенныя въ стихи.

Начался горячій споръ относительно того — слѣдуетъ или не слѣдуетъ „перекладывать“ народныя сказки въ стихи. Противъ переложенія возставалъ Максимовъ, возставалъ педагогъ Лапинъ, много говорилъ Лѣсковъ, который подчеркивалъ, что только Пушкинымъ разрѣшается подобное „святотатство“ по отношенію къ народному творчеству. Возставали и нѣкоторые другіе. Тургеневъ, напротивъ, утверждалъ, что стихотворная форма ближе придвигаетъ содержаніе сказокъ къ памяти и воспріимчивости читателей, особенно молодыхъ.

Лѣсковъ пробовалъ возражать Тургеневу, утверждая, что въ стихахъ невольно теряется главное достоинство народныхъ сказокъ,—ихъ простой юморъ, ихъ букетъ. Тургеневъ, не отрицая, что это бываетъ при плохомъ переложеніи, настаивалъ на томъ, что авторъ предлагаемыхъ имъ сказокъ исполнилъ свою задачу съ замѣчательнымъ искусствомъ и тактомъ, всюду сохраняя тонъ и колоритъ оригинала.

Послѣ довольно продолжительнаго разговора по этому

поводу, по предложенію М. О. Вольфа, порѣшили, что Лѣсковъ, Максимовъ, Лапинъ и др. прочтутъ столь горячо рекомендованныя Тургеневымъ сказки и выскажутъ о нихъ свое мнѣніе.

Съ тѣмъ Тургеневъ и ушелъ.

Сказки, имъ предложенныя, не встрѣтили сочувствія въ читавшихъ, которые не раздѣлили о нихъ восторженнаго мнѣнія Тургенева, и М. О. Вольфъ, сообщая объ этомъ писателю въ Парижъ, очень извинялся, что принять на себя изданіе не можетъ.

Вышли сказки, предложенныя Тургеневымъ, значительно позже, шесть лѣтъ спустя, съ предисловіемъ, написаннымъ Тургеневымъ. Въ этомъ предисловіи заключалось какъ бы краткое резюме того, что говорилъ Тургеневъ въ литературномъ „почти-клубѣ“. Несмотря на предисловіе, которымъ снабдилъ изданіе Тургеневъ, и сочувственные отзывы критики, сказки не имѣли особеннаго успѣха.

* * *

Изъ лицъ, не принадлежащихъ къ литературному міру, однимъ изъ усерднѣйшихъ посѣтителей „почти-клуба“ былъ Оскаръ Ильичъ Квистъ, извѣстный судебный дѣятель, первый предсѣдатель столичнаго мирового съѣзда, рьяный защитникъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г., принимавшій участіе въ составленіи этихъ уставовъ. Когда онъ являлся, Минаевъ неизмѣнно выкрикивалъ: „Господа, прошу встать, судъ идетъ!“ Квисту нерѣдко приходилось выступать въ „почти-клубѣ“ въ качествѣ если не судьи, то, по крайней мѣрѣ, примирителя, когда какой-нибудь споръ сильно обострялся. Бывали также часто случаи, когда Вольфъ, въ своихъ издательскихъ спорахъ съ тѣмъ или другимъ писателемъ, прибѣгалъ къ посредничеству Квиста, въ качествѣ какъ бы третейскаго судьи. Квистъ рѣшалъ

всѣ такія дѣла всегда съ большимъ тактомъ, къ полному удовольствію обѣихъ сторонъ.

Изрѣдка появлялся въ „почти-клубѣ“ генералъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, въ то время (съ 1873 г.) стоявшій во главѣ газеты „Русскій Міръ“, при чемъ каждый разъ непремѣнно громилъ русскую бюрократію, нѣмцевъ и вообще иноземцевъ, приписывая имъ всѣ невзгоды Россіи. Особенно частымъ посѣтителемъ у Вольфа сталъ Черняевъ въ 1875 году, когда въ Петербургѣ стали появляться отдѣльные представители черногорскаго народа, надѣявшіеся на помощь Россіи противъ притѣсненій со стороны турокъ. Однажды, случайно встрѣтивъ двухъ такихъ черногорцевъ въ магазинѣ, покупавшихъ книги, Черняевъ вмѣстѣ съ ними зашелъ въ кабинетъ Вольфа и тутъ, въ присутствіи нѣсколькихъ писателей, сталъ громко развивать свою мысль о необходимости общественнаго движенія въ защиту турецкихъ христіанъ. Это были тѣ же мысли, которыя развивалъ органъ Черняева „Русскій Міръ“, но только высказанныя болѣе смѣло и откровенно. „Призывъ“ Черняева не имѣлъ особаго успѣха, какъ не имѣли тогда вообще успѣха въ обществѣ славянофильскія идеи. По уходѣ Черняева Минаевъ написалъ набросокъ-экспромтъ:

Всѣхъ панславистовъ маленькій кумиръ
Старается для нихъ онъ непритворно...
Изъ „ничего“ Юпитеръ создалъ міръ,
А онъ въ „ничто“ „Міръ“ обратилъ проворно.

Это былъ намекъ на газету, которая, несмотря на всѣ старанія Черняева, несмотря на крупную матеріальную поддержку кн. Лобанова-Ростовскаго, падала и падала...

* * *

Никогда собранія въ Вольфовскомъ „почти-клубѣ“ не отличались такою многолюдностью и такимъ оживленіемъ, какъ послѣ 28 января 1878 года,—когда Вѣра Засуличъ

выстрѣломъ въ градоначальника Трепова выразила, какъ тогда говорили, „протестъ молодежи противъ истязанія соціалиста Боголюбова и другихъ заключенныхъ. Какъ извѣстно, осужденный въ каторжныя работы, Боголюбовъ, при встрѣчѣ съ Треповымъ, производившимъ инспекторскій осмотръ дома, во время прогулки въ домѣ предварительнаго заключенія не снялъ шапки. Треповъ велѣлъ его за это подвергнуть тѣлесному наказанію—25 ударамъ розги. Это въ свою очередь вызвало бунтъ другихъ заключенныхъ и ихъ тѣлесное наказаніе, а въ дальнѣйшемъ—покушеніе Засуличъ на Трепова. Столкновеніе Боголюбова съ Треповымъ происходило 13 іюля 1877 года, и уже спустя два-три дня о немъ зналъ и говорилъ весь Петербургъ. Заговорили о немъ и въ „каморкѣ“ Вольфа, комментируя на разные лады и предсказывая, что дѣло будетъ чревато послѣдствіями. Никто однако не ожидалъ, что мстительницею явится скромная, слабая дѣвушка, нарочно съ этою цѣлью пріѣхавшая въ Петербургъ. Послѣ того, какъ Вѣра Засуличъ выстрѣлила и ранила Трепова, начались толки и разсужденія, какъ ее будутъ судить, а когда стало извѣстнымъ, что судить „преступницу“ будутъ судомъ присяжныхъ, тогда то-и-дѣло стали гадать, оправдаютъ ее или нѣтъ.—„Полное оправданіе немыслимо“, говорили многіе.—„Нѣтъ, возможно; слишкомъ ужъ все общество настроено противъ крутого, безчеловѣчнаго поступка Трепова“, — возражали другіе. Съ нетерпѣніемъ всѣ ждали, что скажетъ въ пользу подсудимой ея защитникъ, присяжный повѣренный Александровъ. Указывали, какая трудная задача выпала на долю этого защитника, который долженъ былъ свою защитительную рѣчь вести съ особенною осторожностью, такъ какъ ему не дадутъ высказать передъ присяжными всего того, что чувствовало тогда интеллигентное общество, которое въ лицѣ Вѣры Засуличъ видѣло „героиню“.

Въ магазинахъ Вольфа въ то время нерѣдко бывали и А. Ѳ. Кони, который долженъ былъ предсѣдательствовать на судѣ по дѣлу Засуличъ, и прис. пов. Александровъ, о которомъ носились слухи, что онъ цѣлые дни и ночи работаетъ надъ своею защитительною рѣчью, взвѣшивая каждое, имѣющее имъ быть высказаннымъ, слово, изучаетъ всю литературу по аналогическимъ уголовнымъ вопросамъ и пр. Но ни Александровъ, ни Кони ни однимъ словомъ не обмолвились никогда о предстоящемъ дѣлѣ.

Когда день разбора дѣла Засуличъ сталъ извѣстнымъ, въ „почти-клубѣ“ настало особенное возбужденіе. Многіе приходили туда, просто чувствуя потребность подѣлиться своими впечатлѣніями.

— Я думаю, присяжные ее оправдаютъ,—утверждалъ Лѣсковъ.

— Это немыслимо,—возражалъ Мордовцевъ.

— Все зависитъ отъ состава присяжныхъ,—замѣчали другіе.

— Осудить эту дѣвушку нельзя,—спокойно говорилъ заглянувшій въ эти дни въ магазинъ Вольфа Ѳ. М. Достоевскій и принявшій участіе въ бесѣдѣ по поводу дѣла Засуличъ.—Нѣтъ, нѣтъ,—повторялъ онъ затѣмъ нѣсколько разъ, уже замѣтно возбуждаясь. — Наказаніе тутъ неумѣстно и безцѣльно... Напротивъ, присяжные должны бы сказать подсудимой: „у тебя грѣхъ на душѣ, ты хотѣла убить человѣка, но ты уже искупила его, — иди и не поступай такъ въ другой разъ“...

Эти слова Достоевскій повторялъ нѣсколько разъ въ присутствіи разныхъ лицъ.

Трудно себѣ представить то возбужденіе, которое господствовало въ маленькой Вольфовской каморкѣ 31 марта 1878 года, въ день разбора дѣла Засуличъ. Весь день

одинъ за другимъ заходили туда разныя лица, стараясь узнать, неизвѣстно ли что-либо, что происходитъ на Литейномъ, въ Окружномъ судѣ, какое направленіе принимаетъ процессъ и т. д. Слухи, одинъ чудовищнѣе другого, передавались изъ устъ въ уста... Разсказывали о революціонномъ настроеніи толпы, запрудившей всю улицу передъ зданіемъ суда, говорили, что войска находятся наготовѣ въ ожиданіи эксцессовъ и пр., и пр.

Приговоръ, вынесенный поздно ночью и гласившій „не виновна“, засталъ еще въ сборѣ у Вольфа писателей. Извѣстіе объ оправданіи, привезенное туда сотрудникомъ „Голоса“, Карповымъ, вызвало у однихъ восторгъ, у другихъ изумленіе.

— Да здравствуетъ правосудіе! — крикнулъ кто то изъ присутствующихъ.

Чувство удовлетворенности, которое испытывалъ тогда кружокъ писателей, было омрачено однако въ слѣдующіе дни извѣстіемъ, что приговоръ по дѣлу Засуличъ рѣшено кассировать, и что подписано уже распоряженіе о розыскѣ оправданной.

* * *

Иногда посѣтители „почти-клуба“ переходили изъ магазина Вольфа къ нему на квартиру, на Караванную улицу № 9, гдѣ бесѣда на литературныя темы замѣнялась обыкновенно игрою въ карты, преимущественно въ вистъ. Отъ времени до времени Вольфъ устраивалъ у себя на квартирѣ и спеціальные литературно-музыкальные вечера, на которыхъ бывали многіе изъ его посѣтителей „почти-клуба“.

Однажды во время такого вечера за карточнымъ столомъ сидѣли А. А. Краевскій, редакторъ-издатель „Голоса“, В. А. Бильбасовъ, его ближайшій сотрудникъ, секретарь и редакторъ хроники „Голоса“, В. Р. Зотовъ,

и самъ Маврикій Вольфъ. Играли въ вистъ. Около 2 часовъ ночи изъ типографіи „Голоса“ принесли Краевскому сверстанную первую страницу газеты, по принятому обычаю, для подписи. Краевскій посмотрѣлъ на страницу, изумленно воскликнулъ „ахъ“, ударилъ рукою въ столъ и, наклонившись къ Бильбасову, началъ ему что-то шептать.

— Господа, вистъ!—замѣтилъ погруженный въ карты Вольфъ.

Какъ извѣстно, вистъ значитъ молчаніе.

— Вистъ, такъ вистъ!—отвѣтилъ Краевскій, подписалъ поданную ему страницу газеты и продолжалъ играть.

Каково же было удивленіе Вольфа, когда на слѣдующій день, развернувъ нумеръ „Голоса“, онъ прочелъ рѣзкій фельетонъ объ изданной имъ, Вольфомъ, „Исторіи всемірной литературы“ Зотова! Фельетонъ былъ подписанъ Модестовымъ, который ставилъ Зотову въ упрекъ, что онъ только до тѣхъ поръ вѣрно схватилъ картину римской литературы, покуда слѣпо держался курса Модестова, и т. д. Ничего подобнаго Вольфъ не ожидалъ. Вѣдь Зотовъ былъ въ „Голосѣ“ чуть не „первою скрипкою“—и вдругъ въ „Голосѣ“ же такъ рѣзко осуждаютъ его трудъ! Какъ оказалось, фельетонъ Модестова оказался сюрпризомъ и для Краевскаго, который счелъ своимъ долгомъ сдѣлать въ тотъ же день спеціальный визитъ Вольфу, чтобы извиниться за непріятный, какъ онъ выразился, „пассажъ“.

— Я фельетона этого въ рукописи не читалъ,—оправдывался Краевскій,—вѣроятно я бы его не пропустилъ. Увидалъ я его впервые вчера за картами и уже сталъ совѣтоваться съ Бильбасовымъ, не замѣнить ли статью Модестова другимъ запаснымъ фельетономъ, но вы, Маврикій Осиповичъ, такимъ авторитетнымъ тономъ сказали „вистъ“, что ничего не оставалось, какъ подписаться...

Фельетонъ Модестова много напортилъ крови и Вольфу и Зотову. Въ литературныхъ кружкахъ о немъ долго говорили, удивляясь появленію его на столбцахъ „Голоса“, гдѣ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, въ хроникѣ, была помѣщена хвалебная замѣтка о той же „Исторіи всемірной литературы“ Зотова, написанная другимъ сотрудникомъ. Модестовъ продолжалъ, однако, усердно посѣщать Вольфовскій „почти-клубъ“ и даже гордился своимъ фельетономъ, повторяя часто, когда заходила рѣчь о немъ, излюбленное выраженіе:

— Amicus Plato, sed magis amica—veritas.

Рѣзкій фельетонъ въ „Голосѣ“ особенно огорчилъ Вольфа, такъ какъ на изданіе „Исторіи всемірной литературы“ Зотова имъ былъ затраченъ крупный капиталъ. Какъ отмѣтилъ П. В. Быковъ—это изданіе, составленное по многочисленнымъ источникамъ, говорящее о необыкновенномъ трудолюбіи автора, представляло единственную у насъ попытку—дать публикѣ общедоступное руководство для изученія литературъ всѣхъ временъ и народовъ, сжатое, немного сложное, но дающее полное понятіе о предметѣ и множество солидныхъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе оно успѣха не имѣло.

* * *

Пріѣздъ въ Петербургъ извѣстнаго виртуоза Генриха Венявскаго — родного племянника Маврикія Вольфа—далъ поводъ къ устройству для обычныхъ посѣтителей „почти-клуба“ цѣлаго концерта на квартирѣ у Вольфа. Послушать Венявскаго собрался тогда почти весь литературный міръ Петербурга, среди котораго тутъ и тамъ виднѣлись и лица другихъ профессій—большею частью личные друзья Вольфа и многолѣтніе кліенты его магазина. Съѣздъ по этому поводу былъ настолько великъ, что полиція поспѣшила навести справки,—что это за собраніе устроено у Вольфа.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ Венявскій почти каждый день заходилъ въ магазинъ Вольфа, а разъ даже зашелъ со своею скрипкою. И, къ величайшему изумленію покупателей, въ маленькомъ кабинетѣ при магазинѣ послышалась музыка: это Венявскій передъ случайно собравшимися литераторами импровизировалъ, по просьбѣ Майкова, новую мазурку...

* * *

Собранія въ литературномъ „почти-клубѣ“ стали рѣже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда Маврикій Осиповичъ, купивъ большой участокъ земли Яковлева по 16-й линіи Васильевскаго острова, рядомъ со стоявшими уже тамъ каменными постройками, воздвигнулъ три новыхъ и сосредоточилъ въ нихъ всѣ издательскія свои учрежденія. Самъ Маврикій Осиповичъ, занятый устройствомъ своихъ издательскихъ складовъ и большой издательской конторы на пріобрѣтенной „собственной“ землѣ, пріѣзжалъ въ магазинъ только на короткое время. А затѣмъ литературный „почти-клубъ“ и совсѣмъ прекратилъ свое существованіе.

Нынѣ отъ той маленькой „каморки“, гдѣ собирались въ свое время представители русской литературы семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ и гдѣ происходили своего рода „сходки“ петербургскихъ литераторовъ, не осталось и слѣда. Впрочемъ, нѣтъ: сохранился столъ, за которымъ происходили упомянутыя собранія, а въ литературномъ архивѣ, оставшемся послѣ М. О. Вольфа,—рядъ экспромптовъ, писемъ, замѣтокъ, и т. п. Гончарова, Лѣскова, Минаева, Максимова, Островскаго, Щедрина, Вейнберга и др.—своего рода вещественныя доказательства существованія одного, нынѣ забытаго, литературнаго уголка...

СРЕДИ ПИСАТЕЛЕЙ И КНИГЪ.

ПРОКУРОРЪ-ПОЭТЪ.

Въ срединѣ семидесятыхъ годовъ мин. столѣтія въ одной изъ отдаленныхъ аллей петербургскаго Лѣтняго сада, въ началѣ лѣта и раннею осенью, появлялся почти каждый день пожилой господинъ съ туго набитымъ портфелемъ подъ мышкою. Шагая быстро взадъ и впередъ, онъ громко декламировалъ и отъ времени до времени поспѣшно что-то записывалъ въ тетрадь.

Хотя господинъ для своихъ прогулокъ выбиралъ „подальше закоулокъ“ и появлялся лишь въ такое время, когда въ саду бывало немного народа,—на него все-таки обратили вниманіе.

Обратила вниманіе на страннаго „чудака“ и полиція, но узнавъ, кто онъ, оставила его въ покоѣ.

Дѣло въ томъ, что этотъ чудакъ былъ сенаторъ Николай Петровичъ Семеновъ, одинъ изъ очень видныхъ и извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей эпохи императора Александра II, бывшій оберъ-прокуроръ гражданскаго департамента сената, одинъ изъ усерднѣйшихъ работниковъ по введенію крестьянской реформы.

Серьезный государствовѣдъ и строгій юристъ, Н. П. Семеновъ не чуждъ былъ однако и поэзіи и всѣ свои досуги посвящалъ любимой музѣ. Но увлекала его только

исключительно поэзія Мицкевича. Преклоненіе передъ творцомъ „Пана Тадеуша“ доходило у Семенова до фанатизма. Плохо владѣя польскимъ языкомъ, онъ все-таки зналъ наизусть цѣлыя поэмы Мицкевича въ подлинникѣ, постоянно цитировалъ стихотворенія польскаго поэта, любилъ говорить о немъ и усердно переводилъ его произведенія на русскій языкъ.

Странныя прогулки Семенова въ Лѣтнемъ саду были тоже связаны съ Мицкевичемъ. Тамъ именно онъ имѣлъ обыкновеніе вслухъ декламировать свои переводы, исправлять ихъ, передѣлывать заново и заносить въ свою тетрадь. Нѣкоторыя стихотворенія Мицкевича онъ переводилъ на разные лады буквально по десяти разъ, стараясь, какъ онъ говорилъ, „въ звучной русской рѣчи передать возможно близко и точно всю неподражаемую прелесть стиховъ польскаго поэта“.

Переводилъ онъ однако долгое время исключительно для себя, не рѣшаясь передать эти переводы въ печать. И многіе годы никто не зналъ, что сенаторъ Семеновъ—является однимъ изъ самыхъ рьяныхъ переводчиковъ Мицкевича и что у него имѣются цѣлыя тетради, наполненныя переводами стихотвореній польскаго поэта.

Въ 1876 году въ газетѣ „Голосъ“ появилась, написанная В. Р. Зотовымъ, библіографическая замѣтка о томъ, что Маврикій Осиповичъ Вольфъ предпринимаетъ изданіе собранія сочиненій Мицкевича въ переводѣ русскихъ поэтовъ и что съ этой цѣлью собираетъ всѣ существующіе уже переводы отдѣльныхъ произведеній поэта, которые критически разсматриваются редакціею новаго изданія, съ П. Н. Полевымъ во главѣ.

Первымъ, обратившимъ вниманіе на эту замѣтку, былъ Н. П. Семеновъ. Въ самый же день появленія ея въ „Голосѣ“, рано утромъ, какъ только открылся магазинъ

Вольфа, онъ, запыхавшись, прибѣжалъ и, замѣтно волнуясь, обратился къ Вольфу съ вопросомъ:

— Вы издаете Мицкевича по-русски? Да? Такъ вотъ я пришелъ, чтобы познакомить васъ съ моими переводами.

— Какъ? Развѣ вы, Николай Петровичъ, переводили Мицкевича?—съ удивленіемъ спросилъ Вольфъ, который зналъ Семенова, какъ государственнаго дѣятеля, юриста, прокурора, сенатора, рьянаго любителя ботаники, но не подозрѣвалъ въ немъ... поэта-переводчика, да еще—переводчика Мицкевича.

— О, да!—отвѣтилъ Семеновъ,—я переводилъ Мицкевича много, очень много, а что вы этого не знаете, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: я почти не печаталъ своихъ переводовъ, а тѣ немногія изъ моихъ переложеній, которыя помѣщены въ журналахъ, отмѣчены только начальными буквами моего имени и фамиліи, и никто не подозрѣваетъ, что они принадлежатъ мнѣ.

Маврикій Осиповичъ Вольфъ самъ былъ рьянымъ поклонникомъ Мицкевича уже съ раннихъ лѣтъ жизни и остался имъ до самой своей смерти. Имъ было, между прочимъ, выпущено первое полное парижское изданіе сочиненій поэта въ польскомъ подлинникѣ. Имъ же было выпущено роскошное по тому времени иллюстрированное русское изданіе поэмъ Мицкевича „Конрадъ Валленродъ“ и „Гражина“ въ переводѣ Бенедиктова. Наконецъ, въ теченіе многихъ лѣтъ Вольфъ усердно слѣдилъ за всѣми русскими переводами Мицкевича, и у него была собрана большая коллекція ихъ. „Съ самаго начала моей издательской дѣятельности, — разсказывалъ Вольфъ,—у меня явилось горячее желаніе дать всего Мицкевича русской публикѣ, но по разнымъ причинамъ къ осуществленію этого желанія я могъ приступить только въ 1875 году, хотя у меня уже въ шестидесятыхъ годахъ было пріобрѣтено

въ рукописяхъ нѣсколько русскихъ переводовъ Мицкевича". Зналъ произведенія Мицкевича Вольфъ великолѣпно,—и, конечно, заявленіе Семенова не могло его не заинтересовать.

И вотъ, между поэтомъ-переводчикомъ и книгопродавцемъ-издателемъ начался оживленный разговоръ, темою котораго былъ любимый обоими польскій поэтъ.

Во время этого разговора Вольфъ не могъ удержаться, чтобы не спросить Семенова, какимъ, собственно, путемъ онъ, не знавшій польскаго языка, заинтересовался Мицкевичемъ и сталъ переводить этого поэта тѣмъ болѣе, что Семеновъ отнюдь не принадлежалъ къ числу „полонофиловъ", а, по характеру своей дѣятельности, далеко стоялъ вообще отъ поэзіи.

Тутъ Семеновъ разсказалъ Вольфу исторію своего увлеченія Мицкевичемъ, которую можно бы считать сказкою, если бы она не была основана на дѣйствительныхъ фактахъ.

Въ эпоху революціонныхъ волненій въ Литвѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, Семеновъ, въ то время уже камеръ-юнкеръ и товарищъ предсѣдателя ярославской уголовной палаты, былъ назначенъ губернскимъ прокуроромъ въ Вильну. По пріѣздѣ на новое мѣсто службы ему первымъ дѣломъ поручено было обревизовать мѣстную тюрьму. Тамъ, въ числѣ заключенныхъ, находилось нѣсколько польскихъ юношей, сильно замѣшанныхъ въ революціонныхъ волненіяхъ, и, между прочимъ, одинъ приговоренный къ смертной казни и изо дня въ день ожидавшій, что его поведутъ на висѣлицу. Войдя въ камеру, прокуроръ засталъ молодого узника... декламирующимъ стихи. Когда, разспросивъ о причинахъ ареста и строгаго приговора, Семеновъ, по обыкновенію, спросилъ „смертника", не имѣетъ ли онъ заявить какихъ-либо желаній, тотъ спокойно отвѣтилъ: „Если можно, выхлопочите, г. прокуроръ, чтобы мнѣ доставили томикъ

стиховъ Мицкевича: передъ смертью я хотѣлъ бы еще разъ прочесть чудныя строки нашего поэта". Слова приговореннаго поразили Семенова: человѣкъ, котораго не сегодня-завтра ждетъ висѣлица, думаетъ объ одномъ только... Мицкевичѣ! Прокуроръ заинтересовался личностью заключеннаго, приказалъ, чтобы ему представили все дѣло молодого человѣка (фамилія котораго была Р—ичъ), и, ознакомившись съ обвинительнымъ актомъ, обратился къ виленскому генералъ-губернатору съ представленіемъ о томъ, чтобы исполненіе приговора было отложено. Добиться этого, конечно, для новаго прокурора, облеченнаго большою властью, было не трудно. Затѣмъ, исполнивъ желаніе Р—ича и пославъ ему томъ стихотвореній Мицкевича, Семеновъ, подъ предлогомъ необходимости дополнительнаго допроса, сталъ довольно часто навѣщать узника. Восторженное преклоненіе приговореннаго къ смерти передъ Мицкевичемъ постепенно передалось самому прокурору. Онъ сталъ изучать польскій языкъ для того, чтобы понять Мицкевича, и все чаще и чаще пускался съ Р—чемъ въ разговоры о польскомъ поэтѣ. Въ результатѣ—жизнь Р—ча была спасена, а самъ прокуроръ... сталъ поклонникомъ и переводчикомъ Мицкевича.

— Вина Р—ча, какъ „повстанца", — разсказывалъ Семеновъ,—была внѣ всякихъ сомнѣній. И мнѣ стоило немало труда и хлопотъ исходатайствовать помилованіе ему. Пришлось пустить въ ходъ всѣ мои связи въ петербургскихъ сферахъ, но я добился своего: юноша, научившій меня любить Мицкевича, былъ спасенъ. И я счастливъ вдвойнѣ этимъ: во-первыхъ, одною казнью стало меньше, во-вторыхъ, вся моя личная жизнь была скрашена горячею любовью къ польскому поэту.

Встрѣча съ Р—чемъ въ тюрьмѣ и восторженное отношеніе приговореннаго къ смерти юноши къ польскому

поэту натолкнули Семенова, какъ онъ самъ признавался, впервые на мысль заняться переводомъ произведеній Мицкевича на русскій языкъ.

Свое увлеченіе Мицкевичемъ, равно какъ и переводы произведеній поэта, Семеновъ держалъ, однако, въ тайнѣ, частью по скромности, частью потому, что, какъ ни прочно было положеніе его, самый фактъ увлеченія русскаго прокурора польскимъ поэтомъ въ то время, конечно, легко могъ навлечь на него упреки въ полонофильствѣ и повредить дальнѣйшей карьерѣ. О томъ, что Семеновъ вообще переводитъ Мицкевича, долгое время зналъ одинъ только шуринъ его, академикъ Я. К. Гротъ, женатый на сестрѣ Николая Петровича, Наталіи. И только въ 1869 году, ставъ сенаторомъ, бывшій прокуроръ рѣшился, наконецъ, напечатать первые свои переводы изъ Мицкевича — „Крымскіе сонеты“—въ журналѣ „Заря“, гдѣ затѣмъ появились въ его же переводѣ четыре главы поэмы „Конрадъ Валленродъ“.

Но въ рукописи у Семенова оставалось еще много другихъ переводовъ, которые онъ постоянно исправлялъ и измѣнялъ, посвящая почти всѣ свои досуги любимому поэту. Часть этихъ переводовъ онъ передалъ Вольфу для включенія въ собраніе сочиненій Мицкевича въ переводѣ русскихъ поэтовъ, гдѣ они и помѣщены. Въ 1885 году Семеновъ рѣшился, наконецъ, выпустить отдѣльною книгою сборникъ своихъ переводовъ изъ Мицкевича. Туда включилъ онъ, однако, только тѣ переводы, которые призналъ „достойными“, уничтоживъ цѣлыя тетради другихъ своихъ „переводныхъ опытовъ“. Сборникъ этотъ въ 1886 году былъ удостоенъ Академіею Наукъ Пушкинской преміи за близкую, точную, поэтическую и художественную передачу подлинника.

Благодаря замѣткѣ въ „Голосѣ“ о предполагаемомъ изданіи сочиненій Мицкевича въ переводѣ русскихъ поэ-

товъ, между Семеновымъ и М. О. Вольфомъ завязались близкія сношенія, чисто литературныя и дружескія. Поэтъ-переводчикъ сталъ часто навѣщать Вольфа, при чемъ каждый разъ приносилъ съ собою свою завѣтную тетрадь съ переводами и громко декламировалъ все новые и новые варіанты своихъ переводовъ.

Декламировать свои переводы изъ Мицкевича Семеновъ вообще очень любилъ. Нерѣдко, совершенно забывшись, онъ даже на улицѣ громко, во всеуслышаніе читалъ свои переводы, возбуждая недоумѣніе прохожихъ. Декламировалъ онъ съ какимъ-то азартомъ, неистово подчеркивая отдѣльныя строки, иногда, вперемѣшку съ русскимъ переводомъ, повторяя хорошо заученный польскій текстъ, для того, какъ онъ объяснялъ, чтобъ убѣдиться, что „не только смыслъ словъ, духъ подлинника, но и музыка стиховъ Мицкевича переданы вѣрно". А когда онъ съ кѣмъ-нибудь начиналъ говорить о Мицкевичѣ, то уже цѣлые часы не отпускалъ своего собесѣдника.

О томъ, что сенаторъ Семеновъ увлекается Мицкевичемъ, стало, конечно, вскорѣ извѣстно въ болѣе широкихъ кругахъ. Одинъ адвокатъ-писатель хотѣлъ было использовать это увлеченіе для личныхъ своихъ цѣлей. Онъ явился къ Семенову въ качествѣ изслѣдователя поэзіи Мицкевича, подъ предлогомъ узнать компетентное мнѣніе поэта-переводчика о нѣкоторыхъ спорныхъ и загадочныхъ мѣстахъ въ стихотвореніяхъ творца „Пана Тадеуша". Семеновъ охотно принялъ посѣтителя, продержалъ его у себя нѣсколько часовъ, познакомилъ его со своими переводами, но когда адвокатъ вдругъ повелъ рѣчь о своемъ дѣлѣ въ сенатѣ, Семеновъ рѣзко оборвалъ его:

— О сенатскихъ дѣлахъ я привыкъ говорить только въ сенатѣ, въ присутственные дни. Здѣсь же, въ моей частной квартирѣ, мы можемъ говорить только о Мицкевичѣ...

Точно такъ же тщетны были попытки заинтересовать Семенова другими польскими поэтами и польскою литературою вообще.

— Меня интересуетъ одинъ только Мицкевичъ, и ему останусь вѣренъ,—отвѣчалъ онъ.

М. О. Вольфу, конечно, хотѣлось выпустить по-русски Мицкевича въ возможно полномъ видѣ, что при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ было крайне трудно. Но вотъ Семеновъ охотно согласился по этому поводу сдѣлать представленіе въ главное управленіе по дѣламъ печати. Въ отвѣтъ на это представленіе главное управленіе, въ лицѣ его тогдашняго начальника Ѳеоктистова, отвѣтило:

— Все то, что будетъ переведено вами, Николай Петровичъ, будетъ пропущено цензурою безъ всякихъ препятствій. Мы убѣждены, что вы не захотите предложить русской публикѣ что-либо нецензурное...

Ѳеоктистовъ отлично зналъ, что Семеновъ, при всемъ его увлеченіи Мицкевичемъ, не рѣшится нарушить цензурныя условія и не возьмется за переводъ чего-либо такого, что съ цензурной точки зрѣнія могло бы считаться „недозволеннымъ“.

Однако при такихъ условіяхъ нельзя было разсчитывать на возможность помѣщенія многихъ произведеній Мицкевича, считавшихся тогда запрещенными. У Вольфа явилась тогда мысль — нельзя ли обратиться съ прошеніемъ на Высочайшее имя о просмотрѣ всего Мицкевича лично государемъ. Императоръ Николай I, какъ извѣстно, взялся цензуровать Пушкина и разрѣшилъ кое-что изъ тѣхъ произведеній великаго поэта, которыя не рѣшалась пропустить тогдашняя цензура. Почему бы императору Александру II не взять на себя подобной роли цензора по отношенію къ другому великому славянскому поэту, Мицкевичу?

Семенову очень понравилась эта мысль. Онъ охотно

принялъ на себя трудъ составленія соотвѣтственнаго прошенія и докладной записки и намѣревался исходатайствовать для Вольфа аудіенцію у государя, но предварительно рѣшилъ разузнать, какъ отнесутся къ этой затѣѣ въ высшихъ сферахъ. Спустя нѣсколько времени Семеновъ съ грустью заявилъ:

— Нельзя... *Тамъ* заклюютъ,—и сдѣлалъ при этомъ краснорѣчивый жестъ, объясняющій, что именно слѣдуетъ понимать подъ словомъ „тамъ“.

Такъ предполагавшееся ходатайство о просмотрѣ Мицкевича самимъ государемъ и не возбуждалось. Тѣмъ не менѣе въ русское изданіе сочиненій Мицкевича все жѣ удалось включить нѣкоторые отрывки, не допущенные въ польскомъ подлинникѣ.

— Подождите, — утѣшалъ Семеновъ Вольфа, — если не мы, то наши наслѣдники все-таки доживутъ до того времени, когда дана будетъ и у насъ возможность читать всего Мицкевича и предоставлено будетъ судить каждому, въ чемъ онъ ошибался...

Скончался Семеновъ въ 1904 г., въ преклонныхъ лѣтахъ, на 81 году жизни, сохранивъ до самой смерти поистинѣ фанатическую любовь къ Мицкевичу.

ИСТОРИКЪ КАБАЧЕСТВА.

ЭТО было въ 1867 г.

Въ книжный магазинъ М. О. Вольфа вошелъ невзрачной наружности человѣкъ, лѣтъ 40—45, одѣтый въ рубище, и, показывая толстую, исписанную крупнымъ почеркомъ, рукопись обратился къ М. О. съ вопросомъ:

— Не купите ли у меня эту „штуку“ для изданія?

Маврикій Осиповичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на страннаго „продавца рукописи“ и, сомнѣваясь, чтобы этотъ оборванецъ могъ быть авторомъ ея, спросилъ, кому принадлежитъ рукопись.

— Это—мой трудъ,—отвѣтилъ посѣтитель.—Онъ заключаетъ въ себѣ исторію кабаковъ въ Россіи.

Странная тема, равно какъ и странная личность автора заинтересовали М. О. Вольфа. Онъ принялъ рукопись для просмотра, обѣщалъ дать отвѣтъ черезъ двѣ недѣли и спросилъ адресъ у своеобразнаго писателя.

— Адресъ?—произнесъ загадочно тотъ,—этого я указать не въ состояніи. Сегодня я въ ночлежкѣ, а завтра, быть можетъ, выгонятъ оттуда... Ужъ лучше я за отвѣтомъ, самъ зайду.

Рукопись, просмотрѣнная и самимъ М. О. Вольфомъ и его

тогдашними литературными совѣтниками въ дѣлахъ издательства, Разинымъ и Спасовичемъ, оказалась въ высшей степени интересной. Это была дѣйствительно исторія кабака—цѣнное, оригинальное изслѣдованіе, въ которомъ были собраны малоизвѣстныя и даже совершенно неизвѣстныя данныя о питейной торговлѣ по Руси съ древнѣйшихъ временъ, объ откупѣ и откупщикахъ, о томъ, какъ само правительство то поощряло кабаки, то закрывало ихъ, вводило всевозможные порядки въ продажу водки, переименовывая кабаки то въ кружечные дворы, то въ питейныя заведенія. Массу свѣдѣній давалъ трудъ о „кабацкихъ головахъ“, „кабацкихъ бурмистрахъ“, „цѣловальникахъ“, о томъ, какъ правительство изъ народнаго пьянства сдѣлало для себя предметъ дохода, и пр.

Авторъ изслѣдованія оказался уже не новичкомъ на литературномъ поприщѣ. Онъ печаталъ свои статьи въ „Русскомъ Архивѣ“ („Корчма“, истор. очеркъ), въ „Голосѣ“ („Ляхъ въ историческомъ отношеніи“ и др.), въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ („Нѣсколько словъ о Татищевѣ“), въ „Москов. Вѣд.“ и др. изданіяхъ, выпустилъ книги: „Нищіе на святой Руси,—матеріалы для общественнаго и народнаго быта на святой Руси“ (М., 1862) и „Житіе Ив. Яковлевича, извѣстнаго пророка въ Москвѣ“ (Спб., 1860).

Прыжовъ—фамилія страннаго автора—былъ московскій уроженецъ: отецъ его, дворянинъ, служилъ въ московской Маріинской больницѣ. Учился сначала Иванъ Гавриловичъ въ московской гимназіи, а затѣмъ въ московскомъ университетѣ.

По его собственнымъ словамъ, первыя пѣсни, баюкавшія его бѣдное дѣтство, были разсказы родныхъ объ ужасахъ крѣпостного права. Эти первыя впечатлѣнія дѣтства оставили неизгладимый слѣдъ въ душѣ ребенка: вся его жизнь, всѣ его литературныя работы были посвящены народу. Его мечтой было: „собрать въ одно цѣлое не только археоло-

гическіе факты, но и всѣ слезы, всю кровь, весь потъ, пролитые когда-либо народомъ".

Личность Прыжова представляла огромный интересъ. Безусловно талантливый писатель, большой знатокъ народной среды, онъ скромно держался въ сторонѣ отъ писательскихъ кружковъ.

Изучая бытъ народа, онъ иногда облекался въ лохмотья и буквально жилъ одной жизнью съ простонародьемъ: съ богомольцами, съ нищими, рабочими. Такъ, напримѣръ, когда одна московская любительница странниковъ, нѣкая Матрена Макарьевна, отправляясь въ Кіевъ молиться Богу, набрала съ собою цѣлую толпу различныхъ юродивыхъ, странниковъ и странницъ, то среди нихъ былъ и Прыжовъ, одѣтый въ рубище, съ сумой.

Условія цензуры не благопріятствовали литературнымъ работамъ Прыжова: большей части его трудовъ не суждено было увидѣть свѣтъ. Такъ, напримѣръ, московской цензурой была задержана въ рукописи „Исторія мѣщанъ"; самимъ Прыжовымъ была сожжена, въ ожиданіи обыска, рукопись „Исторія свободы въ Россіи" и т. д.

Когда началась извѣстная революціонная пропаганда Нечаева, Прыжовъ одинъ изъ первыхъ примкнулъ къ основанному Нечаевымъ „Обществу народной расправы" и записался въ агитаторы. Но онъ говорилъ: „я по самой природѣ не былъ агитаторомъ, хотя не разъ рука зудѣла, но въ агитаторы меня выдвинули, вымучили... Мнѣ предстояли два пути: правительство и радикалы. Обратись я къ первому, оно бы плюнуло на меня. Я обратился ко второму..."

Онъ уходилъ въ населенныя фабричнымъ людомъ мѣста, заходилъ въ харчевни, читалъ рабочимъ газеты, разъяснялъ имъ разные вопросы.

Замѣшанный въ извѣстномъ нечаевскомъ дѣлѣ и какъ одинъ изъ участниковъ убійства не пожелавшаго повино-

ваться волѣ Нечаева студента-революціонера Иванова, онъ былъ приговоренъ въ крѣпость на 12 лѣтъ и затѣмъ къ поселенію навсегда въ Сибири и умеръ въ ссылкѣ 27 іюня 1885 г., въ Забайкальской области, на Петровскомъ заводѣ.

Въ 1867 г., когда Прыжовъ вошелъ въ сношенія съ Вольфомъ, онъ занималъ мѣсто экзекутора гражданской палаты, получая 23 руб. въ мѣсяцъ, но и это мѣсто пришлось ему оставить, такъ какъ онъ остался за штатомъ. Рукопись „Исторія кабаковъ“ онъ продалъ за 250 руб., изъ которыхъ, какъ онъ писалъ тогда Стасюлевичу, пришлось еще уплатить управляющему типографіей Каткова, Лаврову, 115 руб., которому онъ эту же рукопись „Исторія кабаковъ“ запродалъ еще въ 1863 г. Лавровъ, однако, побоялся ее издать.

„Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа“ Прыжова, которую онъ первоначально, по цензурнымъ соображеніямъ, предполагалъ озаглавить „Исторія питейнаго откупа въ Россіи, въ связи съ исторіей народа“, напечатанная М. О. Вольфомъ въ 1868 году въ количествѣ 2000 экз., имѣла для своего времени довольно значительный успѣхъ.

Послѣ того, какъ Прыжовъ былъ осужденъ, съ М. О. Вольфа была взята подписка, что онъ „безъ особаго разрѣшенія“ книги Прыжова продавать не будетъ; оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры сгорѣли во время пожара въ книжныхъ складахъ Т-ва М. О. Вольфъ. Теперь „Исторія кабаковъ“, выпущенная впервые Вольфомъ, составляетъ библіографическую рѣдкость, какъ совершенно распроданное изданіе.

«ПОКРОВИТЕЛИ РЕВОЛЮЦІИ».

Въ одинъ прекрасный день — это было въ началѣ 1879 г.—по Петербургу разнесся слухъ, что книгопродавецъ Маврикій Вольфъ уличенъ въ „покровительствѣ революціи“ и что, не сегодня-завтра, предстоитъ грандіозный процессъ по этому поводу.

Такъ какъ подобнаго рода слухи не могли не отразиться на дѣлахъ Вольфа, и такъ какъ Вольфъ зналъ, что малѣйшее подозрѣніе въ данномъ отношеніи можетъ вызвать административную высылку изъ Петербурга и закрытіе его книжнаго магазина, то онъ самъ лично рѣшилъ разузнать причину слуховъ въ знаменитомъ „III-емъ отдѣленіи“.

Однако, онъ не успѣлъ еще осуществить своего намѣренія, какъ изъ III-го отдѣленія получена была чрезъ полицію повѣстка съ приказаніемъ „явиться для объясненій“.

— У насъ имѣются неоспоримыя доказательства, что вами въ разное время такого-то и такого числа высылались денежныя суммы на имя русскихъ революціонеровъ, проживающихъ въ Парижѣ и Вѣнѣ,—заявилъ принявшій Вольфа жандармскій чиновникъ.

Вольфъ такъ и ахнулъ, такъ какъ отлично сознавалъ, что подобнаго „преступленія“ не совершалъ.

— Ничего подобнаго! Это, несомнѣнно, недоразумѣніе! — сказалъ М. О. взволнованнымъ голосомъ и сталъ объяснять, что это, очевидно, ложный на него доносъ, что никакія не только неоспоримыя доказательства, но и вообще какія-либо серьезныя подозрѣнія немыслимы. Но жандармскій чиновникъ сухо возразилъ.

— Мнѣ велѣно вамъ пока только заявить то, что я вамъ сказалъ, и взять съ васъ подписку, что вы заявленіе выслушали. Потрудитесь подписать вотъ эту бумагу.

Всѣ попытки Вольфа узнать, на чемъ основано странное обвиненіе, не привели ни къ чему: жандармскій чиновникъ отвѣчалъ молчаніемъ.

Ошеломленный Вольфъ вернулся въ магазинъ совершенно разстроеннымъ и, призвавъ служащихъ, сталъ допытываться, не было ли чего-нибудь такого, что могло дать поводъ къ странному обвиненію. Но розыски въ этомъ отношеніи не дали никакихъ результатовъ.

Однако, оставить дѣло такъ, чтобы постоянно находиться подъ Дамокловымъ мечомъ обвиненія въ „покровительствѣ революціи“ Вольфъ не хотѣлъ и рѣшилъ во что бы то ни стало раскрыть причину страннаго подозрѣнія.

Несмотря на тайну, окружавшую III-е отдѣленіе, при посредствѣ одного изъ мелкихъ чиновниковъ Вольфу удалось скоро выяснить, какимъ путемъ онъ въ глазахъ III-го отдѣленія сталъ вдругъ „покровителемъ революціи“.

Дѣло было такъ.

Вольфъ находился въ перепискѣ съ Тургеневымъ, который, какъ извѣстно, очень любилъ покровительствовать молодымъ начинающимъ писателямъ, хлопоталъ за нихъ по редакціямъ, пріискивалъ для ихъ трудовъ издателей и т. д. И вотъ Тургеневъ, между прочимъ, обратился къ Вольфу съ предложеніемъ передать нѣкоторыя переводныя работы молодому писателю Клячко, проживавшему тогда

въ Вѣнѣ, котораго авторъ „Дыма“ рекомендовалъ, какъ отличнаго переводчика.

Посылая Вольфу предложеніе Клячко, Тургеневъ писалъ Вольфу изъ Буживаля, подъ Парижемъ, 8 ноября (27 октября) 1879 г.

Милостивый Государь
Маврикій Осиповичъ,

изъ прилагаемаго къ сему письма г. Клячко Вы усмотрите причину, побудившую меня взяться за перо. Понятно, что при такомъ крупномъ предпріятіи мысль моя должна была, прежде всего, остановиться на Васъ, какъ на издателѣ, извѣстномъ всей Россіи за человѣка, оказавшаго величайшія услуги нашей переводной литературѣ и обладающаго всѣми нужными для этого способностями и средствами.

О самомъ г-нѣ Клячко могу Вамъ сказать, что принимаю въ немъ живѣйшее участіе. Свѣдѣнія его значительны; за его добросовѣстность, трудолюбіе и аккуратность я ручаюсь вполнѣ. Болѣе компетентнаго переводчика сыскать трудно,—и довѣрія онъ заслуживаетъ абсолютнаго.

Во всякомъ случаѣ надѣюсь получить отъ Васъ скорый отвѣтъ на его предложеніе и надѣюсь также, что этотъ отвѣтъ будетъ благопріятный.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи

Вашего покорнаго слуги
Ив. Тургенева.

Вольфъ воспользовался рекомендаціею великаго писателя и послалъ Клячко для перевода трудъ нѣмецкаго профессора Готтенрота „Исторія внѣшней культуры“, который онъ рѣшилъ издать по-русски. Гонораръ за переводъ первыхъ листовъ, въ размѣрѣ что-то около 80 руб., и былъ въ три срока, по мѣрѣ доставленія перевода, отправленъ Клячко въ Вѣну. На бѣду, однако, оказалось, что Клячко—эмигрантъ, замѣшанный въ революціи, и III-е отдѣленіе, получивъ „секретныя свѣдѣнія“ о томъ, что Вольфомъ отправлены трижды за границу на имя Клячко денежныя суммы, рѣшило уже, что „Вольфъ поддерживаетъ своими средствами революцію“.

Разузнавъ все это, Вольфъ вторично явился въ III-е отдѣленіе и уже прямо началъ, въ вѣжливой, конечно, формѣ, протестовать противъ страннаго обвиненія, доказывая всю его нелѣпость. Но въ отвѣтъ онъ получилъ сухое заявленіе:

— Какъ никакъ, вы уплачивали проживающему за-гра-

ницею революціонеру деньги и, давая ему заработокъ, являлись въ извѣстной степени покровителемъ революціи.

Возраженія Вольфа, конечно, остались тщетными.

Къ счастью для Вольфа въ числѣ лицъ, заинтересовавшихся изданіемъ „Исторіи внѣшней культуры“ Готтенрота въ русскомъ переводѣ и подписавшихся однимъ изъ первыхъ на это изданіе, былъ тогдашній министръ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Онъ часто навѣщалъ книжный магазинъ Вольфа, охотно бесѣдовалъ каждый разъ съ Вольфомъ, пользовался его библіографическими совѣтами при составленіи своихъ трудовъ и пр. Въ первое же посѣщеніе Толстого Маврикій Осиповичъ, обращаясь къ графу, сказалъ:

— А вѣдь насъ съ вами, ваше сіятельство, обвиняютъ въ покровительствѣ революціи.

— Какъ?! И меня?—воскликнулъ Толстой съ удивленіемъ.

— Да, ваше сіятельство: меня за то, что я плачу переводчику труда Готтенрота, оказавшемуся революціонеромъ, а васъ, какъ одного изъ подписчиковъ, который своими взносами за изданіе поддерживаетъ преступнаго переводчика...

Замѣчаніе Вольфа разсмѣшило Толстого. Онъ сталъ допытываться, въ чемъ дѣло, и, въ заключеніе, обѣщалъ, что „всю эту исторію велитъ похѣрить“.

Дѣйствительно, спустя два дня, тотъ самый жандармскій чиновникъ, который такъ сухо допрашивалъ Вольфа въ помѣщеніи III-го отдѣленія, явился лично въ книжный магазинъ и, расшаркиваясь, извинялся, заявивъ, что произошло невольное недоразумѣніе, ошибка, что теперь дѣло выяснилось, что всякое подозрѣніе съ Вольфа снято и т. д.

Однако, не будь Толстой подписчикомъ на сочиненіе Готтенрота,—возможно, что дѣло получило бы размѣры настоящаго обвиненія въ „принадлежности къ организованному обществу, стремящемуся къ ниспроверженію государственнаго строя“...

ПЕРВЫЙ РЕДАКТОРЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ».

Въ концѣ 1867 года появилось въ Петербургѣ скромно напечатанное объявленіе о предпринимаемомъ изданіи новой, безцензурной ежедневной газеты, во главѣ которой стали А. К. Киркоръ и Юматовъ.

Газета должна была носить названіе „Новое Время“.

Не выставляя опредѣленнаго знамени,—что по существовавшимъ тогда цензурнымъ условіямъ было очень трудно,—газета обѣщала лишь тщательно „отмѣчать и освѣщать всѣ событія русской и иностранной жизни безпристрастно и правдиво“.

Главнымъ руководителемъ новой газеты, какъ въ редакціонномъ, такъ и въ издательскомъ отношеніи, являлся А. К. Киркоръ.

Уроженецъ Могилевской губерніи (онъ род. въ 1819 г.), бѣлоруссъ по происхожденію, воспитанникъ виленскаго дворянскаго института, Киркоръ молодымъ человѣкомъ увлекся изученіемъ древняго прошлаго Литвы и Бѣлоруссіи, напечаталъ множество статей по литовской и бѣлорусской археологіи, этнографіи и статистикѣ, сразу обратившихъ на него вниманіе. Владѣя одинаково польскимъ

и русскимъ языками, онъ писалъ по-русски и по-польски, издавалъ въ Вильнѣ на польскомъ языкѣ цѣлый рядъ сборниковъ, замѣнявшихъ тогда журналы („Teka Wileńska“, „Pismo zbiorowe Wileńskie“ и пр.), а въ 1860—1866 гг. состоялъ редакторомъ официальнаго „Виленскаго Вѣстника“, издававшагося сначала на русскомъ и польскомъ языкахъ, а затѣмъ, послѣ 1863 г., на одномъ русскомъ.

Являясь представителемъ тѣхъ польскихъ кружковъ, которые искали сближенія съ интеллигентною Россіею и отреклись отъ надежды на возстановленіе Польши,—кружковъ, много лѣтъ спустя, превратившихся въ партію т. н. „угодовцевъ“, Киркоръ въ редактируемомъ имъ органѣ и хотѣлъ работать на пользу этого сближенія. Но когда въ концѣ семидесятыхъ годовъ отъ него стали требовать руссификаторскаго направленія, онъ рѣшилъ отказаться отъ редакторства и перенести свою публицистическую дѣятельность въ Петербургъ и создать въ столицѣ особый, частный, свободный органъ печати, который, работая въ духѣ сближенія русскихъ съ поляками, представлялъ бы въ вѣрномъ свѣтѣ польскія дѣла русской читающей публикѣ и содѣйствовалъ бы культурнымъ интересамъ обоихъ народовъ, связанныхъ узами исторіи. Ему казалось, что задуманная имъ газета можетъ стать примиряющимъ звеномъ между интеллигентными слоями русскаго народа и поляками.

О своемъ планѣ Киркоръ сообщилъ Маврикію Осиповичу Вольфу, въ то время уже извѣстному книгопродавцу и издателю, съ которымъ его связывали узы дружбы еще съ юношескихъ лѣтъ, и просилъ у него совѣта и указаній. Вольфъ скептически отнесся къ планамъ Киркора и въ обширномъ письмѣ высказалъ ему откровенно свои сомнѣнія относительно успѣха задуманнаго новаго газетнаго предпріятія. Не вѣрилъ Вольфъ и въ ожидаемую

Киркоромъ поддержку со стороны польскихъ помѣщиковъ. Признавая самую идею изданія органа—„сближеніе русскихъ съ поляками“—очень симпатичной, Вольфъ прямо назвалъ проектируемый органъ, „нежизнеспособнымъ ребенкомъ, который въ состояніи существовать только искусственно, при содѣйствіи особыхъ средствъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вольфъ предостерегалъ Киркора, что его газета не встрѣтитъ сочувствія въ широкихъ сферахъ русскихъ читателей и поглотитъ лишь всѣ тѣ скромныя средства, съ которыми Киркоръ и Юматовъ намѣрены начать свое дѣло.

Однако Киркоръ не внялъ предостереженіямъ своего стараго, опытнаго друга и началъ хлопотать о разрѣшеніи на газету. Получить въ то время такое разрѣшеніе было очень трудно, и пришлось употребить неимовѣрныя усилія, пустить въ ходъ протекцію, дать всевозможныя обѣщанія и т. п., чтобы добиться его. Тутъ Киркору много помогъ М. О. Вольфъ, имѣвшій знакомства и связи въ административныхъ сферахъ. Въ числѣ посѣтителей книжнаго магазина Вольфа былъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ (впослѣдствіи графъ). Во время одного изъ посѣщеній Валуева Вольфъ заговорилъ о проектѣ киркоровской газеты и просилъ дать аудіенцію Киркору. Валуевъ согласился, но не на аудіенцію, а на „частную бесѣду“. Въ этой „частной бесѣдѣ“ Киркоръ объяснилъ Валуеву причины, побуждающія его покинуть постъ оффиціальнаго редактора „Виленскаго Вѣстника“ и хлопотать о разрѣшеніи частной, безцензурной, внѣпартійной газеты. Валуевъ, не сочувствовавшій обрусительной политикѣ Муравьева, выслушавъ Киркора, обѣщалъ ему свою поддержку на случай, если бы ходатайство встрѣтило препятствіе со стороны другихъ министровъ. „Моя власть, какъ это ни странно, даже въ этомъ отношеніи ограничена“,—были слова Валуева, за-

писанныя послѣ бесѣды Киркоромъ. Вскорѣ затѣмъ Киркоръ былъ вызванъ въ Главное управленіе по дѣламъ печати, гдѣ ему заявили, что „затрудненія“ устранены, но что само названіе газеты „Новое Время“ представляется демонстративнымъ и неподходящимъ. Однако, когда Киркоръ, спустя нѣсколько дней, явился съ измѣненнымъ названіемъ, ему сообщили, что по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ газета „Новое Время“ съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями въ программѣ разрѣшена, и Киркоръ, въ концѣ 1867 года, объявилъ на нее подписку. „Такимъ образомъ,—писалъ впослѣдствіи Киркоръ М. О. Вольфу, — моя газета „Новое Время“ родилась въ Вашемъ книжномъ магазинѣ“.

Первое время газета какъ будто „пошла“. О ней заговорили, ее стали читать, выписывать. Но уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ интересъ къ киркоровскому „Новому Времени“ угасъ, несмотря на всѣ усилія Киркора, который буквально не выходилъ изъ своего редакторскаго кабинета, стараясь оживить свое дѣтище, сдѣлать его бойкимъ, интереснымъ для читателя.

Не имѣла успѣха задуманная Киркоромъ газета прежде всего потому, что для успѣха газетнаго предпріятія нужны были крупныя средства, а ихъ у Киркора не было. Вложивъ въ дѣло послѣдніе гроши, Киркоръ бился, какъ рыба въ водѣ, чтобы заручиться кредитомъ, попалъ въ долги. Расчетъ его на матеріальную помощь со стороны зажиточныхъ польскихъ помѣщиковъ не оправдался. А среди русскихъ читателей многимъ не нравились та явная симпатія къ полякамъ, которая сквозила въ статьяхъ киркоровскаго „Новаго Времени“, и слишкомъ серьезный, научный тонъ самой газеты.

Киркоръ чувствовалъ, что ему не справиться, и обратился къ Вольфу съ предложеніемъ купить у него газету или же, по крайней мѣрѣ, вступить въ

компаньоны по изданію. Но Вольфъ наотрѣзъ отказался.

„Промучившись“ въ буквальномъ смыслѣ слова три года, Киркоръ убѣдился, что ему, какъ онъ выразился, не „вытащить этой тяжелой колесницы изъ лужи долговъ“. Положеніе редактора стало отчаяннымъ. Пришлось буквально „вымаливать“ въ долгъ бумагу, отказывать въ уплатѣ гонорара сотрудникамъ и т. п. А кредиторы между тѣмъ приставали, угрожали судомъ и пр. Не видя никакого исхода, Киркоръ въ началѣ 1871 г. рѣшилъ прекратить изданіе и, чтобы избѣгнуть ареста за долги, покинулъ Петербургъ и переселился въ Краковъ, гдѣ занялся исключительно научными работами.

Но долго еще Киркоръ не терялъ надежды на возможность возвращенія въ Россію и возобновленія своего изданія. Онъ осаждалъ Вольфа письмами, просилъ хлопотать за него у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, обращался съ воззваніями къ виднымъ русскимъ и польскимъ дѣятелямъ и т. п.

Однако воскресить „Новое Время“ ему не удалось. Послѣ 11-мѣсячнаго перерыва право на изданіе „Новаго Времени“ было продано кредиторами Киркора Ѳ. Н. Устрялову. Продана была собственно не газета, не имѣвшая подписчиковъ, а только ея заголовокъ и право на ея изданіе, такъ какъ получить такое право на новую газету въ то время почти не было никакой надежды. Правительство считало, что каждая новая газета это— чуть ли не новый очагъ революціи, въ особенности газета прогрессивнаго направленія. Прошенія о разрѣшеніи новыхъ газетъ этого типа оставлялись безъ разсмотрѣнія.

Купивъ „Новое Время“, Устряловъ въ качествѣ номинальнаго редактора пригласилъ И. Сухомлина, а въ сотрудники Боборыкина, Пушкарева, Нотовича и др. Отъ Устрялова въ 1873 г. газету пріобрѣль О. К. Нотовичъ,

тогда еще студентъ; при немъ званіе редактора принялъ на себя М. П. Федоровъ. Послѣ двухлѣтняго издательства Нотовичъ, оставаясь сотрудникомъ газеты, передалъ ее К. В. Трубникову, отъ котораго въ 1876 г. ее пріобрѣлъ А. С. Суворинъ — въ то время популярнѣйшій фельетонистъ прогрессивнаго лагеря—совмѣстно съ В. И. Лихачевымъ. Послѣдній вскорѣ вышелъ изъ „компаніи“, и владѣльцемъ газеты, постепенно пріобрѣтавшей огромную популярность, остался одинъ А. С. Суворинъ, совершенно измѣнившій ея первоначальный характеръ и направленіе.

Между тѣмъ первый редакторъ „Новаго Времени“, Киркоръ, хотя и прочно обосновался въ Краковѣ, гдѣ онъ сталъ членомъ академіи наукъ и продолжалъ работать, какъ этнографъ, археологъ и историкъ *), не переставалъ мечтать о возможности если не вернуться въ Россію, то, по крайней мѣрѣ, поработать на поприщѣ русской научной литературы. Случай къ тому явился въ 1875 году, когда М. О. Вольфъ началъ издавать подъ редакціею вице-президента Имп. Географическаго Общества, сенатора П. П. Семенова, „Живописную Россію“. Киркоръ, какъ знатокъ Литвы и Бѣлоруссіи и „въ тѣ годы— по словамъ Пыпина **)—едва-ли не единственный человѣкъ, который могъ дать для популярнаго чтенія столь разнообразныя свѣдѣнія о Западномъ краѣ и готовъ былъ работать“, былъ приглашенъ въ сотрудники этого изданія и написалъ цѣлый рядъ цѣнныхъ очерковъ.

Очерки эти вызвали сильные нападки на изданіе, такъ какъ извѣстная часть русской печати усмотрѣла въ нихъ чуть не „польскую интригу“, хотя серьезная кри-

*) Научные труды Киркора перечислены: въ статьѣ Н. А. Янчука („Кіевск. Старина“, 1887 г., VI—VII), въ „Исторіи польской литературы“ Зановича и др.

**) Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. 160—171.

тика признала за работою Киркора безспорное научное значеніе.

Скончался Киркоръ въ Краковѣ, въ 1887 году, въ весьма бѣдственной матеріальной обстановкѣ, несмотря на то, что, какъ ученый, онъ занялъ видное мѣсто въ польско-литовской археологіи и этнографіи. Свои бумаги—въ томъ числѣ интересную корреспонденцію, относящуюся ко времени нарожденія и первыхъ лѣтъ существованія „Новаго Времени“—онъ пожертвовалъ краковскому народному музею.

ПИСАТЕЛЬ-ЧТЕЦЪ.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ сборнымъ пунктомъ звѣздъ русскаго литературнаго міра былъ домъ графа Алексѣя Бобринскаго въ Петербургѣ. Это былъ своего рода „Петербургскій салонъ“—въ родѣ тѣхъ литературныхъ салоновъ, которыми такъ славится Парижъ. Графъ и графиня Бобринскіе были большими знатоками и любителями литературы. Въ отличіе отъ многихъ другихъ аристократовъ Петербурга, державшихся „подальше“ отъ литературы и литераторовъ и смотрѣвшихъ немного свысока на литературную братію, графъ и графиня предпочитали присутствіе литераторовъ на своихъ вечерахъ присутствію многихъ высокопоставленныхъ лицъ, за которыми гнались столичные великосвѣтскіе кружки. На вечерахъ у Бобринскихъ, рядомъ съ генералами, увѣшанными орденами, выдающимися сановниками и представителями разныхъ круговъ русскаго high-life'а, щеголявшими въ безукоризненныхъ костюмахъ отъ Тедески—всегда можно было встрѣтить скромныя фигуры небрежно одѣтыхъ и очень свободно себя державшихъ въ обществѣ—И. А. Гончарова, А. Н. Майкова, Н. С. Лѣскова, Д. Д. Минаева, Н. Н. Страхова, подражавшаго въ манерахъ и костюмѣ аристо-

кратамъ Д. В. Григоровича, переводчика „Фауста“ Струговщикова и нѣкоторыхъ другихъ изъ числа извѣстныхъ тогда писателей.

По своему характеру „вторники“ у графа Бобринскаго носили исключительно литературный отпечатокъ, такъ какъ на этихъ „вторникахъ“ читались новыя произведенія, обсуждались и подвергались критикѣ всевозможныя литературныя явленія, велись бесѣды на литературныя темы и т. п.

Душою этихъ вторниковъ и однимъ изъ аккуратнѣйшихъ ихъ посѣтителей былъ Н. С. Лѣсковъ. Обладая замѣчательнымъ умѣніемъ занять любое общество своими разсказами и своею полною остроумія бесѣдою, Лѣсковъ былъ у Бобринскихъ своего рода persona grata, такъ какъ его присутствіе обезпечивало успѣхъ вечера и общее оживленіе: Лѣсковъ удивительно умѣлъ привлекать всѣхъ къ участію въ бесѣдѣ и находилъ всегда одинаково занимательныя для всѣхъ темы.

Въ 1875 году на вечерахъ у Бобринскихъ появился новый гость: графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, только что пріѣхавшій въ Петербургъ изъ-за границы, гдѣ онъ постоянно проводилъ время въ странствіяхъ по разнымъ минеральнымъ водамъ. Въ то время А. Толстой еще не имѣлъ такой популярности, какую пріобрѣлъ впослѣдствіи Его хорошо знала аристократія, но масса публики о немъ слышала мало. Знали же его, главнымъ образомъ, какъ автора интереснаго романа „Князь Серебряный“ и мелкихъ стихотвореній, между тѣмъ какъ его знаменитую трилогію считали очень умною, но очень скучною вещью. Никто въ то время не подозрѣвалъ, что пьесы А. Толстого могутъ имѣть такой громадный и прочный успѣхъ на сценѣ, какой выпалъ на ихъ долю почти двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти автора.

Графъ Алексѣй Толстой сталъ усердно бывать въ

книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа, не столько для покупокъ, сколько для бесѣдъ съ Мавриміемъ Осиповичемъ и его гостями-писателями.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній гр. Алексѣй Толстой засталъ у Вольфа Гончарова и Лѣскова, съ которыми онъ разговорился тутъ же, у прилавка. Разговоръ, конечно, коснулся литературы. А. Толстой, со свойственною ему живостью, несмотря на точившую его уже тогда болѣзнь, старался узнать у Лѣскова и Гончарова все, чѣмъ интересовались тогда литературныя сферы, разспрашивалъ по очереди про всѣхъ писателей и, наконецъ, коснулся Писемскаго. Какъ Гончаровъ, такъ и Лѣсковъ были близкими друзьями и ярыми поклонниками автора „Тысячи душъ“ и „Взбаламученнаго моря“ и съ негодованіемъ разсказывали о травлѣ, которой подвергался въ то время Писемскій со стороны критики.

— Правда-ли, что талантъ Писемскаго замѣтно вянетъ?—спросилъ Толстой.

Лѣсковъ рѣзко запротестовалъ противъ подобнаго мнѣнія и сослался, между прочимъ, на новѣйшее въ то время произведеніе Писемскаго,—пьесу „Просвѣщенное время“.

— Вездѣ, гдѣ только Писемскій ни читаетъ эту свою новую пьесу,—разсказывалъ Лѣсковъ,—онъ производитъ фуроръ, и пьеса, несомнѣнно, будетъ имѣть крупный успѣхъ на сценѣ.

— А развѣ Писемскій еще въ Петербургѣ?—спросилъ Толстой.

— Да, онъ пріѣхалъ изъ Москвы хлопотать въ цензурѣ относительно своей пьесы, но пока тщетно,—объяснилъ Лѣсковъ.

— Я хотѣлъ видѣться съ нимъ, но до сихъ поръ не успѣлъ,—замѣтилъ графъ А. К. Толстой.—Говорятъ, Писемскій прекрасно читаетъ свои произведенія?—прибавилъ онъ.

— Да, онъ, дѣйствительно, не только великій писатель, но и великій чтецъ,—подтвердилъ Лѣсковъ:—такъ, какъ онъ, у насъ никто не умѣетъ читать.

Писемскій на самомъ дѣлѣ былъ замѣчательнымъ чтецомъ, и въ его мастерскомъ чтеніи каждая вещь производила сильное впечатлѣніе.

— Сегодня вторникъ, обычный jour fixe у Бобринскихъ, — сказалъ Толстой, — вотъ хорошо бы на сегодняшній вечеръ пригласить Писемскаго. Онъ бы намъ прочелъ свою пьесу, о которой теперь говоритъ уже весь Петербургъ. Утверждаютъ, будто эта пьеса—политическій памфлетъ.

Лѣсковъ выразилъ сомнѣніе, приметъ ли Писемскій приглашеніе на вечеръ. Онъ зналъ нелюбовь автора „Мѣщанъ“ къ великосвѣтскимъ кружкамъ, часто слышалъ, какъ Писемскій выражался, что „ходить по аристократамъ—не дѣло писателя“ и что на писателей въ такъ называемомъ „хорошемъ“ обществѣ привыкли смотрѣть свысока, несмотря на мнимое, будто-бы, къ нимъ уваженіе. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Лѣсковъ полагалъ, что Писемскій не отзовется на приглашеніе графа.

— Когда рѣчь идетъ о чтеніи его пьесы, Алексѣй Ѳеофилактовичъ становится сговорчивѣе; онъ уже принялъ приглашеніе у Похвисневыхъ и другихъ,—замѣтилъ Гончаровъ и взялся быть посредникомъ въ приглашеніи Писемскаго къ Бобринскимъ.

Графъ Толстой уговорилъ Лѣскова и Гончарова тотчасъ же отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Бобринскимъ, чтобы переговорить съ графомъ и графинею Бобринскими и условиться относительно предполагавшаго „чтенія“ пьесы Писемскаго.

— Мы застанемъ графа и графиню какъ разъ за завтракомъ,—объяснилъ Толстой,—и они, конечно, будутъ очень рады васъ видѣть, господа.

Лѣсковъ подъ какимъ-то предлогомъ отклонилъ приглашеніе. Поѣхалъ съ Алексѣемъ Толстымъ одинъ только Гончаровъ.

И вотъ за завтракомъ у Бобринскихъ Гончаровъ набросалъ слѣдующую записку:

„Вторникъ. Только-что отправилъ къ вамъ записку по городской почтѣ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳеофилактовичъ, о предполагающемся чтеніи вашей драмы у г. Похвиснева, какъ другое общество ищетъ удовольствія слышать васъ. Это именно графиня и графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой (авторъ Грознаго) и графъ и графиня Бобринскіе, у которыхъ я пишу эту записку. Вѣроятно, вы не откажете въ этомъ удовольствіи такой достойной аудиторіи.

„Если вы согласитесь, то дайте знать теперь же съ этимъ посланнымъ о томъ, можете ли вы прочитать драму сегодня, во вторникъ, или нѣтъ.

„Отвѣтъ вашъ потрудитесь адресовать на имя графа Алексѣя Константиновича Толстого, который получитъ вашу записку, и если чтеніе будетъ нынче вечеромъ, то графиня, его жена, останется на нынѣшній вечеръ здѣсь; въ противномъ случаѣ, т.-е. если вы не можете сегодня, она уѣдетъ, и чтеніе отложится на нѣсколько дней.

„Графъ Бобринскій хотѣлъ побывать у васъ самъ, а графъ Толстой, котораго вы вызовете, представитъ васъ семейству гр. Бобринскихъ. Да или нѣтъ? И я приду часовъ въ 10, а вы бы пожаловали часовъ въ девять.

Вашъ
Ив. Гончаровъ".

Опасаясь, что одного письма Гончарова мало для того, чтобы заставить Писемскаго пріѣхать, графъ А. К. Толстой приписалъ на томъ же письмѣ:

„Надѣюсь, любезный Алексѣй Ѳеофилактовичъ, что вы намъ не откажете, и я буду васъ ожидать у Бобринскихъ, на Михайловской площади, въ домѣ Лазарева. Туда-же прошу васъ прислать отвѣтъ вашъ на эту записку. Я былъ у васъ, а третьяго дня видѣлъ васъ въ театрѣ и сходилъ къ вамъ въ антрактъ, но не нашелъ.

Искренно вамъ преданный
Ал. Толстой".

Писемскій принялъ приглашеніе, и чтеніе „Просвѣщеннаго времени" состоялось у Бобринскихъ въ тотъ же вечеръ. Пьеса имѣла у избранной аудиторіи, частью благодаря мастерскому чтенію автора, выдающійся успѣхъ. Но, что для Писемскаго было особенно важно, въ числѣ

его слушателей нашлись вліятельные люди, которые, благодаря посредничеству графа А. К. Толстого, устранили цензурныя препятствія, тормозившія постановку пьесы на сценѣ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого пьеса была поставлена на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ и имѣла большой успѣхъ.

Приглашенію графа А. К. Толстого Писемскій, очевидно, придавалъ особенное значеніе, такъ какъ сохранилъ его письмо въ числѣ немногихъ писемъ, которыя были найдены въ небольшомъ свертѣ послѣ смерти автора „Тысячи душъ“.

Съ графомъ А. К. Толстымъ, послѣ вечера у Бобринскихъ, Писемскій уже больше не встрѣчался: больной графъ уѣхалъ въ свое черниговское имѣніе, Красный Рогъ, и тамъ скончался 28 сентября 1875 года на пятьдесятъ девятомъ году жизни.

АРЕСТЪ „ЛОГИКИ“ МИЛЛЯ.

Въ 1863 году М. О. Вольфъ, рѣшивъ выпустить въ русскомъ переводѣ рядъ капитальныхъ ученыхъ сочиненій иностранныхъ знаменитостей, остановилъ, между прочимъ, свой выборъ на „Системѣ логики“ Джона Стюарта Милля, выдержавшей въ англійскомъ подлинникѣ пять изданій.

Не разсчитывая на быстрый сбытъ, Вольфъ полагалъ, что книга Милля принадлежитъ къ числу тѣхъ необходимыхъ русскимъ интеллигентнымъ читателямъ сочиненій, которыя, хотя быть можетъ и медленно, но безусловно найдутъ своего покупателя.

Переводъ труда Милля Вольфъ рѣшилъ поручить Ф. Ф. Резенеру, извѣстному педагогу и переводчику (впослѣдствіи директору ремесленнаго исправительнаго пріюта близъ Петербурга и воспитателю пріюта Тименкова и Фролова, автору многочисленныхъ трудовъ по педагогикѣ). Гонораръ за переводъ былъ условленъ 18 руб. съ печатнаго листа, что за все сочиненіе составило свыше 1.000 руб.

Резенеръ отнесся къ работѣ очень добросовѣстно. „По моему мнѣнію,—писалъ онъ Вольфу,—Милля слѣдуетъ переводить или безукоризненно или совсѣмъ не переводить.

У него каждое выраженіе, каждый оборотъ рѣчи имѣютъ свое, особенное значеніе". Закончивъ переводъ первыхъ листовъ, Резенеръ нашелъ, что онъ недостаточно компетентенъ въ философіи для того, чтобы поручиться въ точности передачи философскихъ взглядовъ и мыслей, вложенныхъ знаменитымъ англійскимъ писателемъ въ свой трудъ. На этомъ основаніи Резенеръ выразилъ желаніе, чтобы его переводъ въ отношеніи „философскихъ терминовъ" былъ проредактированъ болѣе компетентнымъ и знающимъ лицомъ. Результатомъ переговоровъ по этому поводу между Резенеромъ и Вольфомъ было приглашеніе въ сотрудники по изданію русскаго изданія „Системы логики" Милля—П. Л. Лаврова, автора „Очерковъ вопросовъ практической философіи" и многихъ статей по философіи, пользовавшагося уже тогда солидною извѣстностью, какъ философа позитивистскаго направленія.

На письмо по этому поводу Резенера Лавровъ въ апрѣлѣ 1863 г. отвѣтилъ:

„Милостивый Государь Фердинандъ Фердинандовичъ. Я съ удовольствіемъ согласенъ участвовать въ трудѣ изданія „Логики" Милля просмотромъ корректуръ въ отношеніи правильности философскаго языка, составленіемъ примѣчаній и введенія къ этому весьма полезному сочиненію.

Примите и пр.

П. Лавровъ".

Какъ гонораръ, Лавровъ потребовалъ 5 руб. съ листа за корректуру и обыкновенную тогда журнальную плату въ 50 руб. съ листа въ 35.000 буквъ за составленіе введенія и примѣчаній.

Условія эти издателемъ были приняты.

Но Лавровъ не ограничился предполагавшимся сначала просмотромъ корректуры въ отношеніи только правильности философскаго языка: онъ нашелъ, что переводъ Резенера, хотя точный и очень добросовѣстный, требуетъ многихъ поправокъ и тщательной редакціи. Такимъ образомъ „Система логики" Милля вышла подъ непосредствен-

ною редакціею и съ примѣчаніями Лаврова, что и было объявлено съ согласія Резенера на заглавной страницѣ.

Выходилъ переводъ отдѣльными выпусками, на которые была объявлена подписка, давшая, по тому времени, очень хорошіе результаты: число подписчиковъ достигло почти 500. Съ выходомъ въ 1864 году послѣдняго, пятаго, выпуска, все сочиненіе поступило въ продажу въ видѣ двухъ законченныхъ томовъ, но продавалось, какъ и большинство научныхъ переводныхъ книгъ въ то время, медленно, такъ что только спустя 14 лѣтъ, въ 1878 году, явилась потребность въ новомъ его изданіи.

Это новое изданіе, на основаніи условія, заключеннаго Вольфомъ съ Резенеромъ и Лавровымъ, было безъ какихъ-либо измѣненій, буква въ букву, перепечатано съ перваго. Каково же было удивленіе Вольфа, когда на второй день послѣ представленія въ цензурный комитетъ требуемыхъ по закону экземпляровъ новаго изданія явился тогдашній инспекторъ типографій въ Петербургѣ, Никитинъ, съ заявленіемъ, что ему поручено Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати опечатать, арестовать и отобрать всѣ экземпляры у издателя!

— Это очевидно какое-нибудь недоразумѣніе! — замѣтилъ Вольфъ.—Не можетъ быть, чтобы запретили такую книгу, какъ логика! Книга перепечатана безъ всякихъ измѣненій съ перваго изданія, которое дозволено цензурою и 14 лѣтъ находилось свободно въ продажѣ.

— Не могу знать, — отвѣтилъ Никитинъ. — Вамъ извѣстно, Маврикій Осиповичъ, что я только исполнитель приказаній, и притомъ исполнитель весьма часто противъ личныхъ моихъ убѣжденій...

Этотъ Никитинъ принадлежалъ къ числу очень извѣстныхъ и популярныхъ лицъ въ средѣ издателей, писателей и типографовъ Петербурга.

На постъ старшаго инспектора типографій Никитинъ

попалъ, по его собственному разсказу, „въ видѣ наказанія“ за слишкомъ либеральный образъ мыслей, который онъ проявилъ, будучи архангельскимъ вице-губернаторомъ. При этомъ онъ откровенно признавался, что до назначенія на постъ инспектора типографій ему никогда не случалось быть ни въ одной типографіи, никогда не приходилось видѣть типографскій наборъ и что вообще о типографскомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ никакого понятія. Впрочемъ, занятія его, какъ старшаго инспектора типографій, ограничивались большею частью лишь подписываніемъ заготовленныхъ его письмоводителями бумагъ, да накладываніемъ арестовъ на книги по распоряженію Цензурнаго Комитета или Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

Располагая свободнымъ временемъ, Никитинъ дѣлалъ визиты поочередно всѣмъ подчиненнымъ ему издателямъ и типографамъ и цѣлыми часами объяснялъ имъ свои „политическіе взгляды“, при чемъ очень любилъ порицать притѣсненія, которымъ подвергалось печатное слово, и критиковалъ вообще мѣры правительства.

Накладывая арестъ на какую-нибудь книгу, онъ всегда повторялъ стереотипную фразу, что его сердце„ обливается кровью при мысли, что его заставляютъ быть палачомъ книгъ“. Очевидно, однако, у него было очень здоровое сердце, потому что, несмотря на то, что исполнять печальную миссію палача ему приходилось часто, онъ дожилъ все-таки на посту инспектора типографій до глубокой старости.

Во время каждаго ареста онъ обязательно два-три экземпляра оставлялъ себѣ, и такимъ образомъ у него образовалась большая, очень цѣнная, единственная въ своемъ родѣ библіотека запрещенныхъ и частью сожженныхъ и уничтоженныхъ изданій.

Въ сущности это былъ добрѣйшій человѣкъ, и его любили и издатели и типографы.

Съ М. О. Вольфомъ онъ былъ особенно друженъ, и

явившись наложить арестъ на логику Милля, онъ прежде всего, по обыкновенію, счелъ долгомъ выразить свое глубокое возмущеніе по поводу „нелѣпаго распоряженія цензуры".

По совѣту Никитина Вольфъ поѣхалъ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, чтобы разъяснить мнимое недоразумѣніе. Но тамъ ему сухо замѣтили, что никакого недоразумѣнія нѣтъ и что арестъ наложенъ правильно, и книга будетъ конфискована и уничтожена, потому что на ней имѣется... фамилія политическаго преступника, высланнаго административнымъ порядкомъ, но бѣжавшаго изъ ссылки и жившаго эмигрантомъ, Петра Лаврова.

— Позвольте, но вѣдь первое изданіе, на которомъ имѣется та же фамилія, я и до сихъ поръ свободно продаю въ моихъ магазинахъ, и никто не протестуетъ!..

— Совершенно вѣрно, но это изданіе было напечатано, когда Лавровъ еще не былъ политическимъ преступникомъ и эмигрантомъ...

— Но вѣдь это одно и то же лицо!.. Да, кромѣ того, сочиненіе написано даже не имъ, а Джономъ Миллемъ и даже переведено не имъ...

Однако объясненія Вольфа не помогли: Главное Управленіе по дѣламъ печати не согласилось снять ареста, основываясь на точномъ предписаніи министра внутреннихъ дѣлъ, согласно которому труды лицъ, лишенныхъ по суду правъ, равно какъ и высланныхъ административно, не должны были впредь допускаться къ печати.

Тогда Вольфъ прибѣгъ къ своимъ знакомствамъ въ высшихъ административныхъ сферахъ: онъ обратился къ Делянову, тогдашнему директору Имп. Публичной Библіотеки, обратился къ министру графу Д. А. Толстому. Послѣ долгихъ ходатайствъ, докладныхъ записокъ и пр. онъ добился того, что съ книги снятъ былъ арестъ подъ условіемъ, что заглавный листъ и обложка, гдѣ указана

фамилія Лаврова, будутъ уничтожены и замѣнены новыми, съ одною только фамиліею Резенера, какъ переводчика, и сама книга будетъ представлена въ цензуру, какъ „новое изданіе“, ничего общаго съ Лавровымъ не имѣющее.

Какъ ни старался Вольфъ при помощи своихъ знакомствъ и связей убѣдить „сильныхъ міра сего“, что устраненіе фамиліи Лаврова съ титульнаго листа не имѣетъ никакого смысла и что скрываніе этой фамиліи явится „тайною полишинеля“,—доводы его остались тщетны.

Такъ какъ изданію грозило уничтоженіе всѣхъ арестованныхъ экземпляровъ, то Вольфу ничего не оставалось, какъ подчиниться распоряженію объ уничтоженіи фамиліи Лаврова. Но Цензурный Комитетъ этимъ еще не удовольствовался: онъ потребовалъ съ Вольфа еще подписку въ томъ, что онъ и въ объявленіяхъ о новомъ изданіи нигдѣ имени Лаврова, какъ редактора, упоминать не будетъ.

Между тѣмъ слухъ о курьезномъ, изъ-за фамиліи Лаврова, арестѣ второго изданія „Логики“ Милля уже успѣлъ распространиться въ Петербургѣ, и столичные собиратели книгъ набросились на оставшіеся экземпляры перваго изданія съ фамиліею Лаврова, которые быстро поднялись въ цѣнѣ у антикваріевъ до 20 и 30 руб. за экземпляръ, несмотря на то, что въ текстѣ перваго и второго изданія, какъ сказано, не было измѣнено ни слова.

Но цензура все же добилась своего: имя Лаврова, какъ редактора русскаго перевода Милля, исчезло, и новое изданіе, выпущенное въ 1878 году, носило одну только фамилію переводчика Резенера.

Въ настоящее время первое изданіе „Системы логики“ Милля давно распродано, сохранившіеся же экземпляры второго изданія служатъ интереснымъ вещественнымъ доказательствомъ удивительно страннаго отношенія цензуры восьмидесятыхъ годовъ къ издательскому дѣлу.

„ПОДПОЯСАННЫЙ“.

Въ 1878 году Маврикій Вольфъ, приступивъ къ изданію „Живописной Россіи“—крупнѣйшему изъ всѣхъ его издательскихъ предпріятій—разослалъ приглашенія на редакціонное засѣданіе всѣмъ ученымъ и литераторамъ, изъявившимъ согласіе принять участіе въ литературной части задуманнаго обширнаго труда.

Случилось такъ, что въ это самое время Вольфу понадобился для его дѣла новый артельщикъ, и онъ по этому поводу помѣстилъ соотвѣтственную публикацію въ газетахъ. И вотъ, по публикаціи, въ магазинъ Вольфа съ утра явилась масса кандидатовъ на мѣсто артельщика, все больше изъ числа простыхъ мужичковъ. Кассиръ магазина предложилъ имъ подождать „самого хозяина“.

Когда число прибывшихъ достигло уже довольно порядочной цифры, въ магазинъ вошелъ, скромно оглядываясь, человѣкъ, одѣтый въ простой тулупъ, подпоясанный старымъ кожанымъ ремнемъ.

— Могу я видѣть Маврикія Осиповича? — спросилъ онъ кассира.

Тотъ, по внѣшности вошедшаго, принялъ его за артельщика, ищущаго мѣста, указалъ ему на уголокъ подъ лѣстницею въ самомъ концѣ магазина и сказалъ:

— Подожди вонъ тамъ. Мавpикій Осиповичъ скоро придетъ.

Новый „артельщикъ“ ничего не отвѣтилъ и спокойно всталъ въ уголку, гдѣ надъ его костюмомъ и въ особенности страннымъ поясным ремнемъ стали безпощадно смѣяться и трунить настоящіе артельщики.

Пришелъ, наконецъ, „самъ“ Вольфъ.

Подпоясанный старичекъ подошелъ къ нему первый.

— Подожди, куда лѣзешь!—закричалъ кассиръ.

Вольфъ переговорилъ съ однимъ артельщикомъ, съ другимъ. „Подпоясанный“ все стоялъ, ожидая своей очереди. Вдругъ онъ посмотрѣлъ на часы, висѣвшіе въ магазинѣ, и выступилъ впередъ.

— Извините, у меня времени нѣтъ, я...—началъ онъ робко.

— Подожди, а не хочешь, такъ убирайся!—отвѣтилъ ему рѣзко кассиръ.

— Эй ты, братецъ „подпоясанный“, какой ты однако нетерпѣливый!—шутили надъ нимъ другіе, ожидавшіе очереди, артельщики.

„Подпоясанный“ спокойно отвѣчалъ:

— Поймите, братцы, некогда ждать...

— Подождешь!—послышалось нѣсколько голосовъ.

„Подпоясанный“ снова вернулся въ уголокъ и ждалъ, все поглядывая на часы.

Простоялъ онъ тамъ съ полчаса.

— Пожалуйста, отпустите меня,—промолвилъ онъ, наконецъ, обращаясь непосредственно къ Вольфу,—я бы охотно еще подождалъ, но мнѣ къ 12 часамъ нужно явиться съ докладомъ къ Великому Князю, Президенту Географическаго общества.

Вольфъ удивленно посмотрѣлъ на страннаго „артельщика“, который спѣшитъ съ докладомъ къ Великому Князю.

— Ты кто такой?—спросилъ онъ.

— Я—Потанинъ; вы приглашали меня на засѣданіе редакціи „Живописной Россіи", вотъ я и хотѣлъ съ вами предварительно поговорить...

Дѣйствительно скромно, „по мужицки" одѣтый и опоясанный ремнемъ человѣкъ былъ никто иной, какъ Потанинъ, знаменитый Потанинъ, одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ русскихъ географовъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ изслѣдователей далекихъ восточныхъ окраинъ Россіи, ученый изслѣдователь, которому наука обязана цѣннѣйшими описаніями Алтая и Семипалатинской области, извѣстный путешественникъ-изслѣдователь, который изучилъ до мельчайшихъ подробностей сельское хозяйство и промыслы Алтая и занималъ уже тогда, въ восьмидесятыхъ годахъ, одно изъ первыхъ мѣстъ среди русскихъ географовъ. Необычайно скромный, застѣнчивый, Потанинъ никогда не любилъ выдвигаться и точно чувствовалъ себя неловко, когда говорили о его заслугахъ для науки, его знаніяхъ и т. п. Для „Живописной Россіи" Потанинъ долженъ былъ составить рядъ очерковъ объ Алтаѣ, которые, по мнѣнію редактора изданія, вице-предсѣдателя Географическаго общества П. П. Семенова, явились-бы лучшимъ украшеніемъ тома изданія, посвященнаго Русской Средней Азіи.

Можно по этому легко представить, какъ заволновался Вольфъ, когда мнимый артельщикъ, терпѣливо поджидавшій своей очереди для переговоровъ, оказался Потанинымъ. Онъ сталъ извиняться, пригласилъ его въ кабинетъ и т. д.

— Ничего, ничего, пожалуйста, не стѣсняйтесь,— весело отговаривался Потанинъ,—тутъ извиняться-то нечего: я вѣдь знаю, что у насъ на Руси, согласно пословицѣ, „по платью встрѣчаютъ", моя же простая шуба, въ которой я пропутешествовалъ тысячи верстъ по снѣж-

нымъ горамъ, конечно, не можетъ внушать уваженія... Но ужъ пусть меня извинятъ: я не стану одѣваться по парижскимъ моделямъ...

И ни тѣни обиды, ни тѣни злости не было въ словахъ почтеннаго изслѣдователя Алтая. Онъ побесѣдовалъ съ Вольфомъ, обѣщалъ ему написать очерки объ Алтаѣ, явиться на засѣданіе и вышелъ изъ магазина такъ же скромно, какъ и вошелъ.

ИСТОРИКЪ и КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Въ серединѣ семидесятыхъ годовъ м. с. часто можно было видѣть выходившаго изъ зданія Имп. Публичной Библіотеки, въ Петербургѣ, сгорбленнаго старика въ очкахъ, съ длинною, всклокоченною сѣдою бородою. Старикъ шелъ медленно, погруженный въ свои мысли, иногда произнося вслухъ какія-то слова, иногда жестикулируя одной рукой въ то время, какъ другая крѣпко держала большой саквояжъ съ вышитыми на немъ гарусомъ, по старомодному обычаю, фруктами и всегда туго набитый бумагами и книгами.

По виду этого старика можно было принять за артельщика, собирающаго у купцовъ деньги по счетамъ. Да и на самомъ дѣлѣ сходство между старикомъ и очень извѣстнымъ въ то время въ купеческихъ кругахъ артельщикомъ писчебумажной фабрики Печаткина было поразительное.

Изъ Публичной Библіотеки старикъ почти всегда направлялся въ книжный магазинъ М. О. Вольфа въ Гостиномъ дворѣ.

— Здѣсь?—спрашивалъ онъ, открывая входную дверь въ магазинъ и просовывая туда свою голову въ большой мѣховой шапкѣ.

Приказчики, очевидно хорошо знавшіе старика, понимали, что этотъ вопросъ относится къ „хозяину“, т.-е. къ Маврикію Осиповичу Вольфу.

— Здѣсь, пожалуйте!—отвѣчалъ иногда самъ Вольфъ и уводилъ своего посѣтителя прямо въ свой крошечный кабинетикъ въ концѣ магазина.

Старикъ направлялся туда, не снимая шубы и не выпуская изъ рукъ саквояжа.

Дверь въ кабинетъ закрывалась, и оттуда вскорѣ доходилъ до магазина громкій, дребезжащій голосъ:

— Я такъ и думалъ... такъ и предполагалъ... но польскіе историки меня спутали... теперь нашелъ... источники вѣрные... Да вы мнѣ не противорѣчьте, Маврикій Осиповичъ, я вамъ говорю: всѣ сообщенія мною провѣрены... и т. д.

Голосъ старика звучалъ нервно, сердито. Иногда послѣ подобнаго разговора старикъ выходилъ весь красный, озлобленный и, не прощаясь, быстрымъ шагомъ направлялся къ двери.

Этотъ невзрачный на видъ старикъ былъ извѣстный историкъ Николай Ивановичъ Костомаровъ, а Маврикій Вольфъ — страстный любитель исторіи, въ особенности исторіи Польши и Украины и ихъ отношеній къ древней Москвѣ, любитель хорошо начитанный, — былъ ярымъ поклонникомъ и почитателемъ Костомарова, хотя не раздѣлялъ многихъ его взглядовъ и нерѣдко пускался съ нимъ въ принципіальные споры по вопросамъ „исторической репутаціи“ той или другой личности, или мнѣнія о томъ или другомъ событіи...

Костомаровъ работалъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ въ отдѣлѣ историческихъ рукописей, гдѣ подбиралъ матеріалы для своихъ все новыхъ и новыхъ историческихъ изслѣдованій. Утромъ рано онъ направлялся въ библіотеку, проводилъ тамъ время до 3 или 4 часовъ, а затѣмъ, на

обратномъ пути, заходилъ къ Вольфу, дѣлился съ нимъ новыми своими „историческими открытіями“ и часто при этомъ заводилъ разговоръ по тому или другому, почти всегда историческому, вопросу,—разговоръ, сплошь и рядомъ переходившій въ споръ.

Во время подобныхъ споровъ желчный, нервный, сердитый Костомаровъ возвышалъ голосъ, выходилъ даже иногда изъ себя, когда Вольфъ начиналъ оспаривать какое-либо мнѣніе историка. Случалось даже, что Костомаровъ уходилъ не простившись, но черезъ два-три дня опять приходилъ къ Вольфу, опять пускался въ разговоръ, опять сердился—и такъ безъ конца.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Костомаровъ сознается откровенно Вольфу, что въ разговорахъ съ нимъ „многому научился, многое узналъ, многое освѣтилъ съ новой точки зрѣнія“.

У Вольфа въ магазинѣ въ то время часто собирались литераторы, но Костомаровъ не принималъ участія въ собраніяхъ вольфовскаго литературнаго „почти-клуба“. Онъ даже нарочно выбиралъ для своихъ посѣщеній такое время, когда могъ говорить съ Вольфомъ наединѣ.

Дружба между историкомъ и издателемъ-книгопродавцемъ укрѣпилась еще больше, когда Вольфъ, въ октябрѣ 1871 года, пріобрѣлъ у Костомарова право на изданіе тома его „Историческихъ монографій и изслѣдованій“, въ который вошли монографіи объ Аннѣ Кашинской, о молоканахъ, Богданѣ Хмѣльницкомъ, началѣ единодержавія въ древней Руси и пр. Спустя затѣмъ 8 лѣтъ, въ февралѣ и мартѣ 1879 г., Вольфъ пріобрѣлъ у Костомарова право на изданіе еще трехъ новыхъ томовъ „Историческихъ монографій и изслѣдованій“, а въ 1881 году, въ декабрѣ, право на изданіе костомаровскаго изслѣдованія „Руина“, составившаго XV томъ „Изслѣдованій и монографій“; наконецъ, въ октябрѣ 1882 г., Костома-

ровъ продалъ Вольфу право на новое изданіе своего крупнаго труда „Смутное время Московскаго государства“. Всѣ эти труды печатались въ количествѣ 2000 экземпляровъ—по тому времени обычный „заводъ“ подобнаго рода изданій. Костомаровъ самъ опредѣлилъ гонораръ по 600 руб. за каждый томъ. Кромѣ того, когда М. О. Вольфъ началъ издавать „Живописную Россію“, Костомаровъ заявилъ о своемъ согласіи написать для этого изданія очеркъ о сѣверо-русскомъ народоправствѣ, выговоривъ себѣ гонораръ въ 125 руб. за печатный листъ.

Своимъ издателемъ, судя по сохранившимся письмамъ, Костомаровъ остался очень доволенъ. „Туго у насъ публика покупаетъ историческія книги, — писалъ онъ Вольфу,—но Вы, Маврикій Осиповичъ, умѣете заставить публику покупать этого рода книги, и я надѣюсь, что при Вашемъ содѣйствіи мнѣ не долго придется ждать новаго изданія всѣхъ моихъ монографій“.

Въ 1878 г. Вольфъ купилъ, вмѣстѣ со старинными польскими книгами, хранившимися въ библіотекѣ англичанина-коллекціонера Вильсона, два ящика старинныхъ писемъ, которыя оказались перепиской лицъ, близкихъ къ Сапѣгамъ, и относились къ событіямъ Смутнаго времени. Извѣстный польскій писатель Крашевскій, узнавъ объ этой покупкѣ, очень заинтересовался письмами и просилъ у Вольфа разрѣшенія пересмотрѣть ихъ, надѣясь найти въ нихъ матеріалъ для новаго историческаго романа. Вольфъ, находясь въ дружбѣ съ Крашевскимъ, рѣшилъ поднести эти письма маститому польскому писателю въ даръ, по случаю его 50-лѣтняго литературнаго юбилея, что и было имъ исполнено. Но передъ отсылкою писемъ въ Краковъ, гдѣ находился Крашевскій, Вольфъ пригласилъ Костомарова просмотрѣть письма. На долю пишущаго настоящія строки выпала честь присут-

ствовать при этомъ просмотрѣ и помогать знаменитому историку въ разборѣ писемъ. Костомаровъ нашелъ въ нихъ массу интересныхъ свѣдѣній, хотя, какъ онъ выразился,—это только „мелочи", но мелочи, по которымъ можно добраться до болѣе важныхъ свѣдѣній, касающихся Дмитрія Самозванца или, какъ именовалъ его Костомаровъ, „названнаго Лжедмитрія I". Костомаровъ былъ тогда нездоровъ и очень сожалѣлъ, что не можетъ взяться за разработку интересовавшаго его историческаго матеріала *).

При новомъ пересмотрѣ громадной библіотеки Вильсона Вольфъ нашелъ еще одну большую связку историческихъ документовъ XVII вѣка. Эту связку онъ поднесъ въ даръ Костомарову,ославъ ему этотъ подарокъ какъ разъ къ Пасхѣ 1880 г. вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ. Костомаровъ письмомъ отъ 22 апрѣля 1880 г. отвѣтилъ:

„Многоуважаемый Маврикій Осиповичъ, сердечно благодарю Васъ за вчерашній присланный мнѣ подарокъ, который дорогъ мнѣ по Вашему доброму ко мнѣ вниманію; гораздо болѣе, чѣмъ по своему несомнѣнному матеріальному достоинству. Поздравляю Васъ съ праздникомъ Воскресенія Христова и желаю Вамъ отъ Бога здоровья, благополучія и всегдашней свѣтлости духа, которая и составляетъ для человѣка самое величайшее счастье въ жизни.

Н. Костомаровъ".

Въ этомъ же письмѣ Костомаровъ коснулся вопроса относительно предложенной Вольфомъ Костомарову дачи. Дѣло въ томъ, что Вольфъ купилъ около этого времени огромный участокъ земли въ Спб., на Аптекарскомъ островѣ, принадлежавшій графамъ Борхъ, къ которымъ онъ перешелъ отъ графини Лаваль. И вотъ Вольфъ предложилъ Костомарову поселиться въ одной изъ дачъ, находившихся на означенномъ участкѣ.

---

*) См. книгу „Неподомицкій Царевичъ". Историческая легенда о королевскомъ происхожденіи Дмитрія Самозванца. Спб., стр. 69.

По этому поводу Костомаровъ писалъ:

„Вы заѣзжали безъ меня ко мнѣ и сообщали женѣ моей, что у Васъ есть разныя дачи, даже предлагали ей любезно съ нею вмѣстѣ поѣхать для осмотра и выбора,—писалъ Костомаровъ.—До сихъ поръ жена моя никакъ не могла воспользоваться этимъ, потому что была больна и не выходила изъ дома. Теперь ей хотя и лучше, но остается ужасная слабость, которая, конечно, пройдетъ. Она сказала, что со среды, то есть съ завтрашняго дня, будетъ выѣзжать и тотчасъ поѣдетъ къ Вамъ на дачу. Увѣдомите, къ кому тамъ обратиться, чтобы показали. Вы говорили—у Васъ разныя дачи: пусть выберетъ сама; это дѣло хозяйки, а не мое собственно.

Вашъ Н. Костомаровъ".

Принять плату за наемъ дачи Вольфъ категорически отказался. „Вы мнѣ и моимъ дачамъ окажете большую честь, живя у меня, — объяснилъ Вольфъ. — Да, кромѣ того, мнѣ кажется, вы поднимете значеніе моихъ дачъ: будутъ говорить: „здѣсь жилъ Костомаровъ".

Нужно замѣтить, что Костомаровъ, которому шелъ въ то время 52-й годъ, переживалъ тогда первые годы супружеской жизни: незадолго передъ этимъ онъ женился на Александрѣ Львовнѣ Кисель, урожденной Крагельской, которая была его невѣстой въ юности, до его ареста въ 1847 году, но послѣ его ссылки вышла замужъ за другого. Уже подъ конецъ жизни Костомаровъ встрѣтилъ опять „первую любовь" вдовою и предложилъ ей выйти за него замужъ.

И вотъ, Костомаровъ со своею „молодою" женою поселился на дачѣ Вольфа, что еще больше сблизило обоихъ.

Костомаровъ носился тогда съ мыслью издать полное собраніе своихъ сочиненій, — мыслью, на которую натолкнулъ его Вольфъ.

— Смотрите, Маврикій Осиповичъ,—говорилъ онъ,— когда я умру, вы обязательно должны выпустить полное собраніе моихъ сочиненій и обязательно съ тѣми исправленіями, дополненіями и объясненіями, надъ которыми я теперь работаю.

Но—увы! Вольфъ скончался въ 1883 г., не доживъ

до предполагаемаго изданія. Костомаровъ пережилъ его всего двумя годами: онъ умеръ трагически, сшибленный съ ногъ на Невскомъ проспектѣ мчавшимися лошадьми, когда, по обыкновенію, возвращался, погруженный въ свои думы, изъ Публичной Библіотеки. Умеръ онъ послѣ мучительной болѣзни 7 апрѣля 1885 года.

КАКЪ ЧИТАЛИ АННУ КАРЕНИНУ.

Трудно въ настоящее время представить себѣ тотъ небывалый, жгучій интересъ, который вызвала въ 1874—76 гг. „Анна Каренина“, печатавшаяся тогда отрывками въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Еще до появленія романа носились слухи, что Толстой рѣшилъ представить въ немъ новѣйшую русскую аристократію въ далеко неприглядномъ видѣ и что, подобно тому, какъ въ „Войнѣ и мирѣ“ изображены были живыя лица, такъ и въ „Аннѣ Карениной“ будутъ фигурировать будто бы живые же представители современнаго русскаго высшаго общества.

Уже одно это обстоятельство заинтриговало высшіе круги. И лица этого круга съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали появленія начала романа.

По мѣрѣ печатанія „Анны Карениной“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ интересъ къ роману росъ изо дня въ день. Больше всего этотъ интересъ проявлялся въ высшихъ аристократическихъ кругахъ. Даже та—тогда довольно многочисленная—часть аристократіи, которая съ извѣстнымъ пренебреженіемъ относилась къ русской беллетристикѣ и читала только французскіе романы, буквально набросилась на „Анну Каренину“. Выхода каждой новой книжки „Рус-

скаго Вѣстника" ждали съ нетерпѣніемъ. Запозданіе книжки вызывало безконечные запросы, опасенія, что цензура задержала продолженіе и т. п. Ходили слухи, что между Катковымъ, редакторомъ-издателемъ „Русскаго Вѣстника", и Толстымъ происходятъ изъ-за романа споры и ссоры, что Катковъ требуетъ отъ Толстого многихъ измѣненій, вычеркиваетъ цѣлыя страницы, что Толстой рѣшилъ прекратить печатаніе своего романа въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и т. д.

За провѣркою этого рода слуховъ въ Петербургѣ многіе обращались тогда въ книжный магазинъ М. О. Вольфа, который считался главнымъ поставщикомъ книгъ для петербургской родовитой, финансовой и чиновничьей аристократіи и являлся, до извѣстной степени, однимъ изъ центровъ литературной жизни столицы. И магазинъ Вольфа осаждался читателями „Анны Карениной", изъ которыхъ иные чуть не каждый день являлись съ вопросомъ: „нѣтъ ли какихъ вѣстей изъ Москвы?". Катковъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, зашелъ въ магазинъ Вольфа и имѣлъ возможность быть свидѣтелемъ нѣсколькихъ подобныхъ, какъ онъ выразился, „визитовъ изъ-за „Анны Карениной". „Успокойте вашихъ визитеровъ, — писалъ онъ впослѣдствіи Вольфу изъ Москвы, — книжка „Русск. Вѣстн." опоздаетъ на нѣсколько дней по чисто техническимъ причинамъ типографскаго свойства. Толстой и „Анна Каренина" тутъ не при чемъ".

Многія высокопоставленныя лица, а еще больше тѣ, которыя обиваютъ у нихъ пороги и стараются чѣмъ-нибудь пріобрѣсти ихъ расположеніе, въ разгаръ печатанія „Анны Карениной" хотѣли непремѣнно получить продолженіе романа до его появленія въ журналѣ, въ корректурныхъ листахъ. Кто-то пустилъ слухъ, что М. О. Вольфъ получаетъ эти корректуры отъ Каткова и что ру-

кописныя копіи съ нихъ продаются имъ по 100 рублей. Вольфу стоило немалаго труда убѣждать являвшихся къ нему по этому дѣлу, что слухи рѣшительно ни на чемъ не основаны. Поводъ къ слухамъ, однако, былъ: дѣло въ томъ, что наборщики московской университетской типографіи, гдѣ печаталась „Анна Каренина“, рѣшили „учесть“ интересъ къ роману и, на самомъ дѣлѣ, черезъ управляющаго московскимъ отдѣленіемъ книжнаго магазина Вольфа, Градовскаго, обратились съ предложеніемъ продавать корректурные оттиски продолженія романа, по мѣрѣ набора. Вольфъ, конечно, отклонилъ предложеніе. Нѣсколько гранокъ корректуры второй части „Анны Карениной“ наборщикамъ все-таки удалось продать какимъ-то другимъ путемъ, и эти гранки стали переходить въ Петербургѣ изъ рукъ въ руки.

Въ числѣ лицъ, особенно сильно интересовавшихся „Анной Карениной“, была молодая дама, близко стоявшая къ одному изъ всесильныхъ тогда министровъ. Это была одна изъ знатныхъ и богатыхъ постоянныхъ кліентокъ книжнаго магазина Вольфа, усердная покупательница всѣхъ беллетристическихъ новинокъ, занимавшая въ высшемъ свѣтѣ столицы видное мѣсто. Вотъ эта-то дама и явилась къ Вольфу съ просьбою непремѣнно достать для нея продолженіе романа Толстого до его напечатанія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ корректурѣ. Когда же Вольфъ рѣшительно отказался быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, дама спросила:

— А какъ вы думаете, если я попрошу Х. (она назвала фамилію министра), чтобы онъ распорядился присылать корректуры въ Петербургъ, будетъ это исполнено?

Въ отвѣтъ Вольфъ сказалъ:

— Ваше сіятельство, мы живемъ въ Россіи, гдѣ министрамъ ни въ чемъ не отказываютъ...

— Je comprends,—отвѣтила дама.

Спустя нѣсколько дней, Вольфъ узналъ, что, по требованію пресловутаго „Третьяго отдѣленія“, Каткову послано было распоряженіе присылать въ Петербургъ немедленно, по мѣрѣ набора, корректуру всего „Русскаго Вѣстника“, что̀ со стороны Каткова вызвало переписку съ петербургскими „сильными міра сего“...

Интересъ къ „Аннѣ Карениной“ росъ съ выходомъ каждой книжки „Русскаго Вѣстника“, но достигъ апогея передъ самымъ концомъ, въ особенности, когда разнеслись слухи, что между Толстымъ и Катковымъ изъ-за окончанія романа вышла крупная ссора и что, въ концѣ-концовъ, Толстой все же согласился измѣнить конецъ согласно желанію Каткова.

Не успѣлъ еще романъ окончиться печатаніемъ въ журналѣ, какъ книжные магазины стали осаждаться лицами, желавшими пріобрѣсти отдѣльное его изданіе. И въ одинъ только день, когда „Анна Каренина“ появилась въ видѣ такого изданія въ Петербургѣ, книжный магазинъ Вольфа продалъ болѣе 500 экземпляровъ,—фактъ совершенно небывалый. Многіе покупали отдѣльное изданіе только ради „конца“, который, какъ носились слухи, въ этомъ изданіи былъ возстановленъ Толстымъ въ первоначальномъ его видѣ.

При всемъ жгучемъ интересѣ, который вызывала „Анна Каренина“ спеціально въ аристократическихъ кругахъ, большинство смотрѣло на этотъ романъ только, какъ на увлекательное, интересное чтеніе, не представляющее однако чего-либо высокохудожественнаго. Въ Толстомъ многіе видѣли писателя, „обладающаго умѣніемъ размазывать амуры и воображающаго, будто въ описаніи этихъ амуровъ есть что-то серьезное“. Впрочемъ, это было мнѣніе не только недальновидныхъ аристократовъ, но даже и нѣкоторыхъ представителей тогдашней критики, не понявшихъ сокровеннаго смысла романа... Вообще, „Анна Каренина“ при первомъ

своемъ появленіи далеко не была оцѣнена по достоинству, и на нее посыпались нападки. Мнѣнія Достоевскаго и отчасти Страхова, съ восторгомъ отнесшихся къ роману, раздѣлялись немногими, а Скабичевскій—такъ тотъ упрекалъ „Анну Каренину“ даже въ мелодраматичности...

„ВЕЛИКІЙ МАВРИКІЙ“ И „СМИРЕННЫЙ СЕРГѢЙ“.

Когда въ 1880 г. на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ стали появляться очерки объ „оскудѣвшихъ“, послѣ освобожденія крестьянъ, дворянахъ, быстро спустившихъ полученныя на руки значительныя выкупныя суммы, — всѣ были убѣждены, что эти очерки написаны Щедринымъ и что подъ псевдонимомъ „Сергѣй Атава“ скрывается знаменитый авторъ „Губернскихъ очерковъ“. Дѣйствительно, по своему сатирическому характеру и по мѣтко очерченнымъ типамъ очерки напоминали Щедрина. Но на самомъ дѣлѣ авторомъ ихъ, къ удивленію многихъ, оказался не Щедринъ, а тамбовскій помѣщикъ Сергѣй Николаевичъ Терпигоревъ, бывшій подрядчикъ и торговецъ лошадьми, прогорѣвшій на своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ и сдѣлавшійся сотрудникомъ „Отеч. Зап.“ совершенно случайно.

Прошло уже болѣе тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были написаны и напечатаны Терпигоревымъ-Атавою его очерки дворянскаго оскудѣнія, но они не потеряли ни своего интереса, ни своего значенія. Напротивъ: типы, изображенные Атавою, живы и до сихъ поръ, и предположенія автора „Оскудѣнія“, что они перейдутъ къ потомству въ

порядкѣ атавизма и долго не погибнутъ, какъ будто и на самомъ дѣлѣ оправдываются. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, тѣ очерки изъ быта русскаго дворянства, которые появляются за послѣднее время.

По окончаніи печатанія первой серіи очерковъ въ „Отеч. Запискахъ“, Терпигоревъ выпустилъ ихъ отдѣльною книжкою, которая, однако, къ крайнему огорченію автора, не имѣла успѣха, пока за распространеніе ея не взялся М. О. Вольфъ. Быстро распродавъ среди своихъ кліентовъ пріобрѣтенные экземпляры, Вольфъ въ 1881 году купилъ у Терпигорева право на новое изданіе очерковъ объ „оскудѣніи“, значительно увеличенное и дополненное, и выпустилъ его въ двухъ томахъ, изъ которыхъ первый носилъ названіе „Отцы“, второй „Матери“.

Познакомившись съ Вольфомъ на вечерѣ у Краевскаго, издателя „Отеч. Записокъ“, Терпигоревъ сразу сталъ однимъ изъ рьяныхъ его почитателей.

„Великій Маврикій“ — такъ всегда, въ глаза и за глаза, называлъ М. О. Вольфа Сергѣй Атава. Объ этомъ сохранились въ литературѣ свѣдѣнія въ воспоминаніяхъ П. Н. Полевого о Терпигоревѣ (Ежем. прилож. къ „Нивѣ“, 1899 г., кн. 12).

Прозвище „Великій Маврикій“ не было шуткой, насмѣшкой. Ничуть. Атава увѣрялъ, что онъ дѣйствительно считаетъ Вольфа, какъ издателя и какъ книгопродавца, „великимъ“.

— Я понимаю, когда человѣкъ богатѣетъ на сѣнѣ, на желѣзѣ, на водкѣ, на биржевыхъ спекуляціяхъ или на трясущихся желѣзнодорожныхъ мостахъ. Но разбогатѣть у насъ, въ Россіи, на книгахъ и при томъ на русскихъ книгахъ—для этого, ей Богу, надо быть великимъ! Во всякомъ случаѣ, другой, разбогатѣвъ, не сумѣлъ бы удержать богатствъ въ рукахъ, зарвался бы, спустилъ бы все на рискованныхъ, обѣщающихъ милліоны затѣяхъ, а вотъ,

поди-жъ ты, „Великій Мавpикій“ не изъ такихъ!.. Про Смирдина говорили, что онъ „головы писателей въ книги превращалъ“, а „Великій Мавpикій“, слѣдуя по стопамъ Смирдина, пошелъ еще дальше: онъ головы писателей превратилъ въ звонкую монету и даже ухитрился... увеселительное заведеніе превратить въ книжный складъ.

Это былъ намекъ на пріобрѣтенный М. О. Вольфомъ уже подъ конецъ его жизни участокъ земли и большое зданіе по 16-й линіи Васильевскаго Острова, нѣкогда принадлежавшіе милліонеру Яковлеву, а затѣмъ превращенные въ „Василеостровское увеселительное заведеніе“. Купивъ домъ Яковлева, Вольфъ дѣйствительно превратилъ роскошные, съ расписанными живописью потолками, залы и отдѣльные кабинеты увеселительнаго заведенія въ книжныя кладовыя.

Зайдя однажды въ эти кладовыя, Сергѣй Атава присталъ къ Вольфу, чтобы онъ непремѣнно поставилъ его, Атавы, книгу „Оскудѣніе“ у стѣны, на которой была нарисована Венера.

— Знаете, какъ-то пріятно сознавать, что твое дѣтище находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ богини любви, хотя бы даже только написанной скверными красками...

Называя М. О. Вольфа „Великимъ Мавpикіемъ“, Атава и въ разговорѣ, и въ письмахъ всегда именовалъ себя „смиреннымъ Сергѣемъ“.

Впрочемъ, на „смиреннаго Сергѣя“ онъ мало походилъ. Это былъ на рѣдкость веселый, остроумный, бодрый и жизнерадостный человѣкъ, балагуръ и разсказчикъ, одно появленіе котораго вносило веселое настроеніе въ общество.

Приходилъ онъ всегда съ запасомъ свѣжихъ новостей и новыхъ анекдотовъ и прежде всего ихъ и „выкладывалъ на столъ“.

По внѣшнему своему виду, по густымъ, длиннымъ

волосамъ, съ проборомъ по срединѣ, по небольшой бородкѣ, по самой манерѣ держать себя и даже по разговору—Сергѣй Атава представлялъ собою типъ жизнерадостнаго веселаго купеческаго сынка „въ зрѣломъ возрастѣ“ и меньше всего походилъ на писателя.

Самъ Атава и не считалъ себя писателемъ, по крайней мѣрѣ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, къ которымъ относятся настоящія воспоминанія.

„Я вовсе не писатель,—писалъ онъ въ предисловіи къ „Оскудѣнію“,—я до извѣстной степени грамотный и наблюдательный человѣкъ, и только. Мнѣ довелось видѣть и наблюдать такіе факты, которые, какъ я убѣдился потомъ, къ сожалѣнію, даже и по слуху неизвѣстны очень многимъ настоящимъ писателямъ. Это, конечно, досадно. Они изъ такого матеріала могли бы надѣлать много превосходныхъ романовъ и повѣстей. Я ничего такого не могу написать. Я просто разсказываю, что я видѣлъ“.

Не признавалъ себя Атава и художникомъ. „Какой я художникъ?“—спрашиваетъ авторъ „Оскудѣнія“ въ томъ же предисловіи и затѣмъ часто утверждалъ, что ничего не „создалъ“, а только „все изображалъ съ точностью фотографа“.

— Какой я писатель! — повторялъ онъ.—Я просто только наблюдатель, описывающій то, что видѣлъ. Для того, чтобы быть писателемъ, нужно умѣть сочинять, выдумывать. Я ничего не выдумываю, не сочиняю, а только описываю, какъ умѣю, то, что было.

Литературную свою карьеру Атава въ то время, когда познакомился съ Вольфомъ, только что начиналъ. Правда, еще лѣтъ за десять-пятнадцать до этого писалъ онъ въ „Голосѣ“, но то были газетныя статьи и корреспонденціи, которымъ онъ не придавалъ значенія. И лишь послѣ десятилѣтняго перерыва, посвященнаго коммерческой дѣятельности—торговлѣ лошадьми, поставкамъ

дровъ и пр., — онъ выступилъ въ роли крупнаго беллетриста-бытописателя дворянскаго оскудѣнія, очерки котораго, помѣщавшіеся въ „Отеч. Запискахъ“, читались тогда съ большимъ интересомъ,

Исторія этихъ очерковъ, какъ мнѣ ее разсказывалъ самъ Сергѣй Атава, такова.

Какъ-то разъ въ Тамбовскую губернію пріѣхалъ на охоту Салтыковъ. Терпигоревъ, принимавшій участіе въ охотѣ, сталъ, со свойственнымъ ему талантомъ и юморомъ, разсказывать разные эпизоды изъ жизни дворянъ послѣ освобожденія крестьянъ, разсказывалъ о томъ, какъ дворяне спускали въ столицахъ полученныя деньги, и пр.

— Вы бы все это описали,—предложилъ Салтыковъ,— вышли бы интересные очерки.

— Какой я писатель! — произнесъ любимую свою фразу Атава, но все-таки исполнилъ желаніе Салтыкова и вскорѣ прислалъ ему первый свой очеркъ, потомъ второй, а затѣмъ, переселившись въ Петербургъ, принялся и за остальные.

Очерки эти подвергались со стороны Салтыкова огромной корректурѣ: онъ измѣнялъ ихъ, сокращалъ, дополнялъ, такъ что, глядя на корректуру, трудно было рѣшить, что собственно принадлежитъ Терпигореву, а что Салтыкову.

Я лично видѣлъ не разъ эти корректуры у Терпигорева (который добродушноговорилъ: „пусть правитъ, если ему такъ нравится; у меня нѣтъ писательскаго самолюбія“) и даже выпросилъ одну изъ такихъ корректуръ для моего маленькаго литературнаго архива.

Писалъ Терпигоревъ почти всегда карандашомъ на особо имъ заказывавшейся бумагѣ въ цвѣтную клѣтку, размашистымъ, коммерческимъ почеркомъ, безъ единой помарки, безъ поправокъ. Когда порой удивлялись такой „чистой“ литературной работѣ, Терпигоревъ говорилъ: „Не

понимаю, какъ это другіе могутъ поправлять уже написанное. Я и создаю, и исправляю все въ головѣ и на бумагу выливаю только совершенно готовое". Щедринъ отдавалъ рукописи Терпигорева въ наборъ безъ всякихъ исправленій, и только въ оттискахъ набора дѣлалъ свои редакторскія поправки, измѣненія, дополненія.

Въ то время въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ существовалъ ресторанъ Балашева, около котораго въ лѣтніе мѣсяцы, на особой эстрадѣ, до поздней ночи игралъ оркестръ музыки. Загородныхъ садовъ, за исключеніемъ, кажется, одного въ Новой Деревнѣ, не было, и вся средняя публика, остававшаяся на лѣто въ Петербургѣ, усердно посѣщала по вечерамъ Лѣтній садъ. Тамъ-то я и встрѣчался ежедневно съ Терпигоревымъ и просиживалъ съ нимъ долго за полночь. У Терпигорева всегда торчала изъ кармана либо корректура, либо рукопись, и онъ охотно показывалъ ее, читалъ вслухъ отдѣльныя мѣста.

— Тутъ не выдумано ни единаго эпизода, — повторялъ онъ при этомъ. — Все, какъ говорятъ, художники, списано съ живой натуры... Ей Богу!

Когда Вольфъ хотѣлъ приступить къ печатанію новаго изданія очерковъ Атавы безъ всякихъ измѣненій противъ перваго, Терпигоревъ запротестовалъ:

— Нѣтъ, Великій Маврикій, вы простите но этого нельзя. Невѣстѣ, которая второй разъ идетъ къ вѣнцу, шьютъ обыкновенно новое подвѣнечное платье и новую шелковую рубашку. А книжка, которую отдаютъ издателю, это—та же невѣста: позвольте же мнѣ сшить моей книжкѣ новую рубашку, да новое платье, и кстати немножко ее кое-гдѣ подрумянить, подкрасить, припомадить...

И онъ настоялъ на томъ, что и само заглавіе книги, и распредѣленіе, и внѣшность были измѣнены, къ прежнимъ очеркамъ были добавлены новые и т. д. И вмѣсто одного тома, очерки вышли въ двухъ томахъ: т. I—„Отцы", т. II—

„Матери“. Измѣненія эти настолько увеличили первоначальный объемъ книги, что это дало поводъ Максимову сострить, „невѣста Атавы разбухла, точно согрѣшила до вѣнца и находится въ интересномъ положеніи“.

Навѣщалъ Вольфа Терпигоревъ очень усердно, не по дѣламъ, а просто такъ, чтобы поговорить по душѣ.

— Люблю я Великаго Маврикія, — говорилъ онъ часто,—очень ужъ онъ уменъ, а умныхъ людей теперь мало. И еще люблю его за то, что не держитъ высоко носа, какъ другіе разбогатѣвшіе издатели...

Была у Терпигорева курьезная страсть: любилъ онъ, шутки ради, заниматься дѣломъ, совсѣмъ неподходящимъ для мужчины, а тѣмъ болѣе для писателя,—вышиваніемъ по сукну. Вышивки свои онъ дарилъ пріятелямъ и знакомымъ. Къ именинамъ Вольфа въ 1882 г. Атава прислалъ ему вышитую собственноручно туфлю съ надписью: „Великому Маврикію отъ смиреннаго Сергѣя, — пока одна туфля, другой не успѣлъ, но надѣюсь поспѣть къ слѣдующимъ именинамъ“.

Но до слѣдующей терпигоревской туфли Вольфъ не дожилъ...

У Вольфа существовалъ старый, патріархальный обычай русскаго торговаго міра, по которому приказчики и ученики, не имѣя права отлучаться во все время торговли, столовались тутъ же „у хозяина“, при его магазинѣ въ Гостиномъ дворѣ. Подавались не особенно роскошные, но сытные завтраки и обѣды, приготовлявшіеся спеціальною кухаркою и приносившіеся въ судкахъ. Завтракали и обѣдали обыкновенно въ верхнемъ помѣщеніи, среди книгъ, всегда въ „двѣ смѣны“. Нерѣдко обѣдалъ со своими приказчиками и самъ Вольфъ, а иногда приводилъ къ обѣду то того, то другого изъ писателей. Особенно любилъ принимать участіе въ завтракахъ и обѣдахъ вольфовскихъ учениковъ и приказчиковъ Сергѣй Атава.

Самъ большой гурманъ, тонкій знатокъ кулинарнаго искусства, Атава, обѣдая съ приказчиками, дѣлалъ видъ, что ѣстъ съ огромнымъ аппетитомъ, что скромная стряпня ему очень нравится, а веселыми анекдотами и полными остроумія разговорами вносилъ въ тусклую жизнь приказчиковъ необычное оживленіе.

Какъ и Салтыковъ, Атава относился къ приказчикамъ книжнаго магазина съ какою-то особенною симпатіею—прямо-таки съ любовью и, смѣясь, повторялъ:

— Братья-писатели совсѣмъ не понимаютъ, какую огромную роль играютъ приказчики... Попробовалъ бы хоть одинъ изъ нихъ обращаться прямо къ публикѣ, безъ посредника... Отъ приказчика иной разъ зависитъ вмѣсто Тургенева уговорить покупателя прочесть, ну, хотя бы Авсѣенко... А былъ даже случай, когда приказчикъ уговорилъ одну великосвѣтскую даму вмѣсто французскаго романа купить русскую книгу по философіи.. Ну-ка, кто изъ писателей могъ бы похвастаться такимъ „вліяніемъ“?!..

Какъ-то разъ приносятъ Вольфу большой, роскошный кожаный футляръ, такой, въ какихъ обыкновенно подносятъ въ подарокъ дорогія серебряныя вещи. Удивленный, Вольфъ открываетъ футляръ: въ немъ, на бѣломъ атласѣ, лежитъ простая, грубо вырѣзанная изъ дерева фигура мальчика, выкрашенная отъ руки не то ваксою, не то чернилами въ черный цвѣтъ, а рядомъ—подобіе деревянной палки. Тутъ же въ футлярѣ визитная карточка Терпигорева съ надписью: „Великому Маврикію сей подарокъ – загадка отъ смиреннаго Сергѣя“. Долго ломалъ голову Вольфъ, какое значеніе имѣетъ этотъ подарокъ.

— Какъ?! Неужели вы не догадались? — удивился Атава, зайдя въ магазинъ Вольфа. — Вѣдь это очень ясно: черный мальчикъ—это мавръ, палка при немъ—это—кій, биллiардный кій. А вмѣстѣ взятое будетъ мавръ—и—кій, Маврикій.

И Атава разразился такимъ громкимъ, искреннимъ смѣхомъ, что заразилъ этимъ смѣхомъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Такіе шуточные подарки дѣлалъ Атава довольно часто.

Однажды онъ, побывавъ у себя въ имѣніи въ Тамбовской губерніи, привезъ Вольфу въ магазинъ полдюжины зайцевъ.

— Привезъ вамъ прямо съ охоты,—объяснялъ онъ,— а вы, Великій Маврикій, позаботьтесь о соотвѣтственномъ соусѣ для этихъ зайцевъ. Но знайте, что тамбовскіе зайцы другой жидкости, кромѣ хорошаго шампанскаго, не признаютъ... Они у меня избалованные...

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Терпигоревъ поселился въ Новой Деревнѣ, въ деревянной дачѣ на набережной Невы, гдѣ жилъ лѣтомъ и зимой и куда частенько приглашалъ къ себѣ друзей-писателей, которыхъ гостепріимно угощалъ завтраками и ужинами. Самъ большой любитель хорошо поѣсть, Терпигоревъ въ то время долженъ былъ, по предписанію врачей, соблюдать строжайшую діэту и ѣлъ только яйца да кашу, но любилъ, когда другіе ѣли и хвалили многочисленныя артистическія издѣлія его кухни. Въ приготовленіи этихъ „издѣлій“ Терпигоревъ лично принималъ участіе и часто повторялъ, что если не повезетъ ему въ литературѣ, то пойдетъ въ повара.

Кухарку держалъ Терпигоревъ отвратительной внѣшности, съ буквально отталкивавшимъ лицомъ, отнимавшимъ у всякаго аппетитъ.

— Это я нарочно выписалъ такую, — разсказывалъ Атава,—ибо докторъ предписалъ мнѣ, чтобы я ѣлъ какъ можно меньше, а между тѣмъ, какъ вы знаете, поѣсть я люблю. Но вотъ, погляжу на мою кухарку и сразу теряю аппетитъ...

Когда я первый разъ зашелъ къ Терпигореву, онъ повелъ меня, какъ и всѣхъ своихъ гостей, въ свою „библіотеку“. Это была темная комната, вся уставленная винами, наливками, ликерами, гдѣ, конечно, не было ни одной книги. Рядомъ съ этою „библіотекою“ помѣщалась „лабораторія“, гдѣ Терпигоревъ самъ приготовлялъ наливки, смѣшивалъ разные ликеры, фабрикуя для своихъ гостей собственнаго изобрѣтенія крѣпкіе напитки.

На стѣнахъ комнатъ во всемъ домѣ не было ни одной картины, ни одной гравюры. Терпигоревъ объяснялъ это тѣмъ, что онъ не любитъ „портить стѣны“. Единственнымъ „украшеніемъ“ всей квартиры былъ грубо, лубочно вырѣзанный изъ дерева кустарный левъ, раскрашенный въ яркіе цвѣта самимъ хозяиномъ. Показывая этого льва, Терпигоревъ заливался всегда смѣхомъ и говорилъ: „Подпиши я подъ этимъ львомъ имя какого-либо знаменитаго скульптора,—и всѣ бы восторгались“.

Большой любитель собакъ, Терпигоревъ выводилъ ихъ у себя и дарилъ затѣмъ знакомымъ. Мнѣ, между прочимъ, онъ поднесъ чернаго щенка-сетера „Дальтонъ“, сына премированныхъ родителей, снабдивъ свой подарокъ особымъ „метрическимъ свидѣтельствомъ“, въ которомъ были указаны день рожденія щенка и его кличка и удостовѣрялось подписью трехъ свидѣтелей, Лѣскова, Максимова и Карцева, что щенокъ законнорожденный... Рожденіе каждаго щенка и дача ему соотвѣтственной клички сопровождались всегда у Терпигорева торжественнымъ обѣдомъ. Всѣ щенки записывались Терпигоревымъ въ особую метрическую книгу, въ которой очень подробно были описаны всѣ примѣты каждаго новорожденнаго и его дальнѣйшая судьба. Своихъ четвероногихъ питомцевъ Терпигоревъ помнилъ долго и обязательно навѣщалъ отъ времени до времени тѣхъ лицъ, которымъ онъ дарилъ своихъ щенковъ, давая компетентныя указанія, какъ вести ихъ вос-

питаніе. И эти „визиты“ доставляли ему особенное удовольствіе.

Вообще, это былъ курьезный человѣкъ, который любилъ развлекать себя самыми разнообразными способами, совершенно иногда непонятными другимъ. Жизнь онъ любилъ и, въ отличіе отъ многихъ другихъ писателей, его друзей, ничего мрачнаго въ русской дѣйствительности не находилъ. А когда однажды Вольфъ сталъ жаловаться на какія-то притѣсненія со стороны цензуры, Терщигоревъ замѣтилъ:

— Не хнычьте, не хнычьте... Кто знаетъ, не будетъ ли еще хуже... Надо быть довольнымъ и тѣмъ, что намъ позволяютъ вообще печатать книги и журналы... Могли бы вѣдь и это запретить...

И онъ засмѣялся своимъ обычнымъ добродушнымъ смѣхомъ.

СИГАРЫ ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ.

Извѣстный пушкиніанецъ Н. Лернеръ счелъ своимъ долгомъ разслѣдовать вопросъ—курилъ ли Пушкинъ?—и написалъ по этому вопросу одну изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ изданіи Академіи Наукъ, посвященномъ Пушкину.

Р. И. Сементковскій въ своихъ воспоминаніяхъ коснулся тоже вопроса о куреніи, но не Пушкинымъ, а М. О. Вольфомъ, и разсказываетъ о томъ, какими сигарами угощалъ Мавликій Осиповичъ писателей, работавшихъ въ его изданіяхъ.

„Вопросъ“ этотъ связанъ съ исторіей изданія сочиненій Мицкевича въ переводѣ русскихъ писателей.

Предпринявъ изданіе сочиненій Мицкевича, Вольфъ въ 1882 году заказалъ Р. И. Сементковскому переводъ переписки Мицкевича и его лекцій по славянской литературѣ. Ростиславъ Ивановичъ Сементковскій, бывшій лекторъ по государственному праву въ училищѣ правовѣдѣнія, въ то время работалъ въ газетѣ „Новости“, гдѣ завѣдывалъ иностраннымъ отдѣломъ. Онъ считался знатокомъ польской литературы и польскаго языка, занимался переводами польскихъ писателей, писалъ статьи по польскому вопросу.

Часть своихъ переводовъ и статей онъ выпустилъ отдѣльно подъ заглавіемъ „Польская библіотека“.

Переводъ переписки Мицкевича былъ ему заказанъ Вольфомъ съ платою 30 руб. за печатный листъ въ 35.000 буквъ, а „Курса славянской литературы“—съ платою по 20 рублей за такой же листъ. Заказъ былъ скрѣпленъ обычнымъ условіемъ 24 сентября 1882 г. Въ общемъ, гонораръ за выборку и переводъ составилъ 365 рублей.

При расчетѣ гонорара, который Сементковскій получалъ частями, авансомъ, оказалось, что ему было переплачено 8 р. 62 коп.

По поводу этихъ 8 руб. 62 коп. между Вольфомъ и Сементковскимъ началась цѣлая переписка „утонченно вѣжливая, но на многихъ листахъ прекрасной бумаги, съ соблюденіемъ всѣхъ канцелярскихъ правилъ, съ подвохами, подчеркнутымъ дѣловымъ глубокомысліемъ, ссылками на тотъ или другой пунктъ заключеннаго условія“,—какъ пишетъ г. Сементковскій.

Признавая, что „покойный Маврикій Осиповичъ былъ въ избранной имъ области несомнѣнно крупный дѣятель, свидѣтельствомъ чего служатъ созданное имъ предпріятіе и многочисленныя его изданія, которыя давали работу не только наборщикамъ, но и многимъ литераторамъ“, г. Сементковскій находитъ, „что и крупные люди имѣютъ, какъ извѣстно, слабости“.

И примѣромъ такой слабости у М. О. Вольфа г. Сементковскій считаетъ эту переписку по поводу 8 р. 62 к. „Мнѣ,—пишетъ г. Сементковскій,—стало смѣшно, и въ то же время заинтересовалъ вопросъ: неужели такой крупный издатель можетъ быть настолько мелочнымъ, чтобы вступать въ серьезныя пререканія изъ-за такого пустяка“. Для г. Сементковскаго бухгалтерская точность расчета представлялась „ухищреніемъ заправскаго бюрократа“, и онъ никакъ не могъ ее понять.

— Я вамъ зачту эти 8 руб. 62 коп. въ счетъ новой переводной работы,—предлагалъ Вольфъ.

Но Сементковскій не соглашался и, въ концѣ концовъ, побѣдилъ: Вольфъ не только рѣшилъ покончить дѣло съ 8 руб. 62 коп., но обѣщалъ Сементковскому новую переводную работу.

„По поводу этой работы,—разсказываетъ г. Сементковскій въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ въ 1912 году,—я какъ-то заѣхалъ къ М. О. Вольфу для переговоровъ, и онъ меня попотчевалъ великолѣпной гаванской сигарой. Мы скоро сговорились, и я уѣхалъ, продолжая курить на улицѣ (дѣло происходило весной). Работалъ я тогда вмѣстѣ съ покойнымъ В. О. Михневичемъ въ „Новостяхъ“. Я его засталъ въ редакціи, и когда я вошелъ съ своею сигарою, онъ меня спросилъ, откуда я и съ какихъ поръ сталъ курить такія превосходныя сигары. Самъ Михневичъ былъ большой любитель сигаръ. Я ему отвѣтилъ, что я—отъ Вольфа, и что именно онъ меня попотчевалъ, дѣйствительно, прекрасной сигарой, которую я съ большимъ удовольствіемъ и докуриваю. „Ахъ, онъ (тутъ вырвалось у Михневича крѣпкое словцо)... вѣдь я тоже отъ него,—продолжалъ онъ,—и взгляни, какую сигару онъ мнѣ далъ; до сихъ поръ отдышаться отъ нея не могу“. Онъ взялъ изъ пепельницы недокуренную сигару, и по одному ея виду можно было заключить, что это—одна изъ тѣхъ сигаръ, которыя курятъ только на воздухѣ, да притомъ на горѣ и непремѣнно при сильномъ вѣтрѣ.—Что же это значитъ?—взглянули мы другъ на друга.—Отчего Вольфъ одному изъ насъ предложилъ прекрасную сигару, а другому отвратительную? Дѣло объяснилось просто: со мною Вольфъ въ заказѣ сошелся, а съ Михневичемъ разошелся,—каково дѣло, таковъ и табакъ. Но ужъ это было столкновеніе Вольфа не со мною, а съ Михневичемъ“.

Разсказъ г. Сементковскаго, въ заключительной его части, очевидно основанъ на недоразумѣніи. Хотя, конечно, документальныхъ данныхъ не сохранилось, какими сигарами угощалъ М. О. Вольфъ г. Сементковскаго, а какими Михневича, но что касается г. Михневича, то его сношенія съ М. О. Вольфомъ ограничились статьями о Петербургѣ для „Живописной Россіи“, за которыя Михневичъ по условію и безъ всякихъ пререканій получилъ полностью тотъ гонораръ, который онъ самъ назначилъ и который составлялъ 100 руб. за печатный листъ. И Вольфъ едва-ли имѣлъ основаніе угощать Михневича сигарою, „которую курятъ только на воздухѣ“.

Нужно замѣтить впрочемъ, что Вольфъ былъ заядлый курильщикъ и почти не выпускалъ сигары изо рта. И онъ не только самъ любилъ курить, но и угощалъ другихъ.

Объ этомъ, между прочимъ, разсказывалъ часто Атава:

— Придешь попросить авансъ, а Великій Маврикій, вмѣсто аванса, угоститъ меня такою великолѣпною сигарою, что даже совѣстно становится просить авансъ.

Какъ то разъ Атава, смѣясь, предложилъ Вольфу застраховать свои сигары отъ огня.

— Выкуривъ ихъ, вы вѣдь можете требовать страховку: онѣ пострадали отъ огня,—говорилъ онъ.

— Покорнѣйше благодарю за совѣтъ, — отвѣтилъ Вольфъ,—если-бы я послѣдовалъ вашему совѣту, то попалъ бы на скамью подсудимыхъ.

— Какъ такъ?

— Меня обвинили бы въ умышленномъ поджогѣ имущества...

ЛИТЕРАТОРЪ, УМѢВШІЙ РАБОТАТЬ.

У меня хранится фотографическая карточка П. Н. Полевого, на которой онъ сдѣлалъ надпись: „литераторъ долженъ быть не только талантливъ, но и умѣть работать“.

Надпись эта, являясь любимымъ, часто повторяемымъ выраженіемъ Полевого, очень характерна для обрисовки того, кто ее сдѣлалъ.

Полевой былъ дѣйствительно на рѣдкость усидчивымъ, прилежнымъ и при томъ несомнѣнно талантливымъ, широко образованнымъ литераторомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удивительнымъ неудачникомъ, по крайней мѣрѣ въ первое десятилѣтіе своей литературной дѣятельности.

Бывшій профессоръ сначала новороссійскаго, а затѣмъ варшавскаго университета, вышедшій въ отставку въ 1871 г. на тридцатомъ году жизни для того, чтобы посвятить себя всецѣло литературной и литературно-издательской дѣятельности, авторъ весьма цѣннаго учебника исторіи русской литературы, изданной имъ съ портретами, рисунками, автографами, составитель превосходнаго сборника стихотвореній „Родные отголоски“, издатель сборника „Народныя русскія сказки“, — Полевой какъ-то не умѣлъ устроиться и постоянно нуждался. Въ то время

какъ менѣе его талантливые и прилежные писатели сидѣли на „теплыхъ мѣстахъ“ въ редакціяхъ и сравнительно выгодно продавали свои произведенія, Полевой, несмотря на всѣ старанія, не могъ примкнуть ни къ одному крупному газетному или журнальному издательству, нигдѣ не находилъ постоянной работы. Изданія же его—съ внѣшней стороны буквально великолѣпныя—несмотря на сочувствіе, которое они встрѣчали среди всѣхъ любителей изящныхъ книгъ, не окупались и, въ концѣ концовъ, разорили литератора-издателя.

Продавъ постепенно всѣ права на свои великолѣпныя изданія для того, чтобы покрыть долги и ликвидировать окончательно свои издательскія дѣла, Полевой въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ очутился буквально безъ куска хлѣба, съ приговоромъ суда о выселеніи изъ квартиры за неплатежъ квартирныхъ денегъ...

Въ такомъ положеніи, въ концѣ 1881 года, Полевой обратился къ М. О. Вольфу съ просьбою выручить его и... снабдить капиталомъ въ 15—20000 руб. на новую крупную издательскую затѣю, которая, по мнѣнію Полевого, должна дать непремѣнно барыши. Но въ отвѣтъ на эту просьбу Вольфъ сказалъ:

— Я васъ, Петръ Николаевичъ, высоко цѣню, какъ знатока литературы и исторіи, какъ ученаго, какъ писателя и какъ замѣчательнаго труженика. Но, простите, въ вашу „издательскую звѣзду“ я не вѣрю. Вы все витаете подъ поднебесью издательства и, несмотря на горькій опытъ, не хотите спуститься на землю... Я убѣжденъ, что и новая ваша затѣя (рѣчь шла о пріобрѣтеніи права на изданіе журнала „Живописное Обозрѣніе“) будетъ такъ же великолѣпна, какъ ваши изданія, но дастъ такіе же плачевные матеріальные результаты, какъ и раньше.

Разговоръ окончился тѣмъ, что Вольфъ, съ цѣлью выручить Полевого изъ его дѣйствительно безвыходнаго

положенія, предложилъ ему у себя мѣсто завѣдующаго изданіями предупредивъ однако, что въ качествѣ завѣдующаго онъ, Полевой, будетъ лишь исполнителемъ плановъ своего патрона и долженъ отказаться отъ мысли играть какую-либо самостоятельную роль въ отношеніи издательскихъ предпріятій.

Полевой съ большой радостью принялъ предложеніе и тотчасъ же переселился съ дѣтьми изъ своей прежней, довольно богатой квартиры на Б. Московской улицѣ, въ единственную свободную, крошечную квартиру въ домѣ Вольфа, по 16-ой линіи, которую раньше занималъ факторъ типографіи.

Съ первыхъ же дней своей „службы“ у Вольфа Полевой сталъ проявлять обычное свое рвеніе и любовь къ работѣ, вызвавшую удивленіе даже у такого, можно сказать, необыкновеннаго труженика, какимъ былъ Вольфъ. „Nulla dies sine linea“—таковъ былъ лозунгъ Полевого.

О „службѣ“ у Вольфа Полевой оставилъ интересныя воспоминанія въ своей статьѣ о Сергѣѣ Атавѣ (Лит. прил. къ „Нивѣ“, 1899. 12).

„Въ теченіе зимы 1881—1882 года,—разсказываетъ онъ,—я сошелся съ покойнымъ М. О. Вольфомъ и принялъ на себя завѣдываніе его русскими изданіями, которыя, по его собственному признанію, составляли для него большое затрудненіе... А изданія были у него на рукахъ большія, серьезныя, требовавшія и научныхъ свѣдѣній, и литературной умѣлости; и въ виду у стараго, опытнаго книжнаго дѣльца были еще большіе затѣи, планы и предположенія, хотя смерть уже стояла у него за спиною и ходила за нимъ по пятамъ... Съ конца 1881 года (помнится, съ ноября мѣсяца) я даже перебрался на житье въ домъ М. О. Вольфа, въ 16-ой линіи Васильевскаго Острова, и занялъ въ одномъ изъ надворныхъ флигелей квартиру, въ двухъ шагахъ отъ конторы. Въ конторѣ

(кстати сказать, необычайно сырой и холодной) я проводилъ все утро, отъ 10 до 5 часовъ, работая то надъ рукописями „Живописной Россіи“, то надъ корректурами „Толковаго словаря“ Даля, то надъ просмотромъ десятковъ другихъ рукописей, безпрестанно предлагаемыхъ М. О Вольфу съ разныхъ сторонъ. Въ промежутки между работами приходилось, конечно, принимать всѣхъ тѣхъ, кто приходилъ къ М. О. Вольфу по дѣламъ литературнымъ, и, надо сказать правду, эта часть моей обязанности была для меня особенно непріятна и надоѣдлива, потому что я не могъ терять много времени на разговоры, а многіе изъ приходившихъ литературныхъ работниковъ, переводчиковъ и переводчицъ были замѣчательно словоохотливы. Но къ этому же времени относятся и многія пріятныя для меня знакомства литературныя... У М. О. Вольфа, человѣка очень практическаго и умѣвшаго пользоваться рекламой, какъ мощнымъ орудіемъ книжной торговли и издательства, былъ обычай: при изданіи въ свѣтъ своихъ безконечныхъ каталоговъ первыя ихъ страницы посвящать новымъ изданіямъ фирмы и подъ каждымъ заглавіемъ такого изданія помѣщать различные отзывы о немъ газетъ и журналовъ. Такъ какъ эти отзывы были большею частью крайне безсодержательны и однообразны, то я и предложилъ Маврикію Осиповичу—помѣщать о каждой издаваемой имъ книгѣ краткіе оригинальные отзывы, которые давали бы болѣе или менѣе точное и полное понятіе объ изданной имъ книгѣ, о ея достоинствахъ и значеніи. Первые мои отзывы и характеристики очень понравились умному издателю, и онъ просилъ меня продолжать“.

Самъ Полевой, судя по дальнѣйшимъ строкамъ его воспоминаній, очень тяготился своею скромною ролью завѣдующаго изданіями М. О. Вольфа и мечталъ лишь о самостоятельной дѣятельности. „Издательскій кабинетъ.

въ которомъ я постоянно занимался, — пишетъ онъ, — казался мнѣ еще болѣе мрачнымъ и душнымъ, чѣмъ обыкновенно: сѣрыя голыя стѣны его тѣснили меня; низкій, порядочно закоптѣлый потолокъ давилъ меня, окруженнаго сѣрыми, пыльными грудами рукописей, книгъ и всякаго бумажнаго хлама. На сердцѣ было прескверно...“

И Полевой сталъ опять мечтать о другой, болѣе самостоятельной дѣятельности, осаждалъ всѣхъ извѣстныхъ ему денежныхъ людей письмами съ просьбою о ссудѣ на изданіе журнала и пр.

Въ концѣ лѣта 1882 года Полевой, наконецъ, нашелъ человѣка, который ссудилъ его необходимою суммою на пріобрѣтеніе прогоравшаго журнала „Живописное Обозрѣніе, и онъ рѣшилъ покинуть занятія у Вольфа, „къ великой его,—какъ пишетъ Полевой въ своихъ воспоминаніяхъ, — досадѣ и огорченію. Впрочемъ, мы разстались съ Маврикіемъ Осиповичемъ безъ всякой ссоры и остались добрыми друзьями“.

Издательство „Живописнаго Обозрѣнія“, которому Полевой отдался съ обычными жаромъ и рвеніемъ и ради котораго вошелъ въ долги, не оправдало ожиданій, какъ это и предсказывалъ дальновидный Вольфъ. „Промучившись“, по его собственному выраженію, нѣсколько лѣтъ, Полевой опять очутился въ такомъ же положеніи, въ которомъ онъ находился въ 1881 году. На этотъ разъ его выручилъ А. Ф. Марксъ, пригласившій Полевого въ сотрудники. Полевой сталъ усердно работать въ „Нивѣ“, и, между прочимъ, успѣшно выступилъ въ качествѣ историка-беллетриста, работая одновременно и въ „Историческомъ Вѣстникѣ“. Вообще чисто литературно-художественная дѣятельность Полевого относится къ послѣднимъ 15 — 20 годамъ его жизни (онъ скончался въ 1902 году).

Трудна и терниста была его жизнь...

Фотографическая карточка съ надписью „литераторъ долженъ быть не только талантливъ, но и умѣть работать“ относится къ самой тяжелой эпохѣ въ жизни Полевого—къ 1881 году. Онъ подарилъ мнѣ ее спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ, по его словамъ, „нанялся литературнымъ батракомъ“ къ М. О. Вольфу. Нѣсколько мѣсяцевъ я работалъ съ нимъ вмѣстѣ, даже за однимъ столомъ и... удивлялся всегда той физической и духовной бодрости, съ которой онъ цѣлые дни напролетъ проводилъ за работою, далеко не отвѣчавшею ни его широкому образованію, ни великимъ мечтамъ...

Случалось мнѣ также нерѣдко бывать у него на квартирѣ, въ которой, изъ-за низкихъ потолковъ, Полевой никакъ не могъ помѣстить своихъ огромныхъ книжныхъ шкаповъ, наполненныхъ большею частью рѣдкими, дорогими книгами, пріобрѣтенными еще тогда, когда онъ не думалъ, что придется ему ютиться въ трехъ маленькихъ, тѣсныхъ комнатахъ на задворкахъ у издателя...

А. С. СУВОРИНЪ и М. О. ВОЛЬФЪ.

Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ среди постоянныхъ кліентовъ французскаго отдѣленія петербургскаго книжнаго склада М. О. Вольфа обращалъ на себя вниманіе молодой человѣкъ, немного сутуловатый, съ типичнымъ русскимъ лицомъ, окаймленнымъ темною бородою, съ игривою, добродушною улыбкою на устахъ, чрезвычайно быстрый и подвижной. Онъ интересовался книгами буквально по всѣмъ отраслямъ знанія, останавливалъ свое вниманіе то на беллетристикѣ, то на исторіи, то на философіи, то на политической экономіи, то на книгахъ по искусству и т. п. Но больше всего молодой кліентъ питалъ симпатію къ двумъ французскимъ писателямъ: Флоберу и теперь забытому Катрелю—и усердно скупалъ все, что только выходило новаго изъ-подъ пера этихъ писателей.

Въ одинъ прекрасный день, въ то время, когда этотъ кліентъ стоялъ у прилавка, по обыкновенію быстро пробѣгая глазами только что полученныя парижскія новинки, въ магазинъ вошелъ тогдашній издатель „Петербургскихъ Вѣдомостей", В. Ѳ. Коршъ.

— А! У васъ, я вижу, мой фельетонистъ Незнакомецъ!—

обратился онъ къ лично знакомому ему Маврикію Осиповичу Вольфу.

Псевдонимъ Незнакомецъ, подъ которымъ писалъ А. С. Суворинъ, былъ уже тогда хорошо извѣстенъ среди газетныхъ читателей. Фельетоны его читались нарасхватъ, о нихъ вездѣ и всюду говорили. Но Вольфъ и не подозрѣвалъ, что его странный кліентъ былъ Незнакомецъ.

Познакомившись съ Незнакомцемъ, Вольфъ обратился къ послѣднему:

— Я вижу, вы часто заходите въ магазинъ за французскими книгами. Позвольте васъ спросить, какого рода книги васъ больше всего интересуютъ, по какимъ отраслямъ?

— Всякаго рода, по всѣмъ отраслямъ, — отвѣтилъ тотъ.—Моя спеціальность — фельетонъ, а фельетонъ обнимаетъ всѣ науки, всѣ знанія.

И, дѣйствительно, Суворинъ въ своихъ фельетонахъ являлся „универсальнымъ писателемъ по всѣмъ вопросамъ“,—какъ назвалъ его Стахѣевъ.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Суворинъ сосредоточилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на иностранной беллетристикѣ, критикѣ и исторіи, о которыхъ онъ писалъ критическія статьи въ „Вѣстникѣ Европы“. Статьи эти читались любителями книгъ, очевидно, очень внимательно, потому что послѣ появленія каждой такой статьи въ магазины Вольфа поступали всегда требованія на отмѣченныя Суворинымъ книги.

Какъ-то разъ А. С. Суворинъ-Незнакомецъ заговорилъ съ М. О. Вольфомъ о русскихъ книгахъ и выразилъ недоумѣніе, что такъ мало выходитъ книгъ въ Россіи.

— Будь у меня капиталъ,—замѣтилъ онъ при этомъ,— я бы наводнилъ книжный рынокъ огромнымъ числомъ книгъ. Странно, что у насъ капиталисты такъ равнодушны къ книжнымъ предпріятіямъ; вѣдь, теперь, послѣ освобо-

жденія крестьянъ, для русской книги открывается огромное поле...

Вольфъ пробовалъ возражать. Онъ указывалъ, что издательское дѣло вообще, а въ Россіи въ особенности, очень рискованное, опасное, и назвалъ цѣлый десятокъ разныхъ издателей, со Смирдинымъ во главѣ, которые стали жертвою своего издательскаго увлеченія. Кромѣ того, Вольфъ жаловался, что русская книга представляетъ для многихъ все еще лишнюю роскошь, пользуется крайне ограниченнымъ сбытомъ, чѣмъ и объясняется ея дороговизна; что въ Россіи нѣтъ достаточнаго количества посредниковъ по сбыту книгъ и что издателю приходится самому быть и производителемъ въ техническомъ отношеніи и посредникомъ по сбыту и что, наконецъ, очень трудно создать кадръ интеллигентныхъ продавцовъ книгъ.

— Издавать книги, конечно, не трудно, но гораздо труднѣе продавать ихъ, — развивалъ дальше свою мысль Вольфъ.—Но и издавать книгу, сидя въ кабинетѣ, далеко отъ потребителя—нельзя. Для того, чтобы издавать то, что нужно публикѣ, то, что можетъ разсчитывать на сбытъ,—необходимо имѣть сношенія съ самой публикой. Вотъ я—прибавилъ Вольфъ, — стоя цѣлый день за прилавкомъ, слѣдя за потребностями и желаніями покупателей, перечитывая требованія изъ провинціи и пр., и пр., до извѣстной степени нахожусь въ положеніи человѣка, который могъ бы знать, что наивыгоднѣе издавать, и то я часто ошибаюсь. Не угодно ли пожаловать въ мои кладовыя: вы увидите, что онѣ завалены книгами, о которыхъ критика дала превосходные отзывы и которыя ученые признали нужными и полезными, — а между тѣмъ спроса на нихъ нѣтъ. И если бы одни мои изданія не выручали, такъ сказать, другія своимъ успѣхомъ, меня постигла бы такая же участь, какъ Смирдиныхъ. Вообще,

гг. журналисты представляютъ себѣ издательское дѣло гораздо проще, нежели оно есть на самомъ дѣлѣ.

Суворинъ внимательно слушалъ, но затѣмъ упрямо повторилъ:

— А все-таки, будь у меня капиталъ, я бы издавалъ книги...

Слова эти въ устахъ фельетониста, жившаго исключительно на литературный заработокъ, казались, конечно, просто пустою фразою, несбыточною мечтою. Но, очевидно, Суворинъ относился къ своимъ словамъ иначе. Мысль объ издательствѣ книгъ несомнѣнно глубоко запала въ его голову, потому что, едва поставивъ на ноги изданіе предпринятой имъ газеты „Новое Время“, онъ тотчасъ же принялся за издательство и за устройство собственнаго книжнаго магазина.

И это было спустя почти четверть вѣка послѣ того, какъ Суворинъ впервые высказалъ свою „мечту“!

Счастье и удача, сопровождавшія Суворина во всей его жизненной карьерѣ, не измѣнили ему и въ трудномъ книжномъ и издательскомъ дѣлѣ, хотя онъ и занялся и тѣмъ, и другимъ безъ всякой спеціальной подготовки, какъ дилетантъ.

Впрочемъ, на первыхъ порахъ дѣла книжнаго магазина Суворина пошли далеко не такъ, какъ онъ хотѣлъ, надѣялся и ожидалъ. Суворинъ приписывалъ это недостатку подходящихъ людей и жаловался неоднократно Вольфу.

— Я убѣждаюсь,—говорилъ онъ,—что легче найти талантливаго публициста или фельетониста, нежели дѣльнаго продавца книгъ,—и при этомъ онъ высказалъ мысль о желательности учрежденія школы для продавцовъ книгъ.

— Школа, конечно, желательна, даже необходима,—подтвердилъ Вольфъ,—но никакая школа не дастъ книжному дѣлу готовыхъ работниковъ: для этого необходимы практика съ дѣтства и любовь къ самому дѣлу. У меня,—

прибавилъ Вольфъ,—своя собственная практическая школа въ магазинѣ: вотъ посмотрите, большинство моихъ приказчиковъ-продавцовъ это—мои выученики, которые прошли книжную подготовительную практику подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ.

Нѣсколько такихъ „выучениковъ“ Вольфа впослѣдствіи перешли къ Суворину и между прочимъ Ѳ. И. Колесовъ, которому онъ поручилъ главное завѣдываніе своимъ магазиномъ.

Посѣщать магазинъ Вольфа Суворинъ не переставалъ, ставъ даже, до извѣстной степени, его конкурентомъ, и при разносторонихъ своихъ занятіяхъ все же находилъ время, чтобы заѣзжать въ магазинъ Вольфа посмотрѣть, что вышло за границею новаго, и пріобрѣталъ значительное число книгъ для своей личной библіотеки.

Но особенно частымъ посѣтителемъ книжнаго магазина Вольфа былъ Суворинъ въ 1875 году, когда у него возникла мысль стать во главѣ газеты и когда начались переговоры относительно пріобрѣтенія и возобновленія захудалаго и „дышавшаго тогда на ладанъ“ „Новаго Времени“, которое перешло изъ рукъ Киркора къ Суворину и Лихачеву, побывавъ короткое время поочередно въ рукахъ Устрялова, Нотовича и Трубникова. Почти всѣ предварительные переговоры по покупкѣ права на изданіе „Новаго Времени“ у Трубникова велись при посредствѣ М. О. Вольфа въ маленькомъ кабинетѣ при его магазинѣ, гдѣ компанія, состоявшая изъ самого Вольфа, Суворина, Лихачева, Трубникова, М. Федорова и В. Генкеля при обсужденіи вопроса объ условіяхъ покупки и изданія газеты засиживалась иногда до поздней ночи. Вольфъ, конечно, не предполагалъ тогда, что будущій редакторъ „Новаго Времени“ станетъ его коллегою по книготорговлѣ и книгоиздательству, да и самъ Суворинъ, вѣроятно, далекъ былъ въ то время отъ мысли

о собственномъ книжномъ магазинѣ. Что М. О. Вольфъ вѣрилъ въ успѣхъ Суворина на книжномъ поприщѣ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ что, когда открылся книжный магазинъ „Новаго Времени“, онъ первый снабдилъ его „книжнымъ товаромъ“, первый открылъ ему кредитъ.

Это не помѣшало, однако, впослѣдствіи тому, что на столбцахъ „Новаго Времени“ открылся цѣлый походъ противъ Вольфа, какъ издателя и книгопродавца. Справедливость требуетъ признать, что нападки въ „Новомъ Времени“ противъ Вольфа не принадлежали перу самого Суворина, а писались тѣми журналистами, которые полагали такими нападками услужить Суворину, какъ конкуренту, уронить въ глазахъ читателей газеты фирму Вольфа и привлечь ея кліентовъ на сторону книжнаго магазина „Новаго Времени“...

Самъ Суворинъ относился къ Маврикію Осиповичу Вольфу со вниманіемъ и уваженіемъ. Въ некрологѣ, лично написанномъ Суворинымъ на второй день послѣ смерти Вольфа въ 1883 г., очень тепло отмѣчены были заслуги покойнаго, а, посѣщая впослѣдствіи книжные магазины Вольфа, Суворинъ неоднократно съ глубокимъ почтеніемъ вспоминалъ объ ихъ основателѣ.

ВѢНЦЕНОСНЫЙ ИСТОРИКЪ И ЕГО РУССКІЙ ПЕРЕВОДЧИКЪ.

ВЪ 1865 году императоръ французовъ Наполеонъ III выпустилъ въ Парижѣ свой трехтомный трудъ „Исторія Юлія Цезаря“—„Histoire de Jules César“.

Наполеонъ былъ тогда на вершинѣ славы, и его сочиненіе повсюду вызвало огромный интересъ. Въ предисловіи коронованный авторъ заявляетъ, что цѣлью его при изложеніи исторіи Юлія Цезаря было—доказать, что Провидѣніе возводитъ такихъ людей, какъ Цезарь, Карлъ Великій, Наполеонъ I, для того, чтобы проложить народамъ путь, по которому они должны слѣдовать, запечатлѣть ихъ геніемъ новую эру и въ нѣсколько годовъ завершить работу многихъ столѣтій. По отзыву В. В. Водовозова, сочиненіе Наполеона свидѣтельствуетъ о серьезномъ изученіи Римской имперіи, написано живо, изящнымъ языкомъ, не безъ нѣкоторыхъ признаковъ художественнаго таланта, но чрезвычайно тенденціозно; восхваляя Цезаря, Наполеонъ явно оправдывалъ самого себя.

Конечно, главный интересъ къ сочиненію основывался на личности коронованнаго автора, и успѣхъ книги во Франціи объяснялся исключительно этимъ обстоятельствомъ.

Желая, чтобы его трудъ появился также въ переводахъ

на всѣ европейскіе языки, Наполеонъ, черезъ своего личнаго секретаря, обратился къ крупнѣйшимъ издателямъ Англіи, Германіи, Италіи, Португаліи, Даніи, Голландіи и Польши съ предложеніемъ издать его „Исторію Юлія Цезаря“ въ переводѣ на языки этихъ странъ. Въ Россіи выборъ императора палъ на М. О. Вольфа, который по этому поводу ѣздилъ въ Парижъ и представлялся самому Наполеону.

Въ разговорѣ съ русскимъ издателемъ Наполеонъ высказалъ, что ему особенно желательно, чтобы его сочиненіе стало извѣстнымъ широкимъ кругамъ русской публики, помимо тѣхъ, которые владѣютъ французскимъ языкомъ, и чтобы переводъ былъ сдѣланъ обязательно лицомъ, извѣстнымъ въ русской исторической наукѣ, ученымъ профессоромъ. Вольфъ въ отвѣтъ сказалъ, что такое лицо имъ уже намѣчено и что это лицо принадлежитъ къ числу тѣхъ, одно имя которыхъ служитъ гарантіею вѣрности и точности перевода.

Отпуская русскаго издателя, Наполеонъ выразилъ желаніе, чтобъ листы русскаго перевода были пересылаемы по мѣрѣ отпечатанія лично на его имя, а секретарь императора прибавилъ уже частнымъ образомъ, что и переводчики, и издатели книги императора на иностранные языки не останутся безъ награды, и всѣ будутъ представлены къ ордену...

Свои авторскія права Наполеонъ формально передалъ парижскому издателю Анри Плону; поэтому для дальнѣйшихъ переговоровъ Вольфъ былъ направленъ къ послѣднему. Плонъ потребовалъ гонораръ въ 24.000 франковъ съ тѣмъ, что онъ предоставитъ Вольфу исключительное право изданія книги императора на русскомъ языкѣ и будетъ доставлять русскому издателю листы французскаго подлинника въ окончательно утвержденныхъ коронованнымъ авторомъ корректурахъ, такъ чтобы рус-

ское изданіе могло появиться одновременно съ французскимъ оригиналомъ.

Хотя русское изданіе огромной книги Наполеона являлось очень рискованнымъ, Вольфъ въ принципѣ рѣшилъ принять его на себя и по возвращеніи въ Петербургъ немедленно обратился къ намѣченному имъ переводчику. Этимъ намѣченнымъ переводчикомъ былъ М. М. Стасюлевичъ, отставной профессоръ С.-Петербургскаго университета, преподававшій исторію Цесаревичу Николаю Александровичу, авторъ большого трехтомнаго труда „Исторія среднихъ вѣковъ“ и многихъ статей историко-политическаго характера, только что приступившій тогда къ изданію большого научно-историческаго журнала „Вѣстникъ Европы“.

Стасюлевичъ, уже успѣвшій познакомиться съ сочиненіемъ Наполеона, охотно принялъ предложеніе. Но осторожный Вольфъ, раньше нежели окончательно рѣшиться на крупныя траты по изданію, потребовалъ отъ Стасюлевича, чтобы онъ предварительно сообщилъ ему письменно: дѣйствительно-ли трудъ Наполеона является такимъ цѣннымъ, и представляетъ ли онъ только интересъ момента или же можетъ считаться сочиненіемъ, которое не потеряетъ своего значенія. При этомъ Вольфъ прямо заявилъ, что хотя онъ не разсчитываетъ на быстрый сбытъ русскаго перевода, но возьмется за изданіе только въ томъ случаѣ, если будетъ убѣжденъ, что книга можетъ разсчитывать на успѣхъ хотя и не скорый, но прочный и вѣрный. Стасюлевичъ, какъ и всѣ почти историки того времени, далъ о книгѣ Наполеона самый лестный отзывъ, призналъ ее научнымъ изслѣдованіемъ, основаннымъ на эрудиціи, находилъ, что оно представляетъ замѣчательное явленіе и займетъ въ исторической литературѣ видное мѣсто.

Отзывъ Стасюлевича оказался впослѣдствіи слишкомъ снисходительнымъ и совершенно противоположнымъ мнѣ-

нію знаменитаго нѣмецкаго историка Момзена, высказавшаго о работѣ Наполеона очень суровое сужденіе. Когда одинъ изъ знакомыхъ Момзена спросилъ его, можетъ ли онъ подарить книгу императора о Цезарѣ своему четырнадцатилѣтнему сыну, то ученый одобрилъ это намѣреніе, замѣтивъ, что если бы мальчикъ былъ на одинъ годъ старше, упомянутое изслѣдованіе уже не годилось бы для его возраста.

Мнѣніе Стасюлевича, которому Вольфъ вполнѣ довѣрялъ, рѣшило вопросъ. И къ изданію было приступлено немедленно и при томъ усиленнымъ темпомъ, въ виду того, что отъ имени Наполеона слѣдовали одно за другимъ напоминанія объ ускореніи изданія.

Письма Стасюлевича къ П. А. Плетневу, въ которыхъ онъ упоминаетъ о своей работѣ надъ переводомъ „Исторіи Юлія Цезаря“, показываютъ, какъ усердно принялся за него молодой тогда (въ 1865 году) профессоръ, съ какимъ рвеніемъ старался исполнить сдѣланный ему М. О. Вольфомъ заказъ и оправдать оказанное ему довѣріе *).

„Вчера былъ у меня книгопродавецъ Вольфъ, получившій право перевода сочиненія Наполеона III о Юліи Цезарѣ, — сообщаетъ Стасюлевичъ Плетневу 27 января 1865 г. — Онъ (Вольфъ) проситъ меня, чтобы я взялся перевести первый томъ на русскій языкъ; авторъ требуетъ, чтобы ему было извѣстно имя переводчика, и Вольфъ сообщилъ мое имя телеграммой въ Парижъ. Итакъ, вы видите, какую новую обузу я беру на себя“.

О томъ, что Стасюлевичъ принялъ на себя переводъ книги Наполеона, была помѣщена тогда же замѣтка въ журналѣ „La France“, въ которой сообщалось, что „переводъ Юлія Цезаря будетъ сдѣланъ извѣстнымъ профес-

*) М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Спб. 1911 г.

соромъ Стасюлевичемъ, что вполнѣ гарантируетъ изданіе отъ всякихъ дефектовъ".

Замѣтка изъ „La France" была доставлена Стасюлевичу изъ Парижа Плетневымъ, которому Стасюлевичъ 4 (16) марта описываетъ, какъ онъ работаетъ надъ переводомъ. „Съ 9 ч. утра и до 6 ч. вечера я диктую переводъ, въ 7 часовъ приносятъ въ корректуру работу предыдущихъ дней, и я опять сижу до поздней ночи надъ корректурой и окончательной провѣркой перевода по оригиналу. Завтра та же исторія и послѣ завтра та же".— „Посудите сами: я началъ мѣсяцъ тому назадъ, и теперь готовы 30 листовъ; черезъ 10 дней кончу все,—пишетъ Стасюлевичъ тому же Плетневу 4 (16) марта того же года.—Наша работа—знакомое Вамъ дѣло, и потому статистика моей работы говоритъ Вамъ вполнѣ о томъ, какъ я работалъ это время. Сегодня не могу въ первый разъ работать: случилось въ глазу воспаленіе, впрочемъ, небольшое, и не могу держать корректуры вечеромъ".

Съ залѣпленнымъ однимъ глазомъ, Стасюлевичъ продолжалъ, не отрываясь, работать надъ переводомъ наполеоновой книги, а когда, наконецъ, весь переводъ былъ сданъ издателю, читалъ изо-дня въ день присылавшіяся ему корректуры, что со стороны Плетнева вызвало замѣчаніе, что ему „становится и досадно, и грустно": досадно отъ того, что Стасюлевичъ такъ легко смотритъ на здоровье, а грустно отъ того, что въ его лѣта всѣ „такъ шутятъ надъ предосторожностями, начиная сожалѣть объ этомъ только тогда, когда ужъ это ни къ чему не приводитъ".

Но Стасюлевичъ, разъ взявшись за дѣло и зная, какъ торопитъ Наполеонъ Вольфа, выпускомъ книги, не обращалъ вниманія на глазъ и продолжалъ работу почти безъ отдыха.

Въ концѣ марта 1865 года вся рукопись перевода была сдана Вольфу.

„Вы удивляетесь, что я такъ скоро перевелъ томъ первый,—пишетъ Стасюлевичъ Плетневу,—но тутъ нѣтъ ничего мудренаго: я работалъ отъ 12 до 15 часовъ въ день, и не самъ писалъ, а диктовалъ скорописцу. Нѣтъ ничего совершеннаго, и моя работа, конечно, не безъ недостатковъ, но я знаю одно, что если бы я просидѣлъ надъ нею 4 мѣсяца, она не была бы лучше. Я держалъ корректуру не по рукописи, а по оригиналу, и потому все до буквы провѣрилъ; но это была ужасная работа".

Согласно желанію Наполеона, листы русскаго изданія его сочиненія, по мѣрѣ отпечатанія, посылались въ Парижъ. Къ апрѣлю 1865 года первый томъ былъ готовъ.

Плетневъ, привыкшій слѣдить за всѣмъ, что касалось Стасюлевича, былъ озабоченъ окончательнымъ расчетомъ своего друга съ Вольфомъ, и въ письмѣ отъ 2 (14) апрѣля 1865 г. изъ Парижа нетерпѣливо желаетъ знать, „сколько онъ (Вольфъ) повергъ Стасюлевичу гонорарія за эти труды и заботы, которые чуть было не лишили его (Стасюлевича), по крайней мѣрѣ, половины зрѣнія".

Отвѣчая Плетневу 6 (18) мая на этотъ вопросъ, Стасюлевичъ пишетъ: „Вольфъ поступилъ со мною совершенно честно и заплатилъ гонорарій, не пропуская даже 24 часовъ".

Этотъ гонораръ составилъ 725 руб. за одинъ только первый томъ и уплаченъ былъ 4 апрѣля 1865 г.

Вышелъ переводъ этого перваго тома безъ имени переводчика на титульномъ листѣ, по личному желанію Наполеона, который не хотѣлъ, чтобы имя его, какъ автора, сколько-нибудь затмила фамилія профессора-переводчика. Но и свое имя—въ качествѣ автора—Наполеонъ не пожелалъ видѣть на титулѣ и ограничился лишь подписью подъ предисловіемъ, предоставивъ русскому издателю указывать въ объявленіяхъ и въ каталогахъ, кто авторъ и кто переводчикъ. Вотъ почему „Исторія Юлія Цезаря" вышла

анонимно. Конечно, это былъ своего рода „секретъ полишинеля“, ибо всѣмъ стало извѣстно имя и того, кто написалъ „Юлія Цезаря“, и того, кто его перевелъ.

На основаніи заключеннаго съ издателемъ французскаго подлинника, Плономъ, условія, Вольфъ, заплативъ 24.000 франковъ, пріобрѣлъ исключительное право перевода книги на русскій языкъ, о чемъ онъ счелъ нужнымъ заявить въ газетахъ во избѣжаніе появленія другихъ переводовъ. Кромѣ того, на самой книгѣ было напечатано:

„Издатель сохраняетъ право перевода и новыхъ изданій, пріобрѣтенное имъ, съ согласія Автора, на основаніи международнаго договора, 25 марта 1861 года, и въ силу § 302 Цензурнаго Устава.
М. Вольфъ“.

Это заявленіе вызвало въ печати бурю. Появился рядъ статей, въ которыхъ указывалось, что „въ первый разъ выйдетъ въ Россіи въ свѣтъ переводъ съ французскаго, сопровождаемый штемпелемъ исключительной принадлежности, между тѣмъ какъ литературная конвенція ограждаетъ только право собственности французскаго подлинника отъ перепечатокъ, но не отъ переводовъ, и что конвенція отнюдь не запрещаетъ переводовъ“. Иначе говоря, французскій издатель могъ бы преслѣдовать въ Россіи того, кто перепечаталъ бы данную книгу по-французски, но не имѣлъ-де права преслѣдовать издателей переводовъ.

Контрактъ, заключенный парижскимъ издателемъ съ М. О. Вольфомъ, былъ утвержденъ самимъ Наполеономъ.

Французскій посолъ въ Петербургѣ, согласно полученнымъ изъ Парижа инструкціямъ, пробовалъ было отстоять права на русскій переводъ Наполеона. Онъ выступилъ на защиту французскаго издателя и хлопоталъ о формальномъ запрещеніи другимъ издателямъ, кромѣ Вольфа, выпускать подобный переводъ и т. п.

Это вмѣшательство французской дипломатіи, въ свою

очередь, вызвало замѣчаніе: „возможно ли допустить, чтобы иностранный государь могъ давать въ Россіи исключительную привилегію на то, что̀, по законамъ Россійской имперіи, невозбранно принадлежитъ всякому?“

Дѣло, какъ сообщаетъ Стасюлевичъ Плетневу, о „мерзостяхъ“, которыя дѣлали въ Петербургѣ по поводу перевода, дошло до Наполеона, и французское правительство телеграфировало въ Петербургъ чрезъ Талейрана министру иностранныхъ дѣлъ, которому пришлось вмѣшаться, чтобы все уладить.

Все-таки старанія посла относительно полученія отъ русскаго правительства заявленія, что переводъ книги Наполеона разрѣшается одному только Вольфу, остались тщетными. Вслѣдствіе этого Вольфу не оставалось ничего другого, какъ возбудить передъ французскимъ судомъ вопросъ о возвращеніи ему Плономъ 24.000 франковъ, въ виду того, что Плонъ продалъ не принадлежавшее ему право, скрѣпленное неправильно подписью Наполеона. И французскій судъ присудилъ Вольфу обратное полученіе уплаченнаго имъ французскому издателю гонорара.

Нападки на Стасюлевича не прекращались. Разносились, между прочимъ, слухи, что „дружба съ Наполеономъ“ заставила Стасюлевича отложить и даже, можетъ быть, прекратить совершенно прежнее его изданіе (исторію). „При многочисленности моихъ пріятелей,—жалуется иронически Стасюлевичъ Плетневу,—слухъ сдѣлалъ успѣхи, и, такъ какъ дня три назадъ (письмо писано 21 марта 1865 г.) я сдалъ рукопись въ типографію, то я воспользовался своимъ правомъ опровергнуть ложные слухи“.

Опасеніе, что еще кто-либо другой, кромѣ Вольфа, издастъ „Исторію Юлія Цезаря“ въ русскомъ переводѣ — не оправдалось. Да и вольфовское изданіе успѣха не имѣло. Несмотря на цѣлый рядъ отзывовъ въ „Современникѣ“, „Отечеств. Запискахъ“, „Современной

Лѣтописи", „Вѣстникѣ Европы", „Голосѣ" и др. изданіяхъ, книга сразу, какъ говорится, сѣла; изданіе ея оказалось убыточнымъ и даже не вернулись расходы за переводъ, несмотря на сравнительно высокую продажную цѣну—10 руб. Въ виду этого Вольфъ и ограничился выпускомъ только первыхъ двухъ томовъ.

Не оправдались также обѣщанія личнаго секретаря Наполеона и намеки самого императора на награду въ видѣ французскаго ордена русскому переводчику и русскому издателю: въ то время, какъ издатель французскаго подлинника, равно какъ и издатели, и переводчики на нѣмецкій, англійскій, итальянскій и португальскій языки наполеоновскаго „Юлія Цезаря" получили ордена, врученные имъ лично самимъ Наполеономъ при поднесеніи перевода, Вольфъ долженъ былъ удовольствоваться только любезною „благодарностью" за подписью коронованнаго автора, а Стасюлевичъ—сухимъ письмомъ императорскаго секретаря.... Впрочемъ, ни тотъ, ни другой не придавали значенія орденамъ, а Стасюлевичъ еще раньше прямо заявилъ, что никакого ордена не приметъ.

ПЕРВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОНОРАРЪ БОБОРЫКИНА.

ЭТО было въ 1856 году.

Къ Маврикію Осиповичу Вольфу, въ то время только что начинавшему свою дѣятельность на поприщѣ русскаго книжнаго и издательскаго дѣла, пришелъ д-ръ Ханъ (впослѣдствіи редакторъ „Всемірнаго Труда“) и спросилъ, не согласится ли Вольфъ издать переводъ учебника химіи Лемана, сдѣланный молодымъ студентомъ дерптскаго университета, Боборыкинымъ.

— Самъ я почти не знаю этого Боборыкина,—объяснилъ Ханъ,—но онъ явился ко мнѣ съ рекомендаціею Зинина (извѣстнаго въ то время химика).

Русская литература по химіи, даже переводная, была тогда очень бѣдна и почти даже не существовала. Вся она сводилась къ двумъ учебникамъ: Гессе, русскаго нѣмца, и къ переводу неорганической химіи француза Реньо.

Вольфъ заинтересовался поэтому предложеніемъ и пожелалъ узнать подробности. Было условлено, что Ханъ вмѣстѣ съ молодымъ студентомъ-переводчикомъ (пріѣхавшимъ изъ Дерпта на лѣтнія вакаціи въ Петербургъ) зайдетъ на слѣдующій день въ книжный магазинъ Вольфа и что Боборыкинъ захватитъ съ собою рукопись перевода.

На слѣдующій день Ханъ пришелъ въ сопровожденіи высокаго, худощаваго, съ маленькою до смѣшного головкою, молодого блондина, котораго онъ отрекомендовалъ, какъ студента-химика Петра Дмитріевича Боборыкина.

Студентъ-переводчикъ оказался очень бойкимъ и разговорчивымъ и сталъ убѣждать Вольфа въ достоинствахъ учебника химіи Лемана и въ томъ, что переводъ учебника необходимъ русскимъ студентамъ, какъ за неимѣніемъ на русскомъ языкѣ другихъ, стоящихъ на высотѣ научныхъ требованій, учебниковъ, такъ и по причинѣ незнанія большинствомъ студентовъ нѣмецкаго языка,—при чемъ главнымъ образомъ имѣлись въ виду студенты-медики и фармацевты. При этомъ Боборыкинъ ссылался на авторитетъ проф. Бушлатова, который читалъ свой университетскій курсъ неорганической и органической химіи по учебнику Лемана.

— Надъ переводомъ учебника Лемана я усердно работалъ цѣлыхъ два года. Я началъ его переводить еще въ концѣ второго года пребыванія моего въ университетѣ—разсказывалъ Боборыкинъ,—работы было много: мнѣ пришлось не только просто переводить, но и создавать новыя слова, новые термины, которыхъ совершенно еще не знаетъ русскій языкъ.

Изъ дальнѣйшаго разсказа Боборыкина оказалось, что онъ уже нѣсколько дней тщетно хлопоталъ, какъ бы „пристроить своего Лемана“, но никто изъ старыхъ издателей не рѣшался рискнуть издать учебникъ, спросъ на который казался имъ сомнительнымъ. „Я много ходилъ по городу, пристраивая моего Лемана“, — разсказываетъ Боборыкинъ въ своихъ воспоминаніяхъ („За полвѣка“. „Русская Мысль“, 1906 г. XI.).

Маврикій Вольфъ оказался болѣе „смѣлымъ“ издателемъ Онъ самъ сознавалъ пробѣлъ въ русской химической литературѣ по части хорошихъ учебныхъ руко-

водствъ по химіи и полагалъ, что переводъ руководства Лемана долженъ имѣть успѣхъ. Къ тому же бойкій молодой студентъ, усердно расхваливавшій свой трудъ, очевидно заинтересовалъ Вольфа (Надо замѣтить, что юному переводчику исполнилось тогда всего 19 лѣтъ).

— Я готовъ былъ бы издать вашъ переводъ,—сказалъ, подумавъ, Вольфъ, — но гдѣ гарантія, что переводъ сдѣланъ точно и что всѣ тѣ химическіе термины, которые вы желаете пустить въ обиходъ, дѣйствительно удачны? Придется предварительно передать рукопись на разсмотрѣніе какому-нибудь компетентному ученому химику.

Въ отвѣтъ на это молодой студентъ заявилъ, что онъ увѣренъ въ достоинствахъ своего перевода, хотя этотъ переводъ является первою его научною работою. Притомъ онъ замѣтилъ, что раньше, нежели окончательно рѣшиться на печатаніе его, онъ посовѣтовался съ профессоромъ фармакологіи и фармаціи въ Дерптѣ, Клаусомъ, однимъ изъ видныхъ дерптскихъ химиковъ, который прослушалъ всю огромную рукопись съ первой до послѣдней страницы, сдѣлалъ кое-какія замѣчанія и далъ удостовѣреніе о достоинствѣ перевода.

— Все-таки раньше, нежели приступить къ печати вашего труда, я спрошу еще мнѣніе компетентныхъ лицъ— заявилъ Вольфъ.

Рукопись перевода была куплена Вольфомъ у Боборыкина за 300 рублей,—цѣна за переводъ по тому времени сравнительно значительная. Двѣ трети этой суммы Вольфъ долженъ былъ уплатить при вручніи ему рукописи, остальные же 100 руб. въ сентябрѣ того же 1856 г.

Боборыкинъ, уже терявшій надежду „пристроить“ свой переводъ, былъ очень доволенъ, что его двухлѣтній трудъ, которому онъ придавалъ большое значеніе, не пропадетъ даромъ, и охотно согласился на это условіе.

Актъ продажи рукописи, написанный собственноручно Боборыкинымъ на клочкѣ сѣрой бумаги гласилъ:

Переведенное мною химическое руководство Доктора Г. Лемана, „Vollstaendiges Ta chenbuch der theoretischen Chimie“ уступилъ я въ собственность книгопродавца Маврикія Осиповича Вольфа за 300 р. сер., въ счетъ которыхъ и получилъ 200 р. сер., остальные же 100 руб. условливаюсь получить въ Сентябрѣ сего года.—Въ случаѣ же потребности во 2-мъ изданіи обязуюсь я исправить старое за сумму 150 р. серебромъ.

Студентъ Дерптскаго университета П. Боборыкинъ.

Въ дополненіе къ этому „акту“ — по обоюдному соглашенію—было обусловлено, что, въ случаѣ, если компетентное лицо, которому Вольфъ передастъ рукопись для просмотра, найдетъ переводъ неточнымъ и потребуется предварительное исправленіе его, то вознагражденіе за этотъ трудъ будетъ высчитано изъ гонорара Боборыкина. Послѣдній охотно на это согласился, въ твердомъ убѣжденіи, что никакихъ исправленій не потребуется. На самомъ же дѣлѣ, проф. Лясковскій, котораго Вольфъ познакомилъ съ переводомъ, нашелъ въ немъ рядъ неточностей, ошибокъ и слишкомъ много „смѣлыхъ“, созданныхъ переводчикомъ, терминовъ. И хотя въ общемъ онъ похвалилъ переводъ, но все же нашелъ, что безъ предварительныхъ исправленій, и въ рукописи и въ корректурѣ, печатать его нельзя, при чемъ за исправленіе потребовалъ гонораръ въ 100 р. Боборыкинъ, когда ему указали на его неточности, заявилъ, что признаетъ указанія безусловно правильными и предоставляетъ издателю уплатить редактору часть того гонорара, который онъ разсчитывалъ получить авансомъ. Такимъ образомъ вмѣсто 300 руб. Боборыкину пришлось получить за свой переводъ только 200 руб. Изъ этой суммы ему предстояло еще заплатить за переписку 60 руб. такъ что самому переводчику за его трудъ осталось только 140 руб.

Переговоры съ Лясковскимъ, исправленіе рукописи и

корректуры задержали выходъ въ свѣтъ перевода химіи Лемана на долгое время. Самый выходъ книги сопровождался слѣдующею рекламою, составленною Боборыкинымъ:

„Переводъ этого сочиненія удовлетворяетъ вполнѣ условіямъ краткаго теоретическаго руководства,—достоинство книги, за которое ручается какъ имя автора, такъ и шесть изданій, пережитыхъ ею. Переводъ принесетъ пользу учащимся, въ особенности при университетскомъ преподаваніи. Они найдутъ въ этомъ руководствѣ полный конспектъ всѣхъ теоретическихъ данныхъ, представляемыхъ въ настоящее время наукою".

По письменному договору съ Вольфомъ, въ случаѣ потребности во 2-мъ изданіи, Боборыкинъ обязывался исправить старое за сумму въ 150 руб. Переводъ Боборыкина, вышедшій подъ полнымъ заглавіемъ:

Полное руководство къ теоретической и практической химіи П. Лемана.
Съ 6 нѣм. изд. перев. П. Боборыкинъ.
Т. I. Неорганическая химія. Т. II и III Органическая химія.
изданіе М. Вольфа,

не имѣлъ однако ожидавшагося успѣха, и не только не явилось потребности во второмъ его изданіи, но и первое далеко не разошлось, и въ концѣ-концовъ остатокъ изданія, какъ устарѣвшаго и потерявшаго всю цѣнность, пришлось продать на макулатуру.

Гонораръ за переводъ руководства Лемана былъ первымъ гонораромъ П. Д. Боборыкина, первымъ литературнымъ заработкомъ будущаго драматурга, беллетриста и критика, который тогда еще и не думалъ о писательской карьерѣ и намѣревался всецѣло посвятить себя наукѣ. По странной прихоти судьбы этотъ первый гонораръ достался П. Д. Боборыкину отъ М. О. Вольфа, который, много лѣтъ спустя, передъ самою своею смертью, вступилъ съ авторомъ „Въ путь-дорогу" въ переговоры относительно перваго же изданія его собранія сочиненій (это собраніе было издано наслѣдниками М. О. Вольфа уже послѣ смерти основателя фирмы).

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ТУРГЕНЕВА.

НАПАДКИ, которымъ подвергся написанный въ 1877 году романъ Тургенева „Новь“ и въ критикѣ, и въ средѣ молодежи, упреки, будто авторъ „Дыма“ не понялъ сути революціоннаго движенія въ Россіи, старался умалить его значеніе и даже измѣнилъ, будто бы, идеаламъ прогрессивныхъ элементовъ, какъ извѣстно, очень сильно подѣйствовали на Тургенева. Подъ вліяніемъ этихъ нападокъ и упрековъ знаменитый писатель рѣшилъ было даже совсѣмъ бросить литературу, перестать писать. Объ этомъ онъ въ свое время категорически писалъ друзьямъ, знакомымъ и даже случайнымъ корреспондентамъ, объ этомъ говорилъ неоднократно своимъ близкимъ. „Съ литературною дѣятельностью я покончилъ и ни одной больше строчки писать не стану“, — раздраженно повторялъ Тургеневъ.

Однимъ изъ доказательствъ рѣшенія Тургенева „отречься“ отъ литературы служитъ его письмо къ Маврикію Осиповичу Вольфу отъ 8 ноября (27 октября) 1879 г. изъ Буживаля, подъ Парижемъ.

Вольфъ какъ разъ въ это время закончилъ изданіемъ первую книгу своего огромнаго, многотомнаго изданія „Живописная Россія“, къ участію въ которомъ онъ ста-

рался привлечь всѣ тогдашнія наличныя литературныя силы. Заручившись обѣщаніемъ многихъ видныхъ писателей не только изъ числа спеціалистовъ географовъ, этнографовъ, экономистовъ, но и изъ рядовъ беллетристовъ и критиковъ,—Вольфъ очень хотѣлъ получить для „Живописной Россіи“ статью Тургенева, намѣтивъ, какъ наиболѣе подходящую для этого тему, жизнь помѣщиковъ-дворянъ въ средней полосѣ Россіи.

Во время своего краткаго пребыванія въ Россіи, въ 1878 году, Тургеневъ, заинтересовавшись представленною ему Вольфомъ программою изданія, далъ обѣщаніе, что желаемый очеркъ для „Живописной Россіи“ онъ напишетъ „при первой же возможности“. Однако, проходили мѣсяцы, и отъ Тургенева не получалось никакихъ, въ этомъ отношеніи, вѣстей.

Воспользовавшись пріѣздомъ въ Россію извѣстнаго парижскаго издателя Гетцеля, который находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Тургеневымъ и часто бывалъ у него въ Буживалѣ (гдѣ жилъ тогда авторъ „Нови“), Вольфъ рѣшилъ обратиться къ посредничеству этого Гетцеля. Послѣдній охотно принялъ на себя трудъ „уговорить Тургенева“ и захватилъ съ собою, при отъѣздѣ въ Парижъ, только что законченный томъ „Живописной Россіи“ со статьями С. В. Максимова, Вас. Немировича-Данченко, И. С. Полякова и др., для того чтобы вручить его Тургеневу, и обѣщалъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Парижъ побывать у знаменитаго писателя и заставить его написать хотя бы небольшой очеркъ для изданія.

И, дѣйствительно, Гетцель исполнилъ обѣщаніе, но „заставить“ Тургенева взяться за перо ему не удалось.

„Тургеневъ категорически заявилъ мнѣ, что съ литературой покончилъ и вообще ничего больше писать не будетъ, — писалъ Гетцель. — Онъ ужасно обиженъ на русскую критику, русскую публику, русскую читающую

молодежь и считаетъ свою литературную карьеру безповоротно законченной".

Самъ Тургеневъ подтвердилъ это Вольфу въ вышеупомянутомъ письмѣ отъ 27 октября 1879 г. — въ слѣдующихъ словахъ:

„Что касается до Вашего великолѣпнаго изданія („Живописная Россія")— томъ котораго былъ мнѣ доставленъ и которое я просмотрѣлъ съ великимъ удовольствіемъ, то принужденъ, къ искреннему моему сожалѣнію, выразить Вамъ невозможность исполнить Ваше желаніе, переданное мнѣ Гетцелемъ—Я отказался отъ литературной дѣятельности и даже отвыкъ отъ пера. Предпочитаю сказать это прямо, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ неопредѣленнымъ и несбыточнымъ обѣщаніямъ. Мое участіе въ русской литературѣ должно ограничиться тѣмъ, чтобы помогать молодымъ начинающимъ силамъ" и т. д.

Однако, совершенно отказаться отъ литературной дѣятельности Тургеневъ, какъ извѣстно, все-таки не могъ: слишкомъ ужъ онъ привыкъ къ ней, сжился съ ней. И, несмотря на мнимый „отказъ", изъ-подъ пера Тургенева послѣ 1879 года вышли такія произведенія, какъ „Пѣснь торжествующей любви", „Сонъ", „Разсказъ отца Алексѣя", „Отчаянный", „Клара Миличъ", рядъ „Стихотвореній въ прозѣ" и пр. Правда, крупныхъ романовъ онъ уже не написалъ, обѣщанный же впослѣдствіи лично Вольфу, во время пребыванія послѣдняго въ Парижѣ, очеркъ для „Живописной Россіи" такъ и остался... только обѣщаніемъ.

ОРИГИНАЛЫ МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКАГО.

ВѢКЪ электричества, быстроходныхъ пароходовъ, поѣздовъ-молній, автомобилей, кинематографовъ отразился и на техникѣ писательскаго творчества. Современный писатель торопится сдать въ печать рукопись, на которой еще не успѣли высохнуть чернила. Нѣтъ ни времени, ни охоты безконечно исправлять, переписывать, дополнять, опять исправлять свои произведенія. Рукопись сдается авторомъ издателю или типографу большею частью въ томъ видѣ, какъ она вылилась изъ творческой фантазіи писателя.

Не то было прежде.

Писатели работали, въ буквальномъ смыслѣ слова, мѣсяцы и годы надъ своими произведеніями, долго не рѣшаясь ихъ печатать, заставляли „вылеживаться“ рукописи въ своихъ письменныхъ столахъ, опять и опять перечѣдывали ихъ, исправляли. А затѣмъ еще въ корректурахъ иногда кореннымъ образомъ измѣняли написанное.

Мнѣ пришлось видѣть на своемъ вѣку много авторскихъ рукописей, много корректуръ. Но никогда я не видѣлъ „авторскаго оригинала для набора“, испещреннаго

такою массою поправокъ, какой представляли собою произведенія Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова).

Вотъ писатель, который безконечно работалъ надъ своими романами, который, безъ преувеличенія, десятки разъ передѣлывалъ каждую написанную строчку!

Но даже тогда, когда, наконецъ, произведеніе было окончательно напечатано, Печерскій не прекращалъ этой работы.

Свидѣтельствомъ этого служатъ его романы „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“—въ особенности второй.

Оба романа послѣ самой тщательной обработки были сданы Печерскимъ въ редакцію „Русскаго Вѣстника“, гдѣ первый изъ нихъ печатался съ 1871 г. по 1874 г., второй съ 1875 г. по 1881 г. Сдавъ рукопись, Мельниковъ поставилъ условіемъ, чтобы каждая глава доставлялась ему для просмотра въ гранкахъ. И тутъ онъ почти все измѣнялъ: выкидывалъ, сотни строкъ прибавлялъ, вновь обрабатывалъ и требовалъ затѣмъ новую корректуру „для провѣрки“.

Эта „провѣрка“ превращалась въ новую обработку, и Мельниковъ вновь требовалъ присылки еще нѣсколькихъ корректуръ, приводя въ отчаяніе издателя „Русскаго Вѣстника“, Каткова.

Когда же, наконецъ, послѣ безконечныхъ корректуръ, романы были уже въ окончательномъ видѣ напечатаны въ журналѣ, и Мельниковъ рѣшилъ издать ихъ отдѣльно, онъ снова принялся „за окончательный пересмотръ“, какъ онъ выражался, напечатаннаго и своимъ тонкимъ, мелкимъ почеркомъ испещрялъ карандашомъ страницы, не оставляя на нихъ буквально живого мѣста, — все передѣлывая вновь.

Когда въ 1881 г. Мельниковъ въ такомъ именно видѣ представилъ Маврикію Вольфу для отдѣльнаго изданія свой романъ „На горахъ“, тотъ схватился за голову.

— Помилуйте! — воскликнулъ онъ, — да вѣдь тутъ столько поправокъ, словно весь романъ написанъ

заново, и вы въ правѣ потребовать новый авторскій гонораръ!

Мельниковъ скромно отвѣтилъ на это, что онъ считаетъ, что вообще все, что выходитъ изъ рукъ человѣческихъ—несовершенно и требуетъ постоянныхъ поправокъ. „Вчера это мнѣ казалось хорошо, а сегодня я этимъ недоволенъ, и если бы я сегодня принялся писать свой романъ вновь, я бы его написалъ совсѣмъ иначе".

Наборъ испещреннаго поправками текста требовалъ особеннаго вниманія со стороны наборщиковъ и корректоровъ. Корректоромъ типографіи Вольфа, когда набиралось первое отдѣльное изданіе „На горахъ", былъ бывшій семинаристъ Піотушко, человѣкъ въ корректорскомъ дѣлѣ очень опытный, но страдавшій распространеннымъ среди корректоровъ порокомъ: онъ пьянствовалъ запоемъ. Въ трезвые дни — это былъ образцовый корректоръ. Мельниковъ, познакомившись съ Піотушкою и убѣдившись послѣ отпечатанія первыхъ листовъ, съ какимъ щепетильнымъ вниманіемъ относится тотъ къ своей работѣ, хотѣлъ поднести ему какой-то денежный подарокъ, но Піотушко наотрѣзъ отказался: „Пока я въ трезвомъ видѣ, вы меня оскорбляете вашимъ предложеніемъ,—заявилъ онъ,—а въ пьяномъ, вы совершите грѣхъ, давая мнѣ деньги, которыя только продолжатъ мое „болѣзненное состояніе".

Мельниковъ охотно разсказывалъ объ этомъ разговорѣ, прибавляя каждый разъ: „вѣдь это—настоящая русская натура... Жаль человѣка, а помочь ему ничѣмъ не поможешь..."

Во время печатанія романа „На горахъ" въ типографію по адресу Піотушки изъ Москвы и имѣнія Ляхова изъ Нижняго Новгорода отъ Мельникова получались постоянно письма, въ которыхъ онъ опять и опять указывалъ на новыя передѣлки, новыя исправленія.

Особенно много поправокъ дѣлалъ Мельниковъ въ

стилистическомъ отношеніи, стараясь передать съ возможною точностью всѣ изгибы и тонкости колоритнаго народнаго языка, составляющаго такую прелесть разсказа въ произведеніяхъ Мельникова-Печерскаго. Читатель, не знающій закулисной стороны писательской работы автора, конечно, и не подозрѣваетъ, сколько изумительнаго труда вложено здѣсь писателемъ въ его романы, которые, по выраженію А. Измайлова, „стали однимъ изъ фундаментальныхъ сочиненій, безъ которыхъ не можетъ быть полнаго литературнаго образованія“.

Исправленный Мельниковымъ и испещренный карандашомъ „оригиналъ для набора“ Вольфъ хранилъ, какъ цѣнный документъ, но затѣмъ, по просьбѣ С. В. Максимова, передалъ его въ Императорскую Публичную Библіотеку.

Оригиналъ этотъ—цѣнный документъ для исторіи русскаго писательства, русскаго литературнаго творчества.

ПОЛУЗАБЫТЫЙ ПИСАТЕЛЬ-ПЕДАГОГЪ.

Русская педагогія гордится цѣлымъ рядомъ дѣятелей, проложившихъ новые пути въ области воспитанія, или, по крайней мѣрѣ, намѣтившихъ новые методы,—яснѣе говоря, цѣлымъ рядомъ смѣлыхъ революціонеровъ воспитательнаго дѣла, какъ Пироговъ, Ушинскій, Корфъ, Рачинскій, Стоюнинъ, Водовозовъ, Острогорскій, Гердъ и др. Среди этихъ именъ очень рѣдко упоминается имя человѣка, который горячо отстаивалъ раціональные методы воспитанія и проповѣдывалъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ многое изъ того, что за послѣднее время, въ видѣ импорта съ Запада, проникло въ русское педагогическое дѣло подъ названіемъ „новаго воспитанія“.

Человѣкъ этотъ—Резенеръ.

Если имя его и не совсѣмъ забыто, то, во всякомъ случаѣ, оно отодвинуто на задній планъ, и о завѣтахъ, имъ оставленныхъ, приходится слышать и читать очень рѣдко.

Пирогову, Ушинскому, Стоюнину, Корфу, Герду посвященъ уже цѣлый рядъ отдѣльныхъ біографій и изслѣдованій. Резенеръ такой чести еще не дождался. И даже Каптеревъ въ исторіи русской педагогіи не упоминаетъ о

немъ. Только Викторъ Острогорскій въ своихъ воспоминаніяхъ оставилъ прекрасную, теплую характеристику этой, какъ онъ выражается, „могучей личности“, этого „замѣтнаго дѣятеля на поприщѣ педагогики“.

Между тѣмъ, Резенеръ заслужилъ гораздо больше вниманія, нежели удѣлено ему до сихъ поръ. Онъ одинъ изъ первыхъ съ настойчивостью проводилъ принципъ уваженія къ личности ребенка и возбужденія въ немъ нравственнаго достоинства и благороднаго самолюбія, требовалъ веденія дѣла воспитанія безъ всякаго наказанія. Въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ въ „Учителѣ“, въ „Дѣтскомъ Чтеніи“, въ „Народной Школѣ“, въ „Женскомъ Образованіи“ онъ ратовалъ за широкую гуманность въ школьномъ дѣлѣ, а на практикѣ, въ качествѣ руководителя учрежденнаго въ 1866 г. извѣстнаго Василеостровскаго безплатнаго училища, положилъ начало идеальной школѣ съ абсолютной непринудительностью и единственно допускаемымъ воздѣйствіемъ нравственнаго и умственнаго авторитета. Этому идеалу школы онъ остался вѣренъ, когда сдѣлался директоромъ исправительнаго пріюта и когда ему пришлось имѣть дѣло съ завѣдомо испорченными, даже преступными дѣтьми, при чемъ доказалъ, что данный принципъ вѣренъ.

Но Резенеръ былъ не только виднымъ педагогомъ-практикомъ, не только авторомъ многочисленныхъ статей по вопросамъ воспитанія и редакторомъ педагогическаго журнала „Учитель“, онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и однимъ изъ лучшихъ и популярнѣйшихъ въ свое время переводчиковъ, и ему русская литература обязана цѣлымъ рядомъ образцовыхъ переводовъ серьезныхъ научныхъ сочиненій и популярныхъ дѣтскихъ книгъ.

Съ особенною любовью Резенеръ переводилъ съ англійскаго. Изучилъ онъ этотъ языкъ самоучкою. Еще въ университетѣ, на первомъ курсѣ, Резенеръ,—какъ разсказываетъ Острогорскій,—пожелавъ въ англійскомъ оригиналѣ

прочитать какую-то книгу, захотѣлъ выучиться языку Шекспира. И вотъ, раздобывъ англійскую грамматику, лексиконъ и два Евангелія,—русское и англійское,—онъ заперся въ своей, почти пустой, конурѣ. Тутъ, питаясь однимъ хлѣбомъ и чаемъ, въ два мѣсяца, прочитавъ нѣсколько разъ англійское Евангеліе, онъ овладѣлъ языкомъ настолько, что могъ переводить Маколея, а впослѣдствіи явился единственнымъ переводчикомъ знаменитой „Логики“ Милля.

Первый, кто обратилъ вниманіе на Резенера, какъ на способнаго литературнаго труженика, былъ Маврикій Осиповичъ Вольфъ. Еще въ самомъ началѣ своей издательской дѣятельности, въ 1860 г., рѣшивъ приступить къ изданію цѣлаго ряда популярно-научныхъ сочиненій иностранныхъ авторовъ въ русскомъ переводѣ и пріискивая подходящее лицо для выполненія этого предпріятія, Вольфъ остановился на молодомъ учителѣ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Резенерѣ, съ которымъ онъ познакомился въ своемъ магазинѣ, замѣтивъ, какъ усердно слѣдитъ молодой учитель за иностранною популярно-научною литературою, какъ интересуется всѣми новинками въ области науки. И вотъ, въ февралѣ 1860 г., Вольфъ обратился къ Резенеру съ предложеніемъ принять на себя переводъ нѣсколькихъ намѣченныхъ имъ сочиненій. На это предложеніе Резенеръ письмомъ отъ 27 февраля 1860 года отвѣтилъ:

Милостивый Государь
Маврикій Осиповичъ!

Предложенное мнѣ Вами занятіе—переводы съ нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языковъ на русскій, сочиненій, которыя Вамъ угодно будетъ указать, съ платою съ листа въ тридцать пять тысячъ буквъ тринадцать рублей серебромъ по представленіи перевода и трехъ рублей по прочтеніи мною послѣдней корректуры и отпечатанія сочиненія, я принимаю съ искреннею признательностью.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ почтеніи,

Резенеръ.

Первымъ сочиненіемъ, которое Резенеръ перевелъ для Вольфа, была книга Мазіуса „Naturstudien“, вышедшая

въ 1861 г. подъ заглавіемъ „Картины растительности“. Книга эта, выдержавшая два изданія, не была однако простымъ переводомъ: Резенеръ дополнилъ ее данными примѣнительно къ Россіи и сдѣлалъ многія главы общедоступными.

Въ 1862 году Вольфъ заказалъ Резенеру переводъ сочиненія Карла Мюллера „Die Pflanzenwelt“, опытъ космической ботаники, въ двухъ частяхъ, съ платою по 16 р. за печатный листъ русскаго текста, что составило въ общемъ 484 руб.

Тотчасъ по окончаніи перевода этой книги Вольфъ поручилъ Резенеру перевести сочиненіе Франклина „Жизнь животныхъ, естественная исторія въ разсказахъ для образованныхъ читателей и для юношества“, въ двухъ томахъ (1862 г.). За переводъ этой книги Резенеръ принялся особенно охотно, такъ какъ онъ усмотрѣлъ, что она „вся проникнута мало распространенными въ русскомъ обществѣ идеями, касающимися уваженія и любви къ природѣ“.

Въ 1863 г. Резенеръ, по порученію Вольфа, принимается за переводъ „Системы логики“ Милля съ платою по восемнадцати рублей серебромъ за нормальный листъ, при чемъ обязуется доставлять еженедѣльно переводъ двухъ печатныхъ листовъ оригинала. Переводъ этотъ занялъ почти два года и былъ оконченъ въ сентябрѣ 1865 г. Общая сумма гонорара, полученная за него Резенеромъ, составила 1,090 рублей, независимо отъ гонорара, который былъ выданъ П. Л. Лаврову за редакцію перевода. Вышедшій подъ редакціею Лаврова, переводъ этотъ—первый въ Россіи—выдержалъ два изданія (второе изд. въ 1877 г.).

Затѣмъ Резенеръ переводилъ еще для Вольфа „Жизнь знаменитыхъ римлянъ“, сочиненіе Альфонса Фигье, изложенное по Плутарху. „Я съ особеннымъ удовольствіемъ перевожу эту книгу,—писалъ Резенеръ,—потому что счи-

таю ее высоко-нравственной и полагаю, что изъ нея молодой читатель научится исторіи древняго міра гораздо больше, чѣмъ изъ множества сухихъ школьныхъ учебниковъ, отдаваясь живому чтенію, глубоко захватывающему его вниманіе". Что особенно нравилось Резенеру въ книгѣ Фигье—это то, что авторъ ея не преклоняется передъ военными подвигами героевъ, а выдвигаетъ на первый планъ другія ихъ доблести.

Независимо отъ переводовъ, Вольфъ поручалъ также Резенеру редакцію нѣкоторыхъ сочиненій, переведенныхъ другими лицами. Такъ, въ мартѣ 1862 г. Резенеръ принялъ на себя редакцію перевода книги Герштекера „Die Welt im Kleinen für kleine Welt", которая вышла по-русски подъ заглавіемъ „Вселенная". Книга эта, имѣющая цѣлью въ разговорахъ отца съ дѣтьми ознакомить юное поколѣніе съ общими свѣдѣніями изъ географіи, значительно исправленная и дополненная Резенеромъ, встрѣтила очень сочувственный пріемъ и выдержала уже пять изданій *).

Въ 1864 году Резенеръ, по указанію Вольфа, взялся за подготовку ко второму изданію сочиненія Циммермана „Міръ до сотворенія человѣка", переведеннаго П. М. Ольхинымъ, за общую сумму 166 руб. Книга эта вызвала въ свое время большой шумъ. Въ ней усмотрѣли ересь, и одно время она была даже изъята изъ библіотекъ, такъ какъ въ ней происхожденіе земного шара разсказано, вопреки библейскимъ преданіямъ, по чисто научнымъ даннымъ.

Въ 1865 году Вольфъ поручилъ Резенеру составить дѣтскій календарь, въ которомъ, по мысли Вольфа, должны были быть собраны стишки и статьи, примѣнительно ко временамъ года и мѣсяцамъ. Хотя Резенеръ вложилъ въ

*) Въ 1913 г. вышло пятое изданіе „Вселенной" Герштекера, вновь пересмотрѣнное и исправленное А. Ешевскимъ.

составленіе календаря немало труда, успѣха онъ все-же не имѣлъ.

Послѣ этого въ сношеніяхъ Резенера съ Вольфомъ произошелъ продолжительный перерывъ. Причина этого перерыва была та, что Резенеръ всецѣло посвятилъ себя педагогической дѣятельности, ѣздилъ за границу по порученію Комитета общества для устройства въ Россіи земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ училищъ съ цѣлью изученія способовъ исправленія порочныхъ дѣтей; затѣмъ, по возвращеніи, занялъ должность директора ремесленнаго исправительнаго пріюта близъ Петербурга, за Пороховыми заводами; послѣ служилъ въ пріютѣ Тименкова и Фролова въ Спб. и, наконецъ, нѣкоторое время былъ въ митавской гимназіи учителемъ русскаго языка. Очевидно, времени для переводныхъ работъ у него не оставалось.

Возобновленіе сношеній Резенера съ Вольфомъ относится къ 1875 году, когда Резенеръ перевелъ для Вольфа книгу Т. Гюка „Школьные годы Тома Брауна“—повѣсть, изображающую воспитаніе дѣтей высшихъ сословій въ Англіи. Книгу эту онъ считалъ очень полезной и полагалъ, что она должна имѣть большой успѣхъ. Но въ этомъ онъ ошибся: хотя русскій переводъ былъ напечатанъ всего въ 1500 экземплярахъ, все-таки изданіе осталось не разошедшимся.

Характерными чертами Резенера, какъ писателя-переводчика, были удивительная аккуратность и щепетильная добросовѣстность. Несмотря на то, что онъ очень сильно нуждался и что переводная работа составляла въ то время единственный источникъ его существованія, Резенеръ не соглашался никогда принимать на себя перевода раньше, чѣмъ ознакомлялся съ содержаніемъ сочиненія, и приступалъ къ переводу лишь послѣ того, какъ самъ признавалъ данное сочиненіе того достойнымъ.

Вообще въ Резенерѣ сказывались, какъ утверждалъ

Вольфъ, „нѣмецкая добросовѣстность и нѣмецкій педантизмъ“, хотя Резенеръ родился въ Петербургѣ (въ 1825 г.), воспитывался въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ и затѣмъ всю свою жизнь провелъ въ Россіи, главнымъ образомъ въ Петербургѣ. Кто были его родители, онъ не зналъ; лишился онъ ихъ очень рано и единственною родственницею своею считалъ какую-то старушку, тетку или бабушку, нѣмку, фотографія которой висѣла у него всегда надъ рабочей конторкой, составляя единственное украшеніе его убогой комнатки въ Донскомъ переулкѣ на Васил. Островѣ. Въ этой комнаткѣ онъ жилъ студентомъ университета, въ ней же остался, когда, окончивъ курсъ, поступилъ на службу въ Военное Министерство (въ которомъ прослужилъ недолго, не чувствуя охоты и желанія тянуть чиновничью лямку); затѣмъ сталъ работать въ возникшихъ въ шестидесятыхъ годахъ воскресныхъ школахъ. Своей убогой комнаткѣ Резенеръ остался вѣренъ даже и тогда, когда женился, присоединивъ къ ней лишь еще одну комнату и кухню, и измѣнилъ ей послѣ того, какъ съ назначеніемъ на постъ директора исправительной колоніи для малолѣтнихъ, долженъ былъ переѣхать въ эту колонію.

Литературную и переводческую дѣятельность Резенеръ началъ переводомъ исторіи Шлоссера и статьями Дистервега и другихъ педагоговъ въ издававшемся Паульсономъ журналѣ „Учитель“, офиціальнымъ редакторомъ котораго онъ сталъ въ 1863 г. Кромѣ переводовъ, онъ составилъ имъ самимъ задуманную, очень популярную въ свое время, книгу „Что окружаетъ насъ“, представлявшую сборникъ разсказовъ изъ естествознанія *), затѣмъ первую подроб-

*) Книга эта совершенно вышла изъ продажи. Ее замѣнила другая хрестоматія по естествознанію, составленная Е. Я. и Н. В. Емельяновыми, подъ ред. А. П. Нечаева, посвященная памяти Резенера и сохранившая лишь резенеровское заглавіе „Что окружаетъ насъ“.

ную статью на русскомъ языкѣ объ исправительныхъ заведеніяхъ за границею („Вѣстн. Евр.“ 1870), „Жизнеописанія знаменитыхъ женщинъ“, „Руководство къ изученію грамоты“ и др.

Всю свою жизнь Резенеръ провелъ въ нуждѣ, хотя вращался и пользовался уваженіемъ и въ педагогическомъ, и въ литературномъ мірѣ. Педагогъ-идеалистъ, онъ не сумѣлъ устроить свою жизнь, часто отдавалъ послѣдніе гроши бѣднымъ и, страстно преданный любимому педагогическому дѣлу, не щадя здоровья, работалъ всегда съ утра до поздней ночи. При этомъ ему постоянно приходилось еще вести борьбу съ тѣми, которые не одобряли его гуманно-педагогическихъ идей. Результатомъ умственнаго переутомленія и безчисленныхъ невзгодъ явилась въ 1881 г. неизлечимая душевная болѣзнь и необходимость помѣстить несчастнаго въ больницу на Удѣльную, гдѣ онъ и скончался 25 августа 1881 года.

ТВОРЕЦЪ ЦЫГАНСКИХЪ ПѢСЕНЪ.

Говорятъ, что я кокетка,
Что любить я не могу,
И видали, какъ нерѣдко
Равнодушіемъ плачу и т. д., и т. д.

Нѣтъ-нѣтъ, а съ концертной или кафэшантанной эстрады раздастся эта, нѣкогда очень модная и распространенная, пѣсня московскихъ цыганъ, рядомъ съ другими такими же пѣснями:

Зацѣлуй меня до смерти,
Отъ тебя и смерть мила;
Не на горе же, повѣрьте,
Жизнь отъ Бога намъ дана...

или

Пѣсни и пляски,
Кубокъ вина,
Вотъ жизнь цыганки,
Вотъ вамъ она! и т. д.

Еще не такъ далеко то время, когда Петербургъ, Москва, а съ ними и вся Россія увлекались подобными незамысловатыми пѣснями, исполняемыми смуглыми звѣздочками цыганскихъ хоровъ, а золотая молодежь, опьяняемая страстными будто-бы голосами черноокихъ исполнительницъ, тратила на послѣднихъ цѣлыя состоянія.

Времена мѣняются. Мода на московскихъ цыганъ сильно упала, а пѣсни, которыя они пѣли лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ, забыты. Новыя исполнительницы т. н. цыганскихъ пѣсенъ, въ родѣ Вяльцевой, Вари Паниной, Тамары и др., замѣнили старыя цыганскія пѣсни другими, свѣжими. Но „Говорятъ, что я кокетка", „Зацѣлуй меня до смерти", „Я цыганкой родилася" и т. п. все же еще не совсѣмъ исчезли изъ репертуара цыганскихъ хоровъ и отдѣльныхъ пѣвицъ.

Кто же творецъ этихъ пѣсенъ?

„Какъ кто? Это—пѣсни, сложенныя самими цыганами!"—думаютъ многіе. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ всѣ эти пѣсни, еще недавно приводившія въ восторгъ почитателей кафэ-шантановъ, сложилъ... инженеръ путей сообщенія и большой любитель и знатокъ изящныхъ искусствъ — нынѣ покойный Александръ Николаевичъ Андреевъ. Это его произведенія — всѣ эти „цыганки съ горячею кровью", „кокетки съ затаеннымъ порывомъ страстей", „черноокія красавицы", веселящіяся безъ заботы и нужды. И если когда-либо московскіе пѣвцы-цыгане дождутся своей исторіи, Андрееву, несомнѣнно, будетъ отведена въ этой исторіи видная страница.

Десятки лѣтъ раздавались повсюду эти пѣсни, но никто и не подозрѣвалъ, что у нихъ есть авторъ. И велико было удивленіе, когда въ 1879 году Маврикій Осиповичъ Вольфъ выпустилъ собраніе стихотвореній А. Н. Андреева, въ которомъ оказались всѣ модныя въ то время пѣсни московскихъ цыганъ *).

Первымъ, кто обратилъ тогда вниманіе на сборникъ Андреева или, вѣрнѣе, на помѣщенный въ немъ отдѣлъ цыганскихъ пѣсенъ, — былъ Буренинъ, посвятившій ему цѣлый фельетонъ въ „Новомъ Времени".

*) А. Н. Андреевъ. Стихотворенія. Съ рисунками худ. Богданова. Спб. и М. 1879. Изд. М. О. Вольфа, стр. 118.

„По всей вѣроятности, во всѣхъ городахъ и даже во многихъ весяхъ нашего обширнаго отечества „Кокетка“ извѣстна многимъ россійскимъ гражданамъ,—писалъ Буренинъ,—а между тѣмъ имя творца „Кокетки“ до сихъ поръ оставалось неизвѣстнымъ... Благосклонная публика узнаетъ теперь, что не одна популярная „Кокетка“, молодость которой совершенно неосновательно „пятнали обидой ѣдкой“, создана г. Андреевымъ, но также и цыганка, которая „родилась межъ телѣгъ, среди полей“, которой незнакомы науки и изъ всѣхъ наукъ „далась въ руки лишь одна любовь“. Кромѣ того, какъ оказывается, еще много интересныхъ цыганокъ обязаны своимъ существованіемъ г. Андрееву. И какія всѣ эти цыганки пламенныя по части амуровъ—просто мое почтенье“.

При этомъ Буренинъ украсилъ свой фельетонъ цѣлымъ рядомъ цитатъ и, какъ водится, не пощадилъ творца цыганскихъ пѣсенъ, упрекая его въ томъ, что онъ „лжетъ и льститъ цыганкамъ съ ухарствомъ и нѣсколько пошловатымъ паѳосомъ армейскаго хвата добраго стараго времени“.

Какъ было и со многими другими отрицательными отзывами Буренина, его фельетонъ имѣлъ большое значеніе: онъ создалъ сборнику Андреева значительный, хотя и временный, успѣхъ. Въ теченіе первыхъ же дней послѣ появленія фельетона разошлось нѣсколько сотъ экземпляровъ книги Андреева.

Многіе, покупавшіе эту книгу, думали, что Буренинъ шутитъ, что онъ нарочно „приписываетъ“ Андрееву всѣ цитированныя имъ пѣсни. Многіе изъ рьяныхъ поклонниковъ цыганскихъ пѣсенъ были при этомъ даже до извѣстной степени разочарованы. Да и какъ не разочароваться: казалось, что всѣ пѣсни московскихъ цыганъ вышли, какъ выразился одинъ изъ критиковъ, „изъ нутра самихъ цыганокъ“, а тутъ оказывается, что онѣ просто-

напросто сочинены, „вложены имъ въ уста!..“ И кѣмъ? Дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, инженеромъ, состоящимъ на государственной службѣ и по происхожденію, и по роду своихъ занятій не имѣющимъ ничего общаго съ цыганами!..

— Неужели это тотъ самый Андреевъ, который составилъ книгу „Живопись и живописцы“, редактировалъ изданіе „Картинныя галлереи Европы“, выпустилъ такія цѣнныя сочиненія, какъ „Венеція въ художественномъ отношеніи“ и „Памятники древняго Рима“?!—спрашивали часто Вольфа.

Въ Андреевѣ дѣйствительно соединялись самыя крайнія противоположности. Это былъ серьезный, искренно увлекавшійся, тонкій цѣнитель искусствъ, изслѣдователь исторіи живописи—и... веселый, жизнерадостный, беззаботный поклонникъ кафэшантанной музыки; строгій инженеръ, преданный своему дѣлу спеціалистъ—и заядлый театралъ; составитель сухихъ, математическихъ инженерныхъ плановъ и выкладокъ—и авторъ цѣлаго ряда водевилей и другихъ веселыхъ театральныхъ пьесъ *).

Приходилъ онъ, бывало, въ книжный магазинъ М. О. Вольфа съ туго набитымъ портфелемъ, суетливо вынималъ оттуда какой-нибудь серьезный рапортъ по вѣдомству путей сообщенія и... тутъ же набросанный имъ во время ученаго засѣданія проектъ новой цыганской пѣсенки фривольнаго подчасъ содержанія; показывалъ рисунокъ-планъ какого-нибудь сложнаго сооруженія и рядомъ... портретъ модной пѣвицы съ ея собственноручною фривольною надписью „на память“...

Съ Вольфомъ Андреевъ подружился въ первые же годы открытія Мавриміемъ Осиповичемъ его издательскаго дѣла. А когда служба заставила Андреева переселиться

*) А. Н. Андреевъ. Театръ. 2 тома, 17 пьесъ. Спб. 1874—75. Изд. М. О. Вольфа.

въ Москву, онъ въ частые свои пріѣзды въ Петербургъ просиживалъ въ книжномъ магазинѣ Вольфа подолгу.

Замѣчательно бойкій и остроумный разсказчикъ, онъ нерѣдко веселилъ большую компанію собиравшихся у Вольфа литераторовъ, забавляя ее неистощимымъ запасомъ анекдотовъ. Достаточно было, однако, кому-либо затронуть въ разговорѣ вопросъ, относящійся къ искусству, какъ Андреевъ моментально мѣнялъ тему и съ увлеченіемъ принимался высказывать свои сужденія о томъ или другомъ знаменитомъ художникѣ или классическомъ произведеніи живописи, поражая всѣхъ и своими огромными познаніями по этой части, и феноменальною памятью.

— Я не знаю такъ твердо буквъ азбуки, какъ Андреевъ знаетъ наизусть всѣхъ художниковъ,—выразился о немъ однажды Григоровичъ, часто упрекавшій Андреева въ томъ, что онъ будто бы тратилъ свой талантъ, свои способности, знанія и деньги на пустяки.

— Вся эта цыганская дрянь не стоитъ мѣднаго гроша,—повторялъ Григоровичъ, — а вы относитесь къ ней, какъ къ серьезной отрасли искусства!

Андреевъ возмущался такимъ отношеніемъ къ цыганамъ и всегда выступалъ на защиту ихъ.

Обладая большимъ состояніемъ, Андреевъ тратилъ его на московскихъ цыганокъ, но тратилъ не какъ жуиръ, бросающій деньги, а какъ меценатъ-покровитель вокальныхъ талантовъ. Появится гдѣ молодая дѣвушка, сколько-нибудь похожая на цыганку и обладающая задатками вокальнаго таланта,—Андреевъ тотчасъ же на свои средства нанималъ ей учителей пѣнія, давалъ возможность жить безбѣдно, подготовиться къ карьерѣ пѣвицы цыганскаго хора,—обязательно цыганскаго. Услышитъ онъ о какомъ-нибудь подающемъ надежды пѣвцѣ — тотчасъ летитъ къ нему, предлагаетъ свою помощь, склоняетъ посвятить себя подмосткамъ и т. д. Достаточно было

Андрееву услыхать, что у того или другого цыганскаго хора плохо идутъ дѣла,—какъ онъ выручалъ его немедленно. Больныхъ цыганокъ-пѣвицъ онъ на свой счетъ посылалъ на югъ лечиться. Старымъ, „отставнымъ“, цыганскимъ звѣздочкамъ покупалъ въ Москвѣ „меблированныя комнаты“, обезпечивая этимъ ихъ старость. и пр., и пр. Все это онъ дѣлалъ, однако, безъ шума, не ища рекламы и находя огромное личное удовлетвореніе, если ему удавалось помочь какой-нибудь цыганской пѣвичкѣ или цыганскому пѣвцу.

Цыганскихъ концертовъ онъ не пропускалъ никогда и нерѣдко нарочно ѣздилъ то въ Петербургъ, то въ Одессу, то въ Ялту, чтобы послушать какую-нибудь новую цыганку. И нужно было видѣть, какъ радовался онъ успѣху своихъ любимцевъ!

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Андреевъ задумалъ было составить біографическій словарь московскихъ цыганъ—пѣвцовъ и пѣвицъ—и хотѣлъ издать его въ роскошномъ видѣ, какъ подарокъ для поклонниковъ цыганскихъ пѣсенъ. Съ этою цѣлью онъ тщательно собиралъ свѣдѣнія объ „артистической“ карьерѣ всѣхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, коллектировалъ отзывы о нихъ и пр. Но изданія этого не осуществилъ.

О нравственности цыганскихъ пѣвичекъ, вопреки установившейся въ этомъ отношеніи ихъ репутаціи, Андреевъ былъ очень высокаго мнѣнія и высказалъ его, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ, вложенныхъ въ уста цыганки:

Что мнѣ деньги твои?
Нѣтъ, не нужны онѣ,
Предложи ихъ другой,
Не цыганкѣ степной!
Я любовью шучу,
Но ея не продамъ,
И кому захочу,—
Тому даромъ отдамъ!
Прочь съ соблазнами своими!
Юга пламенную дочь

Не смутишь рѣчами злыми,
Какъ ее ты ни порочь.
. . . . . .
Дай! За деньги я спою,
Попляшу и погадаю—
Но любить,—не полюблю!

Литературный багажъ Андреева, какъ поэта, очень невеликъ. Книжка стихотвореній въ 118 страницъ, это—все, что онъ написалъ, какъ поэтъ. Сюжетъ всѣхъ почти его стихотвореній — любовь и вино, а самый характеръ ихъ таковъ, что они, положенныя на музыку, стали довольно распространенными пѣснями. Поэзія Андреева не высокой пробы, но, тѣмъ не менѣе, у него были рьяные поклонники и поклонницы.

Скончался Андреевъ въ 1891 г. на 61-мъ году жизни.

ОБЫСКЪ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ВОЛЬФА.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ м. с. въ петербургскихъ высшихъ сферахъ много шума надѣлало слѣдствіе, которое велось, по личному приказанію императора Николая I, надъ знатнымъ дворяниномъ, бывшимъ гвардейскимъ офицеромъ Энгельгардтомъ о преступной связи его съ четырнадцатилѣтней дочерью.

Слѣдствіе, назначенное по просьбѣ жены Энгельгардта, Анны Романовны Энгельгардтъ, урожденной Херасковой, было поручено жандармскому полковнику Станкевичу, который по этому случаю ближе познакомился съ г-жею Энгельгардтъ и, послѣ осужденія ея мужа, сталъ бывать у нея довольно часто до слѣдующаго случая, о которомъ сохранились свѣдѣнія въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой *).

Анна Романовна Энгельгардтъ,—по словамъ г-жи Соколовой, — много читала, очень много покупала всевозможныхъ книгъ и, такъ какъ всѣ свои покупки дѣлала исключительно чрезъ посредство книжнаго магазина Воль-

*) „Встрѣчи и знакомства“, А. И. Соколовой. Ист. Вѣсти. 1911. II.

фа, то, само собой разумѣется, она пользовалась тамъ и широкимъ кредитомъ, и самымъ полнымъ довѣріемъ.

Какъ и всѣ крупные книготорговцы, Вольфъ имѣлъ возможность получать для высокопоставленныхъ своихъ покупателей всѣ безъ исключенія заграничныя изданія, какимъ бы широкимъ вето они ни были поражены въ Россіи. Всѣ особенно интересныя книги, какъ политическаго, такъ и общелитературнаго характера, немедленно давались для прочтенія Аннѣ Романовнѣ, которая, бережно пробѣжавъ ихъ, тотчасъ же возвращала ихъ Вольфу. Однажды, когда полученъ былъ одинъ изъ интересныхъ и строго запрещенныхъ въ Россіи романовъ, Станкевичъ, заѣхавшій вечеромъ къ Энгельгардтъ, засталъ ее за чтеніемъ этой литературной новинки и очень ею заинтересовался.

— Откуда это у васъ?—полюбопытствовалъ онъ.

Она сказала.

— Ахъ, какъ это интересно!.. Вы не можете мнѣ дать это пробѣжать?..

Она отвѣтила, что сама взяла эту новинку только на нѣсколько часовъ, но на его усердную просьбу согласилась уступить ему книгу на ночь съ тѣмъ, что онъ ее пробѣжитъ и рано утромъ вернетъ ей.

Станкевичъ уѣхалъ, захвативъ книгу съ собой, а на другой день рано утромъ m-me Энгельгардтъ была разбужена горничной, сказавшей ей, что ее спрашиваютъ по экстренному дѣлу. Она наскоро одѣлась и, непривычная къ тому, чтобы ее будили раньше, нежели она сама проснется, приказала ввести къ ней досаднаго ранняго посѣтителя. Къ ея крайнему удивленію, вошелъ старшій приказчикъ Вольфа, сильно разстроенный и перепуганный, и въ сбивчивыхъ словахъ передалъ ей, что у нихъ, въ книжномъ магазинѣ, раннимъ утромъ произведенъ былъ обыскъ, конфисковано нѣсколько запрещенныхъ изданій, и магазинъ запечатанъ.

Обыски въ то время были большой рѣдкостью и угрожали очень серьезными послѣдствіями. Это было время всемогущаго „Третьяго отдѣленія“, безъ распоряженія котораго ни одинъ обыскъ не могъ производиться.

— Что же такое случилось?—съ участіемъ освѣдомилась Анна Романовна, понимая обращеніе къ ней солидной и знакомой фирмы, какъ выраженіе увѣренности въ ея добромъ участіи и надежды на ея многочисленныя связи и знакомства.

Каковы же были ея удивленіе и ужасъ, когда она узнала, что обыскъ у Вольфа произведенъ былъ по ея винѣ и что не кто иной, какъ самъ полковникъ Станкевичъ, явился въ магазинъ съ запрещенной книгой, наканунѣ утромъ взятой ею изъ магазина, и на основаніи этого произвелъ обыскъ и очень значительную выемку книгъ и опечаталъ магазинъ! Она въ первую минуту прямо оцѣпенѣла отъ ужаса...

Придя въ себя, она моментально одѣлась, вмѣстѣ съ приказчикомъ поѣхала къ самому М. О. Вольфу и послѣ короткаго объясненія прямо поѣхала къ Станкевичу.

Увидѣвъ ее у себя, Станкевичъ растерялся и началъ ее успокоивать, но услыхалъ отъ нея смѣлое и безцеремонное порицаніе своихъ распоряженій и твердое и непреложное завѣреніе, что ежели магазинъ Вольфа не будетъ тотчасъ же распечатанъ и все это горькое и позорное для нея дѣло не будетъ замято, то она добьется личной аудіенціи у Государя Императора и черезъ него потребуетъ отчета въ этомъ оскорбленіи, которое нанесено ея честному имени и ея честному дому привлеченіемъ ея къ позорному дѣлу доноса и сыска.

Станкевичъ зналъ силу и твердость ея характера, зналъ, что напрасно угрозъ она говорить не станетъ, и изловчился въ тотъ же день замять всю эту бурю въ стаканѣ воды, выслушавъ отъ m-me Энгельгардтъ одинъ разъ

навсегда рѣшительную просьбу никогда не переступать порога ея дома.

Просьбу эту Станкевичъ исполнилъ волей-неволей, но въ домѣ г-жи Энгельгардтъ продолжалъ бывать сынъ его Сергѣй, сначала кадетъ, потомъ кирасиръ, влюбившійся въ третью ея дочь, Полину. М-me Энгельгардтъ сначала и слышать не хотѣла о свадьбѣ дочери съ сыномъ ненавистнаго ей доносчика, потомъ, тронутая мольбами и слезами молодыхъ людей, согласилась, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы самъ Станкевичъ, которому она не могла простить доноса, не былъ ни на обрученіи, ни на самой свадьбѣ. Послѣднему пришлось подчиниться.

КОЕ-ЧТО ИЗЪ ЖИЗНИ АВТОРА „ОБЛОМОВА“.

ВЪ уголкѣ, за дверью, у самаго входа въ книжный магазинъ М. О. Вольфа, въ обѣденные часы, въ семидесятыхъ годахъ часто можно было видѣть симпатичнаго, скромно одѣтаго, полнаго старичка низенькаго роста, съ виду чиновника, который, сидя у конторки на высокомъ табуретѣ, — внимательно разсматривалъ новыя книги, поступавшія за недѣлю въ продажу.

Этотъ старичекъ былъ И. А. Гончаровъ. А мѣсто налѣво въ уголкѣ за дверью было любимымъ его мѣстомъ во время частыхъ посѣщеній Вольфа.

— Что новенькаго у васъ изъ книжекъ?—спрашивалъ обыкновенно Гончаровъ.

Вольфъ перечислялъ маститому беллетристу новѣйшія книги, преимущественно по беллетристикѣ, добавляя, какія изъ нихъ больше въ спросѣ.

Гончаровъ слушалъ со вниманіемъ и каждый разъ искренно радовался, узнавая, что какая-нибудь книжка молодого писателя пользуется успѣхомъ.

— Слава Богу!.. Слава Богу!—говаривалъ онъ.—Это хорошо, что узнаютъ и признаютъ молодые таланты...

Мнѣ все какъ-то кажется, что теперь публика не та, читатели не тѣ...

Случалось также не разъ, что Гончаровъ, взявъ какую-нибудь книгу для просмотра и находя ее дѣльною или полезною, считалъ своимъ долгомъ указать въ печати на ея достоинства, обратить на нее вниманіе публики. Въ „Голосѣ“ въ семидесятыхъ годахъ помѣщена не одна библіографическая замѣтка автора „Обломова“, конечно, безъ подписи, горячо рекомендующая ту или другую литературную новинку. Авторъ иногда ломалъ себѣ голову, кто это могъ написать такой сочувственный отзывъ о его произведеніи, и, понятно, не подозрѣвалъ даже, кому онъ обязанъ неожиданнымъ часто успѣхомъ книги.

Гончаровъ заходилъ въ магазинъ Вольфа днемъ, во время обычной „передобѣденной“ своей прогулки, заходилъ иногда вечеромъ.

— Точно что-то тянетъ меня, помимо моей воли, заглянуть къ вамъ и узнать, нѣтъ ли какихъ-нибудь новыхъ интересныхъ книжекъ,—говорилъ, какъ будто оправдываясь, старый писатель, обращаясь то къ самому Маврикію Осиповичу, то къ кому-либо изъ его приказчиковъ.

Гончаровъ очень интересовался французскою беллетристикою, часто бралъ у Вольфа французскіе романы для чтенія, которые возвращалъ по прочтеніи въ безупречно-чистомъ видѣ. Покупать—онъ никогда не покупалъ. Особенно же увлекался Гончаровъ Флоберомъ, зачитывался произведеніями этого писателя, предпочитая ихъ всѣмъ другимъ.

— Вотъ это писатель!.. Вотъ это я понимаю!— иногда говорилъ онъ, возвращая прочитанный романъ Флобера, и при этомъ лицо его сіяло искреннимъ удовольствіемъ.

Гончаровъ считалъ въ то время свою литературную

дѣятельность совершенно законченною и старался увѣрить всѣхъ и каждаго, что онъ пересталъ писать и перешелъ, въ отношеніи писательства, „на покой“. Ему, однако, плохо вѣрили. И, дѣйствительно, какъ потомъ оказалось, Гончаровъ, утверждая, что онъ ничего не пишетъ, и наотрѣзъ отказывая въ сотрудничествѣ всѣмъ приглашавшимъ его редакціямъ и издателямъ, все же продолжалъ писать.

— Неужели же въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Александровичъ, вы ничего не пишете?—приставалъ какъ-то къ нему Майковъ.—Не понимаю!.. Говорятъ, кто разъ начнетъ писать, у того уже писательскій зудъ остается до самой смерти...

— Да иной разъ и напишешь что-нибудь,—оправдывался Гончаровъ,—но прочитаешь и сейчасъ же уничтожишь. Не удовлетворяетъ меня теперь моя работа, да она и не въ духѣ времени. Если и пишешь что-нибудь, то только для себя, но не для печати.

Искренно, или нѣтъ, но Гончаровъ неоднократно утверждалъ въ то время, что считаетъ вообще свои произведенія устарѣвшими, и поэтому долгое время не хотѣлъ согласиться на новое изданіе своихъ произведеній.

Сочиненія И. А. Гончарова—„Обрывъ“, „Обломовъ“, „Фрегатъ Паллада“ были въ то время совершенно распроданы. Сидя въ уголкѣ за дверью книжнаго магазина Вольфа, Гончаровъ часто самъ слышалъ, какъ публика спрашивала его книги, но оставался совершенно равнодушнымъ къ этому.

— Что же вы, Иванъ Александровичъ, не приступите къ новому изданію вашихъ сочиненій?—неоднократно спрашивалъ его Вольфъ.

— Куда мнѣ уже, старому! Забота, хлопоты, корректура... Нѣтъ, я этого не въ состояніи!..

— Позвольте! Все это—дѣло издателя,—убѣждалъ Вольфъ.

— Да, но выпуская новымъ изданіемъ, слѣдовало бы кое-что исправить, передѣлать, сократить... Гдѣ мнѣ теперь приниматься за такую работу!..

Какъ-то разъ, въ то самое время, когда Гончаровъ сидѣлъ въ уголку, за дверью, въ магазинѣ Вольфа влетѣла, въ буквальномъ смыслѣ слова, какая-то нарядно одѣтая молодая дама и спросила „Фрегатъ Палладу“.

— Распродано,—гласилъ отвѣтъ продавца.

— Ахъ, какая досада,—заволновалась дама.—А я такъ хотѣла бы пріобрѣсти это произведеніе!

Приказчикъ объяснилъ, что книга „Фрегатъ Паллада“ давно распродана и что ее можно получить лишь случайно, у антикваріевъ, по цѣнѣ не менѣе какъ 25 руб. за экземпляръ.

— Что дѣлать! Я готова заплатить 25, даже 50 рублей, но достаньте мнѣ сейчасъ эту книгу.

Гончарова очень заинтересовала дама, такъ настойчиво желавшая имѣть его произведеніе. Онъ шепнулъ М. О. Вольфу, не можетъ ли тотъ спросить покупательницу, почему ей такъ захотѣлось имѣть эту книгу.

Вольфъ охотно исполнилъ желаніе Гончарова.

Въ отвѣтъ на вопросъ Вольфа дама чистосердечно созналась, что она по неосторожности опрокинула въ гостяхъ лампу на лежавшую на столѣ книгу, и эта книга оказалась „Фрегатъ Паллада“; приличіе требуетъ поэтому возвратить хозяевамъ книгу въ цѣлости.

„Прозаическое“ объясненіе очень огорчило Гончарова и, какъ онъ самъ послѣ разсказывалъ, „лишній разъ убѣдило его, что никакому писателю не слѣдуетъ особенно гордиться своими успѣхами“.

Неоднократныя попытки Вольфа уговорить Гончарова продать право на изданіе его сочиненій не привели къ желанному результату, несмотря на то, что Вольфъ заявлялъ, что опредѣленіе гонорара за это право

всецѣло предоставляетъ Гончарову и торговаться не будетъ.

Гончаровъ откладывалъ свое рѣшеніе со дня на день, отнѣкивался, ссылаясь на заботы, связанныя съ такимъ изданіемъ, высказывалъ желаніе предварительно „кое-что исправить, передѣлать, сократить". При этомъ, необычайно скромный, Гончаровъ высказывалъ опасенія, что его сочиненія устарѣли, что новаго, да еще полнаго ихъ изданія не станутъ покупать.

— Меня пугаетъ мысль, что мои книги будутъ продавать на бумагу, съ пуда или по дешевкѣ, на улицѣ... Не хотѣлось бы дожить до такого срама...—повторялъ онъ.

Враги Гончарова не вѣрили, однако, въ скромность его и утверждали, что талантливый авторъ „Обрыва", какъ биржевикъ, держитъ свои сочиненія, выжидая момента, когда можно будетъ ихъ продать подороже.

Рѣшился Гончаровъ продать полное собраніе своихъ сочиненій только тогда, когда книгопродавецъ Глазуновъ, собравъ все, напечатанное до того времени авторомъ „Обломова", принесъ ему на квартиру уже вполнѣ подготовленное къ набору полное собраніе сочиненій и тутъ же предложилъ получить наличными гонораръ въ 60,000 руб.,— сумму, по тому времени, казавшуюся очень крупной.

Продавъ Глазунову право на изданіе, Гончаровъ долго послѣ этого не показывался въ книжномъ магазинѣ Вольфа. Встрѣтивъ же послѣдняго случайно на улицѣ, сталъ извиняться, что выбралъ своимъ издателемъ фирму Глазунова.

— Глазуновъ,—объяснялъ Гончаровъ,—пришелъ, положилъ деньги на столъ, соблазнилъ,—трудно было отказаться...

Не довольствуясь этимъ, Гончаровъ счелъ долгомъ письменно еще „извиниться" передъ Маврикіемъ Вольфомъ, признавая, что первый мысль объ изданіи собранія сочиненій далъ ему Вольфъ.

На рѣшеніе Гончарова приступить къ изданію собранія своихъ сочиненій повліяло еще одно обстоятельство: не находя въ книжныхъ магазинахъ въ продажѣ романовъ Гончарова, нѣкоторыя высокопоставленныя лица обращались къ самому писателю, и, какъ разсказывалъ авторъ „Обломова“, ему пришлось даже отдать свой собственный послѣдній экземпляръ „Фрегата Паллады“, чтобы удовлетворить просьбу одного очень высокопоставленнаго лица. Когда Гончаровъ послѣ этого сталъ искать у букинистовъ старый экземпляръ „Фрегата Паллады“, съ него запросили 50 рублей.

— Вотъ ростовщики! — жаловался Вольфу Гончаровъ.—Пятьдесятъ рублей хотятъ получить за то, что стоитъ 3 рубля!

— Такъ отнимите у нихъ возможность заниматься на вашихъ сочиненіяхъ ростовщичествомъ,—смѣясь, уговаривалъ Вольфъ.—Выпустите новыя изданія, и цѣна на прежнія сразу упадетъ.

Но Гончаровъ все колебался и не рѣшался.

Въ книжномъ мірѣ рѣшеніе И. А. Гончарова приступить къ новому изданію своихъ сочиненій (о которомъ въ свое время оповѣстили газеты, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и сумму гонорара, полученнаго за право изданія Гончаровымъ отъ Глазунова) составило, конечно, крупное событіе.

Маврикій Осиповичъ Вольфъ разсказывалъ по поводу этого „рѣшенія“ Гончарова, что онъ видѣлъ на своемъ вѣку много разъ, какъ безпокоились и дрожали молодые, начинающіе писатели въ то время, когда печаталось ихъ первое произведеніе, но все это ничто въ сравненіи съ безпокойствомъ, которое проявлялъ Гончаровъ, рѣшившись на новое изданіе своихъ сочиненій. Въ скромности своей, маститый писатель просто боялся за успѣхъ этихъ сочиненій, боялся, что они „отжили свою пору“ и что

его станутъ упрекать за то, что онъ вздумалъ ихъ вновь напечатать.

Самъ Гончаровъ, когда Вольфъ укорялъ его въ излишней скромности, любилъ повторять:

— Вовсе это у меня не скромность, а просто болѣзнь. Она-то меня и заставляетъ вообще воздержаться отъ литературы.

Необычайная скромность Гончарова проявлялась на каждомъ почти шагу. Такъ, напримѣръ, когда въ 1878 году затѣяно было М. О. Вольфомъ изданіе „Живописной Россіи", то, въ числѣ другихъ писателей, Вольфъ обратился и къ Ивану Александровичу съ просьбою принять участіе въ этомъ изданіи. Гончаровъ очень сочувственно отнесся къ самой идеѣ, „Жив. Россіи", но написалъ Вольфу письмо, въ которомъ извинялся, что, почти не выѣзжая во всю жизнь изъ Петербурга, не знаетъ Россіи—и потому, „при всемъ желаніи", не могъ бы написать ничего такого, что пригодилось бы для изданія...

Письмо это—одинъ изъ многочисленныхъ образчиковъ замѣчательной скромности маститаго писателя.

Друзья - литераторы иногда упрекали Гончарова въ томъ, что онъ гораздо больше цѣнитъ титулъ „ваше превосходительство", нежели званіе „литераторъ". Гончаровъ въ отвѣтъ только мягко улыбался. Онъ точно даже не любилъ, когда ему напоминали, что онъ литераторъ, что онъ авторъ „Обрыва", „Обломова", „Обыкновенной исторіи".

— Ну, литераторъ, такъ литераторъ—мало-ли литераторовъ на свѣтѣ?—замѣтилъ онъ какъ-то разъ Н. И. Вейнбергу.

— Да, много, но не такихъ, какъ вы,—отвѣтилъ Вейнбергъ.

Гончаровъ только махнулъ рукою и повелъ разговоръ о другомъ.

Самый тонъ рѣчи Гончарова, его манера говорить—вселяли несомнѣнную увѣренность въ искренней скромности маститаго беллетриста, необычайность размѣровъ которой вызывала даже сомнѣніе—какъ, молъ, такая звѣзда первой величины—и скромничаетъ: не напускная ли, не искусственная ли эта скромность, не „рисуется“ ли Гончаровъ своею скромностью? Но кто ближе зналъ автора „Обломова“, тотъ зналъ хорошо, что, дѣйствительно, скромность составляла отличительную черту этого крупнаго писателя.

Мнѣ пришлось нѣсколько разъ по дѣламъ Мавриkія Осиповича бывать у Гончарова, въ его „берлогѣ“, какъ называлъ онъ свою квартиру на Моховой, гдѣ авторъ „Обломова“ прожилъ безвыѣздно чуть ли не $^3/_4$ своей жизни. Я былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которыхъ Гончаровъ принималъ у себя. Обыкновенно посѣтителямъ старая хозяйка его отвѣчала стереотипной фразой: „Иванъ Александровичъ спитъ... нездоровъ... не извѣстно, когда будетъ въ состояніи принять, и проситъ всѣхъ изложить письменно, что каждому нужно“.

Когда я первый разъ зашелъ къ Гончарову, хозяйка внимательно посмотрѣла на меня и, раньше нежели я назвалъ себя, замѣтила:

— Иванъ Александровичъ сказалъ, что вы придете, и ждетъ васъ. Пройдите въ кабинетъ.

— Почему вы знаете, что тотъ, кого ждетъ Иванъ Александровичъ, это именно я?

— Онъ очень подробно описалъ васъ,—смѣясь, отвѣтила хозяйка,—даже походку описалъ. Впрочемъ, это онъ всегда такъ дѣлаетъ, раньше нежели принять новаго посѣтителя.

У нѣмцевъ есть поговорка, что по „рабочей комнатѣ и рабочему столу можно судить о человѣкѣ“. Если эти слова примѣнить къ И. А. Гончарову, то по его рабо-

чему кабинету и его письменному столу нельзя было не вывести заключенія, что онъ человѣкъ въ высшей степени скромный. Никто бы не подумалъ, зайдя въ рабочую комнату Гончарова, что это—кабинетъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ беллетристовъ. Небольшая, низкая комната, раздѣленная пополамъ драпировочною перегородкою; у самой перегородки—небольшой шкапикъ съ книгами и рукописями; дальше диванъ, надъ которымъ, на стѣнѣ, нѣсколько гравюръ, и тутъ же рядомъ самый простой письменный столъ, посерединѣ котораго стояли часы съ бронзовымъ бюстомъ молодой дѣвушки сверху, двѣ вазы, чернильница, двѣ-три книги, нѣсколько мелкихъ бездѣлушекъ; у стола—плетеное кресло для работы и другое, вольтеровское кресло, для чтенія, съ мягкою спинкою и такими же ручками,—вотъ вамъ и весь кабинетъ И. А. Гончарова.

Правда, въ числѣ украшеній и бездѣлушекъ письменнаго стола Ивана Александровича былъ цѣлый рядъ вещественныхъ доказательствъ его популярности и глубокаго уваженія, которыми пользовался маститый писатель. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ между ними были кабинетные часы, стоявшіе посерединѣ стола Эти часы—подарокъ кружка сотрудниковъ и редакторовъ тѣхъ журналовъ, въ которыхъ были помѣщены произведенія Ивана Александровича, а бюстъ молоденькой дѣвушки на нихъ—это бюстъ Марфеньки, одной изъ героинь „Обрыва“. Часы эти были поднесены Гончарову въ 1882 году по случаю пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности. Двѣ вазы, стоявшія тутъ же на столѣ, это—тоже подарокъ и подарокъ очень симпатичный. Онъ поднесенъ былъ четырьмя депутатками отъ „русскихъ женщинъ“ 2 февраля 1883 года одновременно съ адресомъ, на которомъ красовалось болѣе полутораста подписей.

Самые цѣнные предметы въ кабинетѣ были конечно тѣ „старыя рукописи“ и „записки“ Ивана Александровича,

которыя онъ такъ тщательно хранилъ у себя и которыя такъ неохотно и съ такою скромностью передавалъ въ печать лишь весьма рѣдко и то небольшими только клочками. А такихъ записокъ, замѣтокъ, воспоминаній, наблюденій у Ивана Александровича—между его рукописями было не мало. Но, какъ извѣстно, авторъ „Обломова“ былъ необычайно строгъ ко всѣмъ этимъ своимъ, по его мнѣнію, „ничтожнымъ вещицамъ“, приглашалъ къ ихъ оцѣнкѣ „свѣдущихъ людей“, совѣтовался и разспрашивалъ, „годны ли онѣ для напечатанія“, и каждое появленіе подобныхъ произведеній въ печати составляло цѣлое событіе.

Строгость по отношенію къ своимъ литературнымъ трудамъ доводила Гончарова иногда до того, что онъ прямо уничтожалъ цѣлыя готовыя рукописи. Такъ напримѣръ, извѣстно, что онъ уничтожилъ всѣ свои переводы изъ Шиллера, Гете, Винкельмана и нѣкоторыхъ англійскихъ романистовъ. Корзина для бумагъ подъ письменнымъ столомъ Ивана Александровича была, пожалуй, единственною свидѣтельницею, къ несчастью, нѣмой свидѣтельницею, строгой критики писателя къ своимъ трудамъ и жестокихъ надъ ними приговоровъ.

Кабинетъ свой Гончаровъ считалъ святынею и неохотно пускалъ въ него любопытныхъ постороннихъ. Когда фотографъ Якоби обратился къ маститому писателю съ просьбою разрѣшить ему снять видъ этого кабинета, Иванъ Александровичъ сначала и слышать не хотѣлъ.

— Къ чему? На что? Кому это нужно?.. Нѣтъ, нѣтъ, оставьте въ покоѣ...

Только послѣ долгихъ просьбъ фотографа Гончаровъ позволилъ, наконецъ, снять видъ его кабинета, но при этомъ самъ ушелъ въ другую комнату и ни за что не соглашался остаться.

Когда въ 1873 г. литографъ Чередѣевъ въ Москвѣ

просилъ у Ивана Александровича карточку для помѣщенія въ альбомѣ русскихъ литераторовъ, Гончаровъ отвѣтилъ ему:

„Я поищу, нѣтъ ли у меня старой порядочной карточки. А новой дѣлать не стану, какъ потому, что я скупой и денегъ на это тратить не хочу, такъ и по причинѣ великой скуки, которую приходится претерпѣвать, сидя цѣлое утро у фотографа. А идти къ нему въ качествѣ литературной извѣстности и сниматься даромъ, это—свинство, потому къ фотографу меня надо тащить на веревкѣ".

Слова эти объясняютъ, почему въ продажѣ существуетъ сравнительно такъ мало портретовъ И. А. Гончарова, въ то время какъ писатели, гораздо менѣе его извѣстные, сдѣлались такими популярными... въ отношеніи массы распространенныхъ ихъ портретовъ во всѣхъ видахъ и позахъ...

Гончарова очень часто приглашали въ разные великосвѣтскіе дома, считая за честь присутствіе на „журфиксахъ" такой „звѣзды литературы". Но Гончаровъ— по крайней мѣрѣ въ семидесятыхъ годахъ — отвѣчалъ на всѣ приглашенія отказомъ.

— Нѣтъ, куда ужъ мнѣ... я старъ... боленъ,—говорилъ онъ обыкновенно.

Вообще онъ старался держаться подальше отъ людей, гулялъ большею частью одинъ, почти никого у себя въ квартирѣ не принималъ, ни у кого не бывалъ. Только съ аккуратностью часовой стрѣлки лѣтомъ, ровно въ 8 часовъ вечера, являлся въ Лѣтній садъ, гдѣ, скрестивъ руки на спинѣ, съ погруженной въ мысли головою, гулялъ взадъ и впередъ по одной изъ отдаленныхъ аллей, не обращая вниманія на прохожихъ. Единственное лицо, съ которымъ иногда онъ раздѣлялъ эти прогулки по Лѣтнему саду, былъ Д. В. Григоровичъ.

Оба писателя по наружности представляли полный контрастъ: низенькаго роста, полный, съ маленькими сѣдыми баками, Гончаровъ походилъ на мелкаго чиновника,

въ то время какъ высокій, стройный, изящно, даже щегольски одѣтый всегда Григоровичъ, со своею гордо поднятою кверху головою и тщательно приглаженными баками—имѣлъ видъ важнаго сановника *).

Оживленная громкая бесѣда обоихъ писателей продолжалась ровно до 10 часовъ. Аккуратный Гончаровъ ровно въ 10 часовъ покидалъ садъ, отправляясь домой.

— Въ $10\frac{1}{2}$ меня ждетъ дома стаканъ горячаго молока,—заявлялъ онъ.

Григоровичъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ писателей, съ которымъ Гончаровъ поддерживалъ сношенія. Остальныхъ онъ сторонился. Причину этого онъ объясняетъ Писемскому въ письмѣ отъ 4 декабря 1872 г.

„Я старъ сталъ и нездоровъ,—пишетъ онъ.—Болѣзнь нагнала на меня невольную „мудрость“ держаться въ сторонѣ отъ всего, даже отъ литературы, ибо я человѣкъ стараго времени и по новѣйшему теченію плыть не умѣю, въ молодой толпѣ роли мнѣ нѣтъ, а своихъ сверстниковъ и единомышленниковъ и пяти человѣкъ не соберешь. Я и сижу въ углу, какъ звѣрь, въ дурную погоду страдаю безсонницею, приливомъ крови къ головѣ, и во всякую другую вообще—хандрою и старостью“.

Въ другомъ письмѣ, отъ 20 октября 1872 г., Гончаровъ пишетъ тому же Писемскому:

„Не браните строго меня за бирючій образъ жизни, это отъ болѣзни или, вѣрнѣе, отъ болѣзней. Съ нервами ладить не подъ-лѣта и не подъ-силу. Ложась спать, я никогда не знаю, когда засну: въ 2, 3 или 5 часовъ, чаще всего засыпаю подъ утро, поэтому день у меня пропадаетъ. Старость и климатъ“.

Съ Писемскимъ Гончаровъ состоялъ въ оживленной перепискѣ и, какъ видно изъ сохранившихся его писемъ къ автору „Тысячи душъ“, онъ хлопоталъ для него у вліятельныхъ лицъ, ходатайствовалъ передъ министрами. Когда Писемскій сомнѣвался—пропуститъ ли цензура его пьесу „Плотничью артель“, — И. А. Гончаровъ пишетъ ему, 4 декабря 1872 года:

*) См. мою статью „Случайные встрѣчи съ И. А. Гончаровымъ“. Новь. 1887 г.

Я шелъ къ министру А. С. Норову, Е. П. Ковалевскому и потомъ къ П. А. Валуеву и упрашивалъ ихъ прослушать васъ самихъ. Они уважили искусство, были добры ко мнѣ—и прослушивали. При этомъ происходило всегда то, что должно было происходить, т.-е. они усматривали сами, что для „отечества опасности никакой не было", „довѣрія ни къ кому не колебалось", а только литература пріобрѣтала даровитое произведеніе, репертуаръ обогащался новой оригинальной пьесой—и всѣ были довольны".

Въ другомъ письмѣ, отъ 13 января 1873 г., онъ пишетъ Писемскому:

«Ваше письмо пришло какъ нельзя болѣе въ пору: именно въ ту минуту, когда я надѣвалъ шубу, чтобы ѣхать за справками о вашей комедіи, и рисковалъ отморозить носъ, потому что было 17° мороза съ мятелью.

«Я много говорилъ въ совѣтѣ о вашей драмѣ, почтеннѣйшій Алексѣй Ѳеофилактовичъ,—упоминаетъ онъ 24 января того же года,—и о томъ, какъ бы хорошо поставить ее поскорѣе на сцену. Я предложилъ послушать ваше чтеніе» и т. д.

Гончаровъ искренно „радовался успѣху, какъ будто своему собственному", каждой новой пьесы Писемскаго, дѣлалъ свои замѣчанія, хвалилъ безъ обиняковъ и пр., хлопоталъ о томъ, чтобы доставить Писемскому возможность прочесть новое произведеніе въ какомъ-нибудь великосвѣтскомъ кружкѣ, словомъ—былъ въ полномъ смыслѣ „всегдашнимъ ходатаемъ" автора „Тысячи душъ", какъ онъ называлъ себя въ одномъ изъ писемъ.

„Вы просите мудраго совѣта и помощи, — обращается онъ въ письмѣ отъ 4 декабря 1872 г. по случаю запрещенія одной изъ пьесъ Писемскаго.—Мудрости у меня никакой не было и нѣтъ, и потому я плохо разумѣю мотивъ запрещенія вашей комедіи, а скорблю только о томъ, что литература лишается талантливаго произведенія, а сцена—живой, оригиной и умной пьесы".

Да и не одинъ только Писемскій пользовался такимъ сочувствіемъ Ивана Александровича. Сколько разъ, напримѣръ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ разговорѣ съ М. О. Вольфомъ, высказывалъ онъ радость, что ему удалось одному „пристроить повѣсть", другому „выхлопотать постановку пьесы на сцену". Сколько разъ онъ же обращалъ вниманіе Вольфа на какое-нибудь литера-

турное дарованіе, способнаго автора по дѣтской литературѣ и проч.

И. А. Гончаровъ не любилъ, чтобы о немъ писали или говорили, упоминаніе же своего имени гдѣ-либо въ романѣ или въ драмѣ считалъ просто насмѣшкою. Это испыталъ на себѣ, между прочимъ, авторъ драмы „Ваалъ". Одна изъ героинь этой драмы упоминаетъ, въ первомъ дѣйствіи, имя Гончарова. Читая драму, Иванъ Александровичъ сразу остановился на этомъ и въ письмѣ 18 апрѣля 1873 г. пишетъ по этому поводу автору „Ваала":

„Одна изъ вашихъ героинь, въ первомъ явленіи, упоминаетъ мое имя: я знаю и привыкъ уже, что женщины смѣются надо мною (??!), и прощаю имъ—ибо онѣ, какъ дѣти, не вѣдаютъ сами, что дѣлаютъ, все пытаясь заглянуть въ игрушку, чтобъ посмотрѣть, что въ ней и какъ она играетъ,— и кончаютъ, конечно, тѣмъ, чѣмъ дѣти, т.-е. сломаютъ ее—и потомъ удивляются, что она не играетъ больше. Но то женщины: а вы за что же въ заговорѣ съ ними? Вы же еще, сами такой нервный, мнительный и раздражительный, туда же смѣяться? Вы сами по опыту должны знать, что человѣкъ, это—такая игрушка, у которой, кромѣ всего другого, есть кровь, нервы, воображеніе; что если... пошвырять хорошенько эту игрушку — то получишь мало-мало что ипохондрика, а то, пожалуй, и хуже. Вы скажете, что и у васъ обо мнѣ говоритъ женщина въ драмѣ: да, но это такая женщина, какъ тѣ мужики, которыхъ Собакевичъ продавалъ Чичикову, т.-е. „мечта не отъ міра сего", плодъ вашего воображенія. Поэтому прошу васъ убѣдительно, исключите это мѣсто, когда будете опять издавать—и особенно не допускайте на сцену. Положимъ, если бы вы и не для смѣха, а такъ попросту упомянули обо мнѣ, то въ такомъ случаѣ посмѣются надъ вами (это бы мнѣ, пожалуй, ничего), но и надо мною тоже, а мнѣ, право, не до смѣха: я давно на тотъ свѣтъ хочу!"

А вотъ еще одинъ характерный отрывокъ изъ письма Гончарова:

„Полноте смѣяться, какой я критикъ,—пишетъ И. А. Гончаровъ 18 апрѣля 1873 г.—Если прежде случалось мнѣ судить вѣрно по впечатлѣніямъ, то съ лѣтами, когда впечатлительность притупилась, я перестаю чувствовать достоинства и дѣлаюсь только строгъ къ недостаткамъ. Поэтому полагаю, что вы шутя спрашиваете моего мнѣнія..."

И это писалъ авторъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ въ русской литературѣ критическихъ разборовъ, авторъ „Милліона терзаній", въ которомъ такъ великолѣпно разобрано „Горе отъ ума"!

ПОИСКИ ИЗДАТЕЛЯ НА СОЧИНЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Въ началѣ осени 1871 года въ книжномъ мірѣ Петербурга разнесся слухъ, что Л. Н. Толстой ищетъ издателя на новое, второе собраніе своихъ сочиненій.

Имя автора „Дѣтства, отрочества и юности“, „Казаковъ“ и пр. пользовалось уже тогда громкою извѣстностью, а недавно передъ тѣмъ изданный отдѣльно романъ „Война и миръ“ поставилъ Толстого въ рядъ первыхъ писателей.

Тѣмъ не менѣе, въ книжномъ и издательскомъ мірѣ слухъ особеннаго интереса не вызвалъ, и никто изъ издателей съ предложеніемъ своихъ услугъ не спѣшилъ, такъ какъ слава и извѣстность Л. Н. Толстого далеко не шли параллельно со спросомъ на собраніе сочиненій писателя.

Первое изданіе сочиненій Л. Н. Толстого въ двухъ томахъ вышло въ Петербургѣ, въ 1864 г., у Стелловскаго и стоило 6 руб. Ѳедоръ Тимоѳеевичъ Стелловскій имѣлъ большой, пользовавшійся значительной кліентурой, нотный магазинъ на Морской улицѣ и, наживъ на нотной торговлѣ крупный капиталъ, завелъ свою литографію, а

затѣмъ и типографію. Въ эпоху застоя въ книгоиздательствѣ въ семидесятыхъ годахъ, онъ сталъ издавать т. н. „Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ“ и выпустилъ произведенія Писемскаго, Достоевскаго и др. извѣстныхъ писателей шестидесятыхъ годовъ. Изданія эти не имѣли, однако, особеннаго успѣха. Публика въ то время довольно равнодушно относилась къ собраніямъ сочиненій не только новыхъ авторовъ, но и классиковъ; покупали больше отдѣльные романы. Это охладило пылъ Стелловскаго, который предполагалъ получить въ собственность и издать сочиненія всѣхъ современныхъ ему писателей, въ отличіе отъ Глазунова, издававшаго только умершихъ авторовъ. Въ концѣ концовъ Стелловскій, распродавъ за безцѣнокъ запасы своихъ изданій, совершенно прекратилъ убыточную для него книгоиздательскую дѣятельность. Умеръ онъ въ 1875 году.

Изданное Стелловскимъ собраніе сочиненій Л. Н. Толстого заключало въ себѣ „Дѣтство, отрочество и юность“, разсказы (въ томъ числѣ „Казаки“) и педагогическія статьи. Романъ „Война и миръ“ былъ изданъ особо въ 1868—69 годахъ въ 6 томахъ, цѣною 10 руб.

Несмотря на то, что въ печати появились о собраніи сочиненій Л. Н. Толстого большей частью восторженные отзывы, изданіе расходилось туго, и хотя напечатано оно было всего въ 3.000 экземпляровъ, въ продажѣ въ 1871 г. оставалось еще порядочное число экземпляровъ. Но, на основаніи условія со Стелловскимъ, Л. Н. Толстой имѣлъ все-таки право приступить къ новому изданію.

Слухъ, что Л. Н. Толстой желаетъ выпустить новое изданіе своихъ сочиненій, болѣе полное, оправдался.

Въ сентябрѣ 1871 года вернулся въ Петербургъ извѣстный уже тогда критикъ, философъ и переводчикъ Н. Н. Страховъ, ѣздившій лѣтомъ къ роднымъ въ Полтаву. На обратномъ пути онъ заѣхалъ въ Ясную Поляну

къ Л. Н. Толстому, который поручилъ Страхову подыскать въ Петербургѣ издателя для новаго, второго, изданія сочиненій Л. Н., въ 4 томахъ.

Исполняя данное ему порученіе, Страховъ сталъ обходить по очереди всѣхъ крупныхъ петербургскихъ издателей того времени. Онъ обратился сначала къ И. И. Глазунову, издателю сочиненій Кантемира, Фонвизина, Лермонтова, Жуковскаго; затѣмъ къ Мавринію Осиповичу Вольфу, съ которымъ Страховъ, въ качествѣ переводчика и редактора нѣсколькихъ изданныхъ Вольфомъ научныхъ сочиненій, былъ близокъ; потомъ къ Я. А. Исакову, одному изъ самыхъ въ то время зажиточныхъ книгопродавцевъ и издателей; къ Д. Е. Кожанчикову, наконецъ, къ юркому, хотя и не пользовавшемуся особеннымъ уваженіемъ въ издательскомъ и литературномъ мірѣ, книготорговцу Д. Ѳ. Ѳедорову, торговавшему въ Апраксиномъ дворѣ.

О результатахъ своихъ переговоровъ съ названными издателями Страховъ сообщилъ Л. Н. Толстому письмомъ отъ 12 сентября 1871 года.

„Поиски мои окончены, высокоуважаемый Левъ Николаевичъ,—писалъ онъ,—и ничего хорошаго не могу сообщить Вамъ.

1. Глазуновъ отказался.

2. Вольфъ, увидѣвъ меня, вдругъ объявилъ, что больше четырехъ тысячъ онъ не дастъ.

3. Исаковъ, или лучше его приказчикъ Мартыновъ, ведущій всѣ его дѣла, толковалъ, что полное собраніе не пойдетъ, такъ какъ есть Стеловскаго, а хорошо бы издать „Войну и миръ“, тысячи три экземпляровъ, и пустить рубля по три.

4. Самое выгодное предложеніе сдѣлалъ Д. Ѳ. Ѳедоровъ, тотъ, на чьи деньги разсчитывалъ Кожанчиковъ. Принимая Ваши условія (т.-е. 4 тома, 36.000 экземпляровъ, цѣна 10 рублей), онъ предлагаетъ Вамъ шесть тысячъ рублей, деньги сейчасъ и сполна.

Расчетъ его вотъ какой:

Вамъ	6.000 руб.
Изданіе будетъ стоить .	8.000 „
Уступка книгопродавц. .	7.200 по 20% съ 36.000
Всего . .	21.200 руб.
Ему остается . .	14.800 „

Эти деньги онъ думаетъ выручить въ 3 года. То-есть на 14 тысячъ затраты (Вамъ 6 и за изданіе 8), онъ думаетъ въ три года нажить рубль на рубль. „Можетъ быть,—прибавилъ онъ,—кто-нибудь для славы издастъ на лучшихъ условіяхъ, но по-купечески дать больше невыгодно". „Тургеневъ,—сказалъ мнѣ Ѳедоровъ,—самъ печатаетъ свои изданія и потомъ продаетъ гуртомъ за п о л ц ѣ н ы",—то-есть какъ разъ даетъ книгопродавцу выручить, сколько желаетъ выручить съ Васъ Ѳедоровъ.

Очень бы я былъ доволенъ, если бы мои справки послужили Вамъ къ чему-нибудь, напримѣръ, пригодились бы для соображеній о самомъ выгодномъ способѣ сдѣлать дѣло. Но я заранѣе не только не надѣялся на здѣшнихъ издателей, но думаю, что въ Москвѣ Вы найдете болѣе денежныхъ и болѣе смѣлыхъ".

Письмо это, появившееся въ перепискѣ Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ *), представляетъ собою цѣнный вкладъ въ исторію русскаго книгоиздательства, показывая, что не такъ еще давно даже такіе писатели, какъ Л. Н. Толстой, встрѣчали затрудненія въ поискахъ издателя, и что гонорары, которые имъ предлагали, даже отдаленно непохожи на тѣ крупные капиталы, которые получаютъ теперь гораздо менѣе даровитые и популярные русскіе авторы.

Гонораръ 4.000 руб., который за право изданія сочиненій Л. Н. Толстого предлагалъ Вольфъ, равно какъ и сумма въ 6.000 руб., предложенная Ѳедоровымъ, конечно, кажутся ничтожными въ сравненіи съ вознагражденіемъ писательскаго труда н ы н ѣ ш н я г о времени. Но въ началѣ семидесятыхъ годовъ это былъ сравнительно значительный гонораръ. То обстоятельство, что такіе крупные и опытные книжники, какъ Глазуновъ и Исаковъ, не захотѣли воспользоваться случаемъ и стать издателями сочиненій Л. Н. Толстого, свидѣтельствуетъ, что они не надѣялись на сбытъ, считали изданіе рискованнымъ. Передъ ними былъ, во-первыхъ, фактъ, что выпущенное въ 1864 году изданіе сочиненій Л. Н. не разошлось въ $6^1/_2$ лѣтъ; затѣмъ они по опыту знали, что спросъ на собраніе со-

*) Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. Спб. 1913. Прил. къ „Совр. Міру" за янв. 1913.

чиненій русскихъ писателей вообще ничтоженъ. Разсчитывать, что обстоятельства измѣнятся, что этотъ спросъ оживится, не было никакихъ основаній. М. О. Вольфъ и Д. Ѳ. Ѳедоровъ оказались наиболѣе смѣлыми и предпріимчивыми въ данномъ случаѣ, но и они не особенно, очевидно, вѣрили въ успѣхъ проектируемаго изданія.

Впрочемъ, расчетъ, который приводилъ Страховъ, со словъ Ѳедорова, не совсѣмъ точенъ: во-первыхъ, не приняты во вниманіе неизбѣжные расходы на публикаціи о новомъ изданіи, не принято во вниманіе и то, что для большого сбыта новаго изданія предстояло довольно значительную часть экземпляровъ дать книгопродавцамъ, столичнымъ и провинціальнымъ, на комиссію и въ кредитъ, и при этомъ рисковать, что—какъ это всегда водится—часть этихъ книгопродавцевъ не заплатитъ. Необходимо при этомъ еще принять во вниманіе, что сумма затратъ въ 14 тысячъ рублей составляетъ капиталъ, который далъ бы вѣрныхъ 7—8% безъ всякаго риска. Такимъ образомъ Ѳедоровъ, предлагая Толстому 6.000 р., отнюдь не могъ разсчитывать нажить „рубль на рубль“ или, во всякомъ случаѣ, ошибался въ своихъ расчетахъ.

Какъ можно было предвидѣть, Л. Н. Толстой призналъ условія петербургскихъ издателей непріемлемыми и послѣ письма Страхова сталъ искать издателя въ Москвѣ. Но условія, которыя предлагали московскіе издатели, оказались такъ же невыгодными для автора, какъ и петербургскія предложенія. Въ концѣ концовъ изданіе было предпринято самимъ Л. Н. Толстымъ. Оно вышло въ Москвѣ въ 1873 году въ 8 томахъ, со включеніемъ въ него „Войны и мира“, въ количествѣ, какъ видно изъ каталога Межова, всего 3.600 экземпляровъ по 12 руб. за экземпляръ.

Изданіе это расходилось сначала туго, частью потому, что для распространенія его не дѣлалось ничего: не имѣя

торговыхъ сношеній съ книгопродавцами, Л. Н. довольствовался только тѣми заказами, которые поступали отъ немногихъ крупныхъ торговцевъ за наличный расчетъ, и въ результатѣ экземпляры имѣлись налицо только у этихъ книгопродавцевъ, попадая въ провинцію не иначе какъ по спеціальнымъ заказамъ.

Но все-таки замѣчался уже настолько возрастающій спросъ, что, спустя 5 лѣтъ, потребовалось новое изданіе. Л. Н. Толстой по этому поводу въ маѣ 1878 года пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ какъ разъ находился М. О. Вольфъ, и предлагалъ Вольфу принять на себя изданіе на слѣдующихъ условіяхъ, изложенныхъ имъ въ письмѣ къ Н. Н. Страхову отъ 6 мая 1878 года:

„Я предлагаю право изданія 5.000 экземпляровъ полн. соч. въ 11 томахъ, стоющаго 16 руб. 50 коп., что составляетъ 82.500 руб.—20 тысячъ стоитъ изданіе. Остается 62.500. Я прошу за право 30.000".

Дальнѣйшіе переговоры по этому поводу долженъ былъ вести съ Вольфомъ въ Петербургѣ Страховъ, при чемъ послѣдній рѣшилъ запросить и другихъ издателей. Однако, посредничество Страхова не привело къ желанному результату: одни изъ издателей отказались, другіе находили сумму 30.000 слишкомъ крупной; Глазуновъ предлагалъ, какъ видно изъ письма Страхова къ Л. Н. Толстому, всего 10.000 руб. и то съ разсрочкою; Вольфъ какъ разъ въ это время уѣхалъ за границу, и Страховъ, какъ онъ заявляетъ объ этомъ въ письмѣ, „поймать его не могъ". Въ концѣ концовъ изданіе было продано Салаевымъ въ Москвѣ. Слѣдующее изданіе сочиненій Л. Н. 4-е, въ 11 частяхъ и было выпущено въ 1880 г., по цѣнѣ 16 руб. 50 коп.; въ это изданіе вошла впервые „Анна Каренина". 5-ое затѣмъ изданіе въ 12 томахъ появилось въ 1886 году, вслѣдъ за нимъ 6, 7-ое и т. д. Эти изданія выпускались самимъ Л. Н. Толстымъ или, вѣрнѣе, графинею С. А. Толстой. Въ общемъ до 1901 года

сочиненій автора „Войны и мира“, какъ удостовѣряетъ Венгеровъ, разошлось въ количествѣ 80.000 экземпляровъ. Характерно, однако, что настоящій, крупный успѣхъ сочиненій Л. Н. Толстого начался только съ 1886 г.

ШЕСТЬ ПИСЕМЪ ЩЕДРИНА.

I.

В 1878 году Маврикій Осиповичъ Вольфъ, приступая къ изданію „Живописной Россіи“, обратился ко всѣмъ выдающимся русскимъ писателямъ и ученымъ, съ предложеніемъ принять участіе въ этомъ изданіи. „Подобно цѣлому ряду иностранныхъ предпріятій этого рода, это изданіе—писалъ Вольфъ—можетъ быть осуществлено лишь при условіи совмѣстнаго участія литературныхъ и ученыхъ силъ всей страны“. Обратился Вольфъ и къ М. Е. Салтыкову-Щедрину, прося его дать для новаго изданія какой-либо очеркъ или описаніе своей родины. Щедринъ, однако, отклонилъ это предложеніе. Вотъ что писалъ онъ Вольфу по этому поводу 6 марта 1878 г.:

„Милостивый Государь, Маврикій Осиповичъ. Никогда не занимавшись этнографическими работами, я долженъ отказать себѣ въ удовольствіи принять участіе въ предложенномъ Вами изданіи „Живописная Россія“.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и уваженіи

М. Салтыковъ“.

Спустя нѣсколько дней, Салтыковъ лично явился въ магазинъ къ Вольфу. Онъ заявилъ, что пришелъ узнать подробности объ изданіи, которому онъ, по мысли, вполнѣ сочувствуетъ.

— За трудное изданіе вы взялись,—замѣтилъ при этомъ Салтыковъ.—Шутка сказать: „всесторонне описать Россію“. Вѣдь это, пожалуй, даже и совсѣмъ невозможно. Можно описать одну, другую сторону, но описать всѣ стороны—едва ли удастся.

Вольфъ отвѣтилъ на это, что въ изданіи примутъ участіе болѣе ста литераторовъ и ученыхъ.

— Болѣе ста!—воскликнулъ Салтыковъ.—И вы думаете, что они въ состояніи описать Россію? А по-моему, разошлите вы во всѣ концы тысячу литераторовъ, тысячу ученыхъ и тысячу писцовъ—и они все еще не въ состояніи будутъ описать одной тысячной части Россіи.

Возражая Щедрину, Вольфъ указалъ ему на цѣлый рядъ подобныхъ всесторонніхъ описаній другихъ странъ на иностранныхъ языкахъ, но Щедрина это не убѣдило.

— То французы, нѣмцы, а то мы—русскіе. Французъ скажетъ, что русскіе свѣчки ѣдятъ, водку бочками пьютъ и сморкаются въ полы своихъ сюртуковъ,—и этимъ, думаютъ, охарактеризовали весь русскій народъ. А намъ такъ нельзя...

Когда затѣмъ Вольфъ показалъ Щедрину извѣстное французское сочиненіе „La Russie historique, monumentale et pittoresque“ Артамова и Арманго, въ которомъ вся Россія описана всего въ двухъ томахъ, Щедринъ просто ужаснулся.

— Всю-то Россію втиснуть въ такіе два тома—вѣдь это просто ужасно! Я этого не понимаю. Мнѣ кажется, что объ одномъ только подмосковномъ селѣ надо написать полтома, а тутъ всю Россію втиснули въ два тома!..

Тѣмъ не менѣе, Щедринъ еще разъ подтвердилъ, что идея „Живописной Россіи“ ему очень нравится.

II.

Спустя два года, въ 1880 г., Вольфъ, предпринимая изданіе собранія сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей, обратился къ Щедрину съ предложеніемъ уступить ему право на изданіе его сочиненій.

Щедринъ, въ отвѣтъ на это, написалъ 2 ноября Вольфу письмо, очень характерное въ томъ отношеніи, что въ немъ совершенно ясно высказываются сомнѣнія этого знаменитаго писателя въ успѣхѣ изданія полнаго собранія его сочиненій.

Вотъ что писалъ тогда Салтыковъ:

„Милостивый Государь, Маврикій Осиповичъ. Вамъ, вѣроятно, не безъизвѣстно, что я очень недавно издалъ 4 книги. Сверхъ того, въ настоящее время я печатаю еще „Монрепо“ и „Исторію одного города“. На быстрый расходъ этихъ изданій я не могу разсчитывать, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ появляются уже въ третій и въ четвертый разъ. Затѣмъ, какъ въ книжныхъ магазинахъ, такъ и у меня лично имѣется много книгъ разныхъ именованій, и между прочимъ—1.000 экз. „За рубежомъ“. Судите сами, возможно ли теперь полное собраніе сочиненій? Мнѣ кажется, прежде всего нужно установить извѣстный срокъ, въ продолженіе котораго старыя изданія понемногу истощатся, а отъ новыхъ я воздержусь. Я не прочь вступить съ Вами въ переговоры, но не вижу возможности для иныхъ основаній. Я въ настоящее время очень боленъ и не выѣзжаю, но при первомъ облегченіи побываю у Васъ въ магазинѣ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности
М. Салтыковъ“.

Спустя нѣсколько дней, въ магазинъ къ Вольфу зашелъ пріѣхавшій изъ Москвы А. Н. Островскій и сообщилъ, что Салтыковъ боленъ, самъ побывать у Вольфа не можетъ, и предложилъ Вольфу зайти побывать у больного писателя для переговоровъ на квартирѣ. Вольфъ, конечно, пошелъ. Но въ то время у Салтыкова были постороннія лица, при которыхъ Салтыковъ не хотѣлъ говорить объ изданіи. Рѣшено было поэтому, что онъ, поправившись, самъ заѣдетъ къ Вольфу.

Дѣйствительно, вскорѣ онъ явился туда вмѣстѣ съ

Островскимъ. Онъ сильно кашлялъ, имѣлъ довольно угрюмый видъ и замѣтилъ Вольфу, что хотѣлъ бы поскорѣе покончить съ вопросомъ объ изданіи, такъ какъ болѣзнь дѣлаетъ быстрые шаги, и онъ опасается, какъ бы „поганый недугъ“ не заставилъ его совсѣмъ прекратить переговоры.

Вольфъ пригласилъ Салтыкова въ небольшой свой кабинетъ при магазинѣ. Туда же зашелъ Островскій. Начался довольно оживленный разговоръ относительно плана изданія, числа томовъ и проч. Салтыковъ тутъ же, наскоро, набросалъ планъ. Онъ разсчиталъ, что, издавая сочиненія въ форматѣ, предложенномъ Вольфомъ (небольшой форматъ in 8°, такой, въ какомъ изданы сочиненія Писемскаго, Боборыкина, Бенедиктова, Мицкевича, Лессинга и др.), придется напечатать 11 томовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ намѣтилъ, приблизительно, порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ печатать все изданіе, опредѣляя все количество листовъ въ каждомъ томѣ. Порядокъ предлагался тогда слѣдующій:

1—Губ. Очерки	33—34	л.
2—Нев. Разск. Сатиры въ прозѣ	30	„
3—Призн. времени Письма пров.	28	„
4—Ташкентцы ½ Монрепо	25—28	„
5—Дневникъ пров. ½ Монрепо	25—28	„
6—Помпадуры Исторія города	29—30	„
7—Среди умѣрен. Отголоски	27	„
8—Головлевы Сказки	24	„
9—Благ. рѣчи	35	„
10—За рубежомъ Кругл. годъ	32	„
11—Соврем. идиллія	24	„
Всего:	330—350	печат. лист.

Перешли затѣмъ къ вопросу о гонорарѣ.

Тутъ вмѣшался Островскій.

— Вы, Маврикій Осиповичъ, знайте, — смѣясь замѣтилъ онъ,—что я уговорилъ Салтыкова дешево не отдавать. Мы выйдемъ изъ магазина „или со щитомъ, или на щитѣ“: или вы согласитесь заплатить крупный кушъ, или мы поднимемъ паруса и уплывемъ отъ васъ.

Вольфъ обратилъ тогда вниманіе на разницу, существующую между изданіями сочиненій Островскаго и Щедрина: первыя, помимо искреннихъ поклонниковъ писателя и любителей литературы, покупаются еще массою актеровъ-любителей, ставящихъ пьесы Островскаго на домашнихъ сценахъ.

— Это совершенно вѣрно,—подтвердилъ Щедринъ.— Я даже знаю примѣръ: однажды я слышалъ, какъ одна швея жаловалась сестрѣ Некрасова на дороговизну сочиненій Островскаго. Она хотѣла съ подругами поставить гдѣ-то на домашней сценѣ одну изъ его пьесъ,—и пришлось бѣдняжкѣ купить заразъ всѣ сочиненія. Какъ ни жалась,—а купила.

— Зато Салтыкова всѣ чиновники по всей Россіи будутъ покупать,—возразилъ Островскій.

— Островскаго кущы раскупаютъ,—замѣтилъ опять Салтыковъ. —Да, впрочемъ, что намъ тутъ разсуждать. Передъ нами сидитъ книгопродавецъ: онъ вѣрнѣе всего въ состояніи знать, кто кого покупаетъ.

Вообще Щедринъ не скрывалъ, что онъ опасается за успѣхъ изданія, и Островскій неоднократно замѣчалъ ему, что его мнительность просто смѣшна.

Какъ-разъ во время разговора вошла какая-то нарядно одѣтая дама и спросила сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный А. П. Милюковымъ. Узнавъ цѣну сборника, дама ужаснулась.

— Какъ однако, у насъ, въ Россіи, книги дороги!—воскликнула она.

— Вотъ подите тутъ съ такой публикой разсуждать!—злобно замѣтилъ Щедринъ.—Книги имъ дороги, а, навѣрно, рядомъ, за тряпки, заплатила четвертную—и показалось вовсе не дорого.

Отъ слова къ слову—Щедринъ заявилъ, что онъ оцѣниваетъ права на изданіе одного полнаго собранія своихъ сочиненій въ 40.000 руб., и выразилъ желаніе, чтобы Вольфъ предложилъ съ своей стороны, „сколько можетъ“ и составилъ проектъ контракта.

На этомъ разговоръ и кончился.

Проектъ этотъ былъ доставленъ Вольфомъ Салтыкову спустя нѣсколько дней. Просмотрѣвъ проектъ, Салтыковъ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ отъ 19 декабря:

„Милостивый Государь, Маврикій Осиповичъ. Условія, изложенныя въ проектѣ контракта объ уступкѣ права изданія на мои сочиненія, кажутся мнѣ неудовлетворительными, какъ съ точки зрѣнія вознагражденія, такъ и съ точки зрѣнія сложности. Поэтому я предпочитаю издавать на будущее время отдѣльные томы, какъ издавалъ до сихъ поръ.

Извините, пожалуйста, за причиненное Вамъ безпокойство и вѣрьте чувствамъ искренняго почтенія и преданности, съ которыми имѣю честь быть:

Готовый къ услугамъ
М. Салтыковъ“.

Въ проектѣ этомъ, какъ значится въ памятной запискѣ Вольфа (самаго проекта не сохранилось), цифра гонорара, предложеннаго Щедрину за право одного отдѣльнаго изданія полнаго собранія его сочиненій, составляла 3,000 рублей за каждый томъ, т.-е. 33.000 рублей за всѣ 11 томовъ.

При новомъ свиданіи съ Вольфомъ, Щедринъ объяснилъ, что его удерживала продать право на изданіе полнаго собранія сочиненій не цифра гонорара, нѣсколько уменьшенная противъ объявленной имъ, но вопросъ о томъ, что сдѣлать съ нераспроданными еще прежде изданными произведеніями.

III.

Въ концѣ 1881 года между М. Е. Салтыковымъ и М. О. Вольфомъ опять начались переговоры, на этотъ разъ уже относительно продажи Вольфу всѣхъ оставшихся у Салтыкова экземпляровъ отдѣльныхъ сочиненій. Предполагалось ускорить сбытъ этихъ экземпляровъ для того, чтобы они не стали помѣхою полному собранію сочиненій.

Для личныхъ по этому дѣлу объясненій Салтыковъ приглашалъ Вольфа къ себѣ на квартиру. Но Вольфъ, страдавшій въ то время сильною одышкою, не могъ явиться къ Салтыкову, о чемъ и извѣстилъ его письмомъ отъ 19 ноября. Въ отвѣтъ на это письмо, Салтыковъ писалъ Вольфу 23 ноября 1881 г.:

„Милостивый Государь, Маврикій Осиповичъ. Я очень хорошо понимаю, какъ тяжело подниматься въ 3-й этажъ человѣку, страдающему одышкой, потому что и самъ одержимъ этой болѣзнью въ высшей степени. Поэтому я охотно пріѣду къ Вамъ, но предварительно долженъ изложить Вамъ слѣдующія свѣдѣнія, небезполезныя для переговоровъ. „За рубежомъ“ я печаталъ въ количествѣ 5.000 экземпляровъ, изъ нихъ продано 2.600 экз. (въ томъ числѣ 500 кн. маг. „Новаго Врем.“, недѣлю тому назадъ); у меня остается 2,400 экз. Прочія изданія (4 наименованія) печатались мной въ количествѣ 2,000 экз. Въ настоящее время осталось у меня на рукахъ: „Нев. разсказовъ“ 700 экз., „Сатиръ въ прозѣ“ 650 экз., „Сборника“ 750 экз. и „Среди умѣренности“ 980 экз. Изъ этого количества я желалъ бы оставить за собой: „За рубежомъ“ 200 экз., „Невинныхъ разсказовъ“ и проч. по 100 экз., а „Сатиръ въ прозѣ“ только 50 экз. Это для меня необходимо, во-первыхъ потому, что я объявилъ о выпискѣ черезъ контору „Отеч. Зап.“ на особыхъ льготныхъ условіяхъ, а, во-вторыхъ, потому, что сдѣлалъ нѣкоторыя обѣщанія. Затѣмъ, имѣю честь предложить Вамъ: „За рубежомъ“ 2,200 экз., „Нев. разск.“ 550 экз. „Сатиръ въ прозѣ“ 600 экз. „Сборника“ 600 экз. и „Въ средѣ умѣренности“ 830 экз. Уступку я предлагаю въ количествѣ 45%, т.-е. за книгу „За рубежомъ“ получить мнѣ 1 р. 10 к. и т. д.

Я нарочно изложилъ Вамъ всѣ эти подробности, чтобы Вы могли взвѣсить всѣ планы предстоящей продажи.

Если же Вы найдете невозможнымъ принять эти условія, то не согласитесь ли, подобно книжному магазину „Новаго Времени“, взять у меня 500 экз. „За рубежомъ“ и по 100 экз. прочихъ изданій съ уступкою 40%.

Я обращаюсь въ Вашъ магазинъ, такъ какъ онъ наиболѣе посѣщается публикою и, слѣдовательно, наиболѣе можетъ продать моихъ книгъ, если

онѣ будутъ на виду. Въ этомъ смыслѣ я былъ бы доволенъ, если бы Вы брали у меня книги и, по мѣрѣ надобности, на прежнихъ условіяхъ. Но, разумѣется, продать большое количество разомъ было бы для меня пріятнѣе.

Во всякомъ случаѣ, я просилъ бы у Васъ предварительнаго отвѣта на настоящее мое письмо и, буде возможно, въ непродолжительномъ времени.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

М. Салтыковъ".

Приведенное письмо имѣетъ, конечно, характеръ лишь дѣлового документа, но въ немъ заключается нѣсколько строкъ, довольно мѣтко характеризующихъ скромность Салтыкова по отношенію къ вопросу объ успѣхѣ его произведеній. Особенно характерно то мѣсто, гдѣ знаменитый писатель высказываетъ мнѣніе, что его книги въ книжномъ магазинѣ будутъ больше расходиться, если онѣ „будутъ на виду у публики". Писателю, столь извѣстному, какъ Щедринъ, конечно, нечего было заботиться о томъ, чтобы его произведенія „были на виду", нечего было опасаться, что они „съ глазъ долой—изъ памяти вонъ". Щедринъ, однако, скромно думаетъ, что для успѣха его книгъ необходимо, чтобы онѣ находились на глазахъ у публики.

Спустя два дня по отправкѣ письма, Салтыковъ послалъ Вольфу слѣдующее письмо, помѣченное 25 ноября:

„Милостивый Государь, Маврикій Осиповичъ. Будьте такъ любезны увѣдомить меня, получили ли Вы мое письмо, посланное третьяго дня, и ежели получили, то на что именно рѣшились. Я затрудняю Васъ этою просьбою, потому что сегодня получилъ изъ Москвы значительный заказъ книгъ, но охотно бы отъ него отказался, въ виду требованія кредита, если бы Вы увѣдомили меня, можетъ ли состояться между нами сдѣлка и въ какомъ именно смыслѣ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

М. Салтыковъ".

Отвѣчая на это письмо, Вольфъ письменно заявилъ Салтыкову, что онъ готовъ купить не только оставшіеся экземпляры уже напечатанныхъ сочиненій Салтыкова, но и пріобрѣсти право на напечатаніе новымъ изданіемъ

распроданныхъ, а также на изданіе тѣхъ сочиненій, которыя не были еще выпущены отдѣльными книгами.

На это Салтыковъ, письмомъ отъ 26 ноября 1881 г., отвѣтилъ:

„Милостивый Государь, Маврикій Осиповичъ. Въ настоящее время я не имѣю въ виду никакихъ новыхъ изданій. Во-первыхъ, потому что старыя изданія мои, за исключеніемъ „Признаковъ времени", еще имѣются въ продажѣ; во-вторыхъ, потому что для новой книги еще нѣтъ достаточно матеріала, да при нынѣшнемъ положеніи печати нельзя ручаться, что таковой скоро наберется. Поэтому, дѣло идетъ только о пяти книгахъ, которыя имѣются у меня на рукахъ въ количествѣ, о которомъ я Вамъ уже сообщалъ. Вашъ магазинъ болѣе другихъ имѣетъ средства для распродажи книгъ—вотъ почему я встрѣтилъ съ удовольствіемъ Ваше предложеніе купить у меня мои книги. Но признаюсь откровенно, мнѣ въ особенности было бы пріятно, если бы Вы, подобно книжному магазину „Новаго Времени", взяли у меня, съ уступкою 40%, отъ 5.000 до 600 экз. книги „За рубежомъ" и отъ 100 до 200 экз. каждаго изъ остальныхъ 4-хъ изданій. Ежели нужна разсрочка, то я на нее согласенъ, а именно $^1/_3$ денегъ впередъ, а остальное—векселя на 4 и 8 мѣсяцевъ на равныя части. Впрочемъ, я готовъ и большее количество экземпляровъ уступить, но все-таки этихъ, а не иныхъ изданій.

Я совершенно готовъ пріѣхать къ Вамъ, но прошу Васъ имѣть въ виду, что болѣзнь моя очень серьезна, и всякій выходъ мой почти всегда сопровождается обостреніемъ припадковъ.

„Искренно Вамъ преданный
М. Салтыковъ".

Результатомъ переговоровъ явилось пріобрѣтеніе Вольфомъ значительнаго количества экземпляровъ перечисленныхъ выше сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Въ апрѣлѣ 1882 г. между Вольфомъ и Салтыковымъ опять началась переписка относительно изданія полнаго собранія сочиненій и затѣмъ личные переговоры на квартирѣ у Салтыкова. Они приближались уже къ окончательному результату, какъ вдругъ Вольфъ опасно захворалъ и, по требованію врачей, долженъ былъ немедленно ѣхать за границу, и переговоры, вслѣдствіе этого, окончательно прекратились.

ПЕРЕВОДЧИКЪ-МАНІАКЪ.

ЭТО былъ небывалый, единственный въ своемъ родѣ, типъ маніака-переводчика, который въ своемъ преклоненіи передъ „Фаустомъ“ Гете дошелъ до... литературнаго изувѣрства.

Для него „Фаустъ“ былъ альфою и омегою всемірной литературы, величайшимъ изъ произведеній, созданныхъ человѣческимъ геніемъ, своего рода литературнымъ божествомъ, къ которому надо подходить только для совершенія священнодѣйствія.

И такое именно отношеніе къ „Фаусту“ онъ хотѣлъ внушить всѣмъ, съ кѣмъ только приходилось ему говорить.

Онъ зналъ всего „Фауста“ въ подлинникѣ наизусть и готовъ былъ въ любое время цитировать цѣлыя страницы.

Перевелъ отъ гетевскую трагедію шесть разъ подъ рядъ и каждый разъ сызнова.

— Окончивъ переводъ,—разсказывалъ онъ,—я клалъ рукопись въ большой конвертъ, накладывалъ на этотъ конвертъ шесть сургучныхъ печатей, пряталъ его въ одинъ изъ шести ящиковъ моего письменнаго стола, а ключъ

отъ даннаго ящика бросалъ въ Неву, дабы случайно у меня не явилось желанія, при новомъ переводѣ, взглянуть, какъ перевелъ я раньше то или другое мѣсто, тотъ или другой стихъ. И это я повторялъ шесть разъ, въ теченіе десяти лѣтъ, которыя я посвятилъ переводамъ „Фауста". Когда, наконецъ, во всѣхъ шести ящикахъ оказалось, такимъ образомъ, по готовому переводу, я велѣлъ вскрыть всѣ ящики и сталъ сличать сдѣланные въ разное время переводы—и составилъ, такъ сказать, сводный седьмой переводъ. Вотъ этотъ переводъ и лежитъ теперь передъ вами.

Но и въ этомъ, окончательномъ, переводѣ онъ все еще дѣлалъ поправки и измѣненія.

— Тысячу рублей я готовъ немедленно отдать тому, кто лучше и вѣрнѣе меня переведетъ вотъ эти четыре строки „Фауста"! — громко кричалъ онъ въ магазинѣ Вольфа, цитируя то одно, то другое мѣсто своего перевода, отнюдь не стѣсняясь присутствіемъ публики, которая смотрѣла на него, какъ на маніака или психически-больного.

Александръ Николаевичъ Струговщиковъ, — о немъ здѣсь идетъ рѣчь,—какъ свидѣтельствуетъ даже „Энциклопедическій Словарь" Брокгауза и Эфрона, принадлежалъ къ числу лучшихъ переводчиковъ; Бѣлинскій „упивался" его переводами изъ Гете и Шиллера. Переводилъ онъ вольно, но очень литературно, и если и отступалъ отъ буквъ подлинника, то всегда передавалъ его духъ. При этомъ, въ отличіе отъ многихъ другихъ переводчиковъ, это былъ человѣкъ образованный.

Состоя на службѣ въ военномъ министерствѣ, гдѣ онъ занималъ довольно видный и хорошо оплачиваемый постъ и, кромѣ того, происходя изъ зажиточной семьи, Струговщиковъ, какъ онъ самъ часто повторялъ, занимался переводами „не ради металла", а con amore

изъ любви къ дѣлу. Переводы его помѣщались въ „Библіотекѣ для чтенія“, „Современникѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ, „Всемірномъ Трудѣ“ и др. изданіяхъ. Многіе изъ своихъ переводовъ онъ еще выпустилъ отдѣльными книгами въ пятидесятыхъ годахъ, въ томъ числѣ „Вертера“ и „Фауста“ (послѣдній первоначально онъ напечаталъ въ „Современникѣ“).

Характерно то, что изъ шести своихъ переводовъ „Фауста“, Струговщиковъ призналъ наилучшимъ самый ранній, первый, и ограничился впослѣдствіи лишь небольшими поправками этого перваго перевода.

Въ 1877 году у М. О. Вольфа явилась мысль издать „Фауста“ по-русски съ только что появившимися тогда въ Мюнхенѣ великолѣпными картонами Лизенъ-Майера.

Имѣя уже въ числѣ своихъ изданій рядъ крупныхъ, такъ называемыхъ, editions du luxe, какъ „Библія Доре“, „Божественная Комедія“ и др., Вольфъ счелъ своею, такъ сказать, издательскою обязанностью принять на себя изданіе Лизенъ-Майеровскаго „Фауста“, несмотря на громадный рискъ и крупныя затраты, связанныя съ подобными, небывалыми еще въ Россіи изданіями. И вотъ, между Вольфомъ и мюнхенскимъ издателемъ Штреферомъ, собственникомъ подлинныхъ картоновъ Лизенъ-Майера, завязалась переписка, результатомъ которой явился нотаріальный договоръ о пріобрѣтеніи первымъ отъ послѣдняго права на воспроизведеніе Лизенъ-Майеровскихъ иллюстрацій въ Россіи. Русское изданіе „Фауста“ стало такимъ образомъ дѣломъ въ принципѣ рѣшеннымъ, и въ началѣ 1879 года появились первыя библіографическія замѣтки о приготовляемомъ къ печати новомъ роскошно-иллюстрированномъ „Фаустѣ“.

Въ то время „Фаустъ“ существовалъ въ семи различныхъ русскихъ переводахъ. Старѣйшимъ изъ нихъ былъ переводъ Эдуарда Губера, изданный въ 1838 году. Пять

лѣтъ спустя послѣ этого появился новый переводъ первой части трагедіи и изложеніе второй ея части, принадлежавшіе М. Вронченко. Затѣмъ, въ 1851 году въ Ригѣ вышелъ вольный переводъ „Фауста“, сдѣланный А. Овчинниковымъ, а въ 1856 году впервые выступилъ со своимъ переводомъ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ русскихъ „гетемановъ“, А. Струговщиковъ, за которымъ послѣдовалъ въ 1859 г. довольно извѣстный переводчикъ шестидесятыхъ годовъ Н. Грековъ. Переводъ Грекова выдержалъ два изданія; второе изъ нихъ вышло въ Москвѣ въ 1871 г. Въ Москвѣ же вышелъ въ 1875 г. переводъ И. Павлова. Впослѣдствіи число этихъ переводовъ пополнилось еще переводомъ Николая Холодковскаго, изданнымъ А. С. Суворинымъ въ числѣ томиковъ „Дешевой Библіотеки“, но предварительно помѣщеннымъ въ „Собраніи сочиненій Гете въ переводахъ русскихъ писателей“, изданномъ Н. В. Гербелемъ въ 1878—80 гг., и переводомъ А. Фета, изданнымъ А. Ф. Марксомъ въ большомъ форматѣ съ иллюстраціями. Кромѣ того, отдѣльныя отрывки изъ знаменитой трагедіи переводили и печатали М. Михайловъ (прелестно переведшій „Пѣсню Гретхенъ“), Бенедиктовъ, Крестовскій и другіе.

Когда изданіе роскошно иллюстрированнаго русскаго Фауста стало въ принципѣ окончательно рѣшеннымъ,—явился самъ собою другой вопросъ: воспользоваться ли для этого изданія однимъ изъ готовыхъ уже перечисленныхъ выше переводовъ, получивъ, конечно, предварительно согласіе даннаго переводчика, или же заказать новый переводъ. Лично Вольфъ склонялся къ рѣшенію вопроса въ смыслѣ заказа новаго перевода и предполагалъ поручить этотъ переводъ тому же Д. Д. Минаеву, который перевелъ „Божественную комедію“ для иллюстрированнаго изданія этой поэмы съ рисунками Доре, перевелъ „Донъ Жуана“ и много другихъ иностранныхъ

классическихъ произведеній, и въ свое время считался какъ бы „присяжнымъ переводныхъ дѣлъ мастеровъ“, какъ называли его въ шутку въ литературныхъ кружкахъ. Раньше, однако, нежели рѣшить окончательно этотъ вопросъ, Вольфъ счелъ своимъ долгомъ посовѣтоваться съ кружкомъ компетентныхъ литераторовъ.

Въ означенномъ совѣщаніи въ числѣ другихъ принималъ участіе И. А. Гончаровъ, который вообще весьма сочувственно отнесся къ предполагаемому изданію Фауста. Но отъ Гончарова трудно было добиться какого-нибудь положительнаго мнѣнія. Съ свойственною ему любезностью по отношенію ко всѣмъ и каждому и какъ будто боясь обидѣть кого-либо, онъ не рѣшался высказаться ни въ пользу того, ни въ пользу другого перевода. Разъ только Гончаровъ немного возвысилъ голосъ, когда кто-то изъ присутствовавшихъ, если не ошибаюсь, Д. В. Григоровичъ, замѣтилъ, что переводъ Губера не годится, такъ какъ языкъ перевода устарѣлъ. Гончаровъ возсталъ противъ выраженія „языкъ устарѣлъ“. „Слишкомъ ужъ злоупотребляютъ выраженіемъ „языкъ устарѣлъ“;—вотъ что приблизительно говорилъ маститый авторъ „Обломова“,—чуть какой-нибудь десятокъ лѣтъ пройдетъ съ выхода книжки — сейчасъ о ней говорятъ „языкъ устарѣлъ“. А по-моему—прибавилъ Гончаровъ,—развитіе языка идетъ такъ медленно, что объ „отставкѣ по старости“ для литературныхъ произведеній не слѣдовало бы даже и заикаться. Напротивъ, я думаю, что тотъ языкъ, которымъ иные пишутъ теперь, куда хуже языка, которымъ писали въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ“. Сказавъ это, Гончаровъ, однако, тотчасъ счелъ нужнымъ оговориться, что онъ признаетъ, что литературный языкъ сталъ за послѣднее время болѣе богатымъ; отдѣланнымъ, изящнымъ, болѣе, наконецъ, отвѣчающимъ „духу вѣка“.

Въ концѣ концовъ—большинствомъ голосовъ рѣшено было, что лучшимъ переводомъ является переводъ А. Струговщикова: онъ и ближе къ оригиналу, и изящнѣе, и поэтичнѣе другихъ, что едва ли Д. Д. Минаевъ или какой-нибудь другой переводчикъ сумѣетъ справиться съ переводомъ „по заказу“ гетевской трагедіи такъ, какъ справился съ нимъ Струговщиковъ, переводившій Гете исподволь, въ теченіе многихъ лѣтъ и не ради литературнаго гонорара, а просто изъ любви къ поэту, котораго онъ былъ ярымъ поклонникомъ. Слѣдуетъ только—такъ рѣшилъ совѣщательный кружокъ—просить Струговщикова исправить нѣкоторыя мѣста, не совсѣмъ точныя и вѣрныя, и пополнить два-три замѣченныхъ пробѣла, согласно указаніямъ въ экземплярахъ напечатаннаго Струговщиковымъ перваго изданія перевода.

Въ числѣ этихъ экземпляровъ сохранился одинъ, особенно интересный, въ виду того, что замѣчанія въ немъ сдѣланы рукою И. А. Гончарова и принадлежатъ всецѣло самому автору „Обломова“. Правда, и тутъ Гончаровъ остался вѣрнымъ своему мягкому, доброму характеру и воздержался отъ какихъ бы то ни было критическихъ взглядовъ. Онъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя показались ему не совсѣмъ удачными, отмѣтилъ: „въ оригиналѣ это мѣсто такъ“, или „у Гете эти строки такъ...“, или, наконецъ, „Гете выразилъ эту мысль болѣе сжато... и т. д. Подобными замѣчаніями испещрена была вся книжка Струговщикова.

Рѣшивъ выпустить роскошное изданіе „Фауста“ съ иллюстраціями Лизенъ-Майера, Вольфъ обратился къ Струговщикову съ вопросомъ, не согласится ли онъ уступить для этого изданія свой переводъ.

— Я согласенъ,—отвѣтилъ Струговщиковъ,—но хватитъ ли у васъ средствъ оплатить мой трудъ.

— Смотря по тому, сколько вы запросите,—отвѣтилъ улыбаясь Вольфъ.

— Милліонъ, и ни копейки меньше!—воскликнулъ Струговщиковъ.

— Но позвольте, такого гонорара не получилъ даже самъ авторъ „Фауста“,—замѣтилъ Вольфъ.

— Да, я знаю, онъ получилъ во сто разъ меньше, но и написать „Фауста“ во сто разъ легче, нежели перевести,—совершенно серьезно отвѣтилъ Струговщиковъ—Гете писалъ „Фауста“ одинъ годъ, я его переводилъ десять лѣтъ.

Требованіе Струговщикова казалось тѣмъ страннѣе, что его переводъ уже дважды былъ напечатанъ—одинъ разъ въ „Современникѣ“, другой разъ въ полномъ собраніи сочиненій Гете въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціею Вейнберга. Но Струговщиковъ заявилъ, что для новаго изданія онъ сдѣлаетъ новую сводку всѣхъ своихъ шести переводовъ и что, выступая самостоятельно съ своимъ переводомъ, онъ долженъ дать читающей публикѣ такой трудъ, который „по своимъ достоинствамъ равнялся бы подлиннику“.

Всѣ попытки Вольфа свести разговоръ на болѣе реальную почву долго не давали желаннаго результата: Струговщиковъ заходилъ довольно часто къ Вольфу, но каждый разъ повторялъ одно и то же:

— Милліонъ, и ни копейки меньше!

Какъ ни страннымъ казалось слышать эти слова отъ восторженнаго поклонника Гете, отъ человѣка, написавшаго такую дѣльную статью, какъ „Два фазиса мыслящаго Гете“ (помѣщенную въ „Всемірномъ Трудѣ“ 1868 г.)—но Струговщиковъ и на самомъ дѣлѣ долго не хотѣлъ согласиться ни на какія уступки.

Странный человѣкъ былъ этотъ Струговщиковъ! Онъ увлекался творцомъ „Фауста“, какъ увлекаются обыкновенно лишь пылкіе, молодые поэты какою-нибудь Беатриче. А между тѣмъ, это былъ въ то время уже почтенный

старикъ. Крайне подвижный, разговорчивый, размахивающій руками, декламирующій вслухъ, гдѣ бы съ нимъ ни заговорить,—въ театрѣ ли, на улицѣ, въ саду—онъ скорѣе напоминалъ французскаго художника, привыкшаго къ обществу веселыхъ парижанокъ, нежели русскаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, вся жизнь котораго сосредоточилась въ прочитываніи и подписываніи скучныхъ канцелярскихъ бумагъ... А вѣдь, Струговщиковъ былъ именно дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и однимъ изъ самыхъ усердныхъ, самыхъ строгихъ, самыхъ аккуратныхъ чиновниковъ. Онъ, какъ видно, обладалъ качествами двуликаго Януса: у него было два характера, два темперамента: одинъ—сухой, серьезный, оффиціально-чиновничій, другой—живой, бойкій, поэтическій.

Какъ поэтъ, поэтъ - переводчикъ, онъ не искалъ славы, а работалъ исключительно изъ-за самой горячей и искренней любви къ избранному поэту, изъ желанія дать своимъ соотечественникамъ возможность прочесть твореніе поэта въ переводѣ, насколько возможно близко подходящемъ къ оригиналу. Въ вѣрной передачѣ гетевской поэмы на русскомъ языкѣ онъ видѣлъ подвигъ и даже однажды, проговорившись, замѣтилъ, что хорошо перевести Фауста — это значитъ создать себѣ такой памятникъ, къ которому „не зарастетъ народная тропа“ и въ сравненіи съ которымъ памятники, на которые претендуютъ иные оригинальные поэты, — карлики рядомъ съ великаномъ.

Присутствовавшій при этомъ замѣчаніи Струговщикова Д. Д. Минаевъ замѣтилъ:

— Пусть одни будутъ карликами, другіе великанами— что касается меня, то я буду очень благодаренъ, если меня, за мой переводъ „Божественной Комедіи“, оставятъ въ ростѣ нормальнаго человѣка...

Струговщиковъ принялъ эти слова по своему адресу

и горячо сталъ утверждать, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду считать себя „великаномъ“, а только хотѣлъ указать, какое громадное значеніе онъ придаетъ вообще хорошимъ поэтическимъ переводамъ.

— Какъ вспомню я только, сколько безсонныхъ ночей провелъ я, благодаря задуманному мной переводу, какимъ отсутствіемъ аппетита страдалъ я все время, пока въ моей литературной кузницѣ находился въ работѣ этотъ переводъ, я буквально ужасаюсь,—говорилъ Струговщиковъ.—Быть можетъ,—прибавилъ онъ,—послѣ моего перевода появятся еще другіе—звучнѣе, лучше, поэтичнѣе,—но вѣрнѣе едва ли кто-либо переведетъ Фауста. Я готовъ, напримѣръ, сейчасъ же тысячу рублей дать тому, кто лучше меня переведетъ вотъ эти знаменитыя строки Фауста:

Толпа одной забавы проситъ,
А масса массу увлечетъ;
Кто много при себѣ несетъ,
Тотъ многимъ что-нибудь приноситъ...

Потерявъ окончательно надежду на полученіе перевода Струговщикова, Вольфъ уже собирался заказать Минаеву или Вейнбергу новый переводъ для предполагаемаго иллюстрированнаго изданія. Узнавъ объ этомъ и желая все-таки, чтобы первое роскошное иллюстрированное изданіе вышло съ его, Струговщикова, переводомъ, маніакъ-переводчикъ измѣнилъ свое прежнее рѣшеніе и заявилъ, что отдаетъ право воспользоваться его переводомъ совершенно даромъ, но подъ условіемъ, что съ него не потребуютъ никакого письменнаго разрѣшенія, а удовольствуются словеснымъ согласіемъ. На это, однако, Вольфъ не согласился. Переговоры продолжались нѣсколько недѣль, — пока удалось уговорить Струговщикова дать требуемое письменное разрѣшеніе и согласиться на предложенный гонораръ.

Когда, наконецъ, вопросъ былъ рѣшенъ, Струговщ-

щиковъ наотрѣзъ отказался отъ какихъ-либо новыхъ поправокъ, измѣненій и дополненій. Онъ ссылался при этомъ на примѣръ художниковъ, которые, разъ написавъ картину и сдавъ ее въ музей, ничего ужъ бо́льше въ ней не исправляютъ, не измѣняютъ, не дополняютъ. Переводъ свой считалъ Струговщиковъ такою же „художественною картиною“, и даже мнѣніе писателя, котораго онъ высоко уважалъ, Гончарова, не могло измѣнить его взгляда. Съ трудомъ лишь удалось уговорить Струговщикова разрѣшить, по крайней мѣрѣ, дополнить пробѣлы въ его переводѣ—напр. пропущенную совсѣмъ „Вальпургіеву ночь“—готовымъ переводомъ Губера. Соглашаясь, онъ требовалъ даже невозможнаго, напр.: чтобы эти дополненія были напечатаны на бумагѣ другого цвѣта и въ самомъ концѣ, чтобъ на заглавномъ листѣ было сказано, что онъ, Струговщиковъ, не отвѣчаетъ за эти дополненія и т. д.

Оригиналъ Струговщиковъ для набора сдалъ Вольфу чрезъ нотаріуса, который долженъ былъ засвидѣтельствовать, что въ оригиналѣ нѣтъ, „ни помарокъ, ни поправокъ, и что передается этотъ оригиналъ издателю подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы изданіе было напечатано съ оригинала буква въ букву, безъ малѣйшаго измѣненія“. Послѣ этого Струговщиковъ еще нѣсколько разъ, опять-таки нотаріальнымъ порядкомъ, присылалъ Вольфу отдѣльныя строчки перевода, которыя онъ все-таки рѣшилъ измѣнить и исправить. Не успѣвала, однако, типографія еще сдѣлать этой поправки, какъ получалось новое нотаріальное заявленіе, возстановить переводъ въ прежнемъ видѣ и считать поправки недѣйствительными и т. д.

Длинные и продолжительные переговоры со строптивымъ поэтомъ-переводчикомъ и его безконечныя корректуры значительно замедлили выходъ въ свѣтъ „Фауста“, и когда, наконецъ, этотъ переводъ вышелъ въ свѣтъ,—Струговщикова, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго увидѣть свой

трудъ въ новой роскошной оболочкѣ, уже не было въ живыхъ...

Вслѣдствіе громадныхъ техническихъ трудностей при печатаніи офортовъ и необычайно тонко рѣзанныхъ на деревѣ гравюръ Лизенъ-Майера, пришлось печатать изданіе не въ Петербургѣ, а въ Лейпцигѣ, въ извѣстной художественной типографіи Брейткопфа и Гертеля, шрифтами русскаго эльзевира, нарочно отлитыми въ Петербургѣ и пересланными въ Лейпцигъ.

Матеріальный успѣхъ русскаго изданія, конечно, и въ сотой долѣ не соотвѣтствовалъ успѣху нѣмецкаго и англійскаго изданій „Фауста“. Тѣмъ не менѣе, согласно заявленію издателя, успѣхъ русскаго изданія „Фауста“ превзошелъ, въ нѣкоторой степени, его ожиданія, тѣмъ болѣе, что со стороны печати этому изданію не было оказано ни малѣйшей почти поддержки. Какъ и ко многимъ другимъ аналогичнымъ издательскимъ предпріятіямъ, петербургская печать осталась совершенно равнодушной къ прекрасному художественному „Фаусту“, рѣзко въ этомъ отношеніи отличаясь отъ нѣмецкой прессы, которая самымъ восторженнымъ образомъ поощряла изданіе. Въ то время, какъ о самомъ Фаустѣ писали въ Россіи сравнительно многіе и много—о замѣчательномъ воспроизведеніи чудныхъ образовъ Гетевской драмы венгерскимъ художникомъ не заикнулся почти никто. Статья В. В. Чуйко въ „Всемірной Иллюстраціи“, да пять-шесть шаблонныхъ репортерскихъ замѣтокъ въ „хроникѣ“ ежедневныхъ газетъ—вотъ и вся „библіографія“ Лизенъ-Майеровскаго „Фауста“ въ Россіи. Не лишена, однако, эта библіографія довольно курьезной подробности, которую, въ „назиданіе потомству“, не мѣшаетъ привести.

Раньше нежели выпустить „Фауста“ въ свѣтъ, издатель разослалъ первые экземпляры изданія съ роскошными офортами avant la lettre нѣсколькимъ болѣе

извѣстнымъ критикамъ и рецензентамъ, для отзыва. Каково же, однако, было удивленіе издателя, когда, спустя нѣсколько дней, еще до поступленія книги въ продажу, одинъ изъ рыночныхъ букинистовъ предложилъ ему купить два такихъ экземпляра! Что же оказалось? Почтенные рецензенты, вмѣсто того, чтобы сохранить экземпляры, доставленные имъ для отзыва, предпочли, не подтрудившись даже дать отзывъ, сбыть ихъ, какъ можно скорѣе, на рынокъ, благо книги цѣнныя и получить удалось за нихъ сравнительно крупную сумму. Такъ какъ экземпляры были снабжены надписями и нумерами, то, конечно, не трудно было узнать, кто именно изъ гг. рецензентовъ „пустилъ“ свой экземпляръ въ продажу. Къ стыду же этихъ рецензентовъ выяснилось, что это сдѣлали не какіе-нибудь „голодающіе репортеры“, а два сравнительно хорошо обезпеченные и отнюдь не нуждающіеся въ подобныхъ неблаговидныхъ „коммерческихъ оборотахъ“ литератора...

Словомъ, и тутъ подтвердилась вѣрная поговорка: „у всякой книги своя судьба“...

«НЕКУДА».

Въ 1864 году въ издававшемся П. Д. Боборыкинымъ еженедѣльномъ журналѣ „Библіотека для чтенія“ печатался подъ псевдонимомъ М. Стебницкаго романъ „Некуда“.

Стебницкій, это былъ псевдонимъ Н. Лѣскова, а сюжетъ его романа былъ взятъ изъ эпохи тогдашняго процвѣтанія нигилизма, при чемъ авторъ рѣзко бичевалъ крайнихъ нигилистовъ, выставляя частью въ карикатурномъ видѣ типы многихъ дѣятелей передового лагеря, не скрывая, однако, въ то же время своихъ симпатій къ цѣлому ряду попавшихъ въ нигилистическій омутъ мечтателей и мечтательницъ (Райнера, Лизы Бахаревой и Помады).

Романъ вызвалъ въ крайнихъ прогрессивныхъ кружкахъ сильное негодованіе. Въ немъ усмотрѣли „политический памфлетъ“, „доносъ“, „сыскъ“, „измѣну“, желаніе выставить въ неприглядномъ видѣ все революціонное движеніе шестидесятыхъ годовъ. Въ выведенныхъ же Стебницкимъ лицахъ видѣли уродливыя карикатуры на тогдашнихъ дѣятелей передового лагеря, съ цѣлью дескридитировать послѣднихъ въ глазахъ общества и навлечь на

нихъ преслѣдованіе правительства. Самый романъ признанъ былъ ультра-реакціоннымъ и имѣлъ для Лѣскова крайне печальныя послѣдствія. Имя Лѣскова стало предметомъ самыхъ оскорбительныхъ подозрѣній. По собственному свидѣтельству Лѣскова, при его появленіи въ обществѣ люди брали шапки и уходили вонъ; въ ресторанахъ нарочно при немъ ругали автора „Некуда“ (см. воспоминанія Фаресова о Лѣсковѣ въ его книгѣ „Противъ теченія“). Не помогло „объясненіе“ автора, напечатанное въ послѣдней книжкѣ „Библіотеки для чтенія“ за 1864 г., въ которомъ Лѣсковъ, протестуя противъ „подысканнаго“ внѣшняго сходства нѣкоторыхъ лицъ романа съ лицами живыми изъ литературнаго міра, заявлялъ, что во всемъ романѣ „Некуда“ нѣтъ ни одного слова, вскрывающаго неприкосновенность чьихъ бы то ни было семейныхъ тайнъ. „Всѣ лица этого романа и всѣ ихъ дѣйствія,—писалъ Лѣсковъ,—есть чистый вымыселъ, а видимое ихъ сходство (кому таковое представляется) не можетъ никого ни обижать, ни компрометировать“. („Библіотека для чтенія“, 1864 года, № 12).

Если вѣрить Боборыкину, то изъ-за романа „Некуда“ журналъ „Библіотека для чтенія“ потерялъ половину подписчиковъ и долженъ былъ пріостановить свое существованіе.

При такихъ обстоятельствахъ найти издателя, который рискнулъ бы выпустить романъ „Некуда“ отдѣльною книгою, было бы нелегко. И когда М. О. Вольфъ, несмотря на всѣ нападки на Стебницкаго, рѣшилъ принять на себя изданіе его романа, на „смѣлаго“ издателя обрушились всѣ.

— Вы не только не вернете вашихъ затратъ на изданіе этого романа, но оттолкнете отъ себя всѣхъ, кто до сихъ поръ относился къ вамъ съ сочувствіемъ,—говорили Вольфу люди, принадлежавшіе къ крайнимъ либеральнымъ кружкамъ.

Реакціонная и ретроградная беллетристика никогда не имѣла успѣха въ Россіи, и, конечно, Вольфъ, какъ осторожный издатель, не рѣшился бы взяться за изданіе „Некуда“, если бы не то, что самъ онъ посмотрѣлъ на „Некуда“ съ другой точки зрѣнія: онъ придерживался мнѣнія тѣхъ, которые считали, что на Стебницкаго напали несправедливо, что Стебницкій выступилъ лишь противъ того, что было мерзко въ нигилизмѣ, что романъ „Некуда“—вѣрное изображеніе тогдашняго увлеченія нигилизмомъ и, надѣялся, что художественныя достоинства романа должны все-таки обезпечить этому роману успѣхъ. Поэтому, несмотря на опасность, Вольфъ приступилъ къ изданію „Некуда“ и выпустилъ романъ въ свѣтъ за своею, какъ издателя, отвѣтственностью.

Почти вся либеральная пресса отнеслась къ „Некуда“, по выходѣ романа въ свѣтъ, отрицательно, а автора его подвергла самымъ жестокимъ нападкамъ. Сильнѣе всѣхъ напалъ на Лѣскова Писаревъ, который писалъ:

„Меня очень интересуютъ два вопроса: 1) найдется ли теперь въ Россіи, кромѣ „Русскаго Вѣстника“, хоть одинъ журналъ, который осмѣлился бы напечатать на своихъ страницахъ что-нибудь выходящее изъ-подъ пера Стебницкаго и подписанное его фамиліей. 2) Найдется ли въ Россіи хоть одинъ честный писатель, который будетъ настолько неосторожень и равнодушенъ къ своей репутаціи, что согласится работать въ журналѣ, украшающемъ себя повѣстями и романами Стебницкаго“.

Въ тонъ Писареву писали и другіе, между прочимъ А. Скабичевскій („Русское недомысліе“),—и романъ стали считать сыскнымъ, а не художественнымъ.

Уже спустя нѣсколько дней по выходѣ „Некуда“, Вольфъ началъ получать анонимныя письма съ угрозою, что если онъ не уберетъ этого романа съ витрины своего магазина и не перестанетъ о немъ публиковать и вообще его продавать, то весь его книжный магазинъ будетъ сожженъ, обращенъ въ пепелъ, уничтоженъ.

Встревоженный Вольфъ поѣхалъ къ Лѣскову.

— Сколько вы получили писемъ? Всего четыре?— спросилъ Лѣсковъ, выслушавъ разсказъ Вольфа,—а вотъ я получилъ ихъ больше десятка и продолжаю получать каждый день. Вамъ угрожаютъ **только** сжечь вашъ магазинъ, а меня хотятъ избить, застрѣлить, повѣсить. Но все это еще ничего сравнительно съ тѣми обвиненіями, которыя бросаютъ мнѣ въ лицо, будто я написалъ мой романъ по заказу полиціи и получилъ за него даже изъ этого источника крупный гонораръ!

Угрозы Вольфу и Лѣскову не были осуществлены. Самый взглядъ на романъ постепенно измѣнился, а спросъ на него, несмотря на рѣзкіе отзывы критики, былъ настолько значительный, что уже черезъ годъ потребовалось второе изданіе. 17 марта 1886 года Вольфъ заключаетъ условіе относительно этого второго изданія, которое печатаетъ въ количествѣ 1.500 экземпляровъ. Все это количество быстро разошлось. Постепенно улеглись и нападки на Лѣскова, и даже такой строгій критикъ, какъ С. А. Венгеровъ, еще въ 1895 году писалъ, что „по нынѣшнимъ временамъ это—вещь не ультро-реакціонная и что въ ней бичуются только „крайніе“ реалисты съ точки зрѣнія умѣренной прогрессивности и что въ жестокомъ отношеніи къ роману „Некуда“ было много рѣшительно несправедливаго“.

Лѣсковъ сохранилъ къ „смѣлому“, какъ онъ часто говорилъ, издателю „Некуда“ наилучшія отношенія и не разъ повторялъ, что смѣлость издателя и успѣхъ романа въ отдѣльной продажѣ поддержали его въ минуты литературнаго отчаянія.

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ» ВЪ РОССІИ.

Когда въ концѣ шестидесятыхъ годовъ вышла въ Парижѣ „Божественная Комедія“ Данте съ великолѣпными иллюстраціями Густава Доре, у М. О. Вольфа явилась мысль выпустить русское ея изданіе съ этими же иллюстраціями. Огромный успѣхъ, выпавшій на долю иллюстрированнаго французскаго изданія, большой спросъ на это изданіе въ Россіи—являлись, до нѣкоторой степени, залогомъ, что и русское изданіе встрѣтитъ сочувствіе. Тѣмъ не менѣе изданіе это, очень дорогое, представляло, съ издательской точки зрѣнія, огромный рискъ: трудно было предвидѣть, оцѣнитъ ли его широкая масса русской публики, окупятся ли значительные расходы на первое въ Россіи этого рода роскошное сочиненіе, не „испугаетъ ли“ публику высокая цѣна 40 рублей. Правда, роскошныя, дорогія иностранныя изданія расходились тогда въ Россіи сравнительно очень бойко, но... то иностранное изданіе. Что же касается русскихъ изданій, то нужно было еще пріучить къ нимъ публику.

Но Вольфъ въ концѣ концовъ рискнулъ, вошелъ въ сношеніе съ собственникомъ рисунковъ Доре, парижскимъ

издателемъ Мамомъ, и въ 1874 году объявилъ подписку на русское роскошное изданіе „Божественной Комедіи“ Данте съ иллюстраціями Густава Доре, предварительно заказавъ спеціально для этого изданія переводъ Д. Д. Минаеву. Дѣло въ томъ, что до появленія Вольфовскаго иллюстрированнаго изданія не существовало еще ни одного полнаго русскаго перевода знаменитаго творенія Данте: были переводы отдѣльныхъ пѣсенъ, сдѣланные Норовымъ, были переводы „Ада“—Фанъ-Дима, Мина и Петрова—но полностью, всѣхъ трехъ частей „Божественной Комедіи“ не было.

Минаевъ принялъ на себя переводъ, хотя не зналъ ни одного слова по-итальянски, да и вообще не зналъ ни одного иностраннаго языка. „Божественную Комедію“ онъ рѣшилъ перевести такъ, какъ онъ вообще переводилъ иностранныхъ поэтовъ: заказывалъ переводы прозою, а затѣмъ этотъ прозаическій переводъ передѣлывалъ въ стихи, какъ онъ говорилъ, „переводилъ сухую прозу въ звучную поэзію“. Для переводныхъ работъ имѣлась у Минаева помощница, на обязанности которой лежало переводить стихи буквально и затѣмъ, въ то время, когда Минаевъ „передѣлывалъ ихъ въ поэзію“,—читать вслухъ подлинникъ. Минаевъ утверждалъ, что этимъ путемъ онъ всегда удачно улавливалъ „музыку подлиннаго стиха“, хотя словъ и не понималъ...

Помучиться съ Минаевымъ приходилось при изданіи „Божественной Комедіи“ не мало. Минаевъ, какъ извѣстно, страдалъ очень распространенной среди русскихъ даровитыхъ людей болѣзнью—сильно выпивалъ. А разъ начавъ пить, онъ прекращалъ всякія литературныя занятія на цѣлыя недѣли, иногда мѣсяцы. Между тѣмъ подписка, согласно условію, заключенному съ Минаевымъ, была объявлена, и съ изданіемъ надо было спѣшить. И вотъ нерѣдко приходилось издателю ловить Минаева по петер-

бургскимъ ресторанамъ и трактирамъ и для того, чтобы заставить его опохмелиться и продолжать работу, подвергать даже своеобразному „одиночному заключенію“. Противъ такой мѣры Минаевъ не только не протестовалъ, но въ трезвомъ видѣ даже благодарилъ и письменно и устно каждый разъ извинялся за тѣ скандалы, которые онъ производилъ до заключенія...

Мѣстомъ „одиночнаго заключенія“ въ такихъ случаяхъ бывала нерѣдко комната при квартирѣ Вольфа, на Караванной улицѣ. Туда помѣщали Минаева иногда на цѣлую недѣлю, приглашали его помощницу, ставили бутылку краснаго вина („безъ вина—вы отъ меня не получите ни строчки“—заявлялъ Минаевъ) и заставляли почти насильно работать.

Такъ переводилась „Божественная Комедія“ Данте...

Не мало хлопотъ было и съ цензурою. Гражданская цензура опасалась, что переводъ „Божественной Комедіи“ можетъ задѣть религіозныя чувства вѣрующихъ и требовала отдѣльнаго одобренія со стороны духовной цензуры. Духовная же цензура наотрѣзъ отказалась даже читать переводъ, находя одно уже заглавіе „Божественная Комедія“ кощунствомъ. Къ счастью, Вольфу удалось найти заступника въ лицѣ... графа Д. А. Толстого, тогда оберъ-прокурора святѣйшаго синода, вмѣшательство котораго устранило сразу всѣ сомнѣнія духовныхъ цензоровъ относительно допустимости или недопустимости „Божественной Комедіи“ въ русскомъ переводѣ. Но для этого Вольфу все же пришлось представить спеціальную „докладную записку“, въ которой по указаніямъ самого Толстого, указывалось, что поэма Данте воспроизводитъ распространенныя средневѣковыя легенды, что она является поэтическою энциклопедіею міросозерцанія, что объ этомъ произведеніи читается спеціальный курсъ лекцій въ с.-петербурскомъ университетѣ и т. д. Записку

эту составлялъ П. И. Вейнбергъ. Содержаніе записки не играло, впрочемъ, особенной роли и отнюдь не имѣло цѣли кого-либо убѣдить: требовалась лишь обычная „бумага“, которая могла бы, въ случаѣ какихъ-либо замѣчаній свыше, служить оправданіемъ...

Разрѣшеніе на изданіе „Божественной Комедіи“ съ иллюстраціями Доре было, въ концѣ концовъ, дано, но съ условіемъ, что цѣна его будетъ не менѣе 20 рублей, т.-е. что изданіе не будетъ доступно для широкихъ массъ.

Подписка на „Божественную Комедію“ пошла довольно бойко. Подписчиками явились почти всѣ высшія столичныя сферы, много зажиточныхъ провинціаловъ, разныя библіотеки и пр. Были между подписчиками, однако, и курьезные: такъ, напр., въ числѣ подписчиковъ значились „крестьянское общество деревни Суха“, которое собрало на сельскомъ сходѣ міромъ 40 рублей и отправило ихъ на пріобрѣтеніе „Божественной Комедіи“. Затѣмъ монахи одного отдаленнаго монастыря, очевидно, не знакомые съ содержаніемъ дантовскаго произведенія, подписались на 6 экземпляровъ, но, ознакомившись съ первымъ выпускомъ, ужаснулись соблазна и поспѣшили вернуть его обратно. Одинъ изъ подписчиковъ такъ былъ возмущенъ „кощунствомъ“ поэта и художника, назвавшихъ свое произведеніе „божественнымъ“, что обратился къ петербургскому градоначальнику съ жалобой, требуя сожженія всѣхъ экземпляровъ.

Критика отнеслась къ изданію въ общемъ сочувственно, въ особенности къ великолѣпнымъ иллюстраціямъ Доре. „Своимъ художественнымъ чутьемъ и глубокимъ изученіемъ великаго произведенія Данте,—писалъ одинъ изъ критиковъ,—французскій художникъ возвысился до красотъ самой поэмы, уловивъ всѣ оттѣнки поэтической мысли и совершенно „дантовскій“ колоритъ комедіи“. „Художникъ,—

какъ выразился другой критикъ,—не только пояснилъ, но воспроизвелъ въ другой формѣ великую итальянскую трилогію и съ такою же поэтической силой и красотой начертилъ ее въ картинахъ, съ какою Дантъ создалъ въ своихъ могучихъ стихахъ".

Иллюстраціи Доре къ великой итальянской трилогіи напечатаны были въ русскомъ изданіи съ подлинныхъ французскихъ гравюръ. Право воспроизведенія этихъ иллюстрацій для Россіи было пріобрѣтено русскимъ издателемъ по нотаріальному договору съ французскимъ ихъ собственникомъ Мамомъ. Несмотря на это, издатели разныхъ журналовъ, основываясь на томъ, что между Россіею и Франціею не было конвенціи о правѣ художественной собственности, воспроизводили неоднократно отдѣльные рисунки Доре путемъ большею часть плохихъ рѣзанныхъ на деревѣ либо сдѣланныхъ цинкографическимъ способомъ копій. Появились даже цѣлыя книги и альбомы, въ которыхъ такимъ образомъ были воспроизведены рисунки, право на которые было пріобрѣтено издателемъ „Библіи" и „Божественной Комедіи",—конечно, въ ущербъ послѣднему.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Интересъ, который вызвало иллюстрированное Густавомъ Доре изданіе „Божественной Комедіи“ въ русскомъ переводѣ, навелъ М. О. Вольфа въ 1876 г. на мысль выпустить какое-либо классическое произведеніе русской литературы съ иллюстраціями французскаго художника. Имѣлись въ виду либо „Руслань и Людмила“, либо „Демонъ“ съ тѣмъ, что, въ случаѣ, если бы права на изданіе этихъ произведеній не удалось получить (тогда еще не истекло право литературной собственности на сочиненія Пушкина и Лермонтова), то выпустить большой критическій этюдъ съ соотвѣтственными цитатами.

Давая предпочтеніе Густаву Доре передъ русскими художниками, Вольфъ имѣлъ въ виду прежде всего огромную популярность французскаго иллюстратора и почти полное отсутствіе русскихъ художниковъ, которые могли бы выполнить данную задачу удовлетворительно. Кромѣ того Вольфъ, какъ издатель и книгопродавецъ, зналъ хорошо „свою публику“, т.-е. зналъ обычныхъ тогда покупателей роскошныхъ иллюстрированныхъ изданій и ихъ

пристрастіе къ французскому. Залогомъ успѣха изданія служило именно имя Густава Доре.

И вотъ въ срединѣ 1876 года онъ обратился къ Густаву Доре съ соотвѣтственнымъ предложеніемъ, послалъ ему одновременно русскія изданія „Божественной Комедіи“ и „Сказокъ Перро“ съ его иллюстраціями. Доре находился въ то время въ отъѣздѣ и отвѣтилъ на предложеніе Вольфа лишь 26 октября 1876 года.

„Я нахожусь въ Парижѣ только съ прошлаго вторника,—писалъ онъ,—а до того путешествовалъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. Возвратившись обратно, я имѣлъ удовольствіе найти у себя тѣ книги („Божественную Комедію“ и „Сказки Перро“), которыя вы такъ любезно мнѣ прислали. Примите за нихъ мою искреннюю благодарность.

Что касается вашего предложенія—иллюстрировать одну русскую поэму, то въ настоящее время я лишенъ возможности отвѣтить на это окончательно, прежде чѣмъ не ознакомлюсь съ французскимъ переводомъ и не вынесу убѣжденія, что текстъ можетъ натолкнуть меня на оригинальныя композиціи. Въ произведеніи, съ которымъ я явился бы въ первый разъ спеціально передъ русской публикой, я долженъ прежде всего найти элементъ несомнѣннаго успѣха. Если это первое условіе меня удовлетворитъ, то гонораръ за подобную работу я назначаю въ размѣрѣ одной тысячи франковъ за доску такого формата, какъ для Библіи или Данта“.

Получивъ отвѣтъ Доре, Вольфъ, по принятому обычаю, сталъ совѣтоваться относительно задуманнаго изданія со своими друзьями-литераторами. Мнѣнія раздѣлились. Одни говорили, что французскому художнику, не знающему совершенно русской жизни, не справиться съ задачею, что онъ неизбѣжно нарисуетъ уродливыхъ русскихъ „пейзановъ“, какъ обыкновенно рисуютъ французскіе художники русскихъ крестьянъ. Другіе,—ссылаясь на удачные рисунки Доре къ произведеніямъ англійской литературы, въ особенности къ „Старому Моряку“ Кольриджа, полагали, что нѣтъ причины опасаться, что онъ не сможетъ иллюстрировать русскую поэму, въ особенности такого „международнаго характера“, какъ „Демонъ“.

Подробный переговоръ съ Густавомъ Доре Вольфъ

отложилъ до своей поѣздки въ Парижъ, гдѣ предварительно рѣшилъ посовѣтоваться съ Тургеневымъ.

Тургеневъ, по словамъ Вольфа, отнесся къ мысли изданія какого-нибудь шедевра русской поэзіи съ иллюстраціями Доре—съ восторгомъ и даже предложилъ свои услуги: переговорить съ французскими издателями, чтобы тѣ одновременно выпустили данное произведеніе во французскомъ переводѣ. При этомъ онъ изъявилъ готовность написать два предисловія: одно для русскаго изданія, другое—для французскаго, помочь Доре своими указаніями и т. д.

Предполагавшееся изданіе русской поэмы съ рисунками Доре не состоялось, главнымъ образомъ вслѣдствіе постигшей Доре болѣзни.

МИЦКЕВИЧЪ ПО-РУССКИ.

Хотя М. О. Вольфъ самъ часто повторялъ, что „у книгопродавца среди писателей не должно быть любимыхъ и нелюбимыхъ и что всѣ они для него „любимые“, но самъ онъ замѣтно питалъ особенное пристрастіе къ Мицкевичу. Онъ зналъ и охотно цитировалъ въ польскомъ подлинникѣ многія стихотворенія Мицкевича, съ восторгомъ повторялъ прологъ къ „Пану Тадеушу“, интересовался всѣмъ, что только появлялось относящагося къ Мицкевичу, и въ теченіе многихъ лѣтъ собиралъ и хранилъ собственноручно имъ переписываемые изъ журналовъ русскіе переводы отдѣльныхъ произведеній Мицкевича.

Съ извѣстною гордостью Вольфъ повторялъ неоднократно, что онъ считаетъ за честь, что на его долю выпало ознакомить широкіе круги русской читающей публики съ „Конрадомъ Валленродомъ“ и „Гражиною“ изданіемъ бенедиктовскихъ переводовъ этихъ поэмъ въ роскошномъ видѣ, съ иллюстраціями Тысевича. Это изданіе, выпущенное Вольфомъ въ 1863 году, считалось въ свое время одною изъ роскошнѣйшихъ книгъ, изданныхъ въ Россіи. Но Вольфъ не хотѣлъ ограничиться только

этимъ изданіемъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ постоянно говорилъ о томъ, что слѣдовало бы издать всего Мицкевича по-русски.

— Почему вы, Маврикій Осиповичъ, будучи такимъ рьянымъ поклонникомъ Мицкевича, не предпримите подобнаго изданія?—спросилъ однажды Вольфа А. Ѳ. Бычковъ, въ то время помощникъ директора Имп. публичной библіотеки.

— Объ этомъ я давно думалъ,— отвѣтилъ Маврикій Осиповичъ,—но боюсь...

— Боитесь? Чего?

— Мнѣ кажется, что Мицкевича нельзя передать достаточно хорошо въ переводѣ и что по этому его не оцѣнятъ. Я все жду, не появится ли, наконецъ, дѣйствительно талантливый переводчикъ Мицкевича. Моя мечта,— выпустить всего Мицкевича въ переводѣ одного поэта, достойнаго быть переводчикомъ великаго творца „Дзядовъ“... Кромѣ того, — прибавилъ Вольфъ,— я все надѣюсь, что наступитъ время, когда Мицкевича возможно будетъ издавать по-русски полностью, о чемъ при существующихъ цензурныхъ условіяхъ и думать нельзя.

Откладываемое изъ года въ годъ изданіе сочиненій Мицкевича въ русскомъ переводѣ Вольфъ осуществилъ только въ 1882 году. Но первоначальную мысль—издать всего поэта въ переводѣ одного лица—пришлось бросить, хотя Вольфъ чуть было уже не заключилъ условія въ этомъ отношеніи съ Д. Д. Минаевымъ, который, не зная польскаго языка, брался за переводъ всего Мицкевича такъ же легко, какъ раньше взялся за переводъ „Божественной Комедіи“ Данта, стихотвореній Гейне, Гюго, Гете и др. поэтовъ.

Руководство подготовительными работами для русскаго изданія сочиненій Мицкевича Вольфъ принялъ всецѣло на себя. Планъ его былъ таковъ: собрать сначала всѣ раз-

бросанные по отдѣльнымъ книгамъ, журналамъ и газетамъ русскіе переводы изъ Мицкевича, распредѣлить ихъ въ порядкѣ польскаго подлинника и затѣмъ, сравнивъ съ оригиналомъ, выбрать изъ нихъ наиболѣе точные и удачные, остальные же спеціально заказать разнымъ переводчикамъ.

Часть этой работы, собственно библіографическаго характера, была возложена на меня. Прежде всего обратились къ извѣстному библіографу В. И. Межову за справками относительно библіографіи переводовъ Мицкевича. Но онъ, кромѣ небольшой замѣтки, напечатанной въ „Моск. Вѣд." 1858 г., ничего указать не могъ. Болѣе полныя свѣдѣнія оказались въ парижскомъ польскомъ изданіи Мицкевича—но и тѣ не были достаточно полны. И мнѣ пришлось перерыть въ Имп. публичной библіотекѣ всѣ русскіе журналы за много лѣтъ, чтобы извлечь оттуда напечатанные въ нихъ переводы изъ Мицкевича.

Въ этой скучной и неблагодарной работѣ оказывалъ мнѣ безкорыстную, любезную помощь маститый А. Ѳ. Бычковъ. Съ юношескимъ жаромъ поднимался онъ по лѣстницамъ, разыскивалъ самъ лично то или другое изданіе и постоянно повторялъ:

— Если что-либо еще нужно, обращайтесь всегда непосредственно ко мнѣ.

Просто совѣстно было утруждать стараго ученаго, по горло заваленнаго работою, но Бычковъ буквально обижался, когда я, щадя его, пробовалъ обращаться къ его помощникамъ. Онъ отвелъ мнѣ отдѣльный столъ внутри библіотеки, вблизи его собственнаго рабочаго стола, предоставилъ мнѣ пользоваться всѣми льготами, которыми пользовались въ библіотекѣ только ученые изслѣдователи, разрѣшилъ оставлять выбранныя мною книги и журналы цѣлыя недѣли и пр. и искренно радовался, видя, что ящикъ съ накопленными матеріалами для изданія Мицкевича въ русскомъ переводѣ замѣтно пополнялся.

Когда весь матеріалъ былъ такимъ образомъ собранъ, Вольфъ пригласилъ въ редакторы изданія П. П. Полевого, б. профессора варшавскаго университета, которому принадлежала одна изъ оригинальныхъ русскихъ статей о польскомъ изданіи Мицкевича въ Парижѣ и который считался однимъ изъ немногихъ знатоковъ великаго поэта.

Нельзя сказать, чтобы этотъ выборъ былъ особенно удачнымъ. Полевой далеко не принадлежалъ къ числу поклонниковъ Мицкевича и не проявлялъ того интереса къ изданію, на какой разсчитывалъ Вольфъ. Онъ отнесся, правда, къ намѣченной задачѣ добросовѣстно, но формально, и не внесъ въ редакцію ничего своего, считая, что вся роль его, какъ редактора, должна быть сведена къ провѣркѣ переводовъ, выборѣ наиболѣе удачныхъ и такомъ выборѣ, который не встрѣтилъ бы цензурныхъ затрудненій. Кромѣ того онъ почему-то настаивалъ, что прозу Мицкевича въ русскомъ изданіи не слѣдуетъ давать полностью, а только въ извлеченіяхъ, заявляя, что часть этой работы приметъ лично на себя.

Чтеніе и провѣрка поэтическихъ переводовъ производились, впрочемъ, не однимъ Полевымъ, но цѣлымъ редакціоннымъ комитетомъ, участіе въ которомъ принималъ и самъ Вольфъ.

Прежде всего предстояло рѣшить вопросъ относительно крупнѣйшей поэмы Мицкевича „Панъ Тадеушъ“. Имѣлись предложенія двухъ готовыхъ переводовъ: Берга и Бенедиктова; кромѣ того предлагалъ для изданія переводъ первой части Семеновъ. Переводъ Берга—уже напечатанный тогда отдѣльною книгою—оказался при сличеніи съ подлинникомъ довольно страннаго свойства: то, что Мицкевичемъ высказывалось въ трехъ-четырехъ строкахъ, у Берга занимало строкъ 10-15. Кромѣ того была масса неточностей. Переводъ Бенедиктова, хотя и сдѣланный устарѣлымъ языкомъ, казался удачнѣе. Что же касается

перевода Семенова—то хотя онъ былъ дѣйствительно наиболѣе удачнымъ, но дробить поэму на нѣсколько переводовъ признано было неудобнымъ. И въ концѣ концовъ остановились на переводѣ Бенедиктова, которому принадлежалъ въ упомянутомъ изданіи также переводъ „Конрада Валленрода“ и „Гражины“. Что касается „Поминокъ“ („Дзядовъ“), то переводъ ихъ поручили Минаеву. Недостававшіе переводы стиховъ частью были сдѣланы Семеновымъ, частью Минаевымъ и др. Прозу, т.-е. исторію литературы и переписку, взялся перевести Сементковскій.

Имѣя готовый, собранный уже матеріалъ, Полевой довольно быстро справился со своею задачею, мало считаясь съ мнѣніями приглашенныхъ къ участію въ редакціонной работѣ лицъ, хотя эти мнѣнія бывали иногда діаметрально противоположны мнѣніямъ самого Полевого. Такъ было напр. съ извѣстнымъ стихотвореніемъ „Разговоръ“. Полевой настоялъ на томъ, чтобы выбрать переводъ Петровскаго („О, милая моя, къ чему намъ говорить“), какъ самый близкій, будто бы къ оригиналу, между тѣмъ какъ остальные члены редакціи указывали на болѣе талантливую передачу этого стихотворенія Огаревымъ („Мой другъ, для насъ что могутъ разговоры значить“) и т. д..

Критика, какъ польская такъ и русская, отнеслась къ изданію довольно снисходительно. Такъ, напр., В. В. Чуйко, указывая въ литературныхъ фельетонахъ, которые онъ велъ въ „Новостяхъ“, на изданіе сочиненій Мицкевича, какъ чрезвычайно „полезное и почтенное“, и отмѣчая нѣкоторыя погрѣшности переводовъ, недостаточно передающихъ красоту подлинника, призналъ, что редакція сдѣлана тщательно и что само изданіе пополнило существенный пробѣлъ въ русской переводной литературѣ.

Польская критика упрекала Полевого въ невѣрномъ освѣщеніи положенія польскаго общества, которое она

усмотрѣла въ введеніи къ русскому изданію, гдѣ сказано, будто „идеалъ Мицкевича слишкомъ далекъ отъ идеаловъ современной польской интеллигенціи“.

Въ другихъ критическихъ отзывахъ указывали на значительную роль изданія сочиненій Мицкевича для культурнаго сближенія Россіи съ Польшею и т. д.

Самъ Вольфъ остался недоволенъ изданіемъ и, не скрывая, высказывалъ это громко.

ПИСАТЕЛЬ, ОБИЖЕННЫЙ СУДЬБОЮ.

Въ 1868 году къ Маврикію Осиповичу Вольфу обратился молодой человѣкъ, принесшій съ собою небольшую, только что вышедшую изъ типографіи книжку своихъ разсказовъ, и спросилъ Вольфа, не согласится ли онъ купить у него все ея изданіе. Книжка называлась „Глухія мѣста“.

Вольфъ заинтересовался молодымъ человѣкомъ и его книгою, въ которой описаны были, въ художественной, полу-беллетристической формѣ, дѣйствительно глухія мѣста отдаленной Сибири и Амура. Авторъ книги оказался очень словоохотливымъ и милымъ собесѣдникомъ и на вопросъ Вольфа, откуда онъ знаетъ описанныя имъ мѣста, разсказалъ, что онъ сынъ елабужскаго купца-милліонера, торговца чаемъ, что самъ онъ юношей торговалъ чаемъ, затѣмъ, поссорившись съ отцомъ и не раздѣляя его „купеческихъ“ взглядовъ на жизнь, одно время былъ хлѣбопашцемъ на Амурѣ, затѣмъ занялся литьемъ и продажей свѣчей, потомъ перешелъ къ занятіямъ литературой и, наконецъ, очутился въ Петербургѣ, гдѣ самоучкою прошелъ гимназическій курсъ и державъ экзаменъ при С.-Петербургскомъ университетѣ на учителя среднихъ учебныхъ

заведеній, съ намѣреніемъ посвятить себя педагогической дѣятельности въ качествѣ преподавателя русскаго языка и словесности. Книжка, которую онъ предлагалъ, была напечатана частью въ кредитъ, частью на скудныя средства автора, заработанныя литературнымъ трудомъ, и состояла изъ очерковъ, помѣщенныхъ въ журналѣ Благосвѣтлова „Русское Слово“.

Довольно необычайная, полная постоянныхъ перемѣнъ, жизнь молодого автора, его бойкій, хотя скромный разсказъ о пережитыхъ радостяхъ и невзгодахъ, привлекли вниманіе Вольфа. Познакомившись съ содержаніемъ книги и разсчитывая, что она должна заинтересовать публику, мало знакомую съ описаннымъ въ ней міромъ, Вольфъ согласился пріобрѣсть всѣ ея экземпляры и занялся ея распространеніемъ.

Прошелъ годъ, авторъ „Глухихъ мѣстъ“ вновь обратился къ Вольфу, но въ этотъ разъ уже съ другимъ предложеніемъ.

Оказалось, что Некрасовъ, редактировавшій въ то время „Отечественныя Записки“, заинтересовавшись очерками „глухихъ мѣстъ“, предложилъ молодому автору написать рядъ подобныхъ очерковъ для журнала. Въ отвѣтъ на это предложеніе молодой авторъ прислалъ въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“ очеркъ подъ заглавіемъ „Отъ Китая до Москвы—исторія ящика чаю“. Очеркъ этотъ заключалъ въ себѣ множество такихъ наблюденій, которыя ускользнули отъ вниманія туристовъ. Въ немъ описанъ были сначала самый сборъ чая, его переработка, обрисованы были типы контрабандистовъ, характеръ и нравы жителей тѣхъ мѣстностей Сибири, черезъ которыя проходилъ ящикъ чая, различные промыслы, ремесла сибирскаго населенія и пр., и пр. Некрасовъ одобрилъ очеркъ и заявилъ, что пуститъ ее въ первой осенней, т.е. сентябрьской книжкѣ, когда публика опять начинаетъ

интересоваться чтеніемъ.—„Тогда и гонораръ получите“,—заявилъ онъ.

Какъ ни трудно было молодому автору ждать, такъ какъ литературный трудъ въ то время составлялъ для него единственное средство къ существованію, а на рукахъ была жена, дѣти,—онъ, конечно, принужденъ былъ подчиниться,

Терпѣливо прождавъ іюнь, іюль, августъ, онъ, къ величайшему своему горю, убѣдился, что въ сентябрьскую книжку журнала статья его не попала. Бросился въ редакцію, за объясненіемъ. Оказывается,—статья забракована. Молодой авторъ потребовалъ объясненій отъ Некрасова.

—Не могу помѣстить,—кратко отвѣтилъ тотъ, намекая, что „вліятельные“ сотрудники нашли ее неподходящей для журнала.

— Но вы обѣщали... я ждалъ... Могъ помѣстить въ другомъ мѣстѣ...

— Да, мало ли какія обѣщанія даются... Издатель не банкиръ...—были подлинныя слова Некрасова.

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что противъ помѣщенія статьи былъ Щедринъ. „Онъ вамъ подгадилъ,—откровенно заявилъ Некрасовъ.—Я тутъ не при чемъ“.

Молодой писатель былъ въ отчаяніи. За лѣто онъ истратилъ все, что имѣлъ, твердо разсчитывалъ на гонораръ изъ „Отеч. Записокъ“, въ счетъ этого гонорара понадѣлалъ долги—и вдругъ отказъ. Можно, конечно, предложить очеркъ другой редакціи, но, во-первыхъ, вездѣ уже сдѣланъ запасъ на осень, затѣмъ, пока тамъ просмотрятъ, пока рѣшатъ, напечатаютъ,—пройдутъ недѣли, мѣсяцы, а вѣдь нужно же на что-нибудь существовать.

Въ отчаяніи молодой авторъ обратился къ М. О. Вольфу, разсказалъ про свое горе и спросилъ, не выручитъ ли его Вольфъ.

Маврикій Осиповичъ отнесся очень внимательно къ уже знакомому ему автору и хотя въ то время еще не располагалъ крупными средствами, вникнулъ въ его положеніе и согласился пріобрѣсти забракованную „Отечественными Записками“ рукопись съ тѣмъ, чтобы издать ее отдѣльною книгою въ количествѣ 2000 экз., и тутъ же уплатилъ тотъ самый гонораръ, какой молодой авторъ разсчитывалъ получить отъ Некрасова.

— Вы меня выручили изъ большой бѣды, — заявилъ молодой литераторъ, расписываясь въ полученіи денегъ.

Этотъ молодой литераторъ былъ Дмитрій Ивановичъ Стахѣевъ, впослѣдствіи авторъ многочисленныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ и пр., печатавшихся на страницахъ „Вѣстника Европы“, „Русскаго Вѣстника“, драматургъ, редакторъ „Русскаго Міра“ „Нивы“, писатель, котораго очень усердно читали въ теченіе многихъ лѣтъ. А разсказанный случай подтвержденъ имъ въ письмѣ, которое онъ прислалъ на склонѣ лѣтъ наслѣдникамъ М. О. Вольфа.

„Со времени моей юности, я лѣтъ болѣе сорока постоянно терпѣлъ нужду и искалъ, гдѣ только возможно, заработка,—значится въ этомъ письмѣ.—И меня не разъ поддержалъ покойный Маврикій Осиповичъ, то заказывая какія-нибудь работы, то покупая изданіе... Издавая мою „Исторію ящика чаю“ онъ выручилъ меня, избавилъ отъ бѣды. Много такихъ случаевъ со мной было. Литературный трудъ—каторжный трудъ, каторжный въ томъ отношеніи, что у издателя или, вѣрнѣе, у издателей встрѣчаются всевозможные взгляды,—то длинная статья, то „не нравится“, то очень краткая, то... тысячи причинъ, одна другую оспаривающихъ. По отношенію къ М. О. Вольфу я былъ очень счастливъ: для „Живописной Россіи“ онъ купилъ у меня нѣсколько очерковъ, своевременно ихъ напечаталъ, и своевременно заплатилъ назначенную сумму

(сто рублей за печатный листъ). Дѣло чистое и безспорное. То же могу сказать о Стасюлевичѣ, издателѣ „Вѣстника Европы“—это былъ дѣйствительно образцовый издатель. У него я работалъ много-много, и никогда не было случая, чтобы онъ измѣнилъ ко мнѣ обычныя издательскія отношенія. Обѣщалъ и всегда аккуратно исполнялъ обѣщанія“.

Изданіе „Исторіи ящика чая“ положило начало близкимъ, дружественнымъ отношеніямъ между Стахѣевымъ и Вольфомъ. Первый часто сталъ бывать въ гостяхъ у Вольфа, охотно разсказывалъ разные эпизоды изъ своей жизни, дѣлился своими литературными радостями и невзгодами. Всегда бодрый, жизнерадостный, веселый—онъ былъ однимъ изъ интереснѣйшихъ собесѣдниковъ, съ которымъ не скучно было провести нѣсколько часовъ. Особенно интересны были его разсказы о жизни купечества, которую онъ зналъ превосходно и о которой умѣлъ разсказывать увлекательно.

Стахѣевъ принадлежалъ къ типу тѣхъ писателей, которые неизмѣнно пользовались успѣхомъ у публики, но къ которымъ не благоволила критика, быть можетъ потому, что онъ, по его собственнымъ словамъ, хотя и былъ работникомъ, сотрудничавшимъ въ прогрессивныхъ изданіяхъ, но шелъ всегда по своей дорогѣ, не принадлежалъ ни къ какимъ литературнымъ партіямъ. И, за малыми исключеніями, онъ почти не слыхалъ одобрительныхъ отзывовъ въ печати, да и не заботился о нихъ, всецѣло занятый лишь тѣмъ, чтобы служить своему призванію добросовѣстно. А между тѣмъ повѣсти Стахѣева „Наслѣдники“, „Встревоженный городъ“, „Домашній очагъ“, „Извозъ“; путевые очерки „За Байкаломъ и на Амурѣ“; психологическіе очерки „Наслѣдство Растеряева“, „Отецъ Варѳоломей“; разсказы „На память многимъ“ и др. читались въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ очень

усердно, несмотря на то, что критика о нихъ молчала. Впрочемъ одно время, такіе критики, какъ Страховъ (впослѣдствіи личный другъ и рьяный поклонникъ Стахѣева) считали его прямымъ наслѣдникомъ Гоголя, „оригинальнымъ подражателемъ великаго писателя, но не копировщикомъ".

Самъ Маврикій Вольфъ былъ рьянымъ почитателемъ Стахѣевскихъ романовъ и, рекомендуя ихъ своимъ кліентамъ, высказывалъ сожалѣніе, что его недостаточно цѣнятъ, несмотря на то, что Стахѣевъ превосходно, а главное вѣрно изображаетъ бытъ купеческій, чиновничій, духовный и даетъ живую галлерею живыхъ фигуръ, часто съ такимъ юмористическимъ оттѣнкомъ.

— Отъ тѣхъ, кто слѣдовалъ моей рекомендаціи и принимался за чтеніе Стахѣева, я никогда не слышалъ упрековъ,—повторялъ часто Вольфъ.—Единственное, что повторяютъ многіе — онъ пишетъ слишкомъ пространно, слишкомъ отдѣлываетъ всѣ мелочи...

„Русская критика далеко не оцѣнила Стахѣева, очень мало удѣлила ему вниманія",—читаемъ въ критическомъ очеркѣ Быкова. — Но не только критика: не оцѣнилъ его и издатель „Нивы" Марксъ, пригласившій Стахѣева въ редакторы своего журнала. Не оцѣнилъ несмотря на то, что „расцвѣтъ, и подъемъ" „Нивы" начался именно съ того времени, когда во главѣ ея, въ 1875 году, сталъ Стахѣевъ. Принявъ „Ниву", при 14,000 подписчиковъ, онъ оставилъ ее, послѣ трехъ лѣтъ редакторства, съ 47,000! Но съ Марксомъ Стахѣевъ никакъ не могъ поладить. „Моя русская душа не можетъ мириться съ нѣмецкими симпатіями Маркса",—жаловался Стахѣевъ Вольфу. Такъ, напр., когда Марксъ на портретѣ Бисмарка, предполагаемомъ къ помѣщенію въ „Нивѣ", хотѣлъ непремѣнно подписать „самый вѣрный другъ Россіи", Стахѣевъ рѣзко возсталъ, сказавъ: „или Бисмаркъ, или я" и отказалъ дать

свою подпись подъ нумеромъ. Марксу пришлось подчиниться. Въ концѣ концовъ, однако, Стахѣевъ не выдержалъ и, хотя постъ редактора „Нивы“ представлялъ большіе матеріальныя выгоды, отказался отъ редакторства и вновь занялся исключительно „каторжнымъ“ трудомъ рядового писателя...

Много-много пережилъ Стахѣевъ невзгодъ на своемъ вѣку, но онъ всегда съ какою-то твердою вѣрою смотрѣлъ въ будущее и былъ увѣренъ, что для него еще настанутъ „лучшіе дни“. Въ матеріальномъ отношеніи это и оправдалось: на склонѣ лѣтъ, уже старикомъ, онъ получилъ большое наслѣдство, которое позволило ему жить безъ заботъ и... не думать о томъ, „на какія шиши я завтра съ семьей буду обѣдать“.

„Мы какъ-то разъ условились съ Мавріемъ Осиповичемъ, что на старости лѣтъ поселимся гдѣ-нибудь въ глуши и будемъ вмѣстѣ отдыхать отъ жизни. Но Мавріи Осиповичъ измѣнилъ мнѣ и отправился къ праотцамъ, не дождавшись меня. Это единственный извѣстный мнѣ случай, когда онъ не сдержалъ слова“, — разсказывалъ Стахѣевъ вскорѣ послѣ смерти Вольфа, прибавляя: „хорошій, справедливый былъ человѣкъ... Кромѣ хорошаго, ничего про него сказать не могу... Я съ нимъ былъ знакомъ долгое время и столкновеній и недоразумѣній у меня съ нимъ никогда не было“...

ПЛОХІЕ ПОКУПАТЕЛИ КНИГЪ.

— Мы, книгопродавцы, подраздѣляемъ людей на двѣ категоріи: „хорошихъ покупателей книгъ“ и „плохихъ покупателей книгъ“. Хорошіе — это тѣ, которые много покупаютъ, и плохіе — которые скупятся на книги.

Такъ говорилъ жившій во второй половинѣ прошлаго вѣка въ Петербургѣ книгопродавецъ Лисенковъ, одинъ изъ забытыхъ теперь оригинальнѣйшихъ представителей „книжнаго царства“.

У Лисенкова была въ Гостиномъ Дворѣ, наверху, небольшая лавочка, куда заходили большею частью любители старыхъ, рѣдкихъ книгъ. Лисенковъ тщательно велъ списокъ своимъ покупателямъ и... ставилъ имъ отмѣтки. „Хорошимъ покупателямъ“ онъ ставилъ пятерки; тѣмъ, которые только заходили въ его лавку, смотрѣли, но не покупали или мало покупали, ставилъ двойки, единицы и нули.

Въ числѣ покупателей съ дурными отмѣтками видное мѣсто занимали... писатели. Лисенковъ считалъ ихъ очень „плохими покупателями“.

Но не одинъ только Лисенковъ давалъ такую „аттестацію“ писателямъ.

Съ удивительною откровенностью сознается напр. Гончаровъ, что для него „не было въ жизни ничего гнуснѣе, какъ платить за книгу“.

Эти слова буквально взяты изъ письма Гончарова къ издателю „Голоса“ Краевскому отъ 28 декабря 1868 г. *). Они отнюдь не брошены случайно, не составляютъ того, что французы называютъ „façon de parler“: нѣтъ Гончаровъ былъ убѣжденнымъ врагомъ покупки книгъ. Въ моихъ воспоминаніяхъ о Гончаровѣ, много лѣтъ назадъ, еще при жизни автора „Обломова“, печатавшихся въ „Нови“, я разсказывалъ, какъ Гончаровъ заходилъ въ книжный магазинъ М. О. Вольфа и бралъ французскіе романы для прочтенія. Маврикій Вольфъ, зная слабость Гончарова и его скупость, охотно шелъ навстрѣчу творцу „Обломова“ и давалъ ему всѣ французскія беллетристическія новинки.

Фактъ этотъ подтвержденъ по случаю столѣтія со дня рожденія Гончарова въ статьѣ „И. А. Гончаровъ въ анекдотѣ“ **).

„Какъ-то случилось,—говорится въ этой статьѣ,—что онъ (Гончаровъ) взялъ въ книжномъ магазинѣ Вольфа, гдѣ былъ частымъ посѣтителемъ, для чтенія нужную книжку. Потомъ это освятилось и стало традиціей. Отвѣчая любезностью за предоставленіе безплатно для чтенія любимыхъ книгъ, онъ, принося книгу, подробно разсказывалъ ея содержаніе старику Вольфу. Это тоже стало традиціей, небезполезной и для послѣдняго, такъ какъ онъ, тоже безплатно и не читая, становился въ курсъ своего товара и могъ его съ чистой совѣстью и компетентностью рекомендовать своимъ посѣтителямъ“.

Но Гончаровъ никогда не оставлялъ у себя взятыхъ

*) А. А. Мазонъ. Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. «Русская Старина» 1912 г. VI.

**) И. А. Гончаровъ въ анекдотѣ. «Бирж. Вѣд.» 1912. 5. VI.

книгъ, не „зажиливалъ“ ихъ, какъ говорится, и возвращалъ въ полной сохранности, разрѣзывалъ осторожно, обращался съ ними необычайно бережно.

Русской беллетристики Гончаровъ не читалъ, находя, что все, что пишется,—(это было въ восьмидесятыхъ годахъ)—„пустая болтовня“. Вольфу нерѣдко стоило много труда уговорить Гончарова прочесть какую-нибудь русскую беллетристическую новинку.

Личная библіотека Гончарова состояла изъ очень немногихъ книгъ, преимущественно „подношеній“ авторовъ, и классиковъ, среди которыхъ первое мѣсто занималъ излюбленный авторомъ „Обломова“ Грибоѣдовъ: старый, зачитанный экземпляръ сочиненій творца „Горе отъ ума“ лежалъ у Гончарова всегда на столѣ. Но даже сочиненія Грибоѣдова не были куплены Гончаровымъ: ему поднесъ ихъ Краевскій въ нарядномъ переплетѣ, съ соотвѣтственною надписью.

Гончаровъ среди писателей — далеко не единственный врагъ покупки книгъ. Въ этомъ отношеніи записи въ торговыхъ книгахъ книжнаго магазина М. О. Вольфа являются цѣннымъ архивнымъ матеріаломъ: кромѣ Гончарова брали изъ вольфовскаго магазина книги многіе другіе, одни—прямо заявляя, что берутъ только для прочтенія, другіе же—взявъ ту или иную книгу будто бы съ тѣмъ, чтобы заплатить за нее „при случаѣ“, никогда не покрывали своего долга...

Откровенность Гончарова относительно „гнусности платить за книгу“ раздѣляли, между прочимъ, Сергѣй Атава и Минаевъ.

— Съ писатели брать деньги за книги — грѣшно, — говорилъ всегда, смѣясь, Атава.

У самого Атавы не только не было ничего, сколько-нибудь похожаго на библіотеку, но не было совершенно книгъ.

— Какъ это можно устраивать у себя на квартирѣ... кладбище!—восклицалъ Сергѣй Атава, увидавъ у кого-либо изъ знакомыхъ библіотеку.

По мнѣнію Атавы,—библіотека въ домѣ частнаго человѣка—это ничто иное, какъ книжное кладбище, а книги въ шкапахъ, это—покойники, „которымъ мѣсто въ землѣ". Публичную библіотеку Атава называлъ то покойницкою, то кладбищемъ книгъ.

— Что же, у васъ-то, значитъ, совсѣмъ нѣтъ книгъ?—спрашивали Атаву.

— Есть десятокъ живыхъ друзей и десятокъ живыхъ учителей, въ видѣ тѣхъ книгъ, которыя я постоянно читаю или къ которымъ постоянно обращаюсь за справками. Всѣ же остальныя я, по прочтеніи, немедленно отправляю въ... покойницкую.

— Развѣ на частной квартирѣ порядочнаго сапожника валяются сапоги или въ квартирѣ аптекаря—развѣ стоятъ банки съ лекарствами!—отвѣчалъ Минаевъ, когда его посѣтители удивлялись полному отсутствію у него книгъ.

И прибавлялъ:

— То, что я нахожу заслуживающимъ вниманія изъ прочитаннаго, я сохраняю въ памяти, а хлама у себя не держу. Я не Скабичевскій, который, какъ старьевщикъ, все хранитъ на полкахъ...

О Писемскомъ извѣстно, что отъ времени до времени онъ призывалъ къ себѣ букинистовъ и продавалъ всѣ книги, даже... съ собственноручными надписями авторовъ.

Въ Петербургѣ упомянутый выше книгопродавецъ Лисенковъ славился, какъ скупщикъ подобныхъ книгъ съ надписями-посвященіями, которыя онъ продавалъ затѣмъ за высокую, сравнительно, цѣну любителямъ. И у Лисенкова всегда можно было найти десятки книгъ съ автографами, авторовъ, — книгъ купленныхъ у тогдашнихъ писателей, часто даже не разрѣзанныхъ.

Конечно, не всѣ писатели такъ равнодушно относились къ книгамъ. Бывали и исключенія. Такъ, напр., прекрасная, тщательно подобранная, хотя и небольшая, библіотека была у Лѣскова. Вообще Лѣсковъ много тратилъ на книги, былъ постояннымъ посѣтителемъ лавокъ букинистовъ и очень гордился своими книгами, среди которыхъ встрѣчались многія рѣдкія. Лѣсковъ берегъ свои книги и никакими просьбами не удавалось „уломать“ его дать кому-либо книгу изъ его библіотеки для прочтенія.

— Книга, что жена: ее нельзя давать на подержаніе даже лучшему другу,—отвѣчалъ всегда Лѣсковъ тѣмъ, кто хотѣлъ „одолжить“ у него какое-нибудь „сокровище“ изъ его библіотеки.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ПОГОДЫ.

Въ 1879 году пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Москвы А. А. Гатцукъ, издатель очень популярнаго „Крестнаго календаря“ и еженедѣльной „Газеты Гатцука“.

Календарь Гатцука пользовался въ то время огромнымъ успѣхомъ. Одною изъ особенностей этого календаря и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главною причиною его успѣха были предсказанія погоды на цѣлый годъ. Изъ-за этихъ предсказаній календарь особенно раскупался помѣщиками и сельскими хозяевами, ожидавшими появленія календаря съ нетерпѣніемъ. Книжный магазинъ М. О. Вольфа выписывалъ „Календаръ Гатцука“ всегда цѣлыми сотнями. Объявленіе о выходѣ календаря привлекало массу покупателей, такъ что обыкновенно въ первые дни по выходѣ календаря не хватало доставленныхъ экземпляровъ для удовлетворенія заблаговременно присланныхъ изъ провинцій заказовъ.

Свой календарь Гатцукъ началъ издавать въ 1875 году, и первые годы помѣщаемыя въ немъ предсказанія погоды оказывались, дѣйствительно, очень удачными. Но уже въ 1877 году покупатели календаря стали жаловаться, что предсказанія Гатцука не оправдываются.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Гатцукъ зашелъ въ книжный магазинъ Вольфа, гдѣ какъ разъ засталъ въ сборѣ цѣлый кружокъ литераторовъ.

Послѣ продолжительной бесѣды въ этомъ кружкѣ, Гатцукъ обратился къ Вольфу съ просьбою указать ему сочиненія, въ которыхъ онъ могъ бы найти для своего календаря „нить къ составленію метеорологическихъ предсказаній“, т.-е. предсказаній погоды.

Тутъ въ разговоръ вмѣшался С. В. Максимовъ.

— Я знаю одного старика-помѣщика близъ Луги, который удивительно вѣрно предсказываетъ погоду,—разсказывалъ Максимовъ.—На чемъ онъ основываетъ свои предсказанія,—не знаю. Кажется, это его тайна, но что предсказанія его вѣрны и точны,—это мнѣ достовѣрно извѣстно. И всѣ помѣщики-сосѣди постоянно справляются о погодѣ у этого доморощеннаго метеоролога, при чемъ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что онъ просто магъ и волшебникъ въ отношеніи вѣрности угадыванія погоды. Я самъ даже убѣдился въ этомъ: разсказалъ я моему помѣщику, что собираюсь въ концѣ іюня (разговоръ былъ въ декабрѣ) въ путешествіе по Волгѣ; онъ заглянулъ въ какую-то книжку и говоритъ: „отложите ваше путешествіе на три недѣли; въ іюнѣ по Волгѣ пойдутъ повсемѣстно дожди“. И—представьте себѣ! — его предсказаніе оказалось удивительно точнымъ!

Гатцукъ записалъ фамилію и адресъ помѣщика-метеоролога.

Спустя нѣсколько дней Гатцукъ опять былъ въ магазинѣ Вольфа, гдѣ въ обычные часы „литературнаго сборища“ засталъ Гончарова, Лѣскова, Плещеева, Вейнберга, Максимова и другихъ писателей.

— Побывалъ я въ Лугѣ у вашего метеоролога,—обратился Гатцукъ къ Максимову.

— И что же?

— Уѣхалъ отъ него красный, какъ ракъ, — наивно отвѣтилъ Гатцукъ.

— Ну-ка, ну-ка, разскажите.

— Пріѣзжаю я къ нему и, не выдавая, кто я, представился въ качествѣ капиталиста, который желаетъ купить имѣнье по сосѣдству. Помѣщикъ принялъ меня очень любезно, пригласилъ къ завтраку, угостилъ. Я предупредительно захватилъ съ собою нѣсколько бутылокъ венгерскаго подъ предлогомъ, что всегда вожу съ собою это вино и, въ свою очередь, угостилъ имъ помѣщика, чтобы, такъ сказать, развязать ему языкъ. И вотъ за завтракомъ я осторожно началъ выспрашивать у него, какимъ образомъ онъ такъ вѣрно предсказываетъ погоду.

— Ахъ, это очень просто, — отвѣчаетъ мнѣ мой собесѣдникъ. — Знаете календарь Гатцука, издаваемый въ Москвѣ?

— Знаю, какъ же не знать! Но вѣдь всѣ жалуются, будто этотъ календарь вводитъ ихъ въ заблужденіе и невѣрно предсказываетъ погоду,—отвѣчаю я.

— Да, именно,—смѣясь замѣчаетъ мой собесѣдникъ.— Но,—прибавилъ онъ,—это потому, что они не знаютъ, какъ надо обращаться съ гатцуковскими предсказаніями.

— Какъ такъ?—недоумѣваю я.

— Очень просто: я внимательно слѣжу за гатцуковскими предсказаніями и когда у него сказано „хорошая погода“, тотчасъ рѣшаю, будетъ дождь; когда у Гатцука сказано „холодно и морозъ“,—я говорю: „тепло, оттепель“ и т. д., и т. д. Словомъ, все наоборотъ. И представьте себѣ, уже третій годъ, какъ мои предсказанія оказываются вѣрными!..

— Послѣ этого,—заключилъ Гатцукъ,—мнѣ ничего не оставалось, какъ... пожалѣть денегъ, потраченныхъ на поѣздку и на венгерское вино... И я опять къ вамъ, Маврикій Осиповичъ, помогите мнѣ разыскать такія сочине-

нія, по которымъ я могъ бы поддержать славу моего календаря, какъ предсказателя погоды.

Вольфъ снабдилъ Гатцука двумя имѣвшимися у него на складѣ старинными нѣмецкими книжками о предсказаніи погоды, обѣщавъ выписать изъ-за границы еще другія.

Но, очевидно, и эти книги не помогли бѣдному издателю календаря: лужскій помѣщикъ попрежнему продолжалъ пользоваться славою болѣе вѣрнаго предсказывателя погоды, нежели Гатцукъ...

БАЗУНОВСКОЕ НАСЛѢДСТВО.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ большую сенсацію въ петербургскомъ книжномъ и литературномъ мірѣ произвело банкротство книгопродавца и издателя А. Ф. Базунова, имѣвшаго очень усердно посѣщаемый публикою книжный магазинъ въ самомъ центрѣ Невскаго проспекта, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной.

Базуновъ принадлежалъ къ старинной книгопродавческой семьѣ, основавшей свое дѣло въ Москвѣ въ 1810 году, одинъ изъ представителей которой, Ѳедоръ Базуновъ, открылъ въ 1835 году торговлю въ Петербургѣ и повелъ блестяще дѣло, оставивъ сыну въ наслѣдство значительный капиталъ и крупную фирму, съ обширнымъ кругомъ постоянныхъ покупателей. Но наслѣдникъ не хотѣлъ ограничиться одною только ролью книгопродавца и въ концѣ шестидесятыхъ годовъ рѣшилъ присоединить къ книжной своей торговлѣ широко задуманное издательство преимущественно или даже почти исключительно беллетристическаго характера. И вотъ онъ начинаетъ усердно скупать у тогдашнихъ авторовъ ихъ произведенія съ цѣлью выпуска ихъ отдѣльными книгами, затѣваетъ многотомную библіотеку русскихъ романовъ и т. д. Располагая крупными средствами, онъ пла-

титъ всѣмъ авторамъ наличными и, хотя платитъ сравнительно ничтожные гонорары, привлекаетъ къ себѣ всѣхъ, начиная съ Достоевскаго и Успенскаго и кончая Авсѣенко и Буренинымъ.

Затѣя эта казалась многимъ блестящей. Предполагали, что Базуновъ на изданіи произведеній русскихъ беллетристовъ наживетъ состояніе. Но болѣе опытные книжники отнеслись съ недовѣріемъ и сомнѣніемъ къ издательскимъ предпріятіямъ Базунова. Успѣхъ отдѣльныхъ романовъ, изданныхъ Базуновымъ, какъ напр. „Записокъ изъ мертваго дома“ Достоевскаго, выпущенныхъ въ 1862 году, или „Марева“ Клюшникова (1865 г.) не убѣдилъ осторожныхъ пессимистовъ въ прочности базуновской затѣи. И дѣйствительно, въ началѣ семидесятыхъ годовъ дѣло Базунова пошатнулось, онъ не только ухлопалъ въ свои изданія весь капиталъ, но и задолжалъ бумажнымъ фабрикантамъ, типографіямъ и отдѣльнымъ лицамъ крупныя суммы и былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. Надѣясь выручить хоть кое-что, кредиторы рѣшили ликвидировать дѣло Базунова и объявили аукціонъ какъ на наличный товаръ, такъ и на права на изданіе. Но—увы! Не нашлось никого, кто согласился бы заплатить сколько-нибудь сносную сумму за базуновское дѣло. Въ концѣ концовъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ аукціоновъ, весь базуновскій товаръ и всѣ его литературныя права перешли къ М. О. Вольфу, долго отказывавшемуся отъ пріобрѣтенія этого, какъ онъ называлъ, „базуновскаго наслѣдства“.

Вырученная отъ продажи сумма не покрыла даже приблизительно громадныхъ обязательствъ фирмы Базунова, а самъ Базуновъ, оставшійся безъ всякихъ средствъ къ существованію, вынужденъ былъ принять скромное мѣсто приказчика на жалованье 90 руб. въ мѣсяцъ у книгопродавца Плотникова въ Гостиномъ дворѣ...

При ликвидаціи базуновскаго дѣла пострадали сильно и нѣкоторые писатели, которымъ онъ не уплатилъ сполна гонорара, особенно П. И. Вейнбергъ, издававшій у Базунова сочиненія Гейне и Гете въ переводахъ русскихъ писателей.

Такъ кончилась затѣя Базунова—человѣка безспорно дѣльнаго, энергичнаго, который хотѣлъ оживить русское издательство, изданіемъ же „Каталога русскихъ книгъ“, составленнаго Межовымъ, положилъ безспорную заслугу на поприщѣ русской библіографіи.

Вмѣстѣ съ наличнымъ товаромъ Базунова, къ Вольфу, по опредѣленію суда, перешли и всѣ условія Базунова съ литераторами. Условія эти представляютъ собою весьма цѣнный матеріалъ для исторіи литературнаго гонорара въ Россіи и показываютъ, что большинство русскихъ писателей въ семидесятыхъ годахъ м. с. должны были довольствоваться болѣе чѣмъ скромнымъ гонораромъ. Такъ, напр., изъ расписки Глѣба Успенскаго отъ 16 апрѣля 1876 года видно, что авторъ „Разоренья“ получалъ съ Базунова по 8 рублей съ печатнаго журнальнаго листа. П. Д. Боборыкинъ получалъ по 15 рублей за листъ „Русскаго Вѣстника“. В. П. Буренинъ, писавшій прежде подъ псевдонимомъ „Маститый беллетристъ“, получалъ по 10 руб. за двойной печатный листъ, что составило за весь сборникъ разсказовъ 100 рублей (расписка отъ 13 сентября 1873 года).

Болѣе крупнаго гонорара удостоился почему-то В. Г. Авсѣенко: за романъ „Изъ-за благъ земныхъ“ Базуновъ въ 1873 году заплатилъ ему по 30 рублей съ печатнаго листа „Русскаго Вѣстника“. Такой же гонораръ былъ заплаченъ Авсѣенко и за повѣсти: „Окольнымъ путемъ“ и „Въ морѣ житейскомъ“.

Н. Успенскій получилъ отъ Базунова за цѣлый сборникъ разсказовъ двадцать пять руб., „изъ коихъ 15 руб.

сейчасъ, остальные по напечатаніи книжки" (расписка на продажу разсказовъ „Тесть и зять", „Межедворовъ", „Капитанъ Игнатьевъ" и „Сліяніе").

А. Милюковъ за очерки „Доброе старое время" получилъ гонораръ 10 рублей сер. за двойной листъ и 25 авторскихъ экземпляровъ; П. Засодимскій за „Грѣшницу" и „Волчиху" получилъ за листъ 8 руб. сер.; на такихъ же условіяхъ продалъ онъ „Темныя силы" и „Старый домъ". Такую же плату за листъ формата „Отечественныхъ записокъ" получилъ талантливый авторъ „Николая Негорева", Ив. Крущевскій, при чемъ вдобавокъ, этотъ гонораръ выданъ былъ ему не сразу, но по частямъ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (расписка отъ 26 мая 1871 года).

Н. С. Лѣскову Базуновымъ за право печатанія отдѣльными изданіями „Захудалаго рода", „Запечатлѣннаго ангела" и др. произведеній въ количествѣ 2.000 экз. было уплачено по 30 руб. за печатный листъ, считая листъ шестнадцать страницъ „Русскаго Вѣстника".

Все это—гонорары за право изданія отдѣльныхъ книгъ въ серіи базуновской „Библіотеки современныхъ писателей", причемъ большинство авторовъ даже не считало нужнымъ указывать, какое число экземпляровъ они предоставляютъ печатать издателю (Базуновъ выпускалъ отдѣльные томы своей библіотеки то 2.000, то въ 3.000 экземпляровъ).

Независимо отъ „Библіотеки современныхъ писателей", Базуновъ издавалъ еще отдѣльно большіе романы. Изъ сохранившихся документовъ, касающихся этихъ изданій, видно, что Всеволодъ Крестовскій за свои романы „Петербургскія трущобы" и „Панургово стадо" (или „Кровавый пуфъ"), пользовавшіеся сравнительно значительнымъ успѣхомъ, получилъ отъ Базунова за право изданія въ количествѣ 3.000 экземпляровъ 3.000 руб.;

за „Дѣдовъ“ тотъ же авторъ получилъ 1.000 руб. сер.; С. Смирнова за романъ „Попечитель учебнаго округа“ (напечатанный предварительно въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1873 году) получила отъ Базунова 300 рублей сер.

Казалось бы, что при такихъ скромныхъ гонорарахъ, какіе платилъ Базуновъ, онъ неминуемо долженъ бы нажиться. Между тѣмъ, оказывается, что несмотря на громкія имена авторовъ, большинство беллетристическихъ произведеній, изданныхъ Базуновымъ, не окупили расходовъ и, во всякомъ случаѣ, не разошлись въ ожидаемомъ количествѣ. Достаточно сказать, что для помѣщенія доставшагося Вольфу „базуновскаго наслѣдства“, состоящаго изъ не распроданныхъ романовъ и повѣстей пришлось нанять цѣлую кладовую.

Наиболѣе интереснымъ „нумеромъ“ въ базуновскомъ наслѣдствѣ былъ документъ относительно продажи Достоевскимъ Базунову права на изданіе романа „Вѣчный мужъ“. Документъ этотъ, собственноручно написанный Достоевскимъ, гласилъ:

„1871 года, ноября 25 дня, продалъ я Александру Ѳедоровичу Базунову мой романъ „Вѣчный мужъ“ для напечатанія въ числѣ 2.000 экземпляровъ въ изданіи А. Ѳ. Базунова „Библіотека современныхъ писателей“, при чемъ половину всей суммы, семьдесятъ пять рублей, получилъ теперь же, 25 ноября, а остальную половину (75 руб.) получаю по договору 30 сего ноября 1871. Ѳедоръ Достоевскій“.

Необходимо замѣтить, что объемъ романа „Вѣчный мужъ“ около 13 печатныхъ листовъ, такъ что, разложивъ полученный Достоевскимъ гонораръ полистно, получится, что знаменитый писатель получалъ всего немного больше 10 руб. за листъ! Очевидно, Достоевскому не удалось найти другого издателя на свою повѣсть. А между тѣмъ самъ Достоевскій, какъ показываютъ сохранившіяся и опубликованныя его письма, придавалъ этому роману большое

значеніе и, посылая его для первоначальнаго печатанія въ „Зарѣ“, разсчитывалъ на его успѣхъ, надѣялся, что онъ обратитъ на себя вниманіе. Въ литературныхъ кружкахъ, со словъ лицъ, познакомившихся съ содержаніемъ „Вѣчнаго мужа“, передавали, что новый романъ Достоевскаго явится крупнымъ событіемъ, произведетъ сенсацію. А Авсѣенко въ декабрѣ 1869 года писалъ Писемскому: „На дняхъ въ редакціи „Зари“ было великое торжество: получена для январской книжки повѣсть Достоевскаго „Вѣчный мужъ“. Вопреки однако ожиданіямъ Достоевскаго и надеждамъ его поклонниковъ, въ „Зарѣ“ новый романъ не обратилъ вниманія. Во всякомъ случаѣ, публика отнеслась къ „Вѣчному мужу“ болѣе чѣмъ равнодушно, и романъ въ отдѣльномъ изданіи успѣха не имѣлъ: разошлось всего нѣсколько сотъ экземпляровъ, остальные же перешли, вмѣстѣ съ базуновскимъ наслѣдствомъ, къ Вольфу. По мнѣнію одного изъ критиковъ, причина провала „Вѣчнаго мужа“ объясняется тѣмъ, что въ этомъ романѣ нѣтъ, будто бы, ни одной изъ тѣхъ характерныхъ психологическихъ чертъ, которыя составили литературный обликъ творчества автора „Преступленія и наказанія“ и которыя создали ему всемірную славу. Многіе, однако, не раздѣляютъ этого мнѣнія критики. Такъ Кирпичниковъ находитъ, что „Вѣчный мужъ“—одинъ изъ лучшихъ романовъ Достоевскаго по оригинальности идеи и характера, ее отражающаго. Публика не оцѣнила его по достоинству.

„Ликвидировать“ наслѣдство Базунова, состоявшее изъ „застрявшихъ въ продажѣ“ беллетристическихъ произведеній, было дѣломъ не легкимъ. Несмотря на всѣ мѣры, принятыя Вольфомъ, разсылку спеціальныхъ каталоговъ, публикаціи и пр. — большинство доставшихся ему отъ Базунова произведеній русской беллетристики такъ и не разошлось въ продажѣ. И лишь пожаръ, бывшій въ

складахъ т-ва М. О. Вольфъ въ 1900 году, уничтожилъ значительную часть тѣхъ книгъ, на изданіи которыхъ Базуновъ разорился.

„Б. Д.“.

Въ „Мавpикіевой каморкѣ“, въ томъ крошечномъ кабинетѣ при книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа въ Гостиномъ Дворѣ, гдѣ въ семидесятыхъ годахъ собирались литераторы и гдѣ въ то время было сосредоточено все управленіе издательскими предпріятіями Вольфа, среди цѣлаго ряда ящиковъ, разставленныхъ по полкамъ, особенно выдѣлялся одинъ, отмѣченный двумя буквами: „ Б. Д.“

Эти странныя, загадочныя двѣ буквы вызывали нерѣдко остроты и запросы среди новыхъ посѣтителей „Мавpикіевой каморки“, тщетно ломавшихъ головы надъ разрѣшеніемъ ихъ значенія.

Какъ-то разъ къ М. О. Вольфу зашелъ Л. Е. Оболенскій съ просьбою Вольфа дать ему въ долгъ 200 руб., въ которыхъ Оболенскій, какъ онъ заявилъ, нуждался „до зарѣзу“.

— Я уже расписку приготовилъ,—говорилъ Оболенскій, — и въ случаѣ, если я не верну эту сумму черезъ десять дней, вы можете подать ее ко взысканію.

Вольфъ сначала было отнѣкивался, но затѣмъ выдалъ Оболенскому требуемую сумму, а расписку положилъ въ ящикъ съ загадочными буквами: „Б. Д.“

— Что это вы, Маврикій Осиповичъ, кладете мою расписку въ „Б. Д.“? — обиженнымъ тономъ спросилъ Оболенскій.—Кстати, какое значеніе имѣетъ эта странная загадочная надпись на ящикѣ?

Вольфъ, смѣясь, отвѣтилъ:

— Въ этихъ двухъ буквахъ нѣтъ ничего загадочнаго: „Б. Д.“ означаетъ „Безнадежные должники“, т.-е. такіе должники, на возвращеніе отъ которыхъ слѣдуемыхъ мнѣ денегъ я не разсчитываю. Какъ видите, въ этомъ ящикѣ много расписокъ и векселей. Все это, почти исключительно, расписки и векселя писателей, бравшихъ у меня либо деньги въ долгъ, либо авансы, и твердо увѣрявшихъ, что возвратятъ къ сроку свой долгъ или доставятъ обѣщанную работу, но, конечно, не исполнившихъ своихъ обѣщаній... Къ взысканію я никогда подобнаго рода расписокъ не подавалъ и съ подобными должниками не судился: съ писателями не судятся. Я складывалъ лишь расписки въ этотъ ящикъ „безнадежныхъ должниковъ“.

Распискѣ Оболенскаго, впрочемъ, долго въ ящикѣ „Б. Д.“ лежать не пришлось: онъ вернулъ къ сроку взятые двѣсти рублей и... не увеличилъ архива автографовъ Вольфа своею распискою.

Но такихъ, какъ Оболенскій, было немного. Большинство тѣхъ писателей, которыхъ Вольфъ выручалъ иногда въ тяжелую минуту, становились неисправимыми должниками, иные въ расчетѣ, что „богатый издатель“, охраняя свою репутацію, не потребуетъ возвращенія данной имъ въ долгъ суммы.

Какъ-то разъ одинъ газетный репортеръ обратился къ Вольфу съ просьбою „одолжить“ ему сто рублей. Вольфъ отказалъ.

— Почему вы другимъ даете, а Х-у не хотите? — спросилъ Вольфа одинъ изъ писателей.

— Потому что Х. принадлежитъ къ числу тѣхъ,

которые въ долгъ берутъ и мало того, что долга не возвращаютъ, но еще потомъ ругаютъ меня въ печати и стараются мнѣ напакостить,—отвѣчалъ Вольфъ. — Такіе случаи въ моей практикѣ уже бывали...

Маврикія Вольфа нерѣдко упрекали въ томъ, что онъ скупой, что онъ не принимаетъ участія въ благотворительныхъ дѣлахъ, не жертвуетъ ничего на благотворительныя цѣли.

„Благотворительному акробатству“ Вольфъ, дѣйствительно былъ, чуждъ, и его имя никогда не фигурировало въ спискахъ жертвователей на столбцахъ газетъ. Но сохранившіеся въ печатныхъ воспоминаніяхъ факты свидѣтельствуютъ, что Вольфъ не разъ помогалъ бѣднымъ труженикамъ, въ особенности бѣднымъ писателямъ, не разъ выручалъ изъ нужды того или другого изъ литераторовъ, но дѣлалъ онъ это, обыкновенно, не гласно, безъ шума. безъ газетной огласки, такъ что кромѣ него самого, да того кто получалъ пособіе или подаяніе, никто объ этомъ и не зналъ.

Помогалъ Вольфъ писателямъ и деньгами и доставленіемъ заработка. Случалось, придетъ какой-нибудь обѣднѣвшій, нуждающійся литераторъ, совершенно незнакомый Вольфу, и начнетъ просить, по обыкновенію, „въ долгъ, на нѣсколько дней“ ту или другую сумму, а Вольфъ ему въ отвѣтъ:

— Въ долгъ я вамъ не дамъ. Но если хотите заработать себѣ эту сумму — милости просимъ. Вотъ вамъ работа.

И онъ давалъ просителю либо какую-нибудь рукопись для просмотра и исправленія, либо заказывалъ переводъ и т. п.

Вотъ одинъ изъ подобныхъ фактовъ, разсказанный извѣстнымъ публицистомъ М. Л. Песковскимъ („Новости“ 1883. № 53).

„Въ 60-хъ годахъ, во время моего студенчества, надо мною нежданно-негаданно стряслась бѣда. Безъ всякой съ моей стороны вины и помимо университетскаго начальства, я былъ лишенъ стипендіи. Это случилось среди лѣта, когда я мирно работалъ въ университетскихъ кабинетахъ, для чего и остался на лѣто въ Петербургѣ. Работы никакой. Университетское начальство также отказало въ пособіи, потому что фактъ лишенія стипендіи устранялъ и возможность полученія пособія. Наконецъ, товарищи и знакомые повыѣхали изъ города, и мнѣ рѣшительно не къ кому было обратиться за помощью. Пробовалъ обратиться къ ручному труду,—не принимаютъ.

— Проваливай!—со смѣхомъ отвѣчали мнѣ чернорабочіе вездѣ, гдѣ я пробовалъ становиться въ ихъ ряды:—ишь ты, сюртучникъ-бѣлоручка!.. И своихъ у насъ много!.. Го-го-го!.. Ха-ха-ха!., и т. д.

Я дошелъ до крайней нищеты. Продалъ все, что только можно было продать, не исключая и книгъ. Я имѣлъ полное право сказать о себѣ: „Omnia mea mecum porto“. На придачу къ этому, случилось по недѣлѣ не ѣсть горячаго, а въ довершеніе всѣхъ бѣдъ—я лишился и квартиры. Проходя, однажды, по улицѣ, я замѣтилъ на одномъ углу объявленіе, относившееся къ издательской фирмѣ „Вольфа“. Я отправился къ нему въ магазинъ и попросилъ у него работы.

— А что вы можете дѣлать?—спросилъ онъ меня.

— Что угодно, начиная съ корректуры и переводовъ и кончая растираніемъ типографской краски и верченіемъ машиннаго колеса.

— Ну, такъ, значитъ, для васъ найдется работа. А можете вы подготовить къ печати вотъ эту рукопись?

И онъ подалъ мнѣ рукопись перевода съ нѣмецкаго одной дѣтской книги, которая и до сихъ поръ имѣется въ обращеніи.

Работа оказалась подходящею. Меня отвели въ особую комнатку, и я тутъ же принялся за работу съ лихорадочною торопливостью, забывъ даже о голодѣ. Сознаніе, что у меня есть работа, ободрило меня. Переводъ оказался плохимъ, требовалъ большихъ исправленій; несмотря на это, работа кипѣла. М. О. Вольфъ бралъ къ себѣ каждую вновь исправленную страничку и тщательно пересматривалъ ее. Часа черезъ два, онъ зашелъ ко мнѣ.

— Въ вашей работѣ есть толкъ. Продолжайте. Вечеромъ увидимся.

— Но я ѣсть хочу,—отвѣтилъ я.

— Сходите закусить.

— Чортъ возьми, да у меня денегъ нѣтъ ни копѣйки!—почти выкрикнулъ я, потому что во мнѣ проснулся мучительный голодъ.

— Ахъ, извините, пожалуйста!—засуетился М. О.;—вамъ сію минуту подадутъ!—и онъ чуть не бѣгомъ отправился распорядиться, чтобы меня покормили.

Къ вечеру обработка рукописи была окончена. М. О. разсчитался со мною очень щедро. Но мои сапоги истоптались; въ моемъ распоряженіи находилась единственная рубашка, такъ усердно запошенная, что трудно было опредѣлить ея цвѣтъ:—наконецъ, мнѣ нужно было разсчитаться за прежнюю квартиру и найти себѣ новый притонъ. Словомъ, полученной суммы было слишкомъ недостаточно для того, чтобы возстановить мое студенческое благосостояніе. Я разсказалъ ему все это и просилъ у него денегъ впередъ подъ работу. Я не скрылъ, что, прося денегъ, я хочу заручиться работой, потому что сознаніе безработицы убиваетъ нравственно.

— Ладно,—даю на честное слово студента. Но завтра будьте здѣсь въ семь часовъ утра. Работа будетъ.

Я получилъ ту сумму, которая мнѣ была нужна. Нужно замѣтить, что, давая мнѣ деньги, М. О. Вольфъ не зналъ даже моей фамиліи. Впопыхахъ я забылъ назвать свою фамилію, а онъ не спросилъ объ этомъ.

Запродавъ впередъ свой трудъ, я, тѣмъ не менѣе, получилъ такой хорошій гонораръ, что, проработавъ около полутора мѣсяца, я имѣлъ возможность прокатиться по Россіи, отъ Питера до Каспійскаго моря.

Это, впрочемъ, не единичный случай.

Сюда, между прочимъ, слѣдуетъ отнести слѣдующій фактъ:

Въ 1875 году обратился къ Вольфу совершенно незнакомый ему студентъ, который заявляя о крайней своей нуждѣ, просилъ какой-либо работы.

Вольфъ, по своему обыкновенію, прищуривъ глаза, внимательно посмотрѣлъ въ лицо студента и спросилъ:

— Иностранные языки знаете хорошо?

— Да, въ особенности, нѣмецкій и англійскій.

Вольфъ подумалъ, взялъ съ полки только что полученную изъ Лондона новую англійскую книгу Смайльса „Бережливость“ (Thrift) и, подавая ее студенту, сказалъ:

— Садитесь вотъ здѣсь, въ моемъ кабинетѣ, и переведите на пробу одну страницу.

Студентъ тотчасъ же принялся за работу и исполнилъ переводъ удивительно быстро. Работа его оказалась удовлетворительною, и Вольфъ, передавая студенту англійскій подлинникъ, сказалъ:

— Переведите эту книгу, это дастъ вамъ первый заработокъ.

Студентъ усердно принялся за работу, къ назначенному сроку представилъ переводъ и получилъ условленный гонораръ триста рублей.

Этотъ студентъ былъ Василій Ивановичъ Тимирязевъ, впослѣдствіи министръ торговли и промышленности, затѣмъ членъ Государственнаго Совѣта, а переводъ книги

Смайльса по заказу Вольфа (вышедшій въ 1876 году) былъ его первою литературною работою...

Упомянутый Песковскій передаетъ еще такой фактъ. Лицо, стоявшее во главѣ одного изъ періодическихъ изданій, подлежавшихъ закрытію, задолжало М. О. Вольфу довольно крупную сумму, — нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Издатель разорился. М. О. Вольфъ имѣлъ право воспользоваться его типографіею, чтобы возвратить, по крайней мѣрѣ, часть долга; но онъ просто уничтожилъ вексель и болѣе не думалъ объ этомъ долгѣ.

А вотъ еще случай—изъ жизни П. И. Вейнберга. Какъ-то разъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, этому извѣстному поэту-переводчику понадобилось „до зарѣза“ пятьсотъ рублей, а достать было не откуда. Онъ обратился къ М. О. Вольфу, при чемъ въ видѣ залога представилъ огромную связку своихъ переводовъ. Вольфъ отказался отъ пріема залога и, зная, хорошо Вейнберга, какъ человѣка честнаго и порядочнаго, хотѣлъ удовольствоваться простой распиской. Но Вейнбергъ настаивалъ на своемъ. Такъ связка рукописей Вейнберга и осталась у М. О. Вольфа, и онъ о ней забылъ. Вейнбергъ часто заходилъ потомъ къ Вольфу, но о долгѣ ничего не упоминалъ. Какъ-то разъ, спустя уже три года, Вольфъ, просматривая свой архивъ наткнулся на рукописи Вейнберга и... и безъ всякаго письма вернулъ ихъ поэту-переводчику. Вейнбергъ прислалъ въ отвѣтъ трогательное письмо, извинялся, что не оправдалъ довѣрія, ссылался на свое временно стѣсненное матеріальное положеніе и обѣщалъ при первой возможности покрыть долгъ. И, дѣйствительно, онъ сдержалъ слово безъ всякихъ напоминаній, но... уже послѣ смерти Маврикія Осиповича Вольфа.

Очень оригинальную расписку въ полученіи денегъ у Вольфа далъ Минаевъ. Вотъ что въ ней было сказано:

Симъ удостовѣряю: 1-е, что взялъ у М. О. Вольфа на личныя необходимыя надобности 100 руб., 2-е, что буду считать себя величайшимъ подлецомъ, если не верну этихъ денегъ наличными или работою въ двухмѣсячный срокъ. Д. Минаевъ.

Сотни изъ учащейся, служащей, литературной и, вообще, интеллигентной молодежи получали, въ тяжелую минуту невзгоды, помощь отъ М. О. Вольфа, а литературныя силы, по разнымъ обстоятельствамъ и условіямъ оставшіяся не у дѣла, очень часто находили сбытъ своему труду исключительно при помощи М. О. Вольфа. Онъ, какъ свидѣтельствуетъ Песковскій, былъ очень чутокъ къ нуждѣ литературнаго люда. Давая работу нуждающемуся, онъ заботливо думалъ о томъ, чтобы подыскать для него работу и на будущее время. „Я,—замѣчаетъ Песковскій,—имѣю право утверждать это, какъ свидѣтель этихъ заботъ. А когда у него не было подъ рукою подходящей работы, онъ давалъ авансы подъ будущіе, неопредѣленные еще, предполагаемые заработки, складывая расписки все въ тотъ же таинственный ящикъ: „Б. Д.“...

Незадолго передъ своей смертью, Маврикій Вольфъ рѣшилъ произвести точный инвентарь всѣхъ своихъ должниковъ. Когда очередь дошла до знаменитой коробки „Б. Д., заключавшей въ себѣ долговыя обязательства, онъ сказалъ своему бухгалтеру:

— Этихъ долговъ не вносите въ книги... Не хочу чтобы фамиліи моихъ неисправныхъ должниковъ фигурировали офиціально.

Уже послѣ смерти М. О. Вольфа наслѣдники, приводя въ порядокъ всѣ „долговыя обязательства“ кліентовъ его, подвели итогъ выдачъ по распискамъ, хранившимся въ ящикѣ „Б. Д.“ Сумма оказалась порядочная—свыше 11,000 руб. Нѣкоторыя расписки принадлежали виднымъ, зажиточнымъ сравнительно писателямъ, съ которыхъ легко можно было взыскать ихъ долгъ. Но наслѣдники сочли

своимъ долгомъ исполнить волю покойнаго—и расписки укрепили лишь богатый вольфовскій архивъ автографовъ писателей и ученыхъ...

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЗАПРЕЩЕННОЙ ДѢТСКОЙ КНИГИ.

ВСКОРѢ послѣ цареубійства 1 марта 1881 г. на постъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати былъ назначенъ бывшій предсѣдатель с.-петербургскаго комитета цензуры иностранной князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, историкъ и палеографъ, составитель книги „Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива“, авторъ изслѣдованій Слова о Полку Игоревѣ, о древнихъ книгохранилищахъ и мн. друг., основатель Общества любителей древней письменности, сынъ извѣстнаго поэта и критика кн. П. Вяземскаго.

Назначеніе это должно было свидѣтельствовать, что правительство Александра III отнюдь не намѣрено притѣснять печати — ибо князь П. П. Вяземскій считался однимъ изъ либераловъ, хотя и умѣренныхъ, и большимъ другомъ и покровителемъ печатнаго слова.

И дѣйствительно, въ первые же дни послѣ своего назначенія, новый начальникъ по дѣламъ печати, пригласивъ редакторовъ важнѣйшихъ періодическихъ изданій, а также крупныхъ книжныхъ издателей, обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой указалъ, что правительство,

признавая важное просвѣтительное значеніе печатнаго слова, будетъ всѣми силами поощрять „всѣ честныя стремленія печати“, преслѣдуя только „завѣдомыхъ враговъ отечества“. При этомъ князь прибавилъ, что двери его кабинета всегда открыты для редакторовъ и издателей, которымъ онъ готовъ служить совѣтами, указаніями и пр. „Задача печати, — повторялъ нѣсколько разъ князь въ своей рѣчи, — идти рука объ руку съ правительствомъ, которое имѣетъ въ виду благо родины, и онъ, князь, надѣется, что ему удастся установить желательный modus vivendi между главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати и самою печатью, въ лицѣ ея представителей. „Прошу васъ, господа, смотрѣть на меня,—закончилъ свою рѣчь князь,—не какъ на вашего врага, поставленнаго для того, чтобы васъ притѣснять, тормозить ваше дѣло, преслѣдовать, а какъ на вашего друга и защитника“.

И, въ самомъ дѣлѣ, въ первое время службы князя Вяземскаго на новомъ посту пошли, какъ тогда говорили, нѣкоторыя „послабленія“ въ цензурномъ отношеніи и, между прочимъ, безпрепятственно разрѣшались такія книги, которыя раньше не могли появиться въ свѣтъ. Постепенно однако цензура и главное управленіе по дѣламъ печати становились все строже и придирчивѣе, а съ назначеніемъ въ министры внутреннихъ дѣлъ въ 1882 г. графа Д. А. Толстого начались безконечныя притѣсненія, жертвою которыхъ сталъ прежде всего ненавистный Толстому „Голосъ“. Но князь Вяземскій открыто заявилъ, что это дѣлается вопреки его представленіямъ и безъ его участія.

Еще въ бытность предсѣдателемъ цензуры иностранной, князь часто посѣщалъ книжный магазинъ М. О. Вольфа, въ качествѣ одного изъ постоянныхъ кліентовъ. Онъ не переставалъ бывать у Вольфа, ставъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, и его типичная

грузная, полная аристократическая фигура, всегда съ моноклемъ въ глазу, часто фигурировала на фонѣ Вольфовскаго магазина. Очень охотно посѣщалъ Вяземскій и тѣ маленькія собранія литераторовъ, которыя бывали въ магазинѣ Вольфа *), и принималъ участіе въ бесѣдахъ, замѣтно ища сближенія съ литературнымъ міромъ.

Какъ-то разъ во время такого посѣщенія Вяземскій въ присутствіи литераторовъ развивалъ свою мысль, что цензура, какъ государственный институтъ, при разумномъ управленіи и умныхъ, развитыхъ цензорахъ — приноситъ не вредъ, а пользу писателямъ и издателямъ.

— Вступивъ въ управленіе печатью, я прежде всего потребовалъ отъ цензоровъ упраздненія всякихъ, такъ называемыхъ, „придирокъ“. Мнѣ часто приходилось слышать упрекъ: „цензура придирается“. Надѣюсь, что теперь этотъ упрекъ уже потерялъ raison d'être,..

— Ну, не совсѣмъ, князь, — замѣтилъ Вольфъ. — Вотъ еще недавно цензура запретила и наложила арестъ на одну изданную мною книжку для маленькихъ дѣтей. И что самое странное, эту же книжку я безпрепятственно продаю въ моемъ магазинѣ на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ языкахъ, ибо иностранною цензурою она разрѣшена, русская, т.-е. внутренняя цензура, ее запретила.

— Да не можетъ быть!—возразилъ Вяземскій.

Вольфъ тотчасъ же досталъ изъ ящика книгу, о которой онъ говорилъ и къ которой былъ приложенъ документъ: копія съ протокола инспектора по дѣламъ печати о ея арестѣ, послѣдовавшемъ по распоряженію цензора.

Заглавіе книжки: „Вечеръ у миссъ Рыжей-Шерстки“. Это была одна изъ цѣлой серіи англійскихъ книгъ большого формата, которая одновременно вышла въ Лондонѣ

*) См. стр. 32 настоящей книги.

въ англійскомъ подлинникѣ и въ Парижѣ, Берлинѣ, Стокгольмѣ и Флоренціи въ переводахъ на французскій, нѣмецкій, шведскій, итальянскій и др. языки, съ одними и тѣми же англійскими рисунками. Русское изданіе ея принялъ на себя Вольфъ. Книга, какъ и всѣ другія данной серіи, печаталась съ русскимъ текстомъ въ Лондонѣ и цензурою иностранною была безпрепятственно допущена къ обращенію въ Россіи. Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, на нее вдругъ, по приказанію комитета внутренней цензуры, былъ наложенъ арестъ и всѣ экземпляры, свыше 2000, лежали въ опечатанныхъ тюкахъ въ кладовыхъ Вольфа.

По своему содержанію книжка была самая безобидная. Въ ней разсказывалось, какъ кошка миссъ Рыжая-Шерстка устроила вечеръ, какъ она другихъ кошекъ и котовъ въ гости пригласила, какъ ихъ угощала, какъ одна изъ гостей пѣла и пр. Но... на одной картинкѣ котъ-гость Бурый былъ изображенъ въ формѣ англійскаго капитана морской службы съ орденомъ на груди. Это и послужило поводомъ къ запрещенію и аресту книги. Оказалось, что одинъ высокопоставленный морякъ, въ руки котораго случайно попала злополучная книга, усмотрѣлъ въ картинкѣ кошки, во-первыхъ, оскорбленіе представителя флота дружественной Россіи державы и, во-вторыхъ, пренебрежительное отношеніе къ орденскому знаку. И онъ написалъ письмо-доносъ министру внутреннихъ дѣлъ, который, въ свою очередь, препроводилъ письмо чрезъ главное управленіе по дѣламъ печати въ цензурный комитетъ, замѣтивъ при этомъ, что удивляется невнимательности цензуры.

Этого было достаточно, чтобы предпринять строгіе шаги: книжку арестовали, взявъ подписку съ Вольфа въ томъ, что онъ распространять ея не будетъ. Вольфъ пытался было отстоять изданіе, подалъ докладную записку, въ которой указывалъ, что книжка представляетъ собою точ-

ное воспроизведеніе англійскаго подлинника и что, разъ книга находится въ обращеніи въ Англіи и тамъ никто не поднимаетъ вопроса, что котъ въ морской англійской формѣ оскорбляетъ флотъ, то въ Россіи и подавно нѣтъ причины опасаться изъ-за этого кота... дипломатическаго конфликта. Что же касается ордена, то орденъ у кота тоже не русскій, а англійскій, и едва ли можно считать оскорбленіемъ это обстоятельство, разъ всѣ коты въ книжкѣ изображены въ человѣческихъ костюмахъ. Наконецъ, Вольфъ указывалъ, что англійское, французское и нѣмецкое изданія „Вечера у миссъ Рыжей-Шерстки“ въ Россіи иностранной цензурой дозволены и разъ въ этихъ изданіяхъ не усматривается ни оскорбленія дружественной державы, ни оскорбительнаго отношенія къ орденамъ, то странно усматривать „окорбленіе“ въ русскомъ изданіи.

Однако докладная записка осталась безъ результата, и „Вечеръ у миссъ Рыжей-Шерстки“, съ другою однороднаго характера дѣтской книжкой, подъ заглавіемъ „Жако и Жучка“, въ которой съ орденомъ изображенъ былъ красный какаду, попали въ число конфискованныхъ, запрещенныхъ книгъ.

Присутствовавшіе у Вольфа литераторы съ любопытствомъ и съ ехидными улыбками слушали чтеніе протокола и докладной записки, разсматривали „опасныя книжки“ и поглядывали на князя-начальника.

Князь Вяземскій, сначала было не повѣрившій факту, узнавъ всѣ подробности, тутъ же на протоколѣ сдѣлалъ надпись „Разрѣшаю выпустить въ продажу обѣ книжки. Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати князь Вяземскій“. Не довольствуясь этимъ, онъ на слѣдующій же день прислалъ одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ снять печати съ запрещенныхъ книжекъ. И обѣ книжки поступили въ общую продажу.

Прошло послѣ этого нѣсколько мѣсяцевъ. Въ одинъ

прекрасный день въ магазинъ Вольфа явился старшій инспекторъ по дѣламъ печати въ сопровожденіи полицейскаго пристава, чиновника особыхъ порученій при градоначальникѣ, двухъ городовыхъ и дворниковъ-понятыхъ. Явился, съ цѣлью отобрать упомянутыя книги и не двусмысленно предупреждая Вольфа, что онъ подвергнется административному взысканію за продажу запрещенныхъ произведеній печати и что даже возможно, что магазинъ Вольфа будетъ закрытъ административнымъ порядкомъ за распространеніе этихъ запрещенныхъ книгъ, такъ какъ высокопоставленное лицо, написавшее первое письмодоносъ, считаетъ себя оскорбленнымъ, что Вольфъ самовольно снялъ состоявшееся по требованію этого лица запрещеніе.

Къ счастью, Вольфъ хранилъ упомянутый протоколъ съ надписью князя Вяземскаго. Этимъ онъ, такъ сказать, спасся отъ полицейскихъ непріятностей.

Впослѣдствіи Вяземскій разсказывалъ, что ему пришлось лично объясняться съ министромъ по поводу злополучныхъ книжекъ, и онъ съ трудомъ лишь отстоялъ ихъ.

ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЕ КНИГОЛЮБЫ.

УНИВЕРСИТЕТЪ—ЗА КНИЖНЫМЪ ПРИЛАВКОМЪ.

Въ одной изъ своихъ многочисленныхъ эпиграммъ, печатавшихся въ семидесятыхъ годахъ въ газетѣ Полетики „Биржевыя Вѣдомости“, модный тогда фельетонистъ Минаевъ упоминаетъ о книжникѣ, „поставлявшемъ умъ и знаніе“ петербургской чиновничьей и родовитой аристократіи, и называетъ его „учителемъ и руководителемъ совѣтниковъ всѣхъ ранговъ“.

Этотъ книжникъ былъ Маврикій Осиповичъ Вольфъ.

Дѣйствительно, въ то время въ книжномъ магазинѣ Вольфа постоянно можно было встрѣтить представителей всего высшаго петербургскаго чиновничьяго и аристократическаго міра, покупавшихъ и читавшихъ только то, что рекомендовалъ имъ Вольфъ,—что и дало поводъ Минаеву назвать Вольфа въ другой эпиграммѣ „книгопродавцемъ аристократіи“.

Вся петербургская знать—начиная съ Шереметевыхъ, Нарышкиныхъ, Строгановыхъ, Шуваловыхъ и др.—была въ то время кліентомъ-покупателемъ Вольфа. А рядомъ съ этою знатью—многія лица, занимавшія высокіе государственные посты, министры, члены Государственнаго

Совѣта и другія лица, стяжавшія себѣ извѣстность на поприщѣ административномъ и общественномъ.

Многіе изъ этихъ высокопоставленныхъ кліентовъ М. О. Вольфа, являясь въ его магазинъ, не ограничивались покупкою книгъ, но и пускались въ бесѣды съ самимъ Маврикіемъ Осиповичемъ, часто очень продолжительныя и оживленныя.

Человѣкъ съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ, одаренный искрящимся умомъ и живой натурой, не столько образованный, сколько начитанный, Маврикій Вольфъ пользовался вполнѣ заслуженною репутаціею умѣлаго и интереснаго собесѣдника, тщательно слѣдящаго за литературою и всѣми ея проявленіями. И многіе „высокіе его покупатели“ охотно вступали въ бесѣду съ Вольфомъ, для того только чтобы запастись... необходимыми для разговоровъ въ обществѣ свѣдѣніями изъ области литературы.

Владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, который былъ въ такой модѣ среди высшаго петербургскаго общества, Вольфъ представлялъ собою до извѣстной степени типъ настоящаго французскаго coseur'а, и посѣтители буквально заслушивались разсказами Вольфа, когда онъ, будучи въ ударѣ, разсказывалъ что-нибудь. Но при этомъ Вольфъ никогда не забывалъ, что онъ— книгопродавецъ и что всѣ эти знатныя лица только приходятъ къ нему, какъ къ книгопродавцу. Поэтому, о чемъ бы ни заговорилъ онъ, всегда, въ концѣ концовъ, сворачивалъ разговоръ на книги и ловко и умѣло обращалъ вниманіе своихъ посѣтителей то на одно, то на другое сочиненіе и невольно заставлялъ ихъ покупать многія изъ такихъ сочиненій. Кліенты Вольфа не только не были въ претензіи, а, напротивъ, часто благодарили его за его указанія и удивлялись своеобразному его таланту, какъ продавца.

Бывало пріѣзжаетъ въ столицу изъ глухой провинціи какой-нибудь сановникъ и тотчасъ направляется къ Вольфу узнать, что читаетъ высшій свѣтъ столицы, чтобы быть au courant духовныхъ интересовъ этого свѣта, знать, о чемъ говорятъ въ обществѣ, не упасть лицомъ въ грязь, когда кто заговоритъ о какомъ-нибудь модномъ вопросѣ или модной книгѣ.

Вольфъ зналъ или старался по крайней мѣрѣ угадать, о чемъ говорить съ каждымъ изъ своихъ кліентовъ, т.-е. какими книгами его можно заинтересовать. Ему хорошо было извѣстно, кто изъ высокопоставленныхъ его покупателей интересуется оккультизмомъ, кто исторіею, кто медициною, кто сельскимъ хозяйствомъ и т. д.; онъ помнилъ, что такой-то и такой-то генералъ преимущественно любитъ уголовные романы, что другой питаетъ страсть къ поэзіи, третій—увлекается гомеопатіей и т. д., и всегда указывалъ этимъ лицамъ на новыя книги по интересовавшей ихъ отрасли.

Съ этой цѣлью Вольфу приходилось тщательно слѣдить за тѣмъ, что занимало высшія сферы, дабы заблаговременно запастись подходящими книгами.

Когда въ семидесятыхъ годахъ петербургскій высшій свѣтъ сталъ интересоваться усердно гомеопатіею—у Вольфа уже имѣлся большой запасъ французскихъ и нѣмецкихъ книгъ о наукѣ Ганнемана; когда затѣмъ стали увлекаться оккультизмомъ, Вольфъ могъ предложить своимъ кліентамъ цѣлый десятокъ книгъ по этой отрасли и т. д., и т. д. Постепенно сложилось убѣжденіе, что у „Вольфа все найдешь“. Бывали, однако, иногда случаи, когда и Вольфъ попадалъ въ затрудненіе. Такъ, напр., какая-нибудь важная, занимающая при дворѣ видное мѣсто, графиня Марія Андреевна заинтересуется мало извѣстнымъ французскимъ романомъ и начнетъ его расхваливать въ обществѣ,—къ Вольфу прибѣгаютъ десятки кліентовъ съ претензіею, что

онъ своевременно не обратилъ ихъ вниманія на этотъ романъ, и выражаютъ свое неудовольствіе, если не найдутъ этого романа.

Случалось нерѣдко, что къ Вольфу обращалось одновременно нѣсколько изъ его высокопоставленныхъ кліентовъ: одинъ просилъ указать лучшую книгу по гомеопатіи, другой просилъ рекомендовать какое-нибудь сочиненіе по вопросу объ отчужденіи земли, третій хотѣлъ, чтобы ему указали, какіе имѣются въ продажѣ труды по исторіи рыцарства, четвертый допытывался, гдѣ можно найти свѣдѣнія о фабрикаціи издѣлій изъ соломы и т. д., и т. д. Всѣ эти отвѣты и справки приходилось давать тотчасъ же. Поистинѣ феноменальная память Вольфа на книги и его обширная эрудиція въ области библіографіи давали ему возможность почти всегда удовлетворять желанія кліентовъ, не прибѣгая къ справкамъ по каталогамъ, кстати сказать, тогда еще очень несовершеннымъ и немногочисленнымъ. Многіе считали это вполнѣ естественнымъ, полагая, что разъ Вольфъ торгуетъ книгами, то долженъ знать свой „товаръ“, и ничуть не считались съ тѣмъ, что нѣтъ никакой возможности запомнить тѣ десятки тысячъ книгъ, которыя имѣются въ продажѣ. Но иные поражались памятью Вольфа.

— У васъ за прилавкомъ настоящій библіографическій университетъ, —замѣтилъ однажды министръ Валуевъ, присутствуя при томъ, какъ Вольфъ давалъ отвѣты и справки по самымъ разнороднымъ отраслямъ. — Вы, Маврикій Осиповичъ, своего рода Меццофанти книжнаго дѣла...

Для большинства своихъ кліентовъ Вольфъ являлся какъ бы живымъ рекомендательнымъ каталогомъ. Къ нему сплошь и рядомъ обращались съ такими вопросами. „что вы посовѣтуете прочесть, Маврикій Осиповичъ, по такому и такому вопросу?“ или „какое, по вашему мнѣнію, лучшее сочиненіе по такому вопросу?..“

И Вольфъ долженъ былъ принимать на себя роль энциклопедиста, свѣдущаго по всѣмъ отраслямъ науки, литературы, искусства, литературно-научнаго критика и судьи. Тщательно слѣдя за всѣмъ, что появлялось новаго въ литературѣ, Вольфъ никогда почти не приходилъ въ затрудненіе, когда къ нему обращались съ подобными, иногда очень замысловатыми вопросами.

Бывали случаи, когда какой-нибудь сановникъ получалъ неожиданно назначеніе въ вѣдомство, о дѣятельности котораго онъ не имѣлъ ровно никакого понятія, а которое, между тѣмъ, требовало хотя бы нѣкоторыхъ спеціальныхъ познаній. И сановникъ обращался за содѣйствіемъ къ... Вольфу, которому нерѣдко приходилось „выручать“ изъ затруднительнаго положенія такихъ новоиспеченныхъ государственныхъ дѣятелей, указаніями на существующую литературу. Случалось, что такой „новоиспеченный“, подвигаясь по іерархической лѣстницѣ, достигалъ важнаго государственнаго поста,—Вольфъ съ гордостью тогда замѣчалъ:

— А вѣдь онъ выросъ на моихъ книгахъ!

Конечно, не всѣ кліенты Вольфа, даже изъ высшихъ слоевъ петербургскаго общества, руководствовались при пріобрѣтеніи книгъ указаніями и совѣтами Вольфа. Но все же число тѣхъ, которые прибѣгали къ эрудиціи Маврикія Осиповича и слѣпо вѣрили ему — было очень значительное. Особенно признавалась компетенція Вольфа въ области французской литературы. Чтобы помочь своимъ кліентамъ, Вольфъ самъ принялся за составленіе каталога наиболѣе популярныхъ и извѣстныхъ французскихъ книгъ по всѣмъ областямъ знаній и сталъ раздавать и разсылать его своимъ кліентамъ. Но—увы!—многіе все-таки предпочитали обращаться лично за указаніями къ Вольфу, а другіе откровенно признавались, что „не умѣютъ обращаться съ каталогами“ или что имъ „лѣнь искать заглавіе по библіографическимъ спискамъ“.

Нѣкоторые изъ видныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, выписывая чрезъ М. О. Вольфа тѣ или другія книги, не хотѣли, чтобы кто-нибудь зналъ, какими они интересуются вопросами, и заявляли, что надѣются, что это останется тайною Такъ, напр., одинъ изъ занимавшихъ очень высокій постъ сановниковъ получалъ, подъ видомъ „необходимыхъ трудовъ для научныхъ изслѣдованій“, безъ цензурнаго просмотра, все что только имѣлось и вновь выходило за границею по... эротикѣ и порнографіи и составилъ единственную въ своемъ родѣ „секретную библіотеку“. Другой, впослѣдствіи покончившій самоубійствомъ, сановникъ спеціально интересовался сочиненіями о государственныхъ переворотахъ. Третій—собиралъ беллетристику о „скандальныхъ приключеніяхъ при царствовавшихъ и царствующихъ дворахъ“ и т. д.

Когда, въ семидесятыхъ годахъ началось замѣтно конституціонное теченіе, многіе стали выписывать иностранныя книги по вопросу о народномъ представительствѣ, но тоже просили Вольфа никому объ этомъ говорить.

— Не знаешь, что изъ всего этого выйдетъ, а чего добраго могутъ еще въ упрекъ поставить, что „увлекаешься“ конституціей, — откровенно объяснилъ одинъ изъ бюрократовъ.

Всѣ такіе кліенты возлагали на Вольфа обязанность слѣдить за библіографическими журналами и выписывать для нихъ все, что только выходило за границею по интересовавшимъ ихъ „вопросамъ“. Но въ концѣ семидесятыхъ годовъ задача Вольфа осложнилась: по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати комитетъ иностранной цензуры пустилъ въ ходъ „икру“ въ иностранныхъ библіографическихъ журналахъ (въ томъ числѣ и въ спеціально предназначенныхъ для книгопродавцевъ), т.-е. началъ замазывать черной краской объявленія и замѣтки

о запрещенныхъ книгахъ, дабы никто въ Россіи не зналъ, что выходятъ вообще за границею такія книги...

Положеніе, которое занималъ Вольфъ среди покупателей высшаго круга, заставляло его строго слѣдить за тѣмъ, чтобы въ глазахъ всѣхъ этихъ покупателей сохранить репутацію вполнѣ благонадежнаго, благонамѣреннаго въ политическомъ отношеніи человѣка, отнюдь непричастнаго къ какимъ-либо революціоннымъ кружкамъ. Тѣмъ не менѣе Вольфъ не могъ иногда удержаться, чтобы въ интимной бесѣдѣ съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ „высокихъ кліентовъ“ не высказать рѣзкихъ мнѣній о тогдашнемъ положеніи Россіи. Но „критика“ этого рода была тогда въ модѣ даже среди чиновничества. Она ничуть не мѣшала критикующимъ считать себя ярыми консерваторами и пользоваться репутаціею „искренно преданныхъ правительству“ людей, отнюдь не сочувствующихъ революціи.

Особенно часто Вольфъ, въ разговорахъ со своими высокопоставленными кліентами, затрагивалъ вопросъ о запрещенныхъ къ ввозу и къ продажѣ въ Россіи иностранныхъ книгахъ. Число такого рода книгъ было тогда очень велико. Но запрещеніе не касалось лицъ, занимавшихъ какой-либо высшій административный постъ. Ихъ заставляли лишь подписывать соотвѣтственные, заранѣе заготовленные печатные бланки прошеній въ Главное Управленіе по дѣламъ печати или въ Комитетъ цензуры иностранной, съ указаніемъ, что требуемыя ими запрещенныя книги предназначаются для личнаго употребленія— и книги выдавались безпрепятственно. Случались при этомъ курьезы. Такъ, напр., проф. Модестову комитетъ отказалъ въ выдачѣ необходимой ему для научныхъ изслѣдованій какой-то книги о римской республикѣ, а одновременно разрѣшилъ одному не-ученому цѣлую серію книгъ грубаго эротическаго типа. Модестовъ под-

нялъ скандалъ, довелъ дѣло до министра—и, въ концѣ концовъ, добился разрѣшенія.

Запрещенныя книги выдавались обыкновенно только по прошеніямъ лицъ не ниже дѣйствительнаго статскаго совѣтника или генерала. Случалось, что нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь своимъ положеніемъ, подписывали изъ любезности прошенія для своихъ друзей, знакомыхъ, а иногда и совершенно постороннихъ лицъ... Обстоятельство это вызвало распоряженіе выдавать запрещенныя книги по прошеніямъ только лично просителямъ.

Мѣра эта, примѣнявшаяся одно время, очень строго, не въ состояніи была однако помѣшать распространію запрещенныхъ иностранныхъ книгъ: лица, желавшія имѣть такія книги, находили пути и средства добывать такія книги помимо книжныхъ магазиновъ...

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ—КЛІЕНТЪ КНИЖНАГО МАГАЗИНА.

ВЪ Петербургѣ устроенъ музей, посвященный памяти великаго князя Константина Николаевича. Въ этомъ музеѣ (который составляетъ одно изъ отдѣленій морского музея, что въ зданіи адмиралтейства) собираются всевозможныя вещественныя воспоминанія о покойномъ генералъ-адмиралѣ.

Какъ бы богатъ, однако, ни оказался устраиваемый музей, по его коллекціямъ нельзя возстановить тѣ отдѣльныя мелкія черточки изъ жизни великаго князя, которыя сохранились лишь въ памяти современниковъ и которыя для характеристики в. к. Константина Николаевича составятъ очень цѣнный матеріалъ.

Одною изъ такихъ „черточекъ“ является искреннее задушевное уваженіе, больше даже—любовь великаго князя къ литературѣ и къ книгамъ. О томъ, какимъ „другомъ писателей“ былъ Константинъ Николаевичъ,—свидѣтельствуетъ фактъ открытія имъ, когда онъ стоялъ во главѣ морского вѣдомства, страницъ „Морского Сборника“ для статей Гончарова, Писемскаго, Григоровича, Максимова, Пирогова. О любви великаго князя къ книгамъ могли бы

многое разсказать старые служащіе петербургскаго книжнаго магазина М. О. Вольфа въ Гостиномъ Дворѣ, усерднымъ и постояннымъ кліентомъ котораго былъ великій князь въ особенности въ семидесятые и восьмидесятые годы п. с. Они же могли бы разсказать многое объ удивительно любезномъ, простомъ обращеніи, которымъ отличался высокопоставленный посѣтитель магазина въ сношеніяхъ со всѣми людьми, безъ различія ихъ общественнаго положенія, о томъ, какъ онъ любилъ бесѣдовать и съ самимъ Маврикіемъ Осиповичемъ Вольфомъ, съ его старшимъ приказчикомъ Межуевымъ, и даже съ младшими помощниками по продажѣ книгъ, какъ внимательно прислушивался ко всему, что они ему разсказывали о ходѣ книжнаго дѣла, о спросѣ на тѣ или другія книги и пр.

Эта черта характера великаго князя не могла не бросаться въ глаза, въ особенности въ сравненіи съ нѣкоторыми сановниками, которые при посѣщеніи магазина, то и дѣло, старались дать понять, на какой они стоятъ недосягаемой высотѣ...

Истый, какъ говорится, джентльменъ, съ ногъ до головы, по внѣшности, жестамъ, походкѣ, даже способу рѣчи,—великій князь умѣлъ однако удивительно быстро „спускаться“ въ чуждый для него міръ, съ которымъ ему приходилось сталкиваться, и держаться тамъ совершенно запросто, дружественно, не напуская на себя ни малѣйшей тѣни величія.

— Ну-съ, обрадуйте меня чѣмъ-нибудь новымъ, выдающимся, замѣчательнымъ,—обращался обыкновенно великій князь, заходя въ магазинъ Вольфа. И тотъ, кто не зналъ великаго князя, никогда не догадался бы, что этотъ скромно стоявшій у прилавка и разсматривавшій внимательно книжныя новинки адмиралъ—одинъ изъ виднѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ членовъ Царскаго Дома.

Въ каждое свое посѣщеніе великій князь отбиралъ лично десятки новыхъ книгъ на разныхъ языкахъ. Эти книги посылались ему затѣмъ во дворецъ. Изъ нихъ лишь немногія возвращались обратно.

Несмотря на постоянное участіе въ работахъ Государственнаго Совѣта, въ морскомъ вѣдомствѣ, въ разныхъ комиссіяхъ, въ географическомъ обществѣ, несмотря на частыя поѣздки то за границу, то по Россіи, великій князь находилъ время слѣдить не только за литературою, спеціально его интересовавшею, т.-е. по государственнымъ, экономическимъ, военнымъ и морскимъ вопросамъ, но и за беллетристикою. Ни одна сколько-нибудь замѣчательная книга не ускользала отъ его вниманія, ни одна критическая замѣтка въ журналахъ не оставалась не прочитанною. Случалось иногда, что великій князь, зайдя въ магазинъ Вольфа, заявлялъ претензію:

— Что-жъ это вы мнѣ не показали такой-то и такой книги, а вотъ я прочелъ о ней рецензію и, судя по этой рецензіи, ее стоитъ прочесть...

Когда какая-нибудь книга заинтересовывала великаго князя, онъ всегда о ней разсказывалъ при дворѣ и лицамъ, бывавшимъ у него. Объ этомъ служащіе книжнаго магазина Вольфа узнавали по неожиданному спросу на такія книги со стороны многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Самъ великій князь, шутя, какъ-то разъ замѣтилъ:

— Вы даже не подозрѣваете, Маврикій Осиповичъ, какого вы имѣете во мнѣ сотрудника по распространенію книгъ: вотъ, благодаря моей рекомендаціи, уже человѣкъ десять купило у васъ новый романъ М...

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что вообще великій князь не любилъ дѣлать шутливыхъ замѣчаній и крайне неохотно выслушивалъ ихъ отъ другихъ. Всегда серьезный, сосредоточенный, онъ какъ-то разъ оборвалъ даже на полусловѣ С. В. Максимова, который, встрѣтивъ ве-

ликаго князя у Вольфа, позволилъ себѣ сдѣлать шутливое замѣчаніе о „торговцахъ умственнымъ товаромъ“.

— Кто въ наши дни не торговецъ,—замѣтилъ великій князь,—одинъ торгуетъ словомъ, другой знаніемъ, третій своимъ талантомъ,—и тутъ же началъ говорить о другомъ предметѣ.

Рьяный другъ крестьянъ, принимавшій видное участіе въ подготовительныхъ работахъ по освобожденію, великій князь особенно интересовался тѣми, немногими тогда, книгами, въ которыхъ описывалась крестьянская жизнь, и неоднократно въ разговорѣ съ Вольфомъ высказывалъ мнѣніе, что русская крестьянская жизнь должна дать тему для какого-нибудь мірового произведенія и что изъ крестьянской среды нужно ожидать и новаго Ломоносова, и новаго Пушкина.

Случалось нерѣдко, что во время своихъ посѣщеній книжнаго магазина Вольфа великій князь заставалъ тамъ своихъ старыхъ знакомыхъ изъ литературнаго и ученаго міра: Гончарова, Григоровича, Пирогова — постоянныхъ посѣтителей Вольфовскаго магазина, — и пускался съ ними въ оживленную бесѣду, въ которой буквально поражалъ своею начитанностью.

Особенно усерднымъ кліентомъ книжнаго магазина М. О. Вольфа великій князь сталъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, послѣ русско-турецкой войны. Подобно многимъ высокопоставленнымъ лицамъ того времени, великій князь особенно интересовался тогда книгами о государственномъ устройствѣ за границею и пріобрѣталъ всѣ такія книги для своей библіотеки.

Послѣ 1881 года, удалившись въ частную жизнь, великій князь одно время какъ будто пересталъ интересоваться книгами, но вскорѣ опять сталъ бывать въ магазинѣ Вольфа и попрежнему проявлялъ живой интересъ къ литературѣ, къ книгамъ.

Большой любитель поэзіи, знавшій наизусть массу стихотвореній Пушкина, Лермонтова, зачитывавшійся въ свое время и Фетомъ, и Майковымъ, и Баратынскимъ, великій князь передалъ эту любовь къ поэзіи своимъ дѣтямъ. Въ своей семьѣ великій князь воспиталъ одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ лириковъ, вѣрнаго лучшимъ завѣтамъ Пушкинскаго творчества. Мы говоримъ о сынѣ покойнаго великаго князя, поэтѣ К. Р.—Великомъ Князѣ Константинѣ Константиновичѣ. Между прочимъ, мало кому извѣстно, что изданіе пользовавшейся въ свое время довольно большимъ успѣхомъ антологіи русскихъ поэтовъ, составленной А. П. Милюковымъ п. з. „Жемчужины русской поэзіи", состоялось по почину великаго князя Константина Николаевича. Нѣсколько стихотвореній включено въ этотъ сборникъ даже прямо по его личному указанію.

Особенно характеренъ для личности великаго князя слѣдующій маленькій фактъ.

Однажды въ Павловскѣ, гдѣ великій князь гулялъ лѣтомъ нерѣдко среди публики „на музыкѣ" одинъ или съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ близкихъ, онъ замѣтилъ въ толпѣ у эстрады приказчика книжнаго магазина Вольфа, Межуева.

Обладая удивительною, совершенно своеобразною памятью на лица, великій князь сразу узналъ его.

— А, и вы здѣсь! — произнесъ великій князь, подавая руку ошеломленному этой честью Межуеву.

И затѣмъ, обращаясь къ окружавшимъ его офицерамъ, великій князь прибавилъ:

— Этотъ молодой человѣкъ—живая хроника книжнаго дѣла. Вотъ отъ кого мы можемъ узнать, чѣмъ интересуется теперь наше образованное общество,—и заставилъ Межуева разсказать, на какія книги имѣется большой спросъ, что больше всего читаютъ и т. д.

— Я, — разсказывалъ потомъ Межуевъ, — сначала

оробѣлъ, растерялся, не зналъ, что говорить. Но великій князь сумѣлъ такъ подбодрить меня своею обворожительною любезностью, что вскорѣ я могъ свободно отвѣчать на его вопросы.

ТРИ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХЪ ПОКУПАТЕЛЯ КНИГЪ.

ОДНАЖДЫ—это было въ 1878 году—въ магазинъ Вольфа зашелъ генералъ-адъютантъ Г. Г. Даниловичъ съ мальчикомъ лѣтъ десяти, въ матросскомъ костюмѣ.

Этотъ мальчикъ былъ великій князь Николай Александровичъ, внукъ императора Александра II, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай II.

— Его высочество желаетъ выбрать себѣ самъ книги для чтенія,—замѣтилъ Даниловичъ, который руководилъ учебными занятіями будущаго императора.

Когда Вольфъ, желая угодить своему юному высокому посѣтителю, приказалъ подать цѣлую гору книгъ, подходящихъ для чтенія дѣтей, генералъ-наставникъ, смѣясь, заявилъ:

— Маврикій Осиповичъ, вы навѣрно думаете, что мы у васъ купимъ цѣлую библіотеку, но вы ошибаетесь: у его высочества, при огромной программѣ учебныхъ занятій, остается для чтенія лишь очень немного времени, и мы должны ограничиться покупкою всего двухъ-трехъ книжекъ для чтенія.

Между тѣмъ великій князь успѣлъ уже быстро просмотрѣть цѣлый рядъ книгъ, и, съ загорѣвшимися отъ волненія глазами, откладывалъ въ сторону одну за другой: выбрать изъ нихъ всего двѣ-три было очевидно очень трудно.

— Вотъ что,—рѣшилъ наконецъ ген. Даниловичъ,— вы, Маврикій Осиповичъ, пришлите въ Аничкинъ дворецъ всѣ книги, отложенныя его высочествомъ: тамъ сдѣлаемъ окончательный выборъ и часть книгъ вернемъ вамъ обратно.

Дѣйствительно, изъ большого количества представленныхъ Вольфомъ книгъ оставлены были только три беллетристическаго содержанія, остальныя возвращены обратно.

Но зато учебныя занятія великаго князя вызвали огромный спросъ для него на сочиненія научныя, по программѣ гимназическаго курса съ замѣной классическихъ языковъ естествознаніемъ. И, если не всѣ, то значительная часть этихъ книгъ доставлялась книжнымъ магазиномъ Вольфа.

Генералъ Даниловичъ, воспитатель великаго князя Николая Александровича и великаго князя Георгія Александровича, бывшій директоръ второй спб. военной гимназіи и членъ главнаго военно-учебнаго комитета, самъ былъ большой книголюбъ, много читалъ, интересовался литературой. Какъ онъ нерѣдко разсказывалъ Вольфу, ему приходилось сдерживать влеченіе его высокихъ воспитанниковъ къ чтенію.

— Великіе князья лишены въ значительной долѣ того удовольствія, которое испытываютъ ихъ ровесники за книгою. Вѣдь время великихъ князей распредѣлено такъ, что для чтенія совершенно почти не остается свободныхъ часовъ. И приходится поэтому, дорожа ихъ временемъ, особенно тщательно и строго дѣлать для ихъ высочествъ выборъ подходящихъ книгъ, давая имъ въ руки только то, что даетъ что-нибудь сердцу или уму...

Дѣтская русская литература была тогда еще очень бѣдна, и выборъ являлся вслѣдствіе этого особенно труднымъ. Пришлось ограничиваться „Дѣтствомъ и отрочествомъ“ Л. Н. Толстого, дѣтскими разсказами Чистякова, Даля, Разина, русскими народными сказками.

Раньше, нежели дать какую-нибудь книгу великимъ князьямъ, Даниловичъ самъ перечитывалъ ее внимательно и нерѣдко сообщалъ Вольфу, почему именно онъ не рѣшился передать ту или иную книгу своимъ воспитанникамъ.

Великіе князья, посѣщая книжный магазинъ Вольфа въ сопровожденіи своего воспитателя, всегда проявляли большой интересъ къ книгамъ, а въ обращеніи отличались удивительною простотою и доступностью.

Такою же необычайною простотою обращенія съ приказчиками книжнаго магазина М. О. Вольфа отличался также великій князь Николай Николаевичъ, третій сынъ императора Николая I, частый посѣтитель Вольфа.

Однажды, зайдя лѣтомъ въ магазинъ, великій князь узналъ, что Вольфъ и его ближайшіе помощники заняты въ помѣщеніи на верху разборкою только что полученныхъ изъ Парижа тюковъ новыхъ книгъ.

— А, это интересно, — замѣтилъ великій князь,— проведите меня туда.

И по узкой винтовой лѣстницѣ, вслѣдъ за однимъ изъ приказчиковъ, великій князь поднялся въ третій этажъ, гдѣ въ это время самъ Вольфъ и его помощники, снявъ сюртуки, распредѣляли полученныя книги, свѣряли ихъ съ фактурами, отмѣчали цѣны.

— Простите, Маврикій Осиповичъ, что являюсь въ вашу книгопродавческую лабораторію безъ доклада,—замѣтилъ великій князь, неожиданно входя въ помѣщеніе.

Смущенные появленіемъ великаго князя, Вольфъ и его помощники схватили висѣвшіе тутъ же сюртуки и хотѣли было ихъ одѣть.

— Оставьте! Оставьте, — остановилъ ихъ великій князь.—Что это, вы думаете, вѣрно, я никогда не видѣлъ людей безъ сюртуковъ.

Затѣмъ онъ подробно сталъ разспрашивать про всю технику выписки и продажи иностранныхъ книгъ, съ любопытствомъ обошелъ всѣ помѣщенія, наполненныя книгами, мимоходомъ похвалилъ порядокъ, въ которомъ стояли книги на полкахъ и шутя замѣтилъ:

— Они стоятъ у васъ точно солдаты на смотру!

Спускаясь затѣмъ опять внизъ, въ магазинъ, великій князь зашелъ въ такъ называемое „почтовое отдѣленіе“ магазина Вольфа, гдѣ производилась отправка книгъ въ провинцію, и, обращаясь къ завѣдывавшему тогда этимъ отдѣломъ И. П. Перевозникову, спросилъ:

— Вы навѣрное, молодой человѣкъ, и не подозрѣваете, какъ интересно ваше занятіе: постоянно находиться среди книгъ, знать, какими книгами люди интересуются, имѣть возможность самому читать сколько угодно—это ли не восторгъ?

— Ваше высочество, самому читать не приходится,— отвѣтилъ Перевозниковъ,—времени на это не хватаетъ.

— Да!—смѣясь замѣтилъ великій князь, — выходитъ по пословицѣ: видитъ глазъ, да зубъ не имѣтъ.

МИНИСТРЫ-СОБЕСѢДНИКИ.

ОДНИМЪ изъ постоянныхъ покупателей у Вольфа въ семидесятыхъ годахъ былъ графъ Д. А. Толстой, въ то время министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ св. синода.

Аккуратно каждыя двѣ недѣли онъ пріѣзжалъ въ магазинъ Вольфа, садился либо у стоявшаго въ магазинѣ круглаго стола, либо у прилавка и тщательно перелистывалъ полученныя за истекшее время изъ-за границы новыя книги, главнымъ образомъ по исторіи и богословію, и указывалъ, какія изъ нихъ прислать ему на домъ для просмотра и ознакомленія. Покупалъ онъ много новыхъ книгъ, но исключительно на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Русскими книгами мало интересовался.

Во время такого перелистыванія книгъ, или послѣ него, Толстой почти всегда вступалъ въ разговоръ съ М. О. Вольфомъ.

Какъ-то разъ, во время бесѣды Толстого съ Вольфомъ, неизвѣстная дама, только что купившая какой-то романъ, жаловалась на дороговизну русскихъ книгъ.

Толстой, улыбаясь, замѣтилъ:

— Вотъ, Маврикій Осиповичъ, это упрекъ по вашему

адресу, какъ издателя. И въ самомъ дѣлѣ вѣдь русскія книги дороги.

Вольфъ въ отвѣтъ на сдѣланное замѣчаніе сталъ доказывать Толстому, что русскія книги должны быть дороже французскихъ и нѣмецкихъ, потому что спросъ на нихъ гораздо меньше. „Въ то время, какъ французы печатаютъ свои книги въ количествѣ 5 — 10 тысячъ экземпляровъ, зная навѣрное, что это количество разойдется, намъ, русскимъ издателямъ, нельзя рисковать, нельзя печатать больше 1.000, 1.200 экземпляровъ, и то извѣстныхъ авторовъ, потому что на бо́льшій спросъ разсчитывать трудно,— доказывалъ Вольфъ.—Кто наши покупатели? Только зажиточныя частныя лица. Библіотекъ государственныхъ и общественныхъ, которыя за границею обезпечиваютъ а priori сбытъ каждой сколько-нибудь серьезной книги въ нѣсколько тысячъ экземпляровъ, у насъ почти нѣтъ, и вообще государство не поддерживаетъ у насъ книжнаго производства. Вотъ я, напр., издалъ цѣлую серію переводныхъ популярно-научныхъ сочиненій по естествознанію: Циммермана „Міръ до сотворенія человѣка“, Фохта „Мѣсто человѣка въ мірозданіи“, Фламмаріона „Многочисленность обитаемыхъ міровъ“ и др. А много ли я ихъ продалъ?“

— И лучше, что такія книги не расходятся у насъ,— замѣтилъ строго Толстой.—Этого рода книги вредны, потому что ихъ читаютъ люди съ недостаточно окрѣпшими религіозными взглядами, и онѣ вносятъ сумбуръ въ ихъ головы.

Маврикій Осиповичъ такъ и ахнулъ отъ удивленія, услышавъ эти слова. Толстой между тѣмъ продолжалъ.

— Всѣ эти, такъ называемыя, научно-популярныя книги по естествознанію, это—отрава, ядъ. Въ рукахъ опытнаго человѣка, конечно, онѣ могутъ быть драгоцѣннымъ лѣкарствомъ, но, попадая въ руки незрѣлому чита-

телю и поглощаемыя имъ сразу въ огромномъ количествѣ,— отравляютъ его... Объ этомъ мнѣ уже не впервые приходится говорить. Указывалъ я на это и въ высшихъ сферахъ... Вѣдь всѣ наши нигилисты такъ и пропитаны этими, будто бы новыми, взглядами ни мірозданіе, жизнь и тайны природы, которые дѣлаютъ ихъ атеистами и анархистами...

Тутъ Вольфъ рѣшился указать, что всѣ упомянутыя книги прошли черезъ строгую цензуру, и, если бы въ нихъ, дѣйствительно, заключалось что-либо предосудительное, цензура не пропустила бы ихъ.

— Вѣрно, вѣрно, — согласился Толстой. — Но если даже допустить, что эти книги могутъ быть издаваемы, то ихъ не слѣдовало бы продавать безъ особаго каждый разъ разрѣшенія, подобно тому, какъ аптеки не продаютъ ядовитыхъ веществъ безъ особыхъ разрѣшеній... Вѣдь всѣ эти мнимо-популярныя сочиненія по естествознанію, всѣ эти теоріи Дарвина только развращаютъ неокрѣпшіе умы...

Въ другой разъ Д. А. Толстой, заговоривъ по какому-то поводу о народномъ просвѣщеніи, сказалъ:

— Меня государь позвалъ на постъ министра народнаго *просвѣщенія*, и я твердо, неуклонно стараюсь оправдать довѣріе государя; въ угоду же нигилистамъ мнѣ бы слѣдовало быть министромъ народнаго *развращенія*, развращать народъ и молодежь ненужными, вредными знаніями, которыя ускорили бы революцію въ Россіи.

Вообще и по смыслу, и по тону рѣчи Д. А. Толстого видно было, что онъ придерживался убѣжденія, что просвѣщеніе — очень опасно для государства и должно быть доступно немногимъ, избраннымъ...

Свое „неудовольствіе“ по поводу того, что книжный рынокъ наполняется популярно-научными книгами, въ особенности по естествознанію, Д. А. Толстой высказы-

валъ неоднократно, находя, что онѣ приносятъ много зла.

Въ цѣляхъ прегражденія нѣкоторымъ „опаснымъ“ книгамъ доступа въ широкія массы, Толстой даже настаивалъ на томъ, чтобы тѣ или другія книги, особенно по популярному естествознанію, допускались цензурою только подъ условіемъ, что онѣ будутъ выпускаться по цѣнѣ, недоступной этимъ массамъ, и не будутъ попадать въ публичныя библіотеки.

Вольфъ былъ очень озадаченъ такимъ страннымъ взглядомъ министра, но, считая его чисто личнымъ „предубѣжденіемъ“, никакъ не подозрѣвалъ, что изданныя имъ книги Циммермана, Фохта и др., послѣ того, какъ онѣ почти два десятка лѣтъ, съ разрѣшенія цензуры, находились въ продажѣ, будутъ офиціально изъяты изъ библіотекъ и включены въ списокъ сочиненій, выдача которыхъ для чтенія подлежитъ запрещенію... А между тѣмъ въ длинный списокъ этихъ книгъ, опубликованный для „руководства“ всѣхъ библіотекъ въ 1884 г., попали въ числѣ другихъ и изданныя Вольфомъ книги Циммермана, Фохта и др.

Свои бесѣды съ М. О. Вольфомъ Толстой велъ всегда, не стѣсняясь присутствія публики въ магазинѣ, громко, развязно, авторитетно, отчеканивая каждое слово и какъ будто желая, чтобы его всѣ слышали. Какъ ни были несимпатичны взгляды всесильнаго министра, въ нихъ однако было одно достоинство: чувствовались искренность и твердое убѣжденіе въ своей правотѣ. Искренность эта доходила подчасъ до того, что Толстой не скрывалъ своихъ воззрѣній на русскій народъ, какъ на какую-то шайку дикихъ грабителей, которыхъ необходимо держать въ ежовыхъ рукавицахъ, а такъ называемую среднюю русскую интеллигенцію и молодежь аттестовалъ, какъ полчище нигилистовъ, только и мечтающихъ о томъ, чтобы изба-

виться отъ правительства, которое заботливо печется о благѣ страны. Недовѣріе какъ къ народнымъ массамъ, такъ и къ интеллигенціи, постоянно сквозило въ рѣчахъ Толстого, и онъ, очевидно, считалъ задачею министра народнаго просвѣщенія всевозможными способами сдерживать культурное движеніе Россіи впередъ. Однажды онъ даже прямо это высказалъ, сравнивъ Россію съ четырьмя фигурами коней на Аничкиномъ мосту, которыхъ за уздцы удерживаютъ „для ихъ же блага“ „благородные“ юноши, иначе они упали бы въ пропасть...

Относясь съ презрѣніемъ и гордостью къ либераламъ, не раздѣлявшимъ его взглядовъ, и зная отлично о плохо скрываемой ненависти къ нему со стороны либеральныхъ кружковъ, Толстой все же почему-то хотѣлъ сблизиться съ литературнымъ и ученымъ міромъ и, когда заходила рѣчь о писателяхъ и ученыхъ, любилъ повторять:—„Я вѣдь тоже писатель и ученый“,—намекая на свои труды по исторіи финансовъ, католицизма въ Россіи и др. Но „приблизить“ къ себѣ писателей ему не удалось, и, когда въ 1880 г. онъ покинулъ постъ министра народнаго просвѣщенія (подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, какъ утверждали тогда), литературный кружокъ, бывавшій у Вольфа, подобно всей прогрессивной интеллигенціи, не скрывалъ своей радости. Но эта радость была непродолжительна: въ 1882 г. Толстой опять сталъ у власти, и притомъ на еще болѣе высокомъ посту министра внутреннихъ дѣлъ и шефа жандармовъ...

Д. А. Толстой принадлежалъ къ числу самыхъ рьяныхъ почитателей императрицы Екатерины II, собиралъ портреты этой государыни, всѣ сочиненія о ней и пр.

Какъ-то случайно Вольфу удалось получить за границею два барельефныхъ портрета Екатерины II подъ стекломъ, работы какого-то иностраннаго художника. Онъ

повѣсилъ ихъ для украшенія магазина на полкахъ. Толстой, увидѣвъ портреты, прямо заявилъ:

— Вы должны мнѣ уступить ихъ, Маврикій Осиповичъ, непремѣнно должны. О цѣнѣ я не спрашиваю. Поставьте, какую хотите.

Всѣ доводы Вольфа, что онъ не торгуетъ портретами, что оба барельефа пріобрѣтены имъ исключительно для украшенія магазина и т. д., не помогли. Толстой непремѣнно требовалъ, чтобы Вольфъ уступилъ ихъ немедленно.

— Иначе мы съ вами враги,—замѣтилъ, полушутя, Толстой.

Пришлось подчиниться волѣ министра, ссориться съ которымъ было крайне опасно. Но когда Вольфъ наотрѣзъ отказался принять плату, Толстой, передавая въ кассу магазина *одинъ рубль*, сказалъ:

— А все-таки вы разрѣшите внести хоть одинъ рубль, чтобы никто не могъ сказать, что я взялъ у васъ эти портреты, не заплативъ за нихъ...

Изъ другихъ министровъ временъ Александра II усерднымъ кліентомъ Вольфа былъ Д. Н. Набоковъ, получившій, какъ тогда говорили, министерскій портфель „по протекціи Вѣры Засуличъ“. Дѣло въ томъ, что оправдательный приговоръ, вынесенный 1878 г. Вѣрѣ Засуличъ, вызвалъ отставку министра юстиціи, графа Палена, котораго обвиняли въ томъ, что онъ будто бы не сумѣлъ дать „надлежащаго“ направленія суду присяжныхъ и вообще допустилъ крупную ошибку, передавъ это дѣло на рѣшеніе присяжныхъ, не взвѣсивъ нигилистическаго настроенія общества, результатомъ котораго явилось оправданіе „преступницы“. На мѣсто графа Палена былъ назначенъ членъ государственнаго совѣта Дмитрій Николаевичъ Набоковъ — человѣкъ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. Въ высшихъ

административныхъ сферахъ ожидали, что Набоковъ „подтянетъ“ судъ присяжныхъ, сдѣлаетъ въ немъ крупныя измѣненія, дастъ ему совершенно другую, болѣе желательную окраску. Но въ этомъ отношеніи сильно ошиблись, потому что Набоковъ былъ самымъ горячимъ и искреннимъ сторонникомъ Судебныхъ Уставовъ императора Александра II и, кромѣ того, законникомъ въ полномъ смыслѣ слова. Принимая постъ министра, онъ заявилъ, что „если для всѣхъ гражданъ, то для министра юстиціи въ особенности, законъ, пока онъ существуетъ и не отмѣненъ, долженъ быть святъ“. Эти слова составляли своего рода credo Набокова: онъ повторялъ ихъ часто, когда обращались къ нему за протекціею, ходатайствовали о какомъ-нибудь „изъятіи дѣла“, рѣшеніи помимо суда и т. п.

„Это не человѣкъ, а ходячій сводъ законовъ“,—говорили про Набокова, хотя на самомъ дѣлѣ это былъ юристъ, далеко не столько признававшій букву закона, сколько его духъ и внутренній смыслъ.

Набоковъ усердно слѣдилъ за юридическою литературою и постоянно покупалъ всѣ новыя книги по своей спеціальности. Сухой на видъ, неразговорчивый, недоступный, онъ представлялъ собой типъ строгаго администратора и, въ отличіе отъ многихъ своихъ коллегъ по положенію, не любилъ пускаться въ разсужденіе съ посторонними лицами.

Вольфъ зналъ Набокова почти съ самаго начала его судебной карьеры, когда онъ только что началъ службу въ сенатѣ. Назначенный въ 1864 г. сенаторомъ, а затѣмъ съ 1867 г. начальникомъ Собственной Его Величества Канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго, Набоковъ часто навѣщалъ книжный магазинъ Вольфа, преимущественно интересуясь книгами, относящимися къ французскому законодательству.

Когда, вскорѣ послѣ назначенія министромъ, Набоковъ зашелъ въ магазинъ Вольфа, и послѣдній поздравилъ его съ назначеніемъ, а затѣмъ, въ дальнѣйшемъ разговорѣ, намекнулъ, что въ обществѣ, а въ томъ числѣ и въ средѣ кліентовъ магазина, носятся слухи объ отмѣнѣ суда присяжныхъ, Набоковъ рѣзко возразилъ:

— Не вѣрьте вздорнымъ слухамъ. Государь, назначая меня министромъ, твердо заявилъ, что основы введеннаго имъ суда не должны быть измѣнены ни на іоту. Объ отмѣнѣ суда присяжныхъ и рѣчи быть не можетъ. Если бы это имѣлось въ виду, назначили бы другого, а не меня.

О самомъ приговорѣ по дѣлу Засуличъ Набоковъ сдержанно выразился, что присяжные широко воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ судить по совѣсти и что они на это имѣли право. Говорятъ, будто въ совѣщательную комнату проникла нигилистическая струя,— продолжалъ онъ,—но по закону тайна совѣщательной комнаты присяжныхъ засѣдателей не подлежитъ критикѣ. Французскіе присяжные по подобному дѣлу, несомнѣнно, не вынесли бы оправдательнаго приговора, но не потому, что тамъ судъ присяжныхъ совершеннѣе, а потому, что французскіе присяжные засѣдатели не привыкли давать волю голосу одного только сердца тамъ, гдѣ должны говорить и совѣсть, и сердце, и чувство законности.

Какъ извѣстно, Набоковъ сумѣлъ отстоять свой принципіальный взглядъ на значеніе суда присяжныхъ и, если сдѣлалъ нѣсколько уступокъ (напр., прекращеніе передачи этому суду дѣлъ политическаго характера), то лишь подъ давленіемъ цѣлаго ряда политическихъ убійствъ и покушеній, частью же подъ вліяніемъ слуховъ о революціонномъ настроеніи молодежи, надѣявшейся на снисхожденіе и даже на сочувствіе суда присяжныхъ.

Насколько Набоковъ сумѣлъ внушить къ себѣ довѣріе, какъ къ строгому законнику, свидѣтельствуетъ тотъ

фактъ, что, несмотря на либеральныя тенденціи (которыхъ онъ не скрывалъ), онъ сохранилъ свой постъ даже послѣ цареубійства 1881 года, въ первые четыре года царствованія Александра III, когда ему приходилось нерѣдко бороться съ реакціонными взглядами и намѣреніями Побѣдоносцева, Толстого и др.

Въ томъ литературномъ кружкѣ, который бывалъ у Вольфа, къ Набокову относились съ глубокимъ уваженіемъ, хотя значительная часть этого кружка, какъ и большинство интеллигентнаго петербургскаго общества конца семидесятыхъ годовъ, была настроена враждебно къ представителямъ высшей администраціи.

Подобно многимъ другимъ государственнымъ дѣятелямъ, бывавшимъ въ магазинѣ Вольфа, Набоковъ интересовался вопросомъ, какъ идетъ книжная торговля, увеличивается ли сбытъ книгъ, какія книги больше всего въ спросѣ и т. п. А когда однажды (это было въ 1880 году) Вольфъ жаловался, что неопредѣленное положеніе государства, слухи о предстоящихъ новыхъ репрессіяхъ, многочисленныя покушенія и пр. вредно отражаются на всей торговлѣ, въ томъ числѣ и на книжной, и намекнулъ, что ожидаемое введеніе конституціи (о которомъ, хотя и шопотомъ, говорили все чаще и чаще), вѣроятно, положитъ конецъ революціоннымъ броженіямъ, Набоковъ отвѣтилъ рѣзко въ словахъ, смыслъ которыхъ былъ таковъ:

— Тѣ, которые такъ думаютъ, заблуждаются: революціонерамъ даже конституціи было бы мало: они стремятся къ анархіи.

Своего личнаго отношенія къ вопросу о конституціи, о которой тогда говорило все общество, Набоковъ не высказывалъ никогда, тѣмъ не менѣе всѣмъ было извѣстно, что онъ является однимъ изъ ея видныхъ сторонниковъ. Но конституція, по его мнѣнію, должна была явиться великимъ

самостоятельнымъ государственнымъ актомъ, а не уступкою, сдѣланною горсти „преступниковъ“.

Слова и взгляды Набокова, въ связи съ циркулировавшими въ концѣ семидесятыхъ годовъ слухами о близкой конституціи, доходя до кружка литераторовъ, постоянно посѣщавшихъ книжный магазинъ Вольфа, не могли, конечно, не вызывать оживленнаго обмѣна мнѣній. Желчный, нервный Костомаровъ замѣтилъ однажды по этому поводу:

— Слишкомъ что-то много говорятъ повсюду о конституціи... Я думаю, что все такъ и окончится одними разговорами...

Многіе, однако, не раздѣляли пессимистическаго взгляда Костомарова и считали конституцію вопросомъ завтрашняго дня.

Среди другихъ высшихъ администраторовъ, которые были постоянными и вѣрными кліентами книжнаго магазина М. О. Вольфа въ семидесятыхъ годахъ, видное мѣсто занималъ свѣтлѣйшій князь А. А. Ливенъ, съ 1872 года товарищъ министра государственныхъ имуществъ, а съ 1877 г. по 1881 г. управляющій министерствомъ. Это былъ человѣкъ рѣдкой честности, неподкупный и при томъ очень простой и доступный въ обращеніи. Помимо вопросовъ, непосредственно относившихся къ его государственному посту, къ земледѣлію, садоводству, винодѣлію и пр., онъ очень интересовался астрономіею и слѣдилъ за всѣми новыми книгами по этой наукѣ. Съ М. О. Вольфомъ онъ часто пускался въ разсужденія на политическія темы и, не скрывая, высказывалъ такіе либеральные взгляды, которые въ устахъ другого, обыкновеннаго смертнаго, были бы признаны революціонными. Нерѣдко онъ говорилъ, что хотя императоръ Александръ II и именуется „самодержавнымъ императоромъ“, но на самомъ дѣлѣ его самодержавіе очень ограничено тѣми

вліяніями, взглядами и опасеніями, которыхъ придерживаются высшіе круги и съ которыми приходится считаться. Никто-де изъ тѣхъ, кто не вращается при дворѣ, не знаетъ, какъ трудно императору, горячо преданному своимъ реформаторскимъ идеямъ, ладить съ массою вліятельныхъ лицъ, удерживающихъ государя въ его лучшихъ намѣреніяхъ, частью изъ личныхъ соображеній, частью изъ страха передъ какою-то воображаемою народною смутою.

Ливенъ считался однимъ изъ личныхъ друзей императора Александра II, обязательно принималъ участіе во всѣхъ царскихъ охотахъ, игралъ нерѣдко въ карты за однимъ столомъ съ государемъ. Объ Александрѣ II онъ говорилъ всегда съ благоговѣніемъ, но безъ тѣни подхалимства и кислаго патріотизма.

Человѣкъ большого ума и самостоятельнаго характера, очень образованный, начитанный, онъ хотя и былъ убѣжденнымъ монархистомъ, но это не мѣшало ему сочувствовать конституціоннымъ идеямъ лучшей части русской интеллигенціи семидесятыхъ годовъ, въ той формѣ, какъ онѣ проявлялись въ то время.

Князь Ливенъ любилъ поговорить, любилъ разсказывать, часто дѣлился съ Вольфомъ разными придворными слухами, сообщалъ заблаговременно о новыхъ назначеніяхъ, о томъ, какія вѣянія въ данный моментъ господствовали въ высшихъ сферахъ, и т. п. Нерѣдко онъ пускался въ разговоры и съ приказчиками Вольфа, въ особенности со старшимъ тогда приказчикомъ Межуевымъ и съ завѣдующимъ французскимъ отдѣломъ Зубржицкимъ. Иногда, смѣясь, онъ прерывалъ разговоръ замѣчаніемъ:

— Довольно... А то, чего добраго, проболтаешься и выдашь государственныя тайны...

Конечно, никакихъ „тайнъ“ онъ никогда не выдавалъ,

но говорилъ многое такое, чего нельзя было прочесть въ газетахъ.

И по способу обращенія, и по своему разговору, и даже по своей внѣшности, рѣзко отличался отъ князя Ливена другой высокопоставленный кліентъ магазина Вольфа, министръ внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ государственныхъ имуществъ, наконецъ предсѣдатель комитета министровъ Валуевъ (впослѣдствіи графъ) „русскій лордъ Биконсфильдъ", какъ называли его въ обществѣ. Всегда гордый, сдержанный, какъ-то строго-торжественный, онъ въ разговорѣ любилъ напускать на себя важность, цѣдилъ слова сквозь зубы, придавая особенное значеніе каждой высказываемой имъ фразѣ.

Превосходный, хотя и велерѣчивый ораторъ, Валуевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ администраторовъ, которые питали страсть говорить, даже произносить цѣлыя рѣчи, не только въ правительственныхъ собраніяхъ, комиссіяхъ, но даже и... въ книжномъ магазинѣ Вольфа. При этомъ Валуевъ говорилъ всегда такъ, точно передъ нимъ цѣлая аудиторія слушателей. Въ своихъ „рѣчахъ" онъ очень часто съ гордостью напоминалъ, что это онъ далъ новую жизнь русской печати, русской книгѣ, русской литературѣ проведеніемъ, въ бытность его, Валуева, министромъ внутреннихъ дѣлъ, закона 6 апрѣля 1865 года объ отмѣнѣ предварительной цензуры. „Потомство оцѣнитъ то, что я сдѣлалъ, и выяснитъ, съ какими трудностями и препонами приходилось мнѣ бороться"—повторялъ онъ. О томъ, что вслѣдъ за „облегченіями и удобствами", которыя имѣлъ въ виду этотъ законъ, послѣдовали новыя притѣсненія и гоненія печатнаго слова, Валуевъ или умалчивалъ или приписывалъ вину ихъ другимъ. Вообще, Валуевъ въ своихъ бесѣдахъ у Вольфа проявлялъ себя на словахъ крайнимъ либераломъ, открыто осуждалъ реакціонныя стремленія многихъ вліятельныхъ при дворѣ лицъ,

и часто намекалъ, что его либеральные взгляды не достаточно оцѣнены. Между прочимъ, онъ однажды выразился такъ:

— Петръ Великій прорубилъ окно въ Европу; но многіе изъ нашихъ вліятельныхъ дѣятелей постарались къ этому окну придѣлать желѣзныя ставни и закрываютъ ихъ, чтобы европейскій свѣтъ не проникъ къ намъ, въ Россію. Я старался держать ставни открытыми...

Слова эти сказаны были однако уже тогда, когда Валуевъ, уволенный отъ занимаемой имъ должности предсѣдателя комитета министровъ, очутился не у дѣлъ, занялся беллетристикою—романами „Лоринъ“ и „Черный воръ“ и стихотвореніями. Покоряясь покорно судьбѣ, свергнувшей его съ занимаемаго высокаго положенія, Валуевъ, однако, съ горечью повторялъ, что его не оцѣнили, вспоминалъ разныя свои заслуги и высказывалъ твердое убѣжденіе, что его имя и дѣла не будутъ забыты, но что ихъ оцѣнитъ потомство...

Очень усердно посѣщалъ книжный магазинъ Вольфа адмиралъ К. Н. Посьетъ, сначала морякъ-артиллеристъ, затѣмъ воспитатель великаго князя Алексѣя Александровича, а съ 1874 г. министръ путей сообщенія. Рьяный почитатель изящной литературы, гордившійся своею дружбою съ писателями, Посьетъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые очень внимательно слѣдили за художественною литературою и любили дѣлиться своими впечатлѣніями съ Вольфомъ. Когда въ 1874 г. Посьету неожиданно былъ предложенъ министерскій портфель, онъ, не переставая слѣдить за беллетристикою, съ необычайнымъ усердіемъ занялся изученіемъ литературы о желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогахъ и, въ буквальномъ смыслѣ слова, „очистилъ“ соотвѣтственныя полки книжнаго магазина Вольфа, на которыхъ хранился запасъ книгъ по этимъ вопросамъ.

— Вѣкъ живи—вѣкъ учись,—говорилъ онъ Вольфу,—вотъ какая пословица особенно примѣнима ко мнѣ. На 53 году жизни мнѣ приходится опять приниматься въ буквальномъ смыслѣ слова за ученіе. Вѣдь въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ я совершенный новичекъ.

Проникнутый истиннымъ желаніемъ принести на занимаемомъ посту посильную пользу, Посьетъ работалъ, не покладая рукъ, сознавая, что желѣзнодорожное дѣло, да и вообще пути сообщенія въ Россіи далеко не стоятъ на должной высотѣ.

Какъ большинство моряковъ, Посьетъ считался однимъ изъ либеральныхъ сановниковъ и свои либеральные взгляды нерѣдко высказывалъ и въ бесѣдахъ съ Вольфомъ. Особенно становились интересны эти бесѣды, когда Посьетъ, зайдя въ магазинъ Вольфа, заставалъ тамъ хорошо ему знакомаго Гончарова (съ которымъ онъ вмѣстѣ плавалъ на „Палладѣ“).

Какъ-то разъ въ присутствіи Гончарова Вольфъ сталъ жаловаться на комитетъ цензуры иностранной, который задерживаетъ книги по цѣлымъ недѣлямъ. Гончаровъ — самъ служившій одно время въ цензурѣ—высказалъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній по поводу цензуры, которая-де часто придирается къ невиннѣйшимъ произведеніямъ и „до поту лица додумывается, не прячется ли что-нибудь запрещенное“ въ нихъ. Посьетъ, выслушавъ Вольфа и Гончарова, замѣтилъ:

— Я не понимаю, какъ это господъ цензоровъ пускаютъ свободно гулять по свѣту: вѣдь они-то всѣ буквально начинены запрещенною литературою...

* * *

Событія, послѣдовавшія послѣ цареубійства 1 марта 1881 г., и реакціонное направленіе, которое взяло верхъ въ русской государственной жизни въ царствованіе Але-

ксандра III, замѣтно отразились на бесѣдахъ высокихъ сановниковъ, бывавшихъ въ книжномъ магазинѣ Вольфа. Большинство изъ сановниковъ-кліентовъ Вольфа очутилось не у дѣлъ; одни уѣхали, кто за границу, кто въ деревню; другіе—оставаясь въ Петербургѣ, въ какомъ-нибудь почетномъ званіи, перестали играть роль въ государственной машинѣ, а тѣ, которые и при новомъ курсѣ сумѣли удержаться на посту стали сдержаннѣе въ своихъ разговорахъ. Вообще, послѣ оживленной поры бесѣдъ на политическія темы, въ первые же мѣсяцы послѣ вступленія на престолъ Александра III, наступила пора какого-то уныніе, молчанія, страха. Даже высокопоставленныя лица опасались сказать лишнее слово или произнести въ публичномъ мѣстѣ что-нибудь такое, что могло быть ложно истолковано и донесено „куда слѣдуетъ“ всюду и вездѣ вращавшимися доносчиками - профессіоналами и добровольцами... И высокопоставленные кліенты Вольфа, за немногими исключеніями, ограничивались одною только покупкою книгъ или краткимъ, лаконическимъ обмѣномъ мнѣній, не выходившимъ за предѣлы вопросовъ, касающихся этихъ книгъ...

Затѣмъ, на смѣну прежнимъ сановникамъ, стараго типа—„болтливыхъ стариковъ“, какъ про нихъ говорили,—пришли новые люди, совершенно другого типа, далекіе отъ той простоты въ обращеніи, которой отличались ихъ предшественники, и бесѣдамъ на политическія темы не только въ книжномъ магазинѣ Вольфа, но и всякимъ другимъ, насталъ конецъ. И лишь немногіе изъ прежнихъ усердныхъ собесѣдниковъ Маврикія Вольфа, заходя въ его магазинъ, продолжали попрежнему дѣлиться съ самимъ Маврикіемъ Осиповичемъ или его помощниками своими взглядами и мнѣніями на вопросы дня...

КАКЪ ГРАФЪ Д. А. МИЛЮТИНЪ ГОТОВИЛСЯ КЪ КОНСТИТУЦІИ.

Въ концѣ 1879 года предсѣдателю комитета цензуры иностранной было предоставлено обычное печатное прошеніе о безпрепятственной выдачѣ, безъ предварительнаго просмотра, книгъ „по военному дѣлу и государственнымъ наукамъ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ“, которыя будутъ получены чрезъ книжный магазинъ М. О. Вольфа, для личнаго употребленія просителя. Подъ прошеніемъ находилась подпись военнаго министра Д. А. Милютина.

Въ прошеніи не были указаны названія книгъ, какъ это требуется цензурою; говорилось лишь вообще о книгахъ по „военному дѣлу и государственнымъ наукамъ“. Для цензурнаго комитета провѣрить, какія изъ данныхъ книгъ, получаемыхъ въ числѣ другихъ большими тюками и ящиками изъ-за границы по адресу книжнаго магазина М. О. Вольфа, именно предназначались для Милютина, было очень трудно. И въ первую минуту въ цензурномъ комитетѣ возникъ вопросъ, какъ отнестись къ данному ходатайству. Однако, въ виду высокаго положенія просителя, комитетъ не рѣшился дѣлать какія-либо затруд-

ненія и—немедленно сообщилъ книжному магазину М. О. Вольфа, что прошеніе „принято къ исполненію“.

Вслѣдъ затѣмъ въ цензурный комитетъ стало поступать адресованное на книжный магазинъ Вольфа значительное число книгъ, касающихся конституціоннаго образа правленія въ иностранныхъ государствахъ. По принятому порядку, комитетъ хотѣлъ оставить всѣ эти книги для предварительнаго просмотра, но тутъ представитель Вольфа запротестовалъ, заявляя, что всѣ эти книги предназначаются для Д. А. Милютина. Доставка почти еженедѣльно книгъ такого содержанія въ цензурный комитетъ встревожила, наконецъ, цензоровъ. Опасаясь, какъ бы книги столь „опаснаго“ характера не попали въ постороннія руки, комитетъ заявилъ, что впредь желаетъ самъ доставлять непосредственно изъ цензуры Д. А. Милютину всѣ книги, предназначенныя для него. Вольфъ призналъ такое недовѣріе со стороны комитета оскорбительнымъ для себя, какъ представителя крупной книгопродавческой фирмы, и нарушающимъ его интересы. Увѣдомленный объ этомъ Милютинъ послалъ тогдашнему предсѣдателю комитета частное письмо, въ которомъ указывалъ, что, зная много лѣтъ Вольфа и питая къ нему полное довѣріе, онъ не видитъ необходимости въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ цензурою. И книги попрежнему выдавались изъ цензуры Вольфу, безъ предварительнаго просмотра, по одному только заявленію, что онѣ предназначены для Д. А. Милютина.

Послѣдній принадлежалъ къ числу постоянныхъ, вѣрныхъ кліентовъ-покупателей книжнаго магазина М. О. Вольфа и, являясь почти еженедѣльно лично въ книжный магазинъ, подобно многимъ другимъ сановникамъ того времени, обыкновенно долго бесѣдовалъ съ Вольфомъ, охотно слѣдовалъ при покупкѣ книгъ указаніямъ и совѣтамъ опытнаго книгопродавца, нерѣдко прибѣгалъ къ библіографическимъ познаніямъ Вольфа и его книжной памяти.

Хотя Милютинъ и интересовался главнымъ образомъ военною литературою, онъ все-таки не игнорировалъ и другихъ отраслей и усердно обзаводился книгами самаго разнообразнаго содержанія. Его интересовали и педагогика, и государственное право, и общественная гигіена, и политическая экономія, но въ особенности исторія.

Осенью 1879 года Милютинъ заявилъ Вольфу, что интересуется литературою по вопросамъ конституціоннаго управленія и желалъ бы имѣть важнѣйшія сочиненія по этому вопросу. Вольфъ, къ немалому удивленію министра, смогъ немедленно исполнить его желаніе и представилъ ему съ десятокъ имѣвшихся у него на складѣ книгъ на иностранныхъ языкахъ по данному вопросу.

— Я вижу, Маврикій Осиповичъ,—замѣтилъ смѣясь Милютинъ,—что вы предусмотрительно запаслись этими книгами. Неужели имѣется спросъ на нихъ?

— Ваше превосходительство, въ воздухѣ пахнетъ конституціей,—отвѣтилъ Вольфъ,—и я былъ бы плохимъ книгопродавцемъ, если бы не умѣлъ предугадывать интереса нашего общества къ той или другой отрасли литературы.

— Да, но вы все-таки ошибаетесь, предполагая, что мы наканунѣ конституціи, — серьезно возразилъ Милютинъ.—Да и вообще о конституціи у насъ не можетъ быть и рѣчи... Несомнѣнно, у насъ предстоятъ кое-какія измѣненія въ порядкѣ управленія, но отнюдь не имѣется въ виду конституція...

Несмотря, однако, на такое заявленіе, Милютинъ усердно продолжалъ интересоваться иностранною литературою по вопросамъ конституціоннаго права и представительнаго строя, выписывалъ изъ-за границы десятками книги, старыя и новыя, по этому праву и, очевидно, читалъ ихъ, изучалъ.

Какъ однако ни протестовалъ Милютинъ противъ мнѣ-

нія Вольфа, будто „въ воздухѣ пахнетъ конституціею“, очевидно, въ концѣ семидесятыхъ годовъ вопросъ о конституціи сильно интересовалъ высшія сферы. Въ этомъ отношеніи книжный магазинъ М. О. Вольфа, имѣвшій обширный кругъ покупателей въ этихъ именно сферахъ, являлся какъ бы барометромъ. Дѣло въ томъ, что спросъ на литературу о государственномъ управленіи въ иностранныхъ государствахъ въ эту эпоху принялъ, по крайней мѣрѣ въ книжномъ магазинѣ Вольфа, огромные размѣры.

— Что вы дѣлаете, Маврикій Осиповичъ, такъ поздно въ своемъ магазинѣ?— спросилъ однажды Аверкіевъ, заставъ Вольфа далеко за полночь надъ иностранными каталогами.

— Изучаю библіографію конституціи, — откровенно отвѣтилъ Вольфъ.—Помилуйте, чуть не каждый день обращаются теперь ко мнѣ за справками и указаніями по этой именно отрасли.

И Вольфъ говорилъ правду. Сановники, интересовавшіеся конституціею, за немногими исключеніями, не задавали себѣ труда самимъ изучать библіографію предмета, кстати сказать, тогда совершенно еще не разработанную. Они обращались къ Вольфу, въ твердомъ убѣжденіи, что онъ поможетъ имъ своими библіографическими познаніями и избавитъ отъ кропотливой работы разыскиванія книгъ по каталогамъ.

Любопытно, что обращались къ Вольфу и тѣ, которые были извѣстны какъ сторонники введенія конституціи, и тѣ, которые считались непоколебимыми ея противниками. На ряду съ Побѣдоносцевымъ и Строгановымъ, кліентами Вольфа были и графъ П. П. Шуваловъ, и Лорисъ-Меликовъ, и Абаза, и великій князь Константинъ Николаевичъ. И тѣ и другіе пріобрѣтали массу книгъ и брошюръ по вопросамъ представительнаго строя и такихъ, которыя имѣли къ этому строю какое-либо отношеніе.

Все это вызывало въ Вольфѣ убѣжденіе, что введеніе въ Россіи конституціи — только вопросъ времени, и онъ въ твердой надеждѣ на предстоящій значительный спросъ, счелъ своимъ долгомъ вытребовать изъ-за границы почти все, что только имѣлось въ продажѣ по конституціи.

Убѣжденіе и надежда Вольфа не оправдались. Когда, послѣ вступленія на престолъ Александра III, въ комитетѣ министровъ зашла рѣчь объ учрежденіи подготовительныхъ комиссій для разсмотрѣнія проекта новаго управленія, выработаннаго Лорисъ-Меликовымъ, Милютинъ, какъ извѣстно, потерпѣлъ пораженіе. Александръ III рѣшительно отклонилъ всякую мысль о конституціи и склонился въ сторону Побѣдоносцева, гр. Строганова и др., рѣзко возставшихъ противъ „растлевающаго“ будто бы новшества.

Милютинъ вскорѣ послѣ этого вышелъ въ отставку, а затѣмъ переѣхалъ въ Крымъ, гдѣ доживалъ свои дни въ... воспоминаніяхъ о свѣтлыхъ дняхъ и свѣтлыхъ надеждахъ своей жизни.

Необычайно скромный, доступный, разговорчивый, Милютинъ охотно, въ каждое свое посѣщеніе книжнаго магазина Вольфа, пускался въ разговоры то съ самимъ Вольфомъ, то съ его помощниками-приказчиками. Онъ освѣдомлялся, какими книгами интересуется публика, какія усерднѣе всего покупаютъ, высказывалъ при этомъ нерѣдко свои личные взгляды и мнѣнія. Но въ бесѣдахъ его сейчасъ можно было замѣтить серьезнаго военнаго человѣка, не любящаго лишнихъ словъ, лишней болтовни. Говорилъ онъ кратко, отрывисто, убѣдительно и на свои вопросы желалъ получать такіе же краткіе отвѣты.

Другъ Царя-Освободителя, горячій сторонникъ всѣхъ либеральныхъ реформъ того времени, онъ былъ и въ дни опалы и въ дни добровольнаго своего отшельничества другомъ всего того, что дали Россіи 60-е годы и до самой

своей смерти онъ не переставалъ однако интересоваться всѣмъ, что относилось къ представительному образу правленія. Объ этомъ свидѣтельствовали заказы на книги, присылаемые въ книжные магазины Т-ва М. О. Вольфъ, съ которыми сохранилъ сношенія до послѣднихъ дней своей жизни. Въ архивахъ Т-ва имѣются въ этомъ отношеніи интересные документы: письма престарѣлаго фельдмаршала, въ которыхъ онъ собственноручно указывалъ, какія высылать ему книги, какіе выписывать журналы. Послѣднее такого рода письмо, но уже только подписанное Милютинымъ, но написанное другою рукою, было получено изъ Симеиза всего за нѣсколько недѣль до смерти фельдмаршала.

Вскорѣ послѣ русско-турецкой войны 1877—78 года, Милютинъ сталъ интересоваться воспоминаніями полководцевъ, военныхъ и государственныхъ дѣятелей, при чемъ заявилъ Вольфу, что все это нужно ему для того, чтобы привести въ порядокъ свои собственныя записки.

— Многое пришлось мнѣ видѣть, многихъ крупныхъ событій приходилось быть свидѣтелемъ — многое я записывалъ на память, хотѣлось бы все это какъ-нибудь сохранить въ связномъ видѣ,—разсказывалъ онъ.

На замѣчаніе Вольфа, что эти записки представятъ крупный интересъ, но что едва-ли, по цензурнымъ и другимъ условіямъ, возможно будетъ ихъ когда-нибудь опубликовать, Милютинъ отвѣтилъ:

— Событія и ихъ подноготная, какъ показываетъ исторія, могутъ составлять тайну лишь до поры до времени... Кто знаетъ, не доживемъ ли мы до того времени, когда вчерашнія тайны станутъ общимъ достояніемъ?.. Что, однако, касается моихъ записокъ, то я твердо рѣшилъ, что онѣ могутъ появиться только спустя 50 лѣтъ послѣ моей смерти, когда никто уже не упрекнетъ меня въ томъ, что я повредилъ ему, выставилъ напоказъ его ошибки и недостатки...

Осуществленіемъ своей мысли Милютинъ занялся, однако, только послѣ 1881 года, когда удалился „на покой“. Тѣ „справки“, которыя онъ наводилъ въ письмахъ къ Вольфу, и тѣ книги, которыя онъ выписывалъ, свидѣтельствовали, что престарѣлый государственный дѣятель съ щепетильною добросовѣстностью относился къ задуманному труду. Неоднократныя попытки покойнаго редактора „Русской Старины“, М. И. Семевскаго, получить хотя бы незначительные отрывки изъ записокъ Милютина для помѣщенія въ журналъ, не увѣнчались успѣхомъ.

— Раньше пятидесяти лѣтъ послѣ моей смерти ни одна строчка моихъ „записей“ (такъ называлъ Милютинъ свои мемуары) не должна быть извѣстна никому, кромѣ меня.

МИНИСТРЪ-КНИГОЛЮБЪ.

ПОКАЖИТЕ мнѣ, какія у васъ имѣются новыя иностранныя книги по финансовымъ наукамъ, по политической экономіи и по государствовѣдѣнію.

Съ такими словами въ одинъ изъ осеннихъ дней 1879 года обратился къ старшему приказчику книжнаго магазина Маврикія Осиповича Вольфа, Межуеву, сгорбленный, суровый съ виду, блѣдный, бритый господинъ, похожій не то на актера, не то на финскаго пастора.

Просмотрѣвъ десятокъ предъявленныхъ ему книгъ, покупатель сухо замѣтилъ:

— Эта книга у меня уже есть... эту я знаю... эта меня не интересуетъ... А вотъ эти четыре я возьму... Кстати,—прибавилъ онъ,—когда вы получаете новыя иностранныя книги по интересующимъ меня вопросамъ?

Приказчикъ объяснилъ, что книжными магазинами Вольфа вообще всѣ иностранныя новинки получаются два раза въ недѣлю: по вторникамъ—французскія, по пятницамъ—нѣмецкія и англійскія, и если нѣтъ задержки со стороны комитета цензуры иностранной, куда отправляются на просмотръ всѣ получаемые изъ-за границы тюки съ книгами, то всѣ новинки въ тотъ же день поступаютъ въ продажу.

— Въ такомъ случаѣ я каждую субботу буду приходить смотрѣть ваши новинки и прошу откладывать для меня все, относящееся къ финансовымъ наукамъ и государствовѣдѣнію.

На вопросъ приказчика, на чье имя откладывать книги, покупатель отвѣтилъ кратко.

— Бунге.

Личность новаго покупателя въ книжномъ магазинѣ Вольфа была совершенно неизвѣстна. И не удивительно: Н. Х. Бунге жилъ до того времени въ Кіевѣ, гдѣ былъ профессоромъ и ректоромъ университета, и только что пріѣхалъ въ Петербургъ. О томъ, что его намѣрены назначить товарищемъ министра финансовъ, тогда не знали. Правда, его неоднократно приглашали, какъ свѣдущаго финансиста-теоретика, къ участію въ разныхъ комиссіяхъ, но точно такъ же приглашали и другихъ знатоковъ финансоваго права, и никто не подозрѣвалъ, что Бунге можетъ стать министромъ.

Своимъ неожиданнымъ назначеніемъ товарищемъ министра, а затѣмъ министромъ финансовъ Бунге, какъ тогда разсказывали, обязанъ былъ... лекціи о финансовомъ положеніи Россіи, которую онъ прочелъ императору Александу II. Вызванный самимъ государемъ высказать свое мнѣніе о способахъ подъема финансоваго положенія Россіи, Бунге, какъ передавали, хотя и совершенно неподготовленный къ этому, въ теченіе двухъ почти часовъ далъ такое блестящее объясненіе и сумѣлъ до того заинтересовать государя, что Александръ II по окончаніи аудіенціи сказалъ:

— Благодарю васъ. Вы мнѣ прочли прекрасную лекцію по финансовому праву.

И вотъ эта-то „лекція“ рѣшила дальнѣйшую судьбу Бунге, поставила его на высокій министерскій постъ а затѣмъ и на постъ предсѣдателя комитета министровъ.

— У насъ теперь новый типъ министра: министръ-книжникъ,—говорили въ высшихъ сферахъ, намекая на страсть Бунге къ книгамъ, о которой носились сказочные слухи.

Дѣйствительно, Бунге былъ рѣдкимъ въ своемъ родѣ собирателемъ и любителемъ книгъ. Его огромная библіотека заключала въ себѣ буквально все достопримѣчательное, касавшееся финансовой науки и государствовѣдѣнія, и на пополненіе ея онъ тратилъ почти все свое профессорское жалованье.

Самъ онъ считался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ государствовѣдѣнія. Въ кругахъ ученыхъ въ немъ видѣли крупную научную силу. Лекціи Бунге въ Кіевѣ по политической экономіи и по полицейскому праву, съ ярко выраженнымъ либеральнымъ направленіемъ, его сердечное отношеніе къ университетской молодежи — снискали ему громкую извѣстность въ передовыхъ кружкахъ. Назначеніе Бунге товарищемъ министра вызвало поэтому общее сочувствіе въ этихъ кружкахъ.

Въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ, однако, не только не долюбливали Бунге, но его даже... не могли терпѣть. Слишкомъ ужъ рѣзко онъ отличался отъ всѣхъ другихъ сановниковъ, слишкомъ мало въ немъ было „сановническаго“; слишкомъ „въ сторонѣ“ держался онъ отъ всѣхъ т. н. вліятельныхъ лицъ. Особенно не любили Бунге сторонники Каткова. И въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ всѣ мѣропріятія Бунге къ подъему финансовъ подвергались рѣзкимъ нападкамъ.

Однажды Катковъ, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, зашелъ въ магазинъ М. О. Вольфа какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оттуда выходилъ Бунге съ пачкою купленныхъ новыхъ книгъ подъ мышкою. Катковъ не могъ удержаться, чтобы не спросить:

— Что, этотъ книгоѣдъ, навѣрно, хорошій вашъ

кліентъ? Вся вѣдь его мудрость изъ нѣмецкихъ книжекъ... Для русскаго министра гораздо важнѣе знать и изучать русскую жизнь, а онъ изучаетъ иностранныя книжки...

Катковъ неоднократно глумился надъ Бунге, называя его то „министромъ-книжникомъ“, то „министромъ-книгоѣдомъ“. Ученые труды Бунге („Товарные склады и варранты“, „Возстановленіе денежной единицы“, „Металлическое обращеніе въ Россіи“ и др.) Катковъ ставилъ невысоко. Какъ извѣстно, Бунге относился ко всѣмъ нападкамъ Каткова совершенно спокойно и не препятствовалъ критикѣ своихъ мѣропріятій, оставаясь вѣрнымъ своему взгляду на необходимость допущенія возможно широкой свободы мнѣній.

Прозвища, данныя Бунге, „книжникъ“, „книголюбъ“ и „книгоѣдъ“ имѣли нѣкоторое основаніе въ томъ, дѣйствительно, исключительномъ интересѣ, доходившемъ до страсти, который проявлялъ министръ по отношенію къ книгамъ, и въ томъ уваженіи, которое онъ питалъ къ книгамъ. Несмотря на сложныя занятія по министерству, Бунге находилъ время, чтобы слѣдить за всѣми новыми сочиненіями, касавшимися интересовавшихъ его финансовыхъ и государственныхъ вопросовъ, перечитывать старыя книги, и считался у Вольфа однимъ изъ лучшихъ кліентовъ. Съ необычайною аккуратностью каждую субботу являлся онъ въ магазинъ Вольфа, просматривалъ всѣ полученныя за данную недѣлю новинки по интересовавшимъ его наукамъ, слѣдилъ за всѣмъ, что выходило новаго, и т. д. Суровый съ виду, молчаливый, сосредоточенный, онъ внимательно перелистывалъ разложенныя на прилавкѣ книги и откладывалъ тѣ, которыя находилъ для себя подходящими.

Когда же Вольфъ предложилъ присылать Бунге на квартиру новинки по интересующимъ его вопросамъ, тотъ рѣзко отвѣтилъ:

— Нѣтъ! Нѣтъ! Ради Бога, не присылайте!..

Спустя много времени послѣ этого, Вольфъ узналъ причину, почему именно Бунге такъ открещивался отъ присылки книгъ на домъ: Бунге до того увлекался книгами, что, получивъ въ руки какое-нибудь новое сочиненіе уже не могъ отъ него оторваться и засиживался за чтеніемъ до поздней ночи. Потому онъ и хотѣлъ избѣжать соблазна и предпочиталъ выбирать только непосредственно интересующія его книги въ самомъ магазинѣ Вольфа.

Узнавъ, что, кромѣ книгъ въ самомъ магазинѣ, у Вольфа имѣется еще довольно много книгъ въ комитетѣ цензуры иностранной, частью задержанныхъ, запрещенныхъ, частью же такихъ, которыя ждутъ еще просмотра цензорами, Бунге отправился въ комитетъ. Появленіе министра въ комитетѣ цензуры иностранной вызвало, конечно, переполохъ. Когда, согласно выраженному министромъ желанію, передъ нимъ открыли шкапъ съ задержанными книгами и дежурный тогда цензоръ Меллеръ сталъ что-то объяснять, Бунге сухо оборвалъ его:

— Мнѣ не нужны объясненія... Пожалуйста, продолжайте работу, которую вы прервали, а я самъ здѣсь разберусь...

Изъ числа находившихся въ комитетѣ книгъ Бунге отобралъ многія, въ томъ числѣ считавшіяся строго запрещенными, и затѣмъ, обратившись къ цензору Меллеру, спросилъ, какой существуетъ порядокъ относительно выдачи этихъ запрещенныхъ книгъ изъ цензуры. Меллеръ отвѣтилъ, что требуется подача прошенія на имя предсѣдателя комитета, но что онъ, Меллеръ, конечно, не будетъ настаивать на исполненіи этой формальности со стороны Бунге.

— Нѣтъ, я не желаю никакихъ исключеній... Разъ существуетъ такой порядокъ, я ему подчинюсь...

Въ этомъ, на первый взглядъ, мелкомъ фактѣ сказа-

лась типичная черта Бунге: его уваженіе къ закону, къ существующимъ порядкамъ. „Можно научно оспаривать цѣлесообразность того или другого закона, той или другой административной мѣры, но, пока они не отмѣнены, имъ надо подчиняться“,—таковъ былъ взглядъ, нерѣдко высказываемый и повторяемый Бунге.

Въ отличіе отъ многихъ другихъ высокопоставленныхъ кліентовъ книжнаго магазина Вольфа, очень часто пускавшихся въ разговоры какъ съ самимъ М. О. Вольфомъ, такъ и съ тогдашнимъ его помощникомъ Межуевымъ, Бунге не только не имѣлъ обыкновенія разговаривать, но и на предлагаемые вопросы отвѣчалъ всегда кратко, неохотно однимъ-двумя словами.

Какъ-то разъ, въ то время какъ Бунге разсматривалъ въ магазинѣ Вольфа только что полученныя иностранныя новости, Маврикій Осиповичъ, подойдя къ нему, спросилъ:

— Вы знакомы, Николай Христіановичъ, съ этою книгою? Она хотя и не новая, вышла въ 1873 году, но, кажется мнѣ, можетъ представить для васъ интересъ.

И онъ показалъ Бунге изданный Базуновымъ сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ подъ заглавіемъ „Памятники новой русской исторіи“.

Бунге равнодушно взглянулъ на заглавный листъ, поверхностно перелисталъ книгу и, положивъ ее въ сторону, замѣтилъ:

— Нѣтъ, это меня не интересуетъ.

— Но вы не обратили вниманія, что въ этомъ сборникѣ помѣщена докладная записка графа А. И. Остермана, представленная правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, о состояніи и потребностяхъ Россіи...—продолжалъ Вольфъ.

— Записка Остермана?—переспросилъ Бунге и сразу какъ-то встрепенулся, бросилъ разсматриваемую имъ другую книгу, жадно впился глазами въ Базуновскій сборникъ и тутъ же сталъ его читать.

— Да... да... очень интересно... Я возьму у васъ эту книгу,—сказалъ онъ.—Очень благодаренъ, что вы обратили на нее вниманіе... Очень-очень благодаренъ... Если встрѣтите еще что-нибудь подобное, пожалуйста, сообщите мнѣ,—и онъ горячо пожалъ руку Вольфу.

Чтобы понять, почему Бунге, обыкновенно сдержанный, сухой, молчаливый, вдругъ такъ заволновался указаніемъ Вольфа, нужно вспомнить, что это было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, въ эпоху своего рода эпидеміи докладныхъ записокъ и проектовъ реформы государственнаго управленія. Въ высшихъ сферахъ всѣ только и строчили докладныя записки, въ которыхъ предлагали всевозможныя мѣры то къ успокоенію волнующагося будто бы русскаго общества, то къ усиленію государственной власти, то къ подъему народнаго благосостоянія. Эти докладныя записки ходили въ рукописяхъ по рукамъ, иныя достигали даже трона. Не избѣгъ этой эпидеміи и Бунге: имъ тоже сочинялась какая-то подробная записка о полной будто бы реформѣ государственнаго управленія въ Россіи. Объ этой запискѣ говорили въ обществѣ, но никто не зналъ ея содержанія *).

Вотъ почему Вольфъ, вѣрный своему принципу обращать вниманіе высокопоставленныхъ своихъ кліентовъ на тѣ книги, которыя могутъ ихъ, такъ или иначе, интересовать, зная о готовящейся запискѣ Бунге, указали на неизвѣстную министру записку Остермана. И въ сношеніяхъ Бунге съ Вольфомъ этотъ случай имѣлъ большое значеніе: Бунге сталъ съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ Вольфу, охотно выслушивалъ его библіографическія указанія, пускался даже иногда въ разговоры на темы широкаго государственнаго значенія.

Пользуясь расположеніемъ Бунге, Вольфъ рѣшилъ

*) Свѣдѣнія объ этой запискѣ далъ Б. Глинскій въ „Истор. Вѣстн.“ (1911 г., VI).

обратиться къ нему, какъ министру финансовъ, съ представленіемъ о нуждахъ книжнаго дѣла и, заручившись согласіемъ другихъ книгопродавцевъ и издателей, представилъ Бунге записку о необходимости понизить плату за провозъ книгъ по желѣзнымъ дорогамъ, установить извѣстныя кредитныя льготы для книгопродавцевъ и пр.

Бунге внимательно прочелъ записку, испестрилъ ее своими замѣчаніями на поляхъ и, вызвавъ Вольфа къ себѣ, сказалъ:

— Ваши желанія были умѣстны тогда, когда, по словамъ одного изъ моихъ предшественниковъ (графа Канкрина), книга еще не была товаромъ. Теперь книга— товаръ, и надобности въ особенныхъ льготахъ для торговцевъ этого товара я не вижу.

Приготовленный къ подобному отвѣту, Вольфъ возразилъ:

— Если книга товаръ, то позвольте, ваше высокопревосходительство, приказать государственному банку смотрѣть на нее именно какъ на товаръ и выдавать намъ, издателямъ, подъ нее ссуды, какъ онѣ выдаются подъ другіе товары.

Бунге задумался, отмѣтилъ что-то карандашомъ на докладной запискѣ и сказалъ:

— Я объ этомъ подумаю...

Вопросъ объ оживленіи русской промышленности путемъ правительственныхъ ссудъ подъ товаръ и устройства такъ называемыхъ варрантовъ въ то время особенно интересовалъ Бунге. Можно было поэтому предполагать, что этотъ министръ-книголюбъ отнесется сочувственно къ ходатайству книгопродавцевъ.

Однако, вопросъ о государственной ссудѣ подъ книги такъ и остался не рѣшеннымъ подъ предлогомъ, что книга— это такой товаръ, цѣнность котораго нельзя опредѣлять обыкновеннымъ коммерческимъ способомъ.

ЗЛОЙ ГЕНІЙ РОССІИ.

Кто этотъ, точно высохшій, человѣкъ, въ очкахъ въ черной оправѣ, съ большими, оттопыренными ушами?—часто спрашивали въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ покупатели книжнаго магазина Маврикія Осиповича Вольфа, указывая на высокаго господина со страннымъ, худымъ, безъ кровинки, лицомъ, который, стоя у прилавка или конторки, шопотомъ разговаривалъ то съ самимъ М. О. Вольфомъ, то съ его приказчиками.

Спрашивали люди, не знавшіе въ лицо тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей и вершителей судебъ Россіи, потому что „высохшій старикъ“ былъ не кто иной, какъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, который въ то время—рѣчь идетъ о восьмидесятыхъ годахъ—занималъ уже постъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, считался однимъ изъ самыхъ важныхъ рычаговъ русской государственной машины, признавался первой и главной фигурой въ рядахъ русской бюрократіи, передъ которою одни преклонялись и котораго другіе ненавидѣли и проклинали.

Ему было тогда лѣтъ за пятьдесятъ (онъ родился въ 1827 году), но по внѣшнему виду—это былъ дѣйстви-

тельно „высохшій старикъ“, одною ногою уже стоявшій въ гробу. И никто не предвидѣлъ того, что этотъ старикъ доживетъ до преклоннаго возраста въ 80 лѣтъ, что онъ еще долго будетъ играть крупную роль въ исторіи Россіи и сможетъ задержать на многіе годы всѣ лучшія стремленія русской интеллигенціи, которая рвалась впередъ къ прогрессу.

Въ книжный магазинъ М. О. Вольфа онъ заходилъ часто, но въ отличіе отъ многихъ другихъ высокопоставленныхъ клієнтовъ, мало интересовался новинками книжнаго магазина, а обыкновенно рылся какія-нибудь старыя, забытыя книги по тремъ отраслямъ: юриспруденціи, богословію и педагогикѣ. И спеціально для Побѣдоносцева Вольфъ выписывалъ изъ Англіи, Франціи и Германіи массу старыхъ книгъ и брошюръ по этимъ вопросамъ. Книги Побѣдоносцевъ читалъ очень внимательно и часто дѣлился съ Вольфомъ вынесенными изъ чтенія ихъ впечатлѣніями.

— На прошлой недѣлѣ я у васъ купилъ такую-то и и такую-то книжонку, — разсказывалъ онъ иногда, — и только разстроился, читая ее: одни лукавыя обобщенія, нечестныя побужденія... А за границею это принимается чуть ли не за божескія истины...

Или:

— Вотъ хорошая книга: ничего въ ней новаго, но вѣрно истолковано древнее законодательство и умѣло доказана связь съ завѣтами Библіи...

Свои мнѣнія онъ всегда скрѣплялъ точными характеристиками и ссылками, свидѣтельствовавшими, съ какимъ вниманіемъ относился онъ къ каждой книгѣ.

Когда Вольфъ высказывалъ свое недоумѣніе по поводу того, какъ Побѣдоносцевъ, при многочисленныхъ своихъ административныхъ занятіяхъ, находитъ время читать такъ много, онъ отвѣчалъ:

— Нужно умѣть читать, а главное читать критически, усваивая только нужное и полезное и отбрасывая весь соръ, которымъ наполняютъ свои труды иные, такъ называемые, ученые Запада, въ особенности въ новѣйшее время...

Вообще о всѣхъ новыхъ западныхъ ученыхъ, въ особенности въ области государствовѣдѣнія, Побѣдоносцевъ былъ очень не высокаго мнѣнія, считалъ однихъ шарлатанами, другихъ обманщиками, „проповѣдующими прогрессъ изъ личныхъ выгодъ“ и т. д.

Больше всего негодовалъ Побѣдоносцевъ по поводу всѣхъ (въ восьмидесятыхъ годахъ, впрочемъ, не многихъ еще) книгъ, въ которыхъ восхвалялся парламентаризмъ.

Человѣкъ безспорно огромнаго ума, глубокихъ знаній, колоссальной эрудиціи, составитель знаменитаго „Курса гражданскаго права“, Побѣдоносцевъ представлялъ сравнительно рѣдкій типъ ученаго, до глубины души убѣжденнаго, что „масса населенія неспособна къ управленію“ и что она, эта масса, неминуемо поддастся вліянію людей, умѣющихъ воздѣйствовать на нее своимъ краснорѣчіемъ и ловкими пріемами. „Народу нужны дядьки, а не парламентскіе болтуны“,—было его подлинное выраженіе. Противникъ парламентаризма, онъ считалъ всѣхъ защитниковъ представительнаго строя врагами народа, преслѣдующими исключительно личныя свои цѣли. И онъ не только осуждалъ представительный государственный строй, но и всѣ тѣ учрежденія, въ которыхъ дается голосъ самому народу и общественному мнѣнію: и судъ присяжныхъ, и печать, и земство. Мало того: для благосостоянія общества онъ считалъ вреднымъ даже народное образованіе и находилъ, что нужно всѣми силами поддерживать, развивать и воспитывать въ народныхъ массахъ не умъ и знаніе, а душу и вѣру, привязанность къ прошлому, къ старымъ учрежденіямъ.

Побѣдоносцева считали „самымъ хитрымъ человѣкомъ въ Россіи“. Трудно поэтому сказать, были ли его сужденія дѣйствительно отраженіемъ его убѣжденій или же за этими сужденіями скрывались другія мысли, хотя даже злѣйшіе враги Побѣдоносцева цѣнили въ немъ его „убѣжденность“. Во всякомъ случаѣ его убѣжденіе въ томъ, что русскому народу не нужно широкое образованіе, рѣзко отличалось въ своихъ мотивахъ отъ взглядовъ Д. А. Толстого: тотъ боялся просвѣщенія, какъ пособника будто бы нигилизма и революціи; Побѣдоносцевъ же находилъ какую-то особую, ему одному понятную, прелесть въ невѣжествѣ народа.

— Утверждаютъ, что русскій народъ въ отношеніи знаній, просвѣщенія—младенецъ. И пусть: что можетъ быть прелестнѣе, завиднѣе невиннаго, неиспорченнаго младенца!—говорилъ онъ однажды Вольфу.—А сколько поэзіи, глубокой поэзіи въ народной вѣрѣ, въ его церковности, даже въ его суевѣріи! Наука, образованіе могутъ сдѣлать народъ умнѣе, разсудительнѣе, но не сдѣлаютъ его счастливѣе... Посмотрите на излюбленный нашею интеллигенціею Западъ; развѣ тамъ народъ не простая игрушка въ рукахъ безсовѣстныхъ, иногда очень ограниченнаго ума, низкихъ и безчестныхъ демагоговъ, которые, преслѣдуя исключительно личныя цѣли, произносятъ громкія, пошлыя фразы въ защиту будто бы народа, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ интересъ народа у нихъ только на словахъ...

Нерѣдко Побѣдоносцевъ, заходя въ книжный магазинъ Вольфа, заставалъ тамъ у прилавка знакомыхъ представителей администраціи, тоже выбиравшихъ книги, и вступалъ съ ними въ разговоръ. Вольфъ, какъ умѣлый хозяинъ, старался всегда объединить своихъ посѣтителей разговоромъ на одну какую-нибудь тему, такъ или иначе связанную съ вопросомъ о книгахъ, чтеніи, но при этомъ

почти всегда бесѣда какъ-то сама собою переходила на волновавшіе въ данную минуту всѣхъ вопросы политической и общественной жизни. И тоже почти всегда Побѣдоносцевъ въ такихъ случаяхъ любилъ высказывать свои мысли и взгляды, какъ будто желая, чтобы они получили широкое распространеніе. Лейтъ-мотивомъ всѣхъ высказывавшихся имъ взглядовъ служило рѣзкое осужденіе всѣхъ стремленій къ конституціи, о которой усердно говорили въ восьмидесятыхъ годахъ въ интеллигентскихъ кружкахъ Петербурга.

— Меня упрекаютъ, будто я тяну Россію вспять,— замѣтилъ однажды Побѣдоносцевъ.—Но это невѣрно, а вѣрно то, что я смотрю на Россію, какъ на величественное зданіе, построенное на прочномъ фундаментѣ, съ котораго разные шарлатаны пытаются его стащить, чего я допустить не желаю. Фундаментъ этотъ: православіе и самодержавіе. Я ничего не имѣю противъ надстроекъ надъ зданіемъ, если онѣ отвѣчаютъ фундаменту и общей архитектурѣ вѣкового зданія; но фундаментъ долженъ оставаться прочнымъ и нетронутымъ.

Побѣдоносцевъ отлично зналъ, что его въ либеральныхъ кругахъ считаютъ и называютъ „злымъ геніемъ Россіи“, и что онъ, при своемъ огромномъ вліяніи на высшія сферы, могъ бы при извѣстныхъ условіяхъ пріобрѣсти огромную популярность и славу,—но никакіе доводы, никакія убѣжденія не могли измѣнить его взглядовъ.

Побѣдоносцевъ очень любилъ старшаго приказчика книжнаго магазина М. О. Вольфа, Межуева, и даже, до извѣстной степени, руководилъ его образованіемъ, вѣрнѣе самообразованіемъ, давая совѣты, какія онъ долженъ читать книги. Межуевъ былъ типичный русскій самоучка, учился, какъ говорится, на „мѣдные гроши“, но усреднымъ чтеніемъ серьезныхъ книгъ настолько пополнилъ пробѣлы своего образованія, что съ нимъ охотно бесѣ-

довали и даже спорили многіе ученые, серьезные кліенты Вольфа, нерѣдко удивляясь его начитанности и, еще больше, его феноменальной, чисто библіографической памяти. Это былъ, въ буквальномъ смыслѣ слова „живой каталогъ", который въ состояніи былъ давать на память любыя библіографическія справки. Къ нему, между прочимъ, обращались многіе писатели восьмидесятыхъ годовъ то за подобными справками, то за совѣтомъ—удачное ли выбрано ими заглавіе для книги и т. п.

Мало образованный, даже малограмотный, Межуевъ обладалъ, однако, типично русскою „смѣткою" и умѣлъ такъ искусно скрывать свое невѣжество и такъ ловко вести разговоръ, что многіе считали его человѣкомъ съ большими знаніями. Къ его мнѣніямъ и сужденіямъ о книгахъ прислушивались даже самые серьезные посѣтители Вольфовскаго магазина. Но Побѣдоносцевъ часто повторялъ, что онъ цѣнитъ въ Межуевѣ не его память, способности, прилежаніе и стремленіе къ знанію, но его „русскую простоту", его здоровый, простой практическій русскій умъ.

Когда, послѣ смерти Межуева, его мѣсто у Вольфа занялъ Ѳ. И. Колесовъ, бывшій одно время самъ владѣльцемъ книжнаго магазина, Побѣдоносцевъ перенесъ свои симпатіи на послѣдняго, но часто вспоминалъ своего прежняго любимца.

Занятый всегда по горло то научными, то государственными дѣлами, Побѣдоносцевъ все же иногда засиживался по цѣлымъ часамъ въ магазинѣ Вольфа, бесѣдуя на излюбленныя имъ темы. И въ этихъ бесѣдахъ всегда сквозила какая-то странная, непонятная любовь къ „неученому русскому народу", какое-то преклоненіе передъ народною массою, которая вѣритъ, не разсуждая, сквозило твердое убѣжденіе, что задача русскихъ государственныхъ дѣятелей поддержать въ народѣ трогательную его наив-

ность и держать его подальше отъ „заразы западнаго прогресса“.

— Вотъ, рѣдкій человѣкъ, который ни на іоту за десятки лѣтъ не измѣнилъ своихъ взглядовъ!—говорилъ часто Вольфъ послѣ бесѣдъ съ Побѣдоносцевымъ.

Вольфъ имѣлъ право говорить такъ о Побѣдоносцевѣ, потому что вся ученая и государственная дѣятельность всесильнаго оберъ-прокурора св. синода до начала восьмидесятыхъ годовъ протекала, такъ сказать, на глазахъ Вольфа. Послѣдній зналъ Побѣдоносцева, когда тотъ былъ еще студентомъ училища правовѣдѣнія, зналъ его, когда онъ преподавалъ законовѣдѣніе будущему императору Александру III и великому князю Владимиру Александровичу, зналъ когда онъ служилъ затѣмъ въ министерствѣ юстиціи, сталъ сенаторомъ, членомъ Государственнаго Совѣта. Въ теченіе тридцати лѣтъ Побѣдоносцевъ былъ усерднымъ кліентомъ Вольфа и при томъ однимъ изъ тѣхъ, которые любили побесѣдовать и... поспорить съ молодымъ еще тогда, энергичнымъ и дѣятельнымъ книгопродавцемъ-издателемъ и охотно пускался съ нимъ въ очень откровенные разговоры.

Иногда въ разговорѣ Побѣдоносцевъ сознавался въ томъ, что даже на обѣдахъ у государя (Александра II) онъ замѣчаетъ враждебное къ себѣ отношеніе лицъ, бывающихъ при Дворѣ.

— Я многимъ непріятенъ,—повторялъ онъ,—потому что не привыкъ угождать, не считаюсь ни съ какими модными вѣяніями и говорю только то, въ чемъ глубоко убѣжденъ...

— Въ Государственномъ Совѣтѣ на меня многіе смотрятъ, какъ на закоренѣлаго консерватора-ретрограда. И мнѣ приходится цѣлыми часами доказывать, что мой консерватизмъ—это консерватизмъ народный: моими устами говоритъ простой русскій человѣкъ, съ народною душою...

Когда Вольфъ, предпринявъ изданіе популярной русской исторіи въ отдѣльныхъ очеркахъ и разсказахъ Разина и Лапина, поднесъ экземпляръ Побѣдоносцеву, тотъ замѣтилъ:

— Вотъ по исторіи Россіи слѣдовало бы издавать вообще побольше книгъ. Исторія — величайшая и полезнѣйшая изъ наукъ. Но книги по исторіи нужно составлять такъ, чтобы онѣ развивали любовь къ прошлому, показывали бы, что главная опора государства—вѣра, что все то прекрасное и хорошее, что было въ прошломъ, создавалось вѣрою, и что между исторіею русскаго государства и православною церковью тѣсная связь и раздѣлить ихъ нельзя.

И тутъ же Побѣдоносцевъ сдѣлалъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній по адресу тѣхъ историческихъ писателей, которые „изъ низкой злобы и безчестныхъ побужденій“ подвергаютъ прошлое Россіи критикѣ и стараются отнять у читателей вѣру въ великія, историческія легенды...

Всѣ такія замѣчанія Побѣдоносцевъ дѣлалъ авторитетнымъ тономъ, на возраженія же отвѣчалъ иногда рѣзко, волнуясь:

— Пусть ученые французы, нѣмцы, англичане поносятъ свое прошлое—это ихъ дѣло. Нашъ русскій народъ — неученый, но онъ нравственнѣе, религіознѣе, и его религіозность нужно поддерживать.

Очень часто Побѣдоносцевъ жаловался Вольфу на переутомленіе, вызванное частью непосильной работой, частью необходимостью защищаться противъ всевозможныхъ нападокъ въ высшихъ сферахъ.

— Хотѣлось бы удалиться куда-нибудь въ глушь и всецѣло посвятить себя наукѣ и молитвѣ... А то, чего только ни приходится дѣлать: и въ Государственномъ Совѣтѣ говорить до изнеможенія, чтобы не дать торжествовать вреднымъ либеральнымъ тенденціямъ, и исправлять литературныя упражненія разныхъ принцессъ, и

составлять молитвенникъ для государыни!.. Давно бы бросилъ все это, если-бъ не сознавалъ, что я нуженъ, что на мнѣ лежитъ обязанность говорить то, чего не рѣшаются сказать другіе...

Послѣ вступленія на престолъ императора Александра III многіе думали, что Побѣдоносцевъ осуществитъ свое намѣреніе и „удалится въ глушь“. Но оказалось не то: онъ сталъ однимъ изъ ближайшихъ вдохновителей внутренней политики новаго государя и однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ, сохранивъ свое положеніе вплоть до 1905 года, когда, ошеломленный неожиданнымъ „новымъ курсомъ“, призналъ, что его воззрѣнія уже больше „не ко двору“, и оставилъ постъ оберъ-прокурора св. синода.

Въ восьмидесятыхъ годахъ ходила по рукамъ, въ рукописи, слѣдующая злая эпиграмма на Побѣдоносцева:

Побѣдоносцевъ онъ въ синодѣ,
Обѣдоносцевъ при дворѣ,
Бѣдоносцевъ онъ въ народѣ,
И Доносцевъ онъ вездѣ.

Подозрѣвали Минаева въ авторствѣ этой эпиграммы. Очевидно, Побѣдоносцевъ зналъ объ эпиграммѣ и тоже считалъ Минаева ея авторомъ, потому что, замѣтивъ однажды Минаева въ магазинѣ Вольфа, сердито произнесъ:

— Развѣ этотъ шутъ гороховый бываетъ у васъ? Я думалъ, онъ только и знаетъ дорогу въ трактиръ и въ заведенія съ крѣпкими напитками...

А когда Вольфъ замѣтилъ, что Минаевъ переводитъ для него „Божественную Комедію“ Данте, перелагаетъ въ стихотворную форму русскія народныя сказки и пр., Побѣдоносцевъ не могъ удержаться, чтобы не спросить злобно:

— А какъ онъ у васъ пишетъ: распивочно или на вынось?

Замѣчаніе это въ устахъ Побѣдоносцева являлось тѣмъ болѣе страннымъ, что онъ, хотя и не стѣснялся никогда въ выраженіяхъ и говорилъ рѣзко, но никогда не позволялъ себѣ никакихъ остротъ, каламбуровъ и т. п.

СКОБЕЛЕВЪ И КНИГИ.

Я точно сейчасъ вижу передъ собою высокую, статную фигуру молодого бѣлокураго генерала, съ красивымъ, энергичнымъ, милымъ лицомъ, съ большими баками,—фигуру, во внѣшности которой замѣтно было, что этотъ молодой генералъ умѣетъ повелѣвать...

Это было въ 1877 году, въ самомъ началѣ войны.

Въ ранній часъ апрѣльскаго утра въ магазинъ М. О. Вольфа въ Петербургѣ, быстро открывъ дверь, вошелъ молодой генералъ, съ накинутымъ на плечо башлыкомъ.

— Михаилъ Дмитріевичъ, вы въ Петербургѣ?—обратился къ раннему посѣтителю удивленный Маврикій Осиповичъ, сразу узнавшій въ молодомъ генералѣ своего давнишняго кліента, Скобелева, когда-то браваго гусарскаго ротмистра, интересовавшагося исключительно легкими французскими романами и во время своихъ пріѣздовъ въ столицу зачитывавшагося такими романами. Этотъ-то бравый ротмистръ сталъ извѣстнымъ героемъ, побѣдителемъ въ Хивѣ и Кокандѣ.

— Да, я. Сегодня утромъ пріѣхалъ и вотъ уже у васъ. Надѣюсь, найду у васъ то, что мнѣ нужно...

— Конечно, вы имѣете въ виду литературу о Балканахъ, о Турціи?—догадался Вольфъ.

— Да. Прикажите подать мнѣ всѣ книги и брошюры, которыя у васъ имѣются о Балканахъ и Турціи, все равно на какомъ языкѣ.

— Увы, на этотъ разъ мой книжный магазинъ едва ли въ состояніи будетъ удовлетворить ваше превосходительство,—отвѣтилъ Вольфъ.—Во-первыхъ, книгъ по интересующему васъ предмету, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, вообще очень мало, а тѣ немногія, какія были у меня, раскуплены за послѣднее время,.. Остались однѣ крохи...

— Дайте крохи. Можетъ быть, найду между ними, что мнѣ нужно...

Въ то время, какъ Скобелевъ разсматривалъ принесенныя книги, Вольфъ замѣтилъ:

— Вы, Михаилъ Дмитріевичъ, конечно, ѣдете въ дѣйствующую армію?

— Да, ѣду, если только пустятъ,—отвѣтилъ кратко Скобелевъ.—Но пока не знаю, какой вѣтеръ подуетъ оттуда...

И онъ сдѣлалъ жестъ рукою.

Вольфъ понялъ этотъ жестъ. Для него, какъ и для всего общества того времени, не составляло тайны, что на Скобелева косились въ высшихъ сферахъ, завидовали его успѣхамъ и побѣдамъ въ Средней Азіи, считали его боевую славу дутой и не хотѣли дать молодому генералу случая показать свои способности въ „серьезной войнѣ съ серьезнымъ противникомъ“. „Одно дѣло воевать съ „халатниками“ (т.-е. съ кокандцами), а другое съ турками“,— говорили тогда.

И Скобелеву не безъ труда удалось, по пріѣздѣ въ Петербургъ, добиться аудіенціи у императора Александра II.

Тогда разсказывали, что Скобелевъ, находившійся до того времени въ Средней Азіи, какъ только пошли толки

о возможной войнѣ съ Турціей, сталъ проситься въ дѣйствующую армію. Но ему даже не отвѣчали. Скобелевъ, не долго думая, безъ спроса, безъ разрѣшенія, бросилъ занимаемый административный постъ начальника области въ Средней Азіи и пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью хлопотать о назначеніи его на театръ войны. Поведеніе генерала нашли нарушеніемъ военной дисциплины. Императоръ Александръ II принялъ будто бы Скобелева очень сухо и при первыхъ же словахъ поставилъ ему на видъ, что онъ, бросивъ безъ разрѣшенія мѣсто службы, совершилъ преступленіе.

— Государь,—отвѣтилъ будто бы Скобелевъ,—я чувствую за собою вину и знаю, что ваше величество имѣетъ полное основаніе разжаловать меня въ солдаты... Я рѣшаюсь просить лишь въ такомъ случаѣ оказать мнѣ милость и послать меня солдатомъ въ дѣйствующую армію.

Результатомъ разговора съ императоромъ былъ отъѣздъ Скобелева на Дунай. Но ему не дали никакого порученія, а прикомандировали лишь къ главной квартирѣ...

Насколько точно воспроизведенъ мною эпизодъ назначенія Скобелева въ дѣйствующую армію—судить не берусь. Передаю его такъ, какъ его разсказывали въ 1877 году.

Тѣ дни, когда рѣшалась участь его, Скобелевъ посвятилъ на изученіе очень небогатой литературы о Турціи и Балканахъ. Кромѣ официальной квартиры, которую онъ снялъ въ одной изъ гостиницъ, онъ нанялъ комнату на Фонтанкѣ, у одного знакомаго отставного офицера, и туда ему отсылались изъ книжнаго магазина Вольфа всѣ тѣ касающіяся Турціи и Балканъ книги, брошюры, карты, которыя только можно было получить тогда въ Петербургѣ. Объ этой второй квартирѣ Скобелева знали, очевидно, немногіе. Это была какъ бы секретная

рабочая комната генерала, и тамъ онъ часто засиживался за книгами и картами до поздней ночи. А своихъ знакомыхъ онъ принималъ въ пустомъ нумерѣ гостиницы...

Чуть не каждый день Скобелевъ заходилъ въ книжный магазинъ Вольфа, все разыскивая книги о Турціи и Балканахъ.

— Разрѣшите мнѣ самому порыться у васъ на полкахъ,—обратился онъ однажды къ Вольфу, не довѣряя приказчикамъ. И забравшись въ верхній складъ, гдѣ находилось отдѣленіе историческихъ, географическихъ и военныхъ книгъ, онъ просидѣлъ тамъ часъ-другой, отбирая не только книги, непосредственно относившіяся къ военному дѣлу но и чисто историческія и другія.

На замѣчаніе Вольфа, что, вѣроятно, полная коллекція необходимыхъ книгъ о Турціи и Балканахъ находится въ библіотекѣ Главнаго Штаба, Скобелевъ не то сердито не то презрительно махнулъ рукой...

Въ то время почти единственнымъ серьезнымъ сочиненіемъ, изъ котораго вся тогдашняя печать и всѣ писавшіе о Балканахъ черпали свои свѣдѣнія, была нѣмецкая книга Каница „Donau-Bulgarien und der Balkan“. Ее, конечно, быстро раскупили, и она стала рѣдкостью. По порученію Скобелева приказчики Вольфа стали разыскивать ее у букинистовъ, но не нашли. Тогда Скобелевъ попросилъ узнать, не извѣстны ли фамиліи лицъ, купившихъ книгу, и у одного изъ постоянныхъ покупателей книжнаго магазина Вольфа удалось буквально „выпросить“ экземпляръ для Скобелева на нѣсколько дней.

— Старо, поверхностно и невѣрно,—кратко гласила оцѣнка Скобелева, когда онъ лично вернулъ книгу.

Передъ самымъ отъѣздомъ на войну Скобелевъ еще разъ зашелъ въ книжный магазинъ Вольфа и заявилъ.

что, вѣроятно, ему во время пребыванія въ главной квартирѣ дѣйствующей арміи понадобятся кое-какія книги, которыя онъ просилъ прислать ему. На вопросъ Вольфа, по какому адресу ихъ послать, Скобелевъ отвѣтилъ:

— Сообщу телеграммой... Впрочемъ, думаю, можете адресовать въ Константинополь.

Это было сказано не въ шутку, а какъ бы съ полною увѣренностью, что черезъ нѣсколько недѣль русскія войска очутятся въ столицѣ Оттоманской имперіи.

Увы!—Скобелевъ, какъ и другіе военачальники того времени, сильно ошибался: походъ оказался труднѣе, нежели думали...

По окончаніи войны Скобелевъ, пріѣхавъ въ Петербургъ генералъ-адъютантомъ, съ громкою, всемірною славою, опять зашелъ къ Вольфу. Какъ разъ въ это время въ книжномъ магазинѣ Вольфа находился Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, ѣздившій на войну корреспондентомъ „Новаго Времени“ и сблизившійся тамъ со Скобелевымъ. Генералъ сердечно поздоровался съ Немировичемъ-Данченко и на вопросъ послѣдняго, куда онъ направляется изъ Петербурга, отвѣтилъ:

— Пока ничего не знаю... Жду, какой вѣтеръ подуетъ оттуда...

И—опять выразительный жестъ рукою...

Во время пребыванія въ Петербургѣ Скобелевъ вновь сталъ усерднымъ кліентомъ книжнаго магазина Вольфа. Томившійся мирнымъ временемъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій новой войны, онъ съ удвоеннымъ усердіемъ принялся за чтеніе. Покупалъ онъ и читалъ поразительно много и читалъ съ какой-то лихорадочною быстротою. Историческіе романы, жизнеописанія полководцевъ на всѣхъ языкахъ покупалъ онъ цѣлыми десятками. Но ихъ только читалъ, а не собиралъ, оставляя у себя лишь немногія сочиненія научнаго, преимущественно энцикло-

педическаго характера. Больше всего его интересовали славянскія земли, ихъ исторія, литература. Этотъ интересъ къ слявянству прервала Ахалъ-Текинская экспедиція 1880—81 гг., во главѣ которой сталъ Скобелевъ. Окончилась экспедиція, и Скобелевъ уѣзжаетъ въ с. Спасское, Рязанской губ., откуда изъ книжнаго магазина Вольфа выписываетъ огромное количество книгъ по... сельскому хозяйству, очевидно, съ намѣреніемъ лично заняться этимъ дѣломъ. А всего за нѣсколько дней до смерти (25 іюня 1882 г.) книжный магазинъ М. О. Вольфа получилъ отъ Скобелева заказъ на цѣлый рядъ книгъ о Германіи, германской арміи и пр., заказъ, свидѣтельствовавшій, что генералъ думалъ покинуть сельскую глушь и вернуться къ „жизни“...

СТРОИТЕЛЬ НИКОЛАЕВСКАГО МОСТА.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ тогдашній петербургскій „король-репортеровъ“ Шрейеръ объѣзжалъ всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ и издателей столицы и предлагалъ имъ вопросъ: „какой слой русскаго общества больше всего покупаетъ книги?“

Слово „интервью“ не было еще тогда въ обращеніи, и свой „объѣздъ“ Шрейеръ называлъ „газетною справкою“, заявляя, что собранныя имъ свѣдѣнія послужатъ для заказанной ему газетной статьи.

Многіе изъ книгопродавцевъ затруднялись дать отвѣтъ на вопросъ Шрейера. Категорическій отвѣтъ, по словамъ Шрейера, далъ, ничуть не задумываясь, одинъ только Маврикій Осиповичъ Вольфъ.

— Больше всѣхъ покупаютъ книги въ данное время инженеры,—сказалъ онъ.

Дѣйствительно, въ эпоху усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства, въ семидесятыхъ годахъ, инженеры, получавшіе огромные оклады и наживавшіе большія деньги, являлись — по крайней мѣрѣ въ книжномъ магазинѣ Вольфа—лучшими покупателями книгъ, своего рода меценатами книжной торговли, тратили на книги крупныя суммы.

Въ числѣ кліентовъ книжнаго магазина М. О. Вольфа былъ цѣлый рядъ инженеровъ и многіе изъ нихъ покупаютъ въ годъ книгъ на нѣсколько тысячъ рублей.

Покупали они, конечно, прежде всего книги по своей спеціальности, дорогія иностранныя сочиненія по мостовому и желѣзнодорожному строительству, архитектурѣ, техникѣ чугуннаго производства и пр. Книги этого рода получались Вольфомъ еженедѣльно цѣлыми огромными тюками и ящиками и быстро расходились среди спеціалистовъ.

Но инженеры покупали не только спеціальныя сочиненія. Пріѣзжавшіе въ Петербургъ съ „линій“ строители съ туго набитыми денежными мѣшками пріобрѣтали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и другія роскошныя иностранныя изданія, такъ называемыя „éditions du luxe“, покупали классиковъ въ дорогихъ переплетахъ, и т. п.

Въ то время считалось признакомъ хорошаго тона, великосвѣтскою модою имѣть на столѣ нѣсколько большихъ, дорогихъ художественныхъ изданій. Тѣ суммы, которыя теперь многіе тратятъ на картины, на сомнительнаго художественнаго достоинства бронзу фабричнаго производства и пр., — тогда расходовались на изящные шедевры книжнаго дѣла. Въ особенности, въ концѣ осени и въ началѣ зимы, когда начинался съѣздъ инженеровъ послѣ лѣтнихъ работъ, отчетные кассовые листы книжнаго магазина Вольфа такъ и пестрѣли суммами въ 200, 300, 500 и больше рублей, вырученныхъ за день отъ продажи роскошныхъ изданій то одному, то другому инженеру. И Вольфъ имѣлъ полное основаніе заявить Шрейеру:

— Инженеры—это наши благодѣтели; ими только и держимся теперь мы, книгопродавцы; они—единственные крупные у насъ покупатели.

Чтобы удовлетворить спросу своихъ кліентовъ, Вольфъ

держалъ всегда большой запасъ дорогихъ изданій и въ отношеніи богатства выбора такихъ изданій ему, между книгопродавцами Россія, принадлежало первое мѣсто.

Среди инженеровъ, особенно усердно покупавшихъ книги, самымъ виднымъ былъ Станиславъ Валеріановичъ Кербедзъ.

Многимъ ли теперь, за исключеніемъ спеціалистовъ инженернаго дѣла, извѣстна эта фамилія?

Я имѣю основаніе полагать, что немногимъ. А между тѣмъ Кербедзъ является выдающеюся личностью. Съ его именемъ связанъ цѣлый рядъ очень крупныхъ сооруженій, составляющихъ славу Россіи въ области инженернаго искусства. Это онъ построилъ первый постоянный, каменный мостъ черезъ Неву—Николаевскій, который долгое время считался однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ сооруженій этого рода въ мірѣ; по его же, Кербедза, проекту былъ сооруженъ въ Варшавѣ, чрезъ Вислу, Александровскій мостъ; онъ, Кербедзъ, впервые ввелъ систему желѣзныхъ рѣшетчатыхъ фермъ въ мостовыхъ сооруженіяхъ и примѣнилъ ее въ мостахъ желѣзной дороги, соединившей Варшаву съ Петербургомъ (чрезъ рр. Лугу, Западную Двину, Великую и пр.); подъ его же руководствомъ былъ составленъ проектъ Морского канала для С.-Петербургскаго порта и др., и пр.

Но наибольшую славу доставилъ Кербедзу Николаевскій мостъ, „мостъ-первенецъ въ Россіи“, по выраженію Кербедза.

Когда въ 1840 году былъ рѣшенъ вопросъ о необходимости сооруженія постояннаго моста чрезъ Неву, который соединилъ бы центръ Петербурга съ Васильевскимъ Островомъ, и когда для сооруженія этого моста предполагалось пригласить инженеровъ-иностранцевъ, императоръ Николай I спросилъ: „Неужели среди воспитанниковъ петербургскаго корпуса путей сообщенія нѣтъ никого, кому

можно было бы поручить это дѣло?“ Императору отвѣтили, что единственный изъ инженеровъ, получившихъ спеціальное образованіе въ Россіи, который могъ бы взяться за это дѣло,—это молодой, 29-лѣтній тогда инженеръ Кербедзъ. И хотя Кербедзъ былъ полякъ, ему все-таки довѣрили это крупное сооруженіе, предоставивъ очень широкія полномочія.

Постройка моста продолжалась 8 лѣтъ (съ 1842 по 1850 годъ). Императоръ Николай I очень интересовался ходомъ работъ, и Кербедзъ постоянно долженъ былъ докладывать о томъ, какъ подвигается сооруженіе.

Разсказываютъ по этому поводу слѣдующій анекдотъ. Когда началась постройка моста, императоръ Николай I велѣлъ выдавать Кербедзу за каждый быкъ по чину. Узнавъ объ этомъ, Кербедзъ будто бы сдѣлалъ измѣненіе въ своемъ планѣ и, вмѣсто первоначально предполагавшихся четырехъ быковъ, построилъ мостъ на 6 быкахъ... Такимъ образомъ, начавъ постройку инженеръ-поручикомъ, онъ кончилъ ее въ чинѣ инженеръ-генерала.

Конечно, анекдотъ сильно расходится съ дѣйствительностью и не отвѣчаетъ даже характеру Кербедза—человѣка, никогда не льстившагося на чины и почетъ и идеально-честнаго. Фактъ лишь то, что за постройку моста Кербедзъ былъ награжденъ высокимъ чиномъ, получилъ очень крупное денежное вознагражденіе, ставъ такимъ образомъ богатымъ человѣкомъ. Необычайно скромный въ своей личной жизни, Кербедзъ продолжалъ и далѣе жить такъ же скромно, какъ жилъ и раньше, а когда его упрекали въ скупости, стереотипно повторялъ: „деньги пригодятся на старость, а если не доживу до старости—пригодятся другимъ“. Единственныя крупныя траты, которыя дѣлалъ Кербедзъ, были на книги: онъ покупалъ буквально всѣ, какія только выходили во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, въ Америкѣ, новыя сочиненія по

инженерному искусству, прикладной механикѣ, строительному дѣлу и пр. Съ туго набитымъ деньгами портфелемъ приходилъ онъ нерѣдко въ магазинъ Вольфа, а уходя, смѣясь заявлялъ:

— Придется у васъ, Маврикій Осиповичъ, просить двугривенный въ долгъ на извозчика: всѣ деньги опять оставилъ въ вашей кассѣ.

Происходя изъ очень бѣдной крестьянской семьи, жившей въ Литвѣ, Кербедзъ окончилъ сначала виленскій университетъ, а затѣмъ поступилъ въ корпусъ путей сообщенія въ Петербургѣ и жилъ на средства, добывавшіяся имъ частными уроками, при чемъ часто очень нуждался. По окончаніи института онъ былъ оставленъ при институтѣ въ качествѣ ассистента по математикѣ, прикладной механикѣ и строительному искусству. Но должность эта оплачивалась тогда такъ мизерно, что у Кербедза, когда онъ женился, не хватило даже на покупку золотого обручальнаго кольца, и онъ долженъ былъ удовольствоваться серебрянымъ. Это кольцо, почернѣвшее, онъ носилъ до конца жизни и иногда говорилъ:

— Мое кольцо напоминаетъ мнѣ о такихъ же бѣдныхъ, какимъ былъ я...

Педагогическая дѣятельность Кербедза, начавшаяся очень рано (онъ ее началъ, какъ сказано, студентомъ, а 21-го года преподавалъ уже въ институтѣ), была очень разнообразна: онъ читалъ лекціи въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, въ горномъ корпусѣ, въ морскомъ корпусѣ, въ военно-инженерной академіи. Въ то же время онъ усердно работалъ, какъ инженеръ-писатель, и его статьи въ теченіе многихъ лѣтъ составляли украшеніе „Журнала Путей Сообщенія“. Съ профессорскою и научною дѣятельностью чередовалась практическая: всю свою жизнь онъ постоянно строилъ, разрабатывалъ проекты, стоялъ во главѣ разныхъ комиссій по сооруженію желѣз-

ныхъ дорогъ, каналовъ и пр., и пр. Онъ, между прочимъ, первый выдвинулъ вопросъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и сталъ горячо отстаивать необходимость „спѣшить съ этимъ важнѣйшимъ для государства дѣломъ". Малая доходность построенной въ 1835 г. частными предпринимателями Царскосельской желѣзной дороги, смущавшая и удерживавшая многихъ отъ новыхъ предпріятій этого рода, не пугала Кербедза; въ особомъ докладѣ, составленномъ послѣ поѣздки съ П. П. Мельниковымъ за границу для ознакомленія съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, онъ твердо увѣрялъ, что для Россіи желѣзныя дороги нужнѣе, чѣмъ для какой-либо другой страны, и что „подъ рельсами окажутся залежи золота".

— Желѣзныя дороги нужны только богатымъ людямъ; это—прихоть; народъ по нимъ ѣздить не будетъ,—говорили тогда одни.

— Если мы построимъ желѣзныя дороги, вся Россія переѣдетъ въ Петербургъ,—высказывали опасеніе другіе.

Кербедзъ не раздѣлялъ ни того, ни другого мнѣнія—и, гдѣ только и когда только могъ, ратовалъ за необходимость сооруженія желѣзныхъ дорогъ, видя въ этомъ дѣло первой государственной важности.

Первыя желѣзныя дороги строились безъ непосредственнаго участія самого Кербедза, занятаго работами по сооруженію Николаевскаго моста, но въ исторіи этихъ первыхъ желѣзныхъ дорогъ Кербедзу все же принадлежитъ видное мѣсто, какъ человѣку, который твердо настаивалъ на томъ, что дороги нужны, и который принималъ участіе въ комиссіяхъ по постройкѣ ихъ.

Въ 1857 — 59 гг. Кербедзъ сталъ, наконецъ, самъ во главѣ постройки желѣзнодорожной линіи С.-Петербургъ-Лигово-Петергофъ и С.-Петербургъ Красное Село. Послѣ этого онъ строилъ многіе каналы (Новосясскій и Новосвирскій) и пр., и пр.

Работоспособность Кербедза была изумительна.

— Вы сжигаете работою вашу жизнь,—говорили ему, на что онъ отвѣчалъ всегда:

— Я считаю, что жить и работать — это одно и то же; для меня нѣтъ жизни безъ работы.

И, въ самомъ дѣлѣ, этотъ человѣкъ, дожившій до 90 лѣтъ, не зналъ никогда отдыха, потому что даже отдыхомъ онъ считалъ чтеніе и изученіе спеціальныхъ ученыхъ трудовъ по инженерному дѣлу.

— Уѣзжаю на мѣсяцъ въ отпускъ, — заявлялъ онъ иногда, заходя въ книжный магазинъ Вольфа,—хочу взять съ собою побольше новыхъ книгъ. На досугѣ можно внимательнѣе почитать...

И онъ бралъ съ собою десятки книгъ по инженерному дѣлу.

Какъ полякъ и притомъ горячій польскій патріотъ, Кербедзъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые, сохраняя искреннюю любовь къ своей родинѣ, въ то же время не менѣе искренно любили и ту страну, гдѣ судьба заставила ихъ работать. Онъ, дѣйствительно, любилъ Россію. Любилъ и вѣрилъ въ нее. Держась въ сторонѣ отъ всякой политики, онъ однако всегда сочувствовалъ прогрессивнымъ стремленіямъ лучшей части русскаго общества и высказывалъ увѣренность въ скорую побѣду этихъ стремленій.

Однажды—это было въ 1877 году, въ началѣ русско-турецкой войны,—Кербедзъ какъ-то раннимъ утромъ зашелъ въ книжный магазинъ Вольфа.

— Вы читали сегодняшнюю замѣтку въ „Голосѣ“?—спросилъ его Вольфъ.—Она и васъ касается.

— Нѣтъ, не читалъ,—отвѣтилъ спокойно Кербедзъ.

Вольфъ показалъ ему номеръ „Голоса“, въ которомъ на первомъ мѣстѣ въ хроникѣ была помѣщена замѣтка о томъ, что носятся слухи, будто поляки, служащіе въ

значительномъ числѣ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, намѣрены использовать свое положеніе, чтобы создать Россіи затрудненія при передвиженіи войскъ.

— Это—ложный, гнусный доносъ! — воскликнулъ, волнуясь, Кербедзъ.—Я сейчасъ ѣду во дворецъ къ государю!..

И, бросивъ портфель и бумаги, дѣйствительно поѣхалъ въ Зимній дворецъ, гдѣ добился аудіенціи. Императоръ Александръ II, хорошо знавшій Кербедза, который всегда сопровождалъ государя въ поѣздкахъ по желѣзнымъ дорогамъ, успокоилъ взволновавшагося старика и, какъ послѣдній самъ разсказывалъ, заявилъ ему, что не придаетъ значенія гнусной клеветѣ, догадывается о мотивахъ ея появленія и сохраняетъ довѣріе какъ къ самому Кербедзу, такъ и ко всѣмъ другимъ полякамъ, служившимъ на линіяхъ.

И Кербедзъ не только сохранилъ свое высокое положеніе въ вѣдомствѣ путей сообщенія, но получилъ еще повышеніе—чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Дожилъ онъ до преклоннаго возраста, осуществивъ на склонѣ лѣтъ свою мечту — провести послѣдніе годы жизни въ любимой имъ Варшавѣ. И до самыхъ послѣднихъ дней онъ не переставалъ интересоваться литературою по инженерному дѣлу.

ПОКРОВИТЕЛЬ ССЫЛЬНЫХЪ.

Въ польскомъ музеѣ во Львовѣ, среди историческихъ достопримѣчательностей, относящихся къ минувшему прошлому Польши, имѣется особый отдѣлъ, носящій названіе „Сибирскія паміонтки“. Отдѣлъ этотъ состоитъ изъ вещественныхъ воспоминаній, вывезенныхъ поляками, побывавшими въ каторгѣ или въ ссылкѣ въ Сибири. Тутъ есть и кандалы каторжныхъ, ихъ костюмы, издѣлія, сработанныя ими въ ссылкѣ, модели домиковъ поселенцевъ, портреты болѣе извѣстныхъ ссыльныхъ поляковъ, частью казненныхъ, частью бѣжавшихъ, частью освобожденныхъ въ силу манифестовъ, и пр., и пр. Среди такого рода польскихъ вещественныхъ воспоминаній о Сибири находится старая, выцвѣтшая отъ времени фотографическая карточка, изображающая русскаго сановника—одного изъ тобольскихъ губернаторовъ шестидесятыхъ годовъ м. с.

Посѣтители музея, незнакомые съ исторіей поляковъ въ Сибири, съ удивленіемъ смотрятъ всегда на эту карточку. Во время моего пребыванія во Львовѣ, одна польская дама, находившаяся въ группѣ туристовъ, осматривавшей достопримѣчательности музея, возмущенная, обра-

тилась къ сопровождавшему группу туристовъ секретарю музея, съ вопросомъ—„не по недоразумѣнію ли попала эта карточка русской власти въ коллекцію почетныхъ воспоминаній о борцахъ за свободу Польши?“

— Нѣтъ, сударыня,—спокойно отвѣтилъ секретарь,—прочтите подпись подъ карточкою: она вамъ объяснитъ, почему эта карточка находится здѣсь.

На карточкѣ, повидимому дрожащею, старческою рукою имѣлась сдѣланная надпись по-польски: „protektor wygnańcow“—„покровитель ссыльныхъ“.

Кто же этотъ губернаторъ—покровитель ссыльныхъ?

На карточкѣ не обозначена фамилія, но люди, бывшіе въ Сибири и знакомые съ исторіею польскихъ изгнанниковъ въ этомъ краѣ, сразу догадываются, что это—карточка тобольскаго губернатора Александра Ивановича Деспотъ-Зеновича, память о которомъ хорошо сохранилась среди польскихъ старожиловъ Сибири, какъ объ одномъ изъ очень немногихъ сибирскихъ администраторовъ, проявившемъ къ ссыльнымъ полякамъ, участникамъ возстанія 1863 г., особенную сердечность и заслужившемъ себѣ у нихъ репутацію „честнаго и добраго человѣка“.

Деспотъ-Зеновичъ былъ тобольскимъ губернаторомъ какъ разъ въ то время, когда польское возстаніе 1863 г. по выраженію одного польскаго писателя, „населило всю Сибирь польскимъ элементомъ“—т.-е. тѣми сотнями и тысячами поляковъ, которые были высылаемы тогда то по приговору военныхъ судовъ, то административнымъ порядкомъ, частью въ каторгу, частью на поселеніе.

Въ то время Тобольскъ былъ центральнымъ пунктомъ, въ которомъ стекались всѣ ссыльные, направляемые въ Сибирь. Въ Тобольскѣ, въ т. н. „экспедиціи о ссыльныхъ“ производилось распредѣленіе всѣхъ ссыльныхъ по разнымъ городамъ Сибири. И Деспотъ-Зеновичъ, какъ губернаторъ, принималъ въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе, рас-

предѣлялъ арестантовъ. За время его губернаторства черезъ Тобольскъ прошли десятки тысячъ ссыльныхъ поляковъ. Каждую новую „партію“ онъ всегда самъ встрѣчалъ, со многими ссыльными пускался въ разговоръ, старался узнать ихъ нужды и пр.

Деспотъ-Зеновичъ рѣзко осуждалъ польское возстаніе, считалъ его дѣломъ петербургской провокаціи, а польскую молодежь, увлекшуюся мыслью объ освобожденіи Польши и примкнувшую къ возстанію, не располагая ни денежными средствами, ни правильною организаціею, ни войскомъ, называлъ „мечтателями“. Но въ то же время онъ, не стѣсняясь, говорилъ: „Такихъ мечтателей не казнить и не карать даже надо, а лечить“. Но такъ какъ не во власти его, губернатора, было отмѣнять состоявшіеся о повстанцахъ приговоры, онъ старался по крайней мѣрѣ обставить ссыльныхъ поляковъ возможно лучше, насколько это не противорѣчило законамъ и предписаніямъ „свыше“. Кромѣ того, онъ старался облегчить участь нѣкоторыхъ арестантовъ, пользуясь указомъ 16 апрѣля 1863 г., предоставлявшимъ ему право тѣмъ изъ осужденныхъ на каторжныя работы, которые были признаны неспособными къ нимъ. замѣнять каторгу—ссылкой.

Гуманное отношеніе Деспотъ-Зеновича къ ссыльнымъ полякамъ послужило предметомъ безчисленныхъ доносовъ въ Петербургъ. Но у Зеновича былъ сильный покровитель въ лицѣ императора Александра II—и доносы на него долго не имѣли никакого успѣха.

Пробылъ онъ тобольскимъ губернаторомъ до 1867 г., когда былъ переведенъ въ Петербургъ членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и сталъ „администраторомъ не у дѣлъ“ *).

*) Подробности о личности этого замѣчательнаго человѣка см. въ моей статьѣ „Покровитель ссыльныхъ“ („Новый Міръ“ 1904 г.), въ моей книгѣ—Polacy w Syberji (Краковъ, 1884, стр. 282—290), а также въ воспоминаніяхъ Л. Ф. Пантелѣева („Былое“, 1907. III), въ книгѣ С. В. Максимова „Сибирь и каторга“ и др.

„Онъ былъ нашимъ отцомъ, покровителемъ, опекуномъ,—вспоминаетъ о Зеновичѣ одинъ изъ ссыльныхъ.—Уѣзжая изъ Тобольска, мы увезли съ собою о немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ, котораго Провидѣніе послало намъ, страдальцамъ".

Поселившись въ Петербургѣ, Зеновичъ, по словамъ Пантелѣева, „досугъ свой посвящалъ книгамъ, и ничто новое и выдающееся не оставалось имъ не прочитаннымъ". На этой почвѣ онъ сдружился съ Вольфомъ, сталъ однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей его книжнаго магазина и принималъ также изрѣдка участіе въ собраніяхъ вольфовскаго „почти-клуба", хотя самъ онъ ничего не писалъ и къ литературѣ относился только, какъ меценатъ.

Въ литературномъ кружкѣ, собравшемся у Вольфа, Деспотъ-Зеновича считали всегда persona grata. Къ нему относились съ исключительнымъ уваженіемъ, и даже не щадившій никого Минаевъ никогда не позволялъ себѣ какой-нибудь выходки по адресу человѣка „съ сердцемъ, чистымъ какъ хрусталь", по выраженію Спасовича.

Появленіе Зеновича въ кружкѣ литераторовъ, бывавшихъ у Вольфа, всегда давало политическое направленіе бесѣдамъ. Зеновичъ не скрывалъ своихъ симпатій къ предполагавшемуся „обновленію государственнаго строя Россіи" и часто намекалъ, что Россія находится къ осуществленію „второго 19 февраля" ближе, нежели многіе думаютъ.

— Какъ въ нѣмецкой пѣсенкѣ, разъ кто сказалъ А, долженъ сказать и Б, такъ и въ русской исторіи за А, т.-е. за освобожденіемъ крестьянъ, неминуемо должно послѣдовать и Б, т. е. конституція—говорилъ онъ однажды, прибавивъ при этомъ: — конечно, это дѣло будутъ тормозить какъ можно дольше...

Принадлежа къ числу явно либеральныхъ, прогрессивныхъ представителей административныхъ сферъ, Зено-

вичъ сблизился съ Лорисъ-Меликовымъ. когда послѣдній выдвинулся впередъ, и принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ лорисъ-меликовскаго проекта конституціоннаго управленія въ Россіи и пріобрѣталъ у Вольфа или черезъ Вольфа всѣ иностранныя книги или брошюры, имѣвшія какое-либо отношеніе къ вопросу о представительномъ строѣ правленія.

— Если наше дѣло не выгоритъ и насъ сошлютъ въ Сибирь, то заодно вѣроятно вышлютъ и васъ,—смѣясь говорилъ онъ иногда Вольфу,—вѣдь вы намъ помогаете въ нашихъ работахъ, доставляя намъ необходимые матеріалы...

Для самого Лорисъ-Меликова черезъ книжный магазинъ Вольфа тоже выписывалась тогда вся западная литература, относящаяся къ конституціи, конституціонному праву, цѣлая масса книгъ, запрещенныхъ тогда русскою цензурою, которыя, по распоряженію данному собственноручно Лорисъ-Меликовымъ главному управленію по дѣламъ печати, безпрепятственно выдавались, въ видѣ исключенія, для передачи ему.

Съ „крушеніемъ“ затѣи Лорисъ-Меликова и оставленіемъ послѣднимъ своего поста—закончилась и служебная карьера Деспотъ-Зеновича. Зато онъ съ удвоеннымъ усердіемъ постоянно хлопоталъ за кого-нибудь изъ пострадавшихъ, безъ различія вѣроисповѣданія и національности, а такъ какъ продолжалъ пользоваться большимъ уваженіемъ, то рѣдкое его ходатайство оставалось безуспѣшнымъ. Все же положеніе его какъ „чиновника за штатомъ“, тяготило его, онъ видимо сталъ скучать и находилъ, очевидно, развлеченіе въ томъ, что цѣлыми часами просиживалъ въ книжномъ магазинѣ Вольфа и усердно разсматривалъ новыя книги, тратя на нихъ почти все свое жалованье.

Замѣчательно увлекательный, умный, серьезный собесѣдникъ, Зеновичъ особенно любилъ бесѣдовать о Сибири

и, когда встрѣчалъ у Вольфа старыхъ своихъ знакомыхъ по Сибири, С. В. Максимова, Л.Ф. Пантелѣева и др., то всегда въ разговорахъ касался любимаго края, которому предсказывалъ великое будущее.

Иногда случалось, что въ магазинѣ Вольфа Деспотъ-Зеновичъ случайно встрѣчалъ кого-нибудь изъ ссыльныхъ, бывшихъ въ Сибири въ „его вѣдѣніи“. Когда кто-либо изъ такихъ „старыхъ знакомыхъ“ начиналъ хвалить его за гуманное отношеніе къ ссыльнымъ, Деспотъ-Зеновичъ отвѣчалъ:

— Развѣ можно ставить въ заслугу человѣку то, что онъ человѣкъ. Очень печально, что мы живемъ въ такое время, когда даже быть человѣкомъ считается заслугою...

КЪ ИСТОРІИ „ЗЕМЛИ И ВОЛИ“.

ПОЗДНЕЮ ночью, въ іюнѣ 1879 года, по направленію къ 16-ой линіи Васильевскаго острова мчались шесть каретъ. Въ пяти сидѣли жандармскіе офицеры, а въ послѣдней—какіе-то штатскіе.

Кортежъ остановился у воротъ дома, въ которомъ находились складъ изданій, словолитня, типографія и другія графическія заведенія М. О. Вольфа. Туда же, къ этому зданію, вскорѣ прибылъ нарядъ жандармовъ и полиціи и окружилъ весь участокъ земли, принадлежавшій Вольфу.

По приказанію начальника явившихся жандармовъ, генерала Комарова, у дверей всѣхъ квартиръ служащихъ М. О. Вольфа были поставлены жандармы, съ порученіемъ никого не выпускать безъ особаго разрѣшенія генерала. По его же приказанію артельщикамъ поручено было открыть и освѣтить словолитню, складъ типографскаго шрифта, контору, типографію, и всюду разставлены были жандармы и городовые.

Когда приказаніе было исполнено, ген. Комаровъ открылъ въ помѣщеніи конторы какъ бы главный свой штабъ и, потребовавъ планъ зданія, началъ давать своимъ

подчиненнымъ указанія относительно обыска всѣхъ помѣщеній. Первымъ дѣломъ часть жандармовъ была направлена въ кладовыя типографскаго шрифта при словолитнѣ Вольфа, часть же—въ длинныя галлереи, занятыя складами изданій.

Жандармскій полковникъ, которому порученъ былъ обыскъ въ послѣднихъ, вскорѣ вернулся въ „главный штабъ“ и обратилъ вниманіе, что въ виду огромнаго количества книгъ, находящихся въ складахъ—достигающаго, по инвентарной описи, нѣсколькихъ милліоновъ,—и размѣровъ самого склада, занимающаго два огромныхъ зданія, обыскъ займетъ, по меньшей мѣрѣ, недѣлю времени.

Убѣдившись лично въ колоссальныхъ размѣрахъ кладовыхъ изданій Вольфа, генералъ отмѣнилъ свое приказаніе.

— Книги оставимъ пока въ покоѣ,—рѣшилъ онъ.—Займемся сначала типографскимъ шрифтомъ.

Затѣмъ онъ обратился къ господину въ штатскомъ—это былъ инспекторъ заведеній печати Г—еръ—и сказалъ:

— Потрудитесь принять на себя руководительство по осмотру шрифтовъ.

Г—еръ видимо смутился и предложилъ, „ради сокращенія работы“ вызвать самого М. О. Вольфа и управляющаго словолитнею—В. А. Александрова.

М. О. Вольфъ находился въ то время за границею, въ Карлсбадѣ, и поэтому пришлось удовольствоваться однимъ Александровымъ, котораго разбудили и подъ конвоемъ жандармовъ привели въ контору.

Не объясняя сначала цѣли обыска, вся компанія жандармовъ съ генераломъ Комаровымъ и инспекторомъ Г—ромъ во главѣ, отправилась въ кладовыя словолитни, гдѣ лежали, сложенные въ пачки и завернутые въ синюю бумагу, типографскіе шрифты всевозможныхъ величинъ и

образцовъ. Потребовавъ шнуровыя инвентарныя книги, въ которыя, по существующимъ законамъ, должны заноситься какъ поступающіе, такъ и отпускаемые шрифты (типографскій шрифтъ, какъ извѣстно, и до сихъ поръ считается опаснымъ въ политическомъ отношеніи товаромъ, который отпускается только лицамъ и учрежденіямъ, имѣющимъ особое разрѣшеніе на его пріобрѣтеніе), жандармы начали было провѣрять наличность товара по описи, но вскорѣ оставили это дѣло по тѣмъ же причинамъ, по какимъ пріостановленъ былъ обыскъ въ складахъ изданій.

— Мнѣ кажется, проще будетъ прямо разузнать, имѣется ли налицо полностью, согласно инвентарнымъ даннымъ, тотъ запасъ шрифта, который насъ интересуетъ,—замѣтилъ ген. Комаровъ, обращаясь къ Г—еру.

Затѣмъ, вынувъ изъ портфеля печатный листъ и сложивъ его вдвое, онъ спросилъ Александрова:

— Укажите, гдѣ лежитъ типографскій шрифтъ, которымъ печатался этотъ листокъ?

Александровъ, взглянувъ глазомъ опытнаго спеціалиста на предъявленныя ему печатныя строки, попросилъ прежде всего разрѣшенія взять лупу, и, когда лупа была принесена, разсмотрѣвъ въ нее шрифтъ листка, сказалъ:

— Такого шрифта у насъ не имѣется.

— Нѣтъ, это вашъ, это вольфовскій шрифтъ,—рѣзко замѣтилъ Г—еръ.

— А по моему мнѣнію,—не нашъ,—спокойно возразилъ Александровъ.—Это скорѣе шрифтъ „Правительственнаго Вѣстника“.

— Чушь! — опять рѣзко возразилъ Г—еръ.—Это вашъ шрифтъ № 306 и проданъ вами нигилистамъ для печатанія подпольнаго листка „Земля и Воля“!.,

Тутъ Г—ера остановилъ ген. Комаровъ, мягко замѣтивъ, что онъ „выходитъ за предѣлы своей роли“.

Оказалось, что въ знаменитое „Третье отдѣленіе“, тщетно искавшее, гдѣ печатается выходившій тогда подпольный листокъ „Земля и Воля“, обратился Г—еръ съ доносомъ, что шрифтъ этого изданія, несомнѣнно, вольфовской словолитни и что Вольфъ или его управляющій, очевидно, замѣшаны въ дѣло изданія названнаго подпольнаго нигилистическаго изданія.

И вотъ, на основаніи этого доноса, предвѣщавшаго огромный политическій процессъ, и былъ произведенъ обыскъ.

Какъ ни увѣрялъ Александровъ, что предъявленный ему нумеръ „Земли и Воли“ напечатанъ не вольфовскими шрифтами, какъ ни доказывалъ, что и „очко“ шрифта не такое, и „кегль“ не тотъ, и весь характеръ его другой, Г—еръ настаивалъ на своемъ.

Ген. Комаровъ и остальные жандармскіе офицеры слушали ихъ споръ молча, не понимая ничего въ спеціальныхъ терминахъ споривишихъ.

Наконецъ, ген. Комаровъ предложилъ высказаться привезеннымъ имъ съ собою двумъ экспертамъ-спеціалистамъ: управляющему типографіи „Голоса“, Скороходову, и управляющему типографіи Демакова, Иванову.

И тотъ, и другой указали на то, что шрифтъ въ „Землѣ и Волѣ“ принадлежитъ къ числу шрифтовъ самаго обыденнаго типа, который встрѣчается во многихъ словолитняхъ и типографіяхъ, никакихъ характерныхъ особенностей не имѣетъ, и что утверждать о непремѣнной принадлежности его вольфовской словолитнѣ никакъ нельзя.

Но Г—еръ настаивалъ на своемъ.

Къ горю Александрова, при сравненіи количества шрифта, имѣвшагося налицо въ словолитнѣ съ инвентарными записями по книгамъ, его оказалось по вѣсу меньше, чѣмъ слѣдовало. Г—еръ торжествовалъ: доказательство,

что шрифтъ отпускался „нигилистамъ“, по его мнѣнію, было внѣ всякихъ сомнѣній. Всѣ увѣренія Александрова, что въ инвентарныя книги не записанъ отпускъ шрифтовъ за нѣсколько послѣднихъ мѣсяцевъ и что разница вѣса наличнаго шрифта съ бухгалтерскими книгами только этимъ и объясняется—ни къ чему ни привели: заподозрѣнный въ томъ, что онъ является участникомъ изданія „Земля и Воля“, Александровъ былъ арестованъ и увезенъ подъ конвоемъ жандармовъ въ Третье отдѣленіе, а на квартирѣ Александрова произведенъ былъ тщательнѣйшій обыскъ съ „выемкою“ всѣхъ бумагъ, даже хозяйственныхъ счетовъ, записокъ, книгъ и пр. Все, сложенное въ ящики, было отправлено съ жандармами въ Третье отдѣленіе.

Удалилась жандармская компанія только утромъ, когда уже начали являться на занятія рабочіе. Согласно данному распоряженію, при конторѣ Вольфа оставлены были два сыщика, которые тщательно прислушивались ко всѣмъ разговорамъ и слѣдили за всѣми проходившими въ контору лицами, разспрашивали о нихъ и т. д.

Вѣсть о состоявшемся въ заведеніяхъ Вольфа грандіозномъ ночномъ обыскѣ распространилась по Петербургу съ быстротою молніи, хотя въ газетахъ объ этомъ не было ни слова. И на слѣдующій же день въ магазинъ Вольфа и въ контору его заведеній заходило много лицъ справляться о подробностяхъ. Извѣстный писатель-этнографъ С. В. Максимовъ чуть было не попалъ при этомъ въ большую непріятность: онъ зашелъ въ контору Вольфа, не подозрѣвая присутствія тамъ сыщиковъ, и сталъ издѣваться надъ Третьимъ отдѣленіемъ, которое ищетъ-де нигилистовъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Сыщики не замедлили спросить фамилію, званіе и профессію незнакомаго имъ посѣтителя, съ очевиднымъ намѣреніемъ арестовать его. Великъ былъ ихъ конфузъ, когда они узнали, что Ма-

ксимовъ—редакторъ „Вѣдомостей С.-Петербургскаго Градоначальника“...

Извѣщенный объ обыскѣ и арестѣ своего управляющаго, Вольфъ прервалъ леченіе въ Карлсбадѣ и, вернувшись въ Петербургъ, немедленно отправился въ Третье отдѣленіе.

Къ счастью для Вольфа, его считали человѣкомъ достаточно благонадежнымъ, и подозрѣнія, высказанныя въ доносѣ, что шрифтъ для печатанія „Земли и Воли“ отпускался съ вѣдома Вольфа, не встрѣтили тамъ желательнаго, очевидно, доносчикамъ результата. Напротивъ, Вольфу любезно заявили, что считаютъ его самого внѣ всякихъ подозрѣній. На вопросъ же Вольфа, почему сначала приступлено было къ обыску кладовыхъ его изданій, ему дали понять, что это былъ просто хитрый маневръ, чтобы скрыть дѣйствительную цѣль пріѣзда жандармовъ—разыскать слѣды отпуска типографскаго шрифта для подпольнаго изданія, и что въ данномъ случаѣ единственнымъ подозрѣваемымъ и скомпрометированнымъ лицомъ является Александровъ.

Какъ ни старался Вольфъ убѣдить представителей Третьяго отдѣленія, что Александровъ—человѣкъ самый благонадежный, простой, ограниченный, неспособный къ какимъ-либо нигилистическимъ кознямъ и что даже смѣшно допустить, чтобы онъ могъ быть соучастникомъ изданія „Земли и Воли“, въ чемъ его подозрѣваютъ,—ему не удалось облегчить участи несчастнаго.

Пробовалъ было Вольфъ искать заступничества за своего управляющаго у разныхъ лицъ высшихъ круговъ, но—безъ результата. Тутъ даже обычныя связи и знакомства Вольфа не помогли.

Между тѣмъ, увезенный сначала въ Третье отдѣленіе, а затѣмъ въ домъ предварительнаго заключенія, Александровъ сидѣлъ, подвергаясь безконечнымъ допро-

самъ. Однако, надежды Третьяго отдѣленія найти при помощи Александрова руководителей „Земли и Воли“, „Народной Воли“ и друг. подпольныхъ изданій, остались тщетными. Александровъ категорически заявлялъ, что ничего общаго съ „нигилистами“ и „революціонерами“ не имѣетъ, что его совершенно напрасно обвиняютъ въ участіи „въ антиправительственныхъ поступкахъ“, что само обвиненіе противъ него основано на ложномъ доносѣ и невѣжествѣ въ области словолитной и типографской техники инспектора Г—ера. Но все напрасно. Проходили недѣли, мѣсяцы,—а Александровъ продолжалъ томиться въ домѣ предварительнаго заключенія.

И неизвѣстно, какъ долго бы онъ сидѣлъ, если бы изъ рукъ жандармовъ и Третьяго отдѣленія дѣло объ Александровѣ не перешло къ молодому тогда помощнику прокурора Н. В. Муравьеву (впослѣдствіи министру юстиціи). Къ счастью для бѣднаго Александрова, Муравьевъ былъ давнишній кліентъ книжнаго магазина Вольфа и принадлежалъ къ числу тѣхъ „книголюбовъ“, которые усердно слѣдили за книжными новинками и нерѣдко прибѣгали къ помощи Вольфа при выборѣ той или другой нужной имъ книги. Муравьевъ отнесся къ взводимому на Александрова обвиненію внимательно и пришелъ къ заключенію, что Александровъ ничего общаго съ „Землею и Волею“ имѣть не можетъ и что все это дѣло просто выдумано Г—ромъ. По требованію Муравьева, Александровъ былъ привезенъ, конечно подъ охраною жандармовъ, въ контору Вольфа и тамъ въ складахъ шрифта при словолитнѣ непосредственно давалъ свои объясненія въ присутствіи М. О. Вольфа и новыхъ экспертовъ, приглашенныхъ Муравьевымъ.

При этихъ объясненіяхъ присутствовалъ и нарочно вызванный Г—еръ. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ доказать, что „Земля и Воля“ печаталась вольфовскими

и только вольфовскими шрифтами, и буквально лѣзъ изъ кожи, чтобы доказать тождественность шрифта подпольнаго листка съ шрифтомъ вольфовской словолитни. Тщетно Александровъ доказывалъ, что Г—еръ ошибается, тщетно указывалъ на разницу въ размѣрѣ и рисункѣ буквъ. Г—еръ стоялъ на своемъ.

Муравьевъ молча прислушивался къ тому, какъ Г—ръ спорилъ съ Александровымъ. Наконецъ, онъ обратился къ Вольфу съ просьбою высказаться, какого онъ мнѣнія.

Тутъ Вольфъ предложилъ одну оригинальную мѣру для того, чтобъ наглядно сличить „заподозрѣнный" вольфовскій шрифтъ со шрифтомъ подпольнаго листка. А именно—набрать немедленно одну страницу „Земли и Воли" въ типографіи Вольфа шрифтомъ, указаннымъ Г—ромъ, и отпечатать и тогда уже сличить и сравнить.

Предложеніе было одобрено Муравьевымъ. И вотъ въ типографіи Вольфа, подъ наблюденіемъ самого Муравьева, Г—ера и жандармскаго полковника приступлено было къ набору одной страницы „Земли и Воли", а затѣмъ на станкѣ были сдѣланы оттиски готоваго набора.

— Теперь и спеціалистовъ не надо, чтобы рѣшить, что шрифты разные и что шрифтъ моей словолитни со шрифтомъ „Земли и Воли" ничего общаго не имѣетъ,— замѣтилъ Вольфъ.

Дѣйствительно, разница была замѣтна даже для не опытнаго въ типографскомъ дѣлѣ человѣка: строки выходили длиннѣе, шире, отдѣльныя буквы рѣзко отличались и т. п.

Г—еръ все же пытался доказать, что онъ правъ, но Муравьевъ рѣзко остановилъ его:

— Замолчите... Васъ больше не спрашиваютъ...

Затѣмъ спросивъ у Вольфа еще нѣсколько подробно-

стей о способѣ отпуска шрифта, о записяхъ объ отпускѣ въ книгахъ, Муравьевъ обычнымъ своимъ рѣшительнымъ, не допускающимъ возраженій, голосомъ обратился къ жандармскому полковнику, сопровождавшему Александрова:

— Облегчить надзоръ...

А затѣмъ, черезъ дня три, далъ приказаніе освободить мнимаго „политическаго приступника“ за отсутствіемъ уликъ.

Спустя недѣлю Муравьевъ, зайдя въ качествѣ частнаго покупателя въ магазинъ Вольфа, замѣтилъ:

— Вы и не подозрѣваете, Маврикій Осиповичъ, какая вамъ грозила опасность... Вѣдь, въ сущности, доносъ и обвиненіе направлены были противъ васъ... Я радъ за васъ, что это дѣло попало въ мои руки...

Что касается Александрова (на здоровье котораго сильно повліялъ арестъ и опасеніе попасть въ число невольныхъ „землевольцевъ“), то онъ пробовалъ было заикнуться о вознагражденіи за то, что безъ всякой вины просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но ему отвѣтили, что онъ долженъ радоваться и такому исходу своего дѣла и тому, что его оставляютъ въ Петербургѣ, а не высылаютъ административнымъ порядкомъ изъ столицы...

Г—еръ, надѣявшійся на дѣлѣ Александрова кое-что нажить да и по службѣ отличиться, получить повышеніе, былъ въ отчаяніи. Онъ сталъ даже распускать слухи, будто Муравьевъ подкупленъ.

Вскорѣ затѣмъ Г—еръ получилъ другое, болѣе для него подходящее, назначеніе: постъ смотрителя тюрьмы. Но и на этомъ посту онъ удержался недолго. Кончилъ же онъ свою карьеру дѣломъ о шантажѣ и вымогательствѣ, въ которыхъ онъ былъ уличенъ.

БЫТОПИСАТЕЛЬ ВЕЛИКОСВѢТСКИХЪ САЛОНОВЪ.

На литературные журфиксы у графа Бобринскаго, пользовавшіеся большою извѣстностью въ высшихъ кругахъ Петербурга въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, имѣла доступъ только аристократія — родовая, финансовая и литературная. Писателю, для того, чтобы попасть на вечеръ у гр. Бобринскаго, нужно было пріобрѣсти предварительно громкую извѣстность. Люди съ „неизвѣстнымъ“именемъ или съ незначительными литературными заслугами туда не допускались. Всѣхъ приглашенныхъ литераторовъ тщательно въ этомъ отношеніи „фильтровали“.

Къ завсегдатаямъ литературныхъ вечеровъ у графа Бобринскаго принадлежалъ стройный, съ гордою осанкою, одѣтый всегда по послѣдней модѣ, Болеславъ Маркевичъ. Онъ считалъ себя принадлежащимъ къ двумъ „лагерямъ“, собиравшимся у гр. Бобринскаго, понимая подъ лагерями аристократію и литературу. Какъ камергеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, бывшій чиновникъ, занимавшій довольно видный постъ члена совѣта министерства народнаго просвѣщенія, и какъ дворянинъ древняго черногор-

скаго рода — Маркевичъ считалъ себя „аристократомъ крови“; какъ авторъ популярныхъ въ высшихъ кругахъ разсказовъ и романовъ, онъ позволялъ считать себя литераторомъ. „Позволялъ“—потому, что вообще на литературную братію онъ смотрѣлъ свысока и велъ знакомство только съ крупными свѣтилами литературы того времени, всѣхъ же остальныхъ работниковъ пера игнорировалъ. Впрочемъ, писатели, примыкавшіе къ либеральному лагерю, сами держались подальше отъ Маркевича, считая его ретроградомъ...

Популярность Маркевича, какъ писателя, въ аристократическихъ кругахъ была огромная. Его романы покупались и читались нарасхватъ, о нихъ говорили, о нихъ спорили. Его считали крупною литературною силою. Появленіе каждаго новаго произведенія Маркевича составляло въ этихъ кругахъ событіе, и книжные магазины по выходѣ „новаго Маркевича“ буквально осаждались великосвѣтскою публикою, спѣшившею запастись произведеніемъ моднаго автора. Расходились романы Маркевича быстро и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ считались даже библіографическою рѣдкостью.

Для завсегдатаевъ великосвѣтскихъ салоновъ произведенія Маркевича представляли огромный интересъ прежде всего потому, что въ выведенныхъ въ нихъ типахъ легко узнавали „героевъ дня“, представителей петербургскаго и московскаго большого свѣта. Вращаясь въ великосвѣтскихъ салонахъ, какъ свой человѣкъ, зная отлично всю ту знать, которая въ нихъ бывала, обладая несомнѣнною наблюдательностью и безспорнымъ талантомъ, Маркевичъ, съ фотографическою точностью изображалъ всевозможныхъ дѣятелей Петербургскаго „бо-монда“. И, какъ вѣрно замѣтилъ одинъ изъ рецензентовъ, великосвѣтскіе читатели, въ книгахъ Маркевича находили всегда „свое общество“, „свой міръ“ со всѣми его характерными особенностями.

Но и для читателей другихъ слоевъ въ романахъ Маркевича было много привлекательнаго, такъ какъ въ нихъ описывалась интимная жизнь высокопоставленныхъ лицъ, выводились, подъ прозрачными псевдонимами, видные государственные дѣятели, разсказывались ихъ амурныя приключенія. И хотя въ этихъ романахъ жестоко осмѣивались всѣ примыкавшіе къ либеральнымъ лагерямъ дѣятели, Маркевича усердно читали даже въ либеральныхъ кружкахъ, несмотря на то, что его романы дышали злобою противъ прогрессивныхъ теченій, и критика, за немногими исключеніями, относилась къ творчеству Маркевича отрицательно. К. Арсеньевъ, тотъ прямо обвинялъ Маркевича въ томъ, что его романы „орудіе регресса". Скабичевскій ставилъ Маркевичу въ вину „холопское благоговѣніе и млѣніе передъ всѣмъ великосвѣтскимъ и казенную точку зрѣнія на всѣ явленія русской жизни". Но раздавались въ критикѣ и другіе голоса, утверждавшіе, что романы Маркевича „Переломъ" и „Бездна" представляютъ широкую и полную картину шестидесятыхъ годовъ, въ которой-де будущій историкъ почерпнетъ для себя много драгоцѣнныхъ указаній, если сумѣетъ отнестись къ нимъ критически, въ особенности по отношенію къ выведеннымъ Маркевичемъ типамъ молодежи.

Дѣло въ томъ, что изображаемая имъ молодежь, это—собраніе трусовъ, невѣжды, и глупцовъ и, сообразно этому, и всѣ стремленія молодежи представлены въ черныхъ краскахъ. Но Маркевичъ относился отрицательно не только къ молодежи: по его мнѣнію, вездѣ и всюду, даже въ правительственныхъ кругахъ, царствуетъ измѣна; прокуроры и жандармы покровительствуютъ крамолѣ; всѣ либеральные журналисты, это—„разбойники пера и мошенники печати" и т. д., и т. д. Тѣмъ не менѣе даже литературные враги не могли отказать Маркевичу въ глубокомъ знаніи общества, силѣ таланта и въ изяществѣ формы.

Больше всего расходились романы Маркевича въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа, какъ сосредоточивавшихъ въ себѣ почти всю аристократическую кліентуру покупателей книгъ. И Маркевичъ, заходя къ Вольфу, гордо повторялъ:

— Вы на мнѣ богатѣете, Маврикій Осиповичъ.

Вольфъ познакомился съ Маркевичемъ въ началѣ его литературной дѣятельности, когда въ творчествѣ Маркевича еще не проявился тотъ духъ отрицанія всякаго прогресса, который составилъ характерную черту его позднѣйшихъ произведеній. И Вольфъ былъ первымъ издателемъ Маркевича.

Въ 1873 году Вольфъ купилъ у Маркевича право на изданіе двухъ его романовъ: „Забытый вопросъ“ и „Марина изъ Алаго Рога“, въ количествѣ 2,000 экземпляровъ, за тысячу рублей, которые, согласно условію отъ 6 марта упомянутаго года, обязался заплатить тотчасъ же. Маркевичъ же обязался не передавать права на новое изданіе до тѣхъ поръ, пока у Вольфа на рукахъ останется не болѣе двухсотъ экземпляровъ. Если бы Маркевичъ пожелалъ раньше передать право второго изданія, онъ могъ это сдѣлать, выкупивъ оставшіеся у Вольфа экземпляры по нарицательной ихъ цѣнѣ. Въ условіи, написанномъ собственноручно Маркевичемъ, онъ назвалъ себя „литераторомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ“. Оба названные романа, первоначально печатавшіеся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, были изданы Вольфомъ въ 1874 году подъ общимъ заглавіемъ „На поворотѣ“, придуманнымъ самимъ Маркевичемъ, и имѣли большой успѣхъ, несмотря на отрицательное къ нимъ отношеніе Н. Михайловскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Маркевичъ въ то время состоялъ еще на государственной службѣ, подвигался удачно по іерархической лѣстницѣ, и на него смотрѣли, какъ на человѣка, который

со временемъ займетъ какой-нибудь крупный государственный постъ, станетъ виднымъ сановникомъ.

И вдругъ всѣ эти надежды рушились: Маркевича обличили во взяточничествѣ, обнаруженномъ имъ въ содѣйствіи Ѳ. И. Баймакову при покупкѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, и заставили въ 24 часа подать въ отставку. Дѣло это, подхваченное врагами Маркевича и либеральными кругами, надѣлало столько шума, что, несмотря на заступничество нѣсколькихъ высокопоставленныхъ друзей и почитателей, Маркевичъ не могъ никакъ „обѣлить“ себя. Служебная карьера его была окончена, но это не только не помѣшало дальнѣйшимъ успѣхамъ его на литературномъ поприщѣ, а напротивъ. „Несчастный случай“, какъ иронически назвали исторію Маркевича съ передачею „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, не лишилъ Маркевича возможности бывать во многихъ аристократическихъ домахъ. Но за то сталъ еще рѣзче нападать на тѣхъ, кто такъ или иначе былъ причиною его паденія. Появившіеся впослѣдствіи романы „Бездна“, „Переломъ“, книга повѣстей и разсказовъ и др. упрочили его славу, какъ въ высшей степени интереснаго, хотя и ретроградно-озлобленнаго писателя, и какъ бытописателя высшей столичной аристократіи и великосвѣтскихъ салоновъ (хотя въ числѣ его произведеній есть и произведенія изъ другихъ слоевъ общества).

Въ числѣ тѣхъ, кто высоко ставилъ талантъ Маркевича, былъ и Гончаровъ, и графъ Толстой, и Лѣсковъ, и Писемскій,—въ особенности Гончаровъ.

— Маркевичъ одинъ изъ тѣхъ писателей, которыхъ не забудутъ, которыхъ будутъ читать наши внуки и правнуки,— замѣтилъ онъ однажды въ разговорѣ съ М. О. Вольфомъ.— Можетъ быть, будутъ читать съ срежетомъ зубовнымъ,— прибавилъ онъ,—но читать будутъ: въ его писаніи хотя и много лжи и много злобы, но и много правды...

Въ своихъ романахъ изъ жизни аристократіи Маркевичъ очень часто приводилъ разныя крылатыя слова, вырвавшіяся изъ устъ того или другого сановника, остроты, бывшія въ обращеніи въ высшемъ кругу, и пр. Это дало поводъ Минаеву написать однажды на собраніи литераторовъ у Вольфа экспромптомъ эпиграмму, въ которой намекая на исключеніе Маркевича со службы за взяточничество, онъ, писалъ:

Маркевичъ былъ совсѣмъ некстати
Въ любостяжаньи обвиненъ.
Однако все-жъ виновенъ онъ
Передъ цѣлымъ обществомъ въ растратѣ...
Чужихъ beaux mots, чужихъ остротъ,—
Ихъ за свои онъ выдаетъ.

БИБЛІОТЕКА НА ОДНУ НОЧЬ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ у одного изъ видныхъ представителей петербургской финансовой аристократіи былъ назначенъ большой раутъ, на который были приглашены всѣ представители высшей администраціи. Ожидался даже пріѣздъ нѣсколькихъ высокопоставленныхъ лицъ, бывшихъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ финансистомъ.

Въ биржевыхъ кругахъ передавали, что финансистъ добивается званія члена совѣта министра финансовъ и что роскошный раутъ долженъ предшествовать этому назначенію, а частью и... способствовать ему.

За два дня до раута, финансистъ обратился къ М. О. Вольфу съ довольно страннымъ предложеніемъ: устроить на одну ночь возможно богатую и полную библіотеку.

Предложеніе это объяснялось очень просто: финансистъ хотѣлъ щегольнуть передъ своими высокими посѣтителями большимъ, хорошо подобраннымъ собраніемъ книгъ, которое свидѣтельствовало бы, что онъ вообще интересуется книгами, литературою...

Разсчетливый финансистъ нашелъ однако излишнимъ

дѣлать затраты на пріобрѣтеніе книгъ и хотѣлъ удовольствоваться... взятіемъ ихъ на прокатъ. Послѣ раута—книги и библіотека были ему не нужны, и онъ на слѣдующій же послѣ раута день предполагалъ вернуть ихъ обратно.

Предусмотрительно финансистъ запасся—также на прокатъ—цѣлымъ рядомъ книжныхъ шкафовъ, со стеклянными дверцами, такъ что оставалось лишь наполнить эти шкафы, и разложить на столахъ библіотечной комнаты большія дорогія изданія. Финансистъ, очевидно, надѣялся, что его гости удовольствуются разсмотрѣніемъ послѣднихъ и не станутъ же требовать, чтобы имъ раскрыли шкафы, показали, какія именно книги имѣются у него и т. п. На видномъ мѣстѣ предполагалось размѣстить книги въ переплетахъ, такъ что никто бы и не догадался, что книги не побывали еще совсѣмъ въ рукахъ владѣльца...

Какъ ни заманчивымъ и выгоднымъ на первый взглядъ казалось предложеніе финансиста, Маврикій Вольфъ въ вѣжливой формѣ отказался отъ исполненія заказа, подъ предлогомъ, что онъ, какъ книгопродавецъ, не занимается отдаваніемъ книгъ для чтенія или на прокатъ.

Финансистъ былъ, видимо, смущенъ отказомъ, но разъ рѣшивъ щегольнуть библіотекою, не захотѣлъ все-таки отказаться отъ своей затѣи и прибѣгъ къ посредничеству двухъ букинистовъ, которые согласились дать ему на прокатъ всѣ имѣвшіяся у нихъ переплетенныя, подержанныя книги всевозможнаго содержанія. Для пополненія этой „коллекціи“ финансистъ, скрѣпя сердце, купилъ у Вольфа нѣсколько роскошныхъ, большихъ иностранныхъ изданій, собраній классиковъ, альбомовъ желѣзнодорожныхъ сооруженій и проч., которыя предполагалъ разложить на столахъ.

Раутъ у финансиста, согласно программѣ, состоялся. Но... ожидаемаго назначенія въ члены совѣта министерства

финансовъ за нимъ не послѣдовало. Мало того, вскорѣ послѣ этого, дѣла финансиста пошатнулись, наступилъ крахъ, который вовлекъ многихъ довѣрчивыхъ его кліентовъ въ большія потери. Проданныя Вольфомъ финансисту дорогія изданія вернулись съ аукціона опять къ Вольфу въ совершенно чистомъ и опрятномъ видѣ, но... по значительно, конечно, уменьшенной цѣнѣ.

Нѣкоторыя изъ этихъ дорогихъ изданій пережили затѣмъ еще одно „путешествіе“ въ библіотеку, но уже другого лица.

Юный представитель одного богатаго аристократическаго рода тратилъ огромныя деньги на кутежи и дамъ полусвѣта. Надъ нимъ устроили поэтому опеку, ограничивъ расходы, но предоставили ему carte blanche въ отношеніи покупки книгъ, которыя, согласно указанію опеки, отпускались ему изъ книжнаго магазина М. О. Вольфа въ неограниченномъ количествѣ. Юный кутила воспользовался этимъ, бралъ книги на тысячи рублей будто бы для своей библіотеки, а на самомъ дѣлѣ продавалъ ихъ тотчасъ же за безцѣнокъ на рынокъ. А когда, наконецъ, и букинисты перестали у него покупать, онъ обратился къ Вольфу съ предложеніемъ покупать у него за $^1/_{10}$ цѣны пріобрѣтенныя книги тотчасъ же по ихъ пріобрѣтеніи. Дѣло дошло до свѣдѣнія опеки, и... кредитъ юному „любителю книгъ“ былъ закрытъ.

Разсказывая эти факты, Вольфъ, вздыхая, прибавлялъ:

— Habent sua fata libelli...

ДРУЗЬЯ И СОТРУДНИКИ.

«ДРУГЪ» СПАСОВИЧЪ.

Въ скромной квартирѣ въ Столярномъ переулкѣ въ Петербургѣ, у одной польки-портнихи, въ 1848 году поселились двое молодыхъ людей: одинъ изъ нихъ былъ студентъ юридическаго факультета петербургскаго университета, другой — служилъ въ иностранномъ отдѣлѣ книжнаго магазина Исакова. Первый былъ уроженцемъ Минска, второй — Варшавы. Оба располагали очень скромными средствами и оба лелѣяли одну и ту же мечту: на старости лѣтъ поселиться въ родныхъ мѣстахъ и тамъ дожить спокойно свой вѣкъ.

Первому удалось осуществить эту мечту; второму—суждено было умереть въ Петербургѣ.

Первый изъ этихъ молодыхъ людей былъ В. Д. Спасовичъ, впослѣдствіи знаменитый юристъ, всемірно извѣстный криминологъ, профессоръ уголовнаго права, прославившійся адвокатъ и видный писатель-юристъ; второй—М. О. Вольфъ, впослѣдствіи крупный издатель и книгопродавецъ.

И тотъ и другой питали нѣжную, трогательную привязанность къ тому народу, изъ нѣдръ котораго они вышли,—къ полякамъ; оба проявляли глубокую привязанность

къ Польшѣ, которую они считали своею родиною; оба примкнули къ польскимъ кружкамъ въ Петербургѣ; оба первоначально думали работать въ Петербургѣ, одинъ для польской науки, другой — для польскаго книжнаго дѣла. Но затѣмъ, постепенно, узкій патріотизмъ обоихъ принялъ болѣе широкіе, такъ сказать, размѣры: не переставая въ душѣ питать горячихъ симпатій къ Польшѣ, польскому народу, польской литературѣ, оба стали трудиться и на поприщѣ русской культуры: Спасовичъ въ качествѣ ученаго и писателя, Вольфъ въ качествѣ издателя и распространителя русскихъ книгъ. И оба, опять-таки искренно и горячо, полюбили Россію и съ честью потрудились для нея, хотя и на разныхъ поприщахъ.

Спасовичъ уже со школьной скамьи мечталъ о профессорской карьерѣ; Вольфъ — тоже со школьной скамьи мечталъ объ издательской и книгопродавческой дѣятельности.

Какъ ни различны были эти два молодыхъ человѣка и по темпераменту, и по характеру, и по полученному образованію и даже по общественному положенію, ихъ соединила тѣсная дружба, которая продолжалась въ теченіе многихъ лѣтъ, продолжалась и тогда, когда Вольфъ сталъ самостоятельнымъ крупнымъ издателемъ, а Спасовичъ—виднымъ адвокатомъ. И лишь въ восьмидесятыхъ годахъ въ отношеніяхъ обоихъ наступило какое-то охлажденіе. Тѣмъ не менѣе Вольфъ не переставалъ и послѣ этого считать и называть Спасовича своимъ „другомъ“, какъ и послѣдній въ своихъ письмахъ тоже величалъ Вольфа „другомъ“.

Но, помимо дружбы, соединяли обоихъ молодыхъ людей дѣловыя отношенія: Спасовичъ былъ первымъ помощникомъ и секретаремъ Вольфа еще тогда, когда Вольфъ, началъ заниматься издательствомъ книгъ, состоя на службѣ въ книжномъ магазинѣ Исакова. Занятія Спасовича у Вольфа продолжались затѣмъ и тогда, когда Вольфъ

открылъ свое собственное книжное и издательское дѣло: студентъ, затѣмъ молодой профессоръ, Спасовичъ занималъ у Вольфа постъ корреспондента по перепискѣ съ кліентами его магазина и издательства.

Работали они обыкновенно вмѣстѣ, рано утромъ съ 7 до 9 ч., до открытія магазина, и затѣмъ поздно вечеромъ послѣ закрытія.

Въ архивѣ, оставленномъ Вольфомъ, сохранились черновыя писемъ, записокъ, договоровъ и проч,. которыя писалъ тогда, иногда даже подъ диктовку, скромный первый помощникъ Вольфа, впослѣдствіи знаменитый криминологъ, профессоръ и критикъ.

Спасовичъ былъ, однако, не только секретаремъ Вольфа: онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ Вольфа въ первые годы его издательской дѣятельности. Когда Вольфъ въ 1849 г. предпринялъ изданіе „Польскихъ историковъ, писавшихъ по-латыни“, онъ поручилъ Спасовичу нѣкоторые переводы съ латинскаго (напр. „Хроники“ Рудовскаго) и часть редакціонныхъ работъ по изданію. У Вольфа же вышли первые крупные юридическіе труды Спасовича на русскомъ языкѣ: „Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву“ (1857 г. диссертація, удостоенная награды) и „Права авторскія и контрафакція“ (1865).

Мнѣ неоднократно приходилось говорить съ В. Д. Спасовичемъ о Вольфѣ и при жизни послѣдняго и послѣ смерти его, и Спасовичъ всегда охотно дѣлился со мною своими о немъ воспоминаніями.

— Мы были съ Маврикіемъ Вольфомъ очень дружны,— разсказывалъ мнѣ Спасовичъ,—говорили другъ другу на „ты“ и, дѣйствительно, жили одно время вмѣстѣ на одной квартирѣ. Но это не мѣшало намъ часто ссориться и даже расходиться. Вольфъ былъ человѣкъ удивительно настойчивый, упрямый и не любилъ ни на іоту отступать

отъ того, что онъ разъ рѣшилъ. На этой почвѣ и возникали наши споры. Кромѣ того, онъ требовалъ самаго точнѣйшаго исполненія всѣхъ его желаній, и мнѣ, когда я велъ его корреспонденцію, не позволялъ отступать даже въ мелочахъ отъ иногда очень странныхъ указаній. Бывало, одно и то же письмо приходилось переписывать пять-шесть разъ, потому только, что оно написано было не въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ онъ желалъ... И тутъ онъ былъ буквально неумолимъ, такъ что иногда между нами доходило до громкой ссоры... Но особенно негодовалъ онъ, когда я пробовалъ его убѣдить предпринять то или другое изданіе, которое казалось ему невыгоднымъ или ненужнымъ. „Если бы я слушался твоихъ совѣтовъ я былъ бы нищимъ...“,— сказалъ онъ мнѣ какъ-то разъ уже тогда, когда я былъ профессоромъ въ отставкѣ и адвокатомъ, а онъ богатымъ книгопродавцевъ. Кто знаетъ,—заключилъ, смѣясь, Спасовичъ,— можетъ быть, онъ былъ и правъ: у меня не было того, что Маврикій Вольфъ называлъ „издательскою смѣткою“.

— И чудакъ же былъ Маврикій Вольфъ,—разсказывалъ въ другой разъ Спасовичъ.—Въ минуты раздраженія, которыя, кстати сказать, бывали у него довольно часты, онъ не отвѣчалъ на вопросы иначе, какъ иронически или сатирически. Спросишь, бывало, что отвѣтить тому или другому, а онъ въ отвѣтъ: „напиши ему, что онъ дуракъ, вотъ и все“. Или обратишься за разъясненіемъ, что сдѣлать съ полученною рукописью, и Маврикій Вольфъ отвѣчаетъ: „вставь ее въ золотую рамку и пошли на выставку“. И въ такія минуты раздраженія никакого толка отъ него не добьешся... При всѣхъ своихъ чудачествахъ и странностяхъ Маврикій Вольфъ былъ, однако, человѣкъ безусловно незаурядный, съ удивительно сильною волею, твердымъ характеромъ и при томъ въ сущности добрый, душачеловѣкъ, который могъ иногда расчувствоваться до того, что вынималъ изъ кармана огромный бумажникъ и давалъ

какому-нибудь тронувшему его сердце несчастному человѣку крупную сумму, а въ прибавленіе къ ней... сигару, одну изъ тѣхъ, которыя онъ выкуривалъ въ день цѣлыми десятками... Но что я въ немъ особенно цѣнилъ, это его трогательную сыновью привязанность къ родинѣ-матери, которую онъ сохранилъ во всю свою жизнь. Обстоятельства такъ сложились, что онъ почти съ самаго дѣтства долженъ былъ покинуть эту родину и всю свою жизнь провелъ среди чужихъ людей, и все-таки онъ не переставалъ любить и ту землю, гдѣ онъ родился, и тѣхъ людей, среди которыхъ прошли его ранніе годы, проявляя, въ то же время, и самую искреннюю привязанность къ странѣ, которая сдѣлалась его второю родиною—Россіи, и питая удивительную, непоколебимую вѣру въ ея великое будущее.

— Хотя наши дороги разошлись въ разныя стороны и даже одно время мы были врагами,—разсказывалъ другой разъ Спасовичъ,—я никогда не переставалъ цѣнить Маврикія Вольфа и какъ дѣйствительно выдающагося по своимъ способностямъ дѣятеля и какъ человѣка твердыхъ, опредѣленныхъ взглядовъ, которымъ онъ не измѣнилъ до самой своей смерти. Купецъ не заглушилъ въ немъ гражданина. И я первый, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлада между нами, подалъ ему опять руку для примиренія... По странной волѣ судьбы мы встрѣтились какъ-то случайно незадолго до его смерти, вспоминали давно минувшія времена, рядъ неосуществленныхъ мечтаній. И Вольфъ, почти со слезами на глазахъ, говорилъ, что хотѣлось бы ему пожить еще нѣсколько лѣтъ, чтобы показать тому обществу, среди котораго онъ родился и выросъ, что онъ не забылъ о немъ, несмотря на измѣнившіяся обстоятельства. „Ты полагаешь сдѣлать какое-нибудь крупное денежное пожертвованіе?“ — спросилъ я его. — „Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — но я думаю выпустить рядъ крупныхъ, цѣнныхъ и полезныхъ изданій“.

— Въ этихъ словахъ,—заключилъ Спасовичъ,—лишній разъ сказались цѣльныя натуры Вольфа и его отношеніе къ издательству, которое онъ считалъ всегда крупнымъ культурнымъ дѣломъ.

АРХІЕПИСКОПЪ-ПОКРОВИТЕЛЬ.

ВСѢМЪ, кто бывалъ на квартирѣ М. О. Вольфа, сначала въ Караванной улицѣ, а затѣмъ въ его собственномъ домѣ, на Васильевскомъ Островѣ, бросался въ глаза большой портретъ католическаго архіепископа въ красномъ одѣяніи, висѣвшій въ кабинетѣ Маврикія Осиповича въ художественной, рѣзной деревянной рамѣ на самомъ видномъ мѣстѣ.

— Этому архіепископу,—объяснялъ Вольфъ своимъ посѣтителямъ,—я многимъ обязанъ въ моей издательской и книгопродавческой карьерѣ. Ему же въ значительной степени я обязанъ тѣмъ, что остался въ Россіи, сталъ русскимъ издателемъ и книгопродавцемъ.

И тутъ же онъ разсказывалъ, какъ, пріѣхавъ въ Петербургъ и занявъ постъ управляющаго иностраннымъ отдѣленіемъ книжнаго магазина Исакова, онъ на первыхъ же дняхъ своего пребыванія въ новомъ незнакомомъ городѣ, среди совершенно чужихъ людей, познакомился съ ректоромъ и профессоромъ католической духовной академіи, извѣстнымъ богословомъ Игнатіемъ Головинскимъ, подвизавшимся на поприщѣ польской литературы, подъ псевдонимомъ „Жегота Костровецъ“, въ качествѣ поэта и переводчика Шекспира на польскій языкъ

Головинскій отнесся къ молодому „адепту книжнаго дѣла“,—какъ онъ называлъ Вольфа,—очень сочувственно, приласкалъ его, ввелъ въ свой домъ, старался руководить первыми его шагами въ столицѣ, перезнакомилъ его съ многими, жившими тогда въ Петербургѣ, польскими писателями и другими представителями польской колоніи.

Въ Петербургѣ издавался въ пятидесятыхъ годахъ п. с. польскій еженедѣльный журналъ „Tygodnik petersburski“, редакторомъ котораго былъ Іосифъ Пржецлавскій; кромѣ того издавались сборники „Gwiazda“, польскіе литературные ежегодники „Rocznik petersburski“, и польская литературно-научная семья насчитывала на берегахъ Невы многихъ своихъ представителей. Собирались они всѣ обыкновенно у графа Генриха Ржевускаго, автора многихъ историческихъ романовъ. Сюда, въ этотъ кружокъ ввелъ Вольфа Головинскій. Молодой „адептъ книжнаго дѣла“ сумѣлъ пріобрѣсти симпатіи этого польскаго литератураго кружка и сталъ однимъ изъ его постоянныхъ посѣтителей. По свидѣтельству Киркора, Вольфа тамъ „охотно видѣли“.

Замѣтивъ въ Вольфѣ интересъ и способности къ издательскому дѣлу, Головинскій—тогда епископъ могилевскій и помощникъ митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи Дмоховскаго, cum futura successione, т. е. съ правомъ будущаго унаслѣдованія митрополичьей каѳедры, — предложилъ Вольфу принять на себя хлопоты по изданію и распространенію составленнаго Головинскимъ „Путешествія въ Святую Землю“. Вольфъ съ величайшею радостью принялъ это предложеніе и, имѣя отъ своего тогдашняго принципала Исакова разрѣшеніе вообще заниматься издательствомъ польскихъ книгъ, усердно приступилъ къ печатанію „Путешествія“ Головинскаго и распространенію его. Умѣло составленные цир-

куляры, усердная переписка съ польскими книгопродавцами, разсылка иллюстрированныхъ проспектовъ всему католическому духовенству, помѣщикамъ и пр.—сдѣлало то, что „Путешествіе“ Головинскаго, изданное въ большомъ томѣ, съ иллюстраціями, въ роскошномъ, по тому времени, видѣ — имѣло громадный успѣхъ и принесло молодому, начинающему издателю значительные барыши, которые и составили основаніе его „издательскаго капитала“. Головинскій, радуясь такому успѣху, издалъ впослѣдствіи у Вольфа еще нѣсколько своихъ работъ, въ томъ числѣ томъ своихъ легендъ, и всячески старался поощрять издательскую дѣятельность своего молодого, энергичнаго и дѣятельнаго издателя.

Поддерживаемый Головинскимъ и кружкомъ петербургскихъ польскихъ литераторовъ и ученыхъ, Вольфъ усердно принялся за издательство польскихъ книгъ. Съ 1848 по 1853 г. имъ было издано болѣе 150 томовъ лучшихъ произведеній польской литературы. Сочиненія графа Ржевускаго, Викентія Поля, Штюрмера, Корженевскаго, Крашевскаго, Либельта, Качковскаго, Кондратовича-Сырокомли, Залѣскаго и др., собранія польскихъ историковъ, писавшихъ по-латыни, въ переводѣ Іохера, Спасовича и другихъ, первое критическое изданіе сочиненій Мицкевича, многотомное собраніе стихотвореній польскихъ поэтовъ, проповѣди Скарги, — имѣли своимъ издателемъ Вольфа. Успѣхъ былъ громадный. Одно изданіе „Путешествій“ архіепископа Головинскаго, по подпискѣ, до появленія въ печати, принесло, какъ удостовѣряетъ самъ Вольфъ въ своей автобіографіи, напечатанной въ 1878 г., чистой пользы на долю издателя 40.000 руб.

Съ благословенія Головинскаго, занявшаго тѣмъ временемъ постъ митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, Вольфъ въ 1853 г. открываетъ свой собственный книжный магазинъ и одновременно начи-

наетъ впервые свою дѣятельность на поприщѣ издательства русскихъ внигъ.

Митрополитъ Головинскій явился первымъ покупателемъ открытаго Вольфомъ книжнаго магазина, купивъ въ первый же день торговли, тотчасъ послѣ торжественнаго молебна, экземпляръ „Жизни Іисуса Христа“ Ѳомы Кемпійскаго, на французскомъ языкѣ,—фактъ, о которомъ Маврикій Вольфъ неоднократно съ умиленіемъ разсказывалъ своимъ приближеннымъ.

Головинскій послѣ этого продолжалъ покровительствовать своему молодому „другу“, какъ онъ называлъ всегда Вольфа, часто бывалъ у него, не только въ магазинѣ, но и частнымъ образомъ, на квартирѣ, приглашалъ его нерѣдко, по воскреснымъ днямъ, къ обѣду и самъ нерѣдко пріѣзжалъ къ Вольфу, то завтракать, то обѣдать.

Каждый пріѣздъ Головинскаго вызывалъ скопленіе народа на Караванной улицѣ, гдѣ жилъ Вольфъ. Дѣло въ томъ, что Головинскій, какъ „князь католической церкви“, пріѣзжалъ всегда въ своей митрополичьей каретѣ, запряженной цугомъ, съ двумя лакеями на запяткахъ; карета эта, въ ожиданіи возвращенія митрополита, стояла у дома № 9 иногда до поздняго вечера. И народъ, жаждая посмотрѣть главу католической церкви въ Россіи, ждалъ выхода его, католики же, пользуясь случаемъ, подходили къ нему подъ благословеніе.

Послѣдній разъ Головинскій пріѣзжалъ къ Вольфу въ началѣ осени 1855 года, тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ деревни.

Несмотря на сравнительно нестарые еще свои годы—ему было тогда всего 48 лѣтъ—Головинскій къ тому времени сталъ часто жаловаться на нездоровье, предвидѣлъ близкую смерть и нерѣдко повторялъ: „Моя роль въ исторіи католической церкви близится къ концу. Хотѣлось бы еще поработать, но чувствую, что это уже не удастся“.

Случилось такъ, что въ этотъ послѣдній пріѣздъ Головинскаго, тяжелая большая люстра, висѣвшая надъ столомъ въ вольфовской столовой, упала передъ самымъ обѣдомъ, какъ разъ на то мѣсто, гдѣ было приготовлено кресло для митрополита, разбивъ на столѣ посуду, переломавъ самое кресло и пр. Головинскій пріѣхалъ какъ разъ въ то время, когда убирали осколки и пр. Скрыть отъ него случившееся было трудно. Узнавъ о происшествіи, Головинскій набожно перекрестился, поднялъ глаза къ небу и тихо помолился. Но, хотя онъ и старался не подавать вида, что случай этотъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе, все же не могъ удержаться, чтобы не высказать, что паденіе люстры лишній разъ напоминаетъ ему „memento mori“ и является какъ бы грустнымъ предзнаменованіемъ.

И, дѣйствительно, всего мѣсяцъ спустя послѣ этого случая, Головинскаго, послѣ краткой болѣзни, не стало...

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЕКРЕТАРИ.

У Маврикія Осиповича Вольфа, во все время его издательской дѣятельности, были особые „литературные секретари“. Они вели переписку съ авторами, по указаніямъ самого Вольфа, разрабатывали детально издательскіе планы Маврикія Осиповича при болѣе крупныхъ изданіяхъ, перечитывали предлагаемыя для пзданія рукописи и книги, редактировали и исправляли переводы и т. п. Кромѣ этихъ, такъ сказать, официальныхъ занятій, на обязанности секретаря лежало чтеніе всѣхъ болѣе выдающихся литературныхъ новинокъ. Вольфъ желалъ быть всегда au courant всей литературы, знать приблизительно содержаніе и характеръ, если не всѣхъ продаваемыхъ въ его магазинѣ (что, конечно, при массѣ книгъ было рѣшительно невозможно), то, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ новыхъ книгъ. Не имѣя никакой физической возможности читать самъ, онъ поручалъ это секретарямъ, которые обязаны были затѣмъ въ самыхъ краткихъ словахъ передавать ему содержаніе и характеристику каждой прочитанной ими книги. Обладая поистинѣ колоссальною, совершенно исключительною памятью, Вольфъ отлично запоминалъ все то, что ему передавали, пополняя иногда полученныя свѣдѣнія бѣглымъ просмотромъ или, вѣрнѣе, перелистываніемъ данныхъ книгъ.

Такимъ образомъ онъ всегда поражалъ покупателей своего книжнаго магазина удивительнымъ знакомствомъ со всѣми книгами и умѣніемъ указать каждому своему кліенту на особенности той или другой книги. Въ свою очередь онъ часто бесѣдовалъ со своими постоянными покупателями о тѣхъ книгахъ, которыя ими были пріобрѣтены, и старался узнать ихъ объ этихъ книгахъ мнѣніе.

Самъ онъ придерживался того взгляда, что книгопродавецъ обязанъ знать тотъ „товаръ“, который онъ продаетъ, въ особенности тотъ, который онъ предлагаетъ и рекомендуетъ покупателю.

Въ то время число новыхъ книгъ было далеко не такъ велико, какъ теперь. Выдающіяся новости появлялись рѣдко. Книгопродавецъ не утопалъ, какъ теперь, въ потокѣ новыхъ книгъ. И, конечно, достигнуть намѣченной Вольфомъ цѣли было легче. Тѣмъ не менѣе, нужно было обладать огромною любовію къ книжному дѣлу, незаурядною памятью и большою, чисто книгопродавческою, сноровкою, даже, если хотите, своеобразнымъ дарованіемъ, чтобы знать всѣ книги такъ, какъ зналъ ихъ Вольфъ. Вѣдь его „знанія“ касались далеко не одной изящной литературы: онъ одинаково былъ освѣдомленъ о сочиненіяхъ по медицинѣ, по техникѣ, юридическимъ наукамъ, и могъ каждому желающему указать на всѣ выдающіяся труды по данной отрасли.

При отсутствіи сколько-нибудь сносныхъ спеціальныхъ каталоговъ, знанія Вольфа оказывали многимъ неоцѣненныя услуги, и даже крупные, выдающіеся ученые и государственные дѣятели нерѣдко прибѣгали къ совѣтамъ и указаніямъ Мавракія Осиповича и его ближайшихъ учениковъ-помощниковъ.

О закулисныхъ „секретаряхъ“ Вольфа и ихъ работѣ мало знали, тѣмъ болѣе, что вся переписка велась всегда

за подписью самого Маврикія Осиповича, а всякіе переговоры велись только имъ лично.

Литературными секретарями Вольфа поочередно были такія лица, какъ В. Д. Спасовичъ, А. Е. Разинъ, В. Р. Зотовъ, В. П. Клюшниковъ, П. И. Вейнбергъ, В. Н. Майновъ, П. П. Полевой и М. Л. Песковскій—все лица съ болѣе или менѣе крупною литературною извѣстностью.

Въ кругъ работъ этихъ секретарей, помимо обширной корреспонденціи по литературнымъ и издательскимъ дѣламъ, входили библіографическія статейки о всѣхъ вольфовскихъ изданіяхъ. Какъ только какое-нибудь вольфовское изданіе выходило изъ печати, Вольфъ передавалъ экземпляръ своему секретарю для составленія краткой библіографической замѣтки, какъ матеріала для каталога своихъ изданій. Придавая этимъ замѣткамъ особенное значеніе, Вольфъ платилъ за нихъ своимъ секретарямъ отдѣльный, построчный, иногда довольно значительный, гонораръ, при чемъ не только не препятствовалъ авторамъ помѣщенію этихъ замѣтокъ въ газетахъ и журналахъ, но, напротивъ, за принятую въ журналъ и помѣщенную въ какомъ-нибудь изданіи замѣтку платилъ еще большій гонораръ...

Объясняется послѣднее тѣмъ, что въ то время отдѣлъ библіографіи въ газетахъ и журналахъ былъ въ полномъ загонѣ и редакціи крайне неохотно печатали замѣтки о книгахъ, а если и помѣщали ихъ, то, за рѣдкими исключеніями, или безъ всякаго гонорара, или за самую минимальную плату, не окупавшую труда прочтенія книги.

Послѣднимъ литературнымъ секретаремъ М. О. Вольфа былъ Матвѣй Леонтьевичъ Песковскій, педагогъ и публицистъ, сотрудникъ „Голоса“, одинъ изъ видныхъ и замѣтныхъ работниковъ либеральнаго лагеря, соредакторъ издававшейся съ 1876 по 1878 гг. Г. Г. Градовскимъ еженедѣльной газеты „Русское Обозрѣніе“. Когда въ 1878 г. изданіе этой газеты, въ короткое время полу-

чившей 11 предостереженій и три раза пріостановленной, было прекращено правительствомъ, Песковскій остался, такъ сказать, на мели и, въ поискахъ заработка, обратился къ Вольфу съ рекомендательнымъ письмомъ А. А. Краевскаго. Вольфъ принялъ участіе въ судьбѣ потерпѣвшаго крушеніе публициста и предложилъ ему мѣсто своего литературнаго секретаря, освободившееся послѣ ухода П. П. Полевого (о которомъ подробнѣе уже разсказано мною раньше) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постъ помощника редактора изданія „Живописная Россія“. Песковскій принялъ съ восторгомъ предложеніе, но на первыхъ же порахъ у него вышло недоразумѣніе по поводу черезчуръ усердной редакціи повѣстей И. А. Салова, которыя Вольфъ пріобрѣлъ для изданія. Песковскій нашелъ, что Салова, несмотря на то, что его повѣсти были уже напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Русской Мысли“, необходимо значительно исправить и сократить, и подвергъ оригиналъ Салова такой кастраціи и передѣлкѣ, что Саловъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, вызвалъ Песковскаго на дуэль за оскорбленіе „литературной чести“. Дѣло удалось лишь съ трудомъ уладить путемъ негласнаго третейскаго суда.

У Песковскаго была одна слабость: онъ не выносилъ въ книгѣ никакого изящества: украшеній, заставокъ, виньетокъ, даже иллюстрацій. „Книга должна оставаться книгой, а всѣ эти заставки, иллюстраціи и разныя „финтифлюшки“, имѣющія будто бы цѣлью придать книгѣ красивую внѣшность, роняютъ значеніе книги, какъ самостоятельнаго продукта человѣческой мысли“. „Издавайте ихъ отдѣльно, альбомами, какъ произведенія искусства,— говорилъ Песковскій; а книгу печатайте лишь хорошимъ удобочитаемымъ шрифтомъ, на простой, но удобной для чтенія бумагѣ, безъ всякой роскоши“.

— Когда я вижу въ текстѣ какой-нибудь книги, въ особенности книги серьезной, цѣнной, украшенія, рамки,

бордюры, заставки, узорчатые инициалы и пр., и пр., мнѣ всегда вспоминается дрезденская собирательница древнихъ статуй, которая одѣвала статуямъ въ своемъ музеѣ шляпы, башмаки, платье,—твердилъ Песковскій.

Въ связи съ такимъ взглядомъ на художественную внѣшность книги, Песковскій не признавалъ, конечно, и художественныхъ, изящныхъ переплетовъ и, когда ему указывали, что даже картины принято помѣщать въ богатыя рамы, онъ, защищаясь, возражалъ:

— Если бы отъ меня зависѣло, я бы убралъ изъ музеевъ всѣ рамы и развѣшивалъ бы картины на голыхъ стѣнахъ. Этого требуетъ уваженіе къ искусству. Плохая та картина, которая нуждается въ богатой рамѣ.

Когда Вольфъ показывалъ Песковскому роскошныя иностранныя иллюстрированныя изданія классиковъ, Песковскій сердито замѣчалъ:

— Иллюстраціи, это—профанація классиковъ! Развѣ художникъ въ состояніи передать то, что пишетъ великій писатель? Развѣ Гомеръ или Данте не достаточно сами иллюстрируютъ словами тѣ мысли и образы, которыя они желали распространить?.. Какъ Венера Милосская или Мадонна Рафаэля не нуждаются въ „описаніяхъ“ какого-нибудь Икса или Игрека, такъ „Иліада“ или „Божественная Комедія“ не нуждаются въ рисункахъ не только невѣдомыхъ, но даже прославленныхъ художниковъ... Чтобы вы сказали, если бы на оригиналѣ или копіи Мадонны вамъ приклеили описаніе, съ указаніемъ, что цвѣтъ лица у Мадонны — розовый, щеки — красныя, одѣяніе—синее и пр.? Вы бы возмутились, назвали бы это художественнымъ кощунствомъ. А вѣдь иллюстраціи въ книгѣ — это почти такое же кощунство по отношенію къ мысли и творенію писателя, какъ приклеенное къ картинѣ Мадонны описаніе...

Песковскій постоянно старался убѣдить Вольфа, что издавать книги съ иллюстраціями и какими-либо украшеніями не

слѣдуетъ. Даже въ дѣтскихъ книгахъ онъ считалъ иллюстраціи лишними, больше того—вредными и находилъ, что юные читатели менѣе внимательно относятся къ содержанію и формѣ читаемыхъ произведеній, когда имъ даются готовые образы, въ видѣ иллюстрацій.

— Надо пріучать ребенка съ самыхъ раннихъ лѣтъ перевоплощать въ фантазіи слова писателя въ живые образы,—были его слова.

На этомъ у Песковскаго не только съ Вольфомъ, но и съ его личными друзьями-писателями происходили частые споры.

Совершенно противоположнаго взгляда держался Полевой—рьяный любитель художественной внѣшности въ книгахъ и одинъ изъ тѣхъ, которые старались пріучить русскую публику цѣнить книги съ такой внѣшностью. Составленные имъ два сборника стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ „Родные отголоски“ представляли въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи художественно, съ большимъ вкусомъ исполненныхъ и воспроизведенныхъ иллюстрацій, печати, бумаги, переплета, совершенно изъ ряда выдающееся явленіе и были первыми русскими книгами, обратившими на себя своею внѣшностью вниманіе за границею. Полевой цѣлые часы просиживалъ надъ красивымъ разставленіемъ текста какого-нибудь стихотворенія, придумываніемъ внѣшней формы виньетки, выборомъ начальной буквы къ стихотворенію, заставлялъ художниковъ по нѣскольку разъ перерисовывать виньетки, самъ дѣлалъ указанія и пр.

— Книга должна ласкать глазъ своею внѣшностью,—говорилъ онъ.—Уваженіе къ писателямъ и къ литературѣ должно бы заставить всѣхъ стремиться къ тому, чтобы книги имѣли художественную внѣшность, достойную ихъ внутренняго содержанія...

Всѣ симпатіи Вольфа были на сторонѣ взглядовъ Полевого. Но осуществлять въ ихъ полной мѣрѣ, какъ того

желалъ Полевой, Вольфъ не рѣшался, въ виду того, что русская публика далеко не оцѣнивала тогда, какъ слѣдуетъ, художественности книгъ, и затраты на такія изданія не окупались. Объ этомъ свидѣтельствовалъ медленный сбытъ такихъ изданій какъ „Родные Отголоски“, „Андронъ Головановъ“ Каразина, и „Народныя сказки“ Полевого, не говоря уже о болѣе крупныхъ, какъ „Божественная Комедія“ Данте или „Фаустъ“ Гете.

Задумывая какое-нибудь новое изданіе или пріобрѣтая для изданія какое-нибудь сочиненіе, Вольфъ любилъ выслушивать совѣтъ своихъ секретарей. Но только выслушивать; руководствовался же онъ почти всегда собственными взглядами—своимъ утонченнымъ „издательскимъ нюхомъ“, какъ выражался Лѣсковъ, и соображеніями, совершенно недоступными пониманію неспеціалистовъ книгопродавческаго дѣла. При этомъ онъ любилъ повторять:

— Въ издательскомъ дѣлѣ я признаю одну только форму правленія: неограниченное самодержавіе.

Трудъ литературнаго секретаря у Вольфа былъ не изъ легкихъ. Отличаясь поистинѣ феноменальною работоспособностью, занятый весь день, частью въ книжномъ своемъ магазинѣ (гдѣ онъ и книги самъ продавалъ, и съ другими книгопродавцами велъ переговоры, и съ авторами бесѣдовалъ, и заказы дѣлалъ и пр., и пр.), частью же въ своей типографіи (гдѣ онъ самъ наблюдалъ за работами, провѣрялъ всѣ счеты, просматривалъ печатаемые листы и пр.), Вольфъ для занятій съ секретаремъ избиралъ время только отъ 6 до 10 часовъ утра.

ЗАМОРСКІЙ НѢМЕЦЪ МАРКСЪ.

ЕСЛИ суждено когда-либо осуществиться проекту устройства въ Петербургѣ музея русскаго издательскаго дѣла, то туда, въ коллекціи этого музея, долженъ непремѣнно попасть интересный документъ, который хранится въ архивѣ наслѣдниковъ М. О. Вольфа.

Документъ этотъ состоитъ изъ пожелтѣвшей отъ времени, разлинованной на подобіе конторскихъ книгъ съ графами „рубли и копѣйки“ бумажки, на которой значится всего двѣ рукописныя строчки.

Первая строчка гласитъ:

Дано Марксу на сапоги шесть рублей.

Вторая подъ ней:

Шесть рублей получилъ сполна
Марксъ.

Первая строчка написана рукою Маврикія Осиповича Вольфа; вторая подписана Адольфомъ Федоровичемъ Марксомъ, богатымъ издателемъ распространеннѣйшаго русскаго журнала „Нива“, владѣльцемъ громадной типографіи, нѣсколькихъ домовъ, обладателемъ крупнаго состоянія, нажитаго исключительно на издательскомъ дѣлѣ.

Но въ то время, къ которому относится означенный выше документъ, т. е. въ шестидесятыхъ годахъ, Марксъ, конечно, не былъ еще и не думалъ быть богатымъ издателемъ: онъ былъ бѣднымъ приказчикомъ книжнаго магазина, пріѣхавшимъ изъ Германіи въ Россію искать счастья и... богатства, и послѣ нѣкотораго времени служенія у книгопродавцевъ Калугина и Битепажа, очутившимся безъ мѣста. А получить мѣсто въ какомъ-либо книжномъ магазинѣ, даже торгующемъ нѣмецкими книгами, не зная совершенно русскаго языка, было нелегко. И молодой приказчикъ, не имѣя ровно никакихъ средствъ, находился въ довольно критическомъ положеніи. Трудно предугадать, какъ сложилась-бы его судьба и возникъ-ли бы въ Россіи журналъ типа „Нивы“, если бы случайно не открылась вакансія для приказчика нѣмецкаго отдѣленія въ книжномъ магазинѣ Вольфа. Марксъ—въ то время еще юноша—съ радостью принялъ мѣсто, обезпечивавшее ему, помимо квартиры и стола, 30 руб. ежемѣсячнаго жалованія. Но на первыхъ же дняхъ поступленія Маркса на новую должность оказалась маленькая „загвоздка“: у бѣднаго юноши, очевидно, очень усердно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ искавшаго мѣста, оказались черезчуръ изношенные сапоги, въ которыхъ показываться публикѣ было неудобно. И вотъ Марксъ—будущій богатый издатель—получаетъ въ 1864 г. отъ своего новаго хозяина „авансомъ“ шесть рублей на сапоги.

У Вольфа прослужилъ молодой человѣкъ очень недолго. Несмотря на свою бѣдность, онъ былъ слишкомъ гордъ, самонадѣянъ и черезчуръ настойчиво требовалъ самостоятельной роли въ дѣлѣ, для того чтобы мириться съ скромнымъ положеніемъ всецѣло подчиненнаго своему хозяину приказчика торговца книгами. И, въ концѣ концовъ, юный приказчикъ бросаетъ не только службу въ книжномъ магазинѣ Вольфа, но книгопродавческую профессію вообще.

Не найдя мѣста въ книжномъ дѣлѣ, онъ изъ приказчика превратился въ... педагога и сталъ воспитателемъ и преподавателемъ нѣмецкаго языка сначала въ одномъ частномъ домѣ, а затѣмъ въ одномъ изъ петербургскихъ пансіоновъ. Педагогическая дѣятельность Маркса продолжалась впрочемъ недолго, и изъ педагога онъ превратился въ конторщика въ конторѣ Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Служилъ онъ тамъ въ т. н. „отдѣлѣ претензій“, получая 40 руб. жалованья въ мѣсяцъ и исполняя мелкія, конторскія работы, которыя, по его собственнымъ словамъ, надоѣли ему „хуже горькой рѣдьки“ и не подходили къ кипучей, жаждущей самостоятельной дѣятельности натурѣ молодого человѣка.

За время своего служенія, сначала въ книжномъ магазинѣ Калугина и Битепажа, затѣмъ въ книжномъ магазинѣ Вольфа, у молодого Маркса созрѣла мысль, что въ Россіи можно бы „сдѣлать хорошее дѣло“, начавъ изданіе семейнаго иллюстрированнаго журнала, чуждаго политики, по образцу распространеннаго нѣмецкаго этого рода изданія — „Gartenlaube“. Поступивъ къ Вольфу, онъ началъ тщательно изучать характеръ существовавшихъ тогда, а также прекратившихъ свое существованіе иллюстрированныхъ русскихъ журналовъ, на послѣдніе гроши скупалъ отдѣльные ихъ нумера, старался сблизиться съ русскими кліентами магазина Вольфа, узнать ихъ литературные вкусы и потребности, познакомиться съ писателями и пр. Увлеченный мечтою о „собственномъ журналѣ“, онъ тяготился скромною ролью приказчика. Мысль создать свой журналъ не давала Марксу покоя, но для осуществленія ея не хватало главнаго—денегъ.

Существовалъ въ то время въ Зиминомъ переулкѣ маленькій не то ресторанчикъ, не то пивная, въ которой собирались по вечерамъ нѣмецкіе приказчики, конторщики, мелкіе коммерсанты-нѣмцы и т. п. Въ числѣ усердныхъ

посѣтителей ресторанчика, его постоянныхъ гостей,—„штаммгастовъ", какъ говорятъ нѣмцы,—находился и молодой Марксъ. Въ разговорѣ за общимъ столомъ онъ сталъ агитировать за осуществленіе своей идеи новаго журнала и предлагалъ своимъ собесѣдникамъ вступить въ компаніоны дѣла, при чемъ прямо заявилъ, что самъ въ состояніи внести пай лишь въ видѣ... твердой воли и глубокаго убѣжденія въ успѣхъ. Товарищи Маркса были все люди небогатые: у одного было скоплено рублей двѣсти, у другого триста, у третьяго — сто. Но Марксъ сумѣлъ ихъ убѣдить, что можно начать дѣло и съ небольшими средствами и они, составивъ „капиталъ" въ тысячу съ чѣмъ-то рублей, передали его Марксу для основанія журнала. Онъ бросилъ тогда мѣсто въ контролѣ и, заручившись кредитомъ въ типографіи Траншеля, приступилъ къ изданію иллюстрированнаго еженедѣльнаго журнала, который сначала предполагалъ выпускать подъ названіемъ „Бесѣдка", но затѣмъ уступая совѣтамъ перваго редактора, Ключникова, рѣшилъ назвать „Нива"...

Это было въ 1869 году, а въ январѣ 1870 года вышелъ первый нумеръ новаго журнала съ стихотвореніемъ А. Майкова во главѣ.

Энергичному, предпріимчивому „заморскому нѣмцу" повезло, въ то время какъ другіе издатели, одинъ за другимъ, банкротились, въ то время, какъ другія изданія гибли за недостаткомъ либо средствъ, либо подписчиковъ,—Марксъ шелъ впередъ и впередъ, изъ года въ годъ увеличивая свое состояніе. Успѣхъ его создался, однако, не сразу. Первые годы Марксъ едва-едва сводилъ концы съ концами, работалъ даже съ дефицитомъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, пока „Нива" упрочилась, стала процвѣтать.

Постепенно маленькій невзрачный журналъ, издательство котораго ютилось сначала на углу Малой Конюшенной и Невскаго, а затѣмъ въ крошечной, тѣсной

квартирѣ на Морской улицѣ — превратился въ крупное большое издательское дѣло, съ собственной типографіею, литографіею, съ сотнями тысячъ подписчиковъ...

Выплативъ паи своихъ соучастниковъ въ дѣлѣ, Марксъ остался одинъ владѣльцемъ своего изданія, къ которому постепенно, но съ чрезвычайною осторожностью, присоединилъ и книжно-издательскую дѣятельность.

Успѣхъ ея, какъ говорили, основанъ былъ „на трехъ китахъ“: на преміяхъ, историческихъ романахъ Соловьева, которыя читались запоемъ среднею публикою, и умѣніи Маркса выбирать доступный для массъ иллюстраціонный и литературный матеріалъ.

За 35 лѣтъ Марксъ перемѣнилъ нѣсколькихъ редакторовъ, массу сотрудниковъ, но характеръ журнала сохранилъ такимъ, какимъ онъ самъ его создалъ.

У англичанъ есть особое, непереводимое слово для опредѣленія характера людей, добившихся богатства, славы или значенія исключительно собственными силами. Слово это: Self-help-man. Марксъ принадлежалъ къ числу такихъ именно людей „самопомощи“: всѣмъ онъ былъ обязанъ себѣ, своей энергіи, своему издательскому дарованію и, въ особенности, своей... удачливой звѣздѣ, которая сопровождала всю его дѣятельность.

„Заморскій нѣмецъ Марксъ“, какъ въ шутку его называли товарищи по службѣ у Вольфа, оказался необычайно дѣльнымъ и... счастливымъ издателемъ и создалъ такое дѣло, равнаго которому нѣтъ и не было въ Россіи.

Изъ всѣхъ служившихъ когда-либо у Вольфа, онъ одинъ сдѣлалъ крупную карьеру, онъ одинъ сумѣлъ рѣзко выдвинуться, оставилъ милліонное состояніе, большую издательскую фирму и заслужилъ славу дѣльнаго энергичнаго и полезнаго издателя, имя котораго заняло видное мѣсто въ исторіи русской журналистики и русскаго книгоиздательства.

Любопытная подробность: когда Марксъ въ 1865 году уходилъ отъ Вольфа, послѣдній замѣтилъ ему, что изъ него „ничего не выйдетъ“.—„Ну, это мы еще посмотримъ“,—отвѣтилъ Марксъ съ свойственной ему самоувѣренностью. Старый, опытный книгопродавецъ, какимъ былъ Маврикій Осиповичъ Вольфъ, очевидно, лучше умѣлъ оцѣнивать книги, чѣмъ людей: изъ Маркса, котораго онъ считалъ и неспособнымъ, и черезчуръ самонадѣяннымъ, и даже умственно ограниченнымъ, вышелъ крупный дѣятель, оставившій видный слѣдъ въ русской культурѣ.

Мнѣ какъ-то разъ пришлось бесѣдовать съ покойнымъ издателемъ „Нивы“ въ то время, когда Марксъ уже сталъ богатымъ издателемъ. Разговоръ нашъ, между прочимъ, коснулся его житья-бытья въ приказчикахъ въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа.

— Какъ странно иногда слагается судьба,—замѣтилъ Марксъ,—если бы въ свое время Вольфъ оцѣнилъ меня, какъ слѣдуетъ, и призналъ меня полезнымъ работникомъ, я, чего добраго, былъ бы и теперь либо старшимъ приказчикомъ, либо, много-много, только подчиненнымъ управляющимъ его книжнаго магазина...

— Вольфъ во мнѣ ошибся,—продолжалъ Марксъ съ горькой улыбкой.—Онъ, я знаю, считалъ меня неспособнымъ и даже передавалъ моему другу Герману Гоппе, что я ничего не добьюсь (das ich werde zu gar nichts bringen,—разговоръ шелъ на нѣмецкомъ языкѣ, по-русски Марксъ и тогда говорилъ очень плохо). Надѣюсь, онъ убѣдился, что былъ не правъ. Мое дѣло теперь прочно.

И лицо его приняло гордое, самоувѣренное выраженіе.

— Вольфъ,—прибавилъ онъ,—убѣжденъ, что я добился всего исключительно благодаря счастью. Но онъ ошибается: кровью и потомъ добытъ успѣхъ „Нивы“, и только эти стѣны знаютъ, сколько я провожу безсонныхъ ночей за работою, сколько я вкладываю въ мое дѣло личнаго труда...

Теперь, однако, все это пустяки: а вотъ первые годы, когда приходилось постоянно дрожать, что вотъ-вотъ дѣло погибнетъ, что расчеты мои ошибочны, когда приходилось бѣгать по всему Петербургу, чтобы получить какіе-нибудь стодвѣсти рублей на уплату срочнаго векселя,—вотъ когда нужны были крѣпкіе нервы, сила воли, вѣра въ успѣхъ... Но чтобы все это пережить, перенести—нужно было еще имѣть желѣзную руку! — добавилъ онъ, ударяя кулакомъ по столу.

— И все же, — сказалъ Марксъ въ заключеніе, — я считаю себя многимъ обязаннымъ Вольфу: онъ невольно толкнулъ меня на путь самостоятельнаго труда... Быть можетъ,—я это повторяю,—если бы не онъ, я остался бы навсегда подчиненнымъ, приказчикомъ или, въ лучшемъ случаѣ, управляющимъ Вольфовскаго магазина... „Нива“ теперь занимаетъ прочное положеніе, это господинъ Вольфъ хорошо знаетъ; но это далеко еще не то, на что я надѣялся и надѣюсь, и я полагаю, что мы съ М. О. Вольфомъ доживемъ еще до того времени, когда онъ съ гордостью будетъ говорить:

— „А вѣдь Марксъ у меня служилъ!.. Онъ мой ученикъ!“

ТРИ АЯКСА.

СРЕДИ петербургскихъ купцовъ существовалъ прежде твердо установившійся обычай, по которому приказчики, конторщики, ученики-мальчики и артельщики квартировали и столовались обязательно у своихъ хозяевъ.

Этому патріархальному обычаю остался вѣренъ и Маврикій Вольфъ и-рядомъ со своей личною квартирою, по Караванной улицѣ, подъ № 9, онъ снималъ отдѣльную квартиру для своихъ служащихъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ одну изъ комнатъ этой квартиры заняли трое служащихъ въ иностранномъ отдѣленіи книжнаго магазина Вольфа: Адольфъ Марксъ, прозванный товарищами „заморскимъ нѣмцемъ“, Германъ Гоппе—по прозвищу, „серьезный вестфалецъ“, и Германъ Корнфельдъ—„веселый варшавянинъ“—всѣ трое впослѣдствіи видные самостоятельные издатели.

Всѣхъ ихъ троихъ связывали узы тѣсной дружбы, всѣ трое проводили свои досуги вмѣстѣ и всѣ трое жили одною мечтою: стать со временемъ самостоятельными хозяевами-издателями, всѣ трое твердо вѣрили, что въ Россіи на издательствѣ наживутъ состояніе.

И не только среди служащихъ Вольфа, но и среди постоянныхъ кліентовъ его книжнаго магазина—Марксъ,

Гоппе и Корнфельдъ извѣстны были подъ кличкою „Три Аякса“.

Марксъ оставался „въ составѣ“ трехъ Аяксовъ не долго: онъ не поладилъ съ Вольфомъ и бросилъ службу у него. Мѣсто Маркса, какъ третьяго Аякса, занялъ братъ Гоппе, Эдуардъ—впослѣдствіи извѣстный типографъ, издатель журнала „Обзоръ графическихъ искусствъ“ и отрывныхъ календарей. Марксъ все же продолжалъ считаться „Аяксомъ“ и не оставлялъ своихъ прежнихъ товарищей; особенно дружилъ онъ съ Германомъ Гоппе. Но въ то время какъ Марксъ оставилъ милліонное наслѣдство и прочную, солидную фирму, дѣло Германа Гоппе послѣ его смерти быстро пошатнулось, а затѣмъ и совсѣмъ погибло. Впрочемъ, еще при жизни Гоппе, фортуна, баловавшая Маркса, какъ будто отвернулась спиною къ Гоппе, несмотря на то, что Германъ Гоппе былъ человѣкъ безусловно дѣльный, способный и рѣдкій работникъ, не уступавшій въ удивительной работоспособности Марксу, который въ первые годы самостоятельнаго издательства Гоппе, служа тогда въ контролѣ Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ, въ часы досуга помогалъ Герману Гоппе въ его издательскихъ работахъ, велъ у него счетоводство, часть корреспонденціи и пр.

Германъ Гоппе былъ „выписанъ“ въ Россію Маврикіемъ Вольфомъ изъ Германіи въ качествѣ завѣдующаго нѣмецкимъ отдѣленіемъ его книжнаго магазина, когда размѣры этого отдѣленія настолько расширились, что Вольфу уже не представлялось возможнымъ вести его самому, какъ велъ онъ русскій и французскій отдѣлы. Это было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Гоппе былъ родомъ изъ Вестфаліи. Онъ родился въ г. Гаммѣ, въ 1835 году, книгопродавческое дѣло изучилъ въ Англіи, Германіи и Бельгіи, гдѣ служилъ въ разныхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Гоппе быстро оріентировался въ новой для него странѣ и, прослуживъ у Вольфа до 1867 года, въ компаніи съ Германомъ Корнфельдомъ основалъ собственное издательское дѣло, выпустивъ для начала путеводитель по Россіи Бастена, а вслѣдъ за тѣмъ, въ 1867 г. началъ издавать журналъ „Моды и Новости“, преобразованный въ „Модный Свѣтъ“ и „Модный Магазинъ“. Это были первые русскіе модные журналы, издававшіеся по типу большихъ европейскихъ изданій этого рода, и успѣхъ ихъ былъ большой. Многіе годы Гоппе былъ настоящимъ королемъ модъ и модистокъ. Успѣхъ модныхъ журналовъ натолкнулъ его въ 1869 г. на мысль издавать большой иллюстрированный журналъ по образцу самыхъ крупныхъ и дорогихъ изданій этого рода, п. з. „Всемірная Иллюстрація“, рѣзко отличавшійся отъ уже издававшихся раньше Зотовымъ и Бауманомъ „Иллюстрацій“ своею отзывчивостью на всѣ текущія событія. Предпріятіе было поставлено на широкую ногу, организовано умѣло и въ первые годы пользовалось значительнымъ успѣхомъ. Кромѣ того, Гоппе съ 1867 г. сталъ ежегодно издавать „Всеобщій Календарь“, тоже пользовавшійся большимъ успѣхомъ, издалъ рядъ роскошныхъ по тому времени „альбомовъ“: Петра В., русскихъ народныхъ сказокъ, московской выставки, коронаціонный и др.

Свою издательскую дѣятельность Гоппе началъ раньше Маркса. Послѣдній все еще служилъ мелкимъ конторщикомъ въ „отдѣлѣ претензій“, помѣщавшемся въ зданіи Варшавскаго вокзала, когда Гоппе уже „подписывался“ издателемъ „Моднаго Свѣта“ и открылъ большую контору журналовъ по Садовой ул., напротивъ Гостинаго Двора. Здѣсь, рядомъ съ конторою, помѣщалась квартира Гоппе, и Марксъ былъ частымъ гостемъ своего друга и бывшаго коллеги по службѣ у Вольфа. У Германа Гоппе

по воскреснымъ днямъ устраивались небольшіе обѣды, на которыхъ почти неизмѣнно бывали докторъ Гезелліусъ, впослѣдствіи редакторъ-издатель нѣмецкой газеты „St. Petersburger Herold“, поэтъ Случевскій, писатель Антроновъ, приказчикъ Гоппе Петровъ, перешедшій къ нему отъ Вольфа, ученикъ конторы Гоппе Нейштейнъ и др.

Дружба Германа Гоппе съ Марксомъ прекратилась въ тотъ самый день, когда Марксъ въ одинъ прекрасный день заявилъ Гоппе, что онъ начинаетъ издавать свой собственный журналъ. Гоппе рѣшилъ, что Марксъ будетъ его конкурентомъ, и никакія увѣренія Маркса, что его изданіе будетъ носить другой характеръ, какъ изданіе Гоппе, не помогли.

— Какъ другъ, ты не долженъ этого дѣлать,—говорилъ, сердясь, Германъ Гоппе.

— Неужели ради дружбы съ тобой я всю жизнь обязанъ работать конторщикомъ за 40 рублей въ мѣсяцъ!—возмутился Марксъ. —Въ торговлѣ не можетъ быть и не должно быть подобныхъ дружескихъ соображеній...

Изъ „компаніи“, бывавшей у Гоппе, Марксъ „переманилъ“ къ себѣ въ „Ниву“ доктора Гезелліуса, который писалъ для него популярныя медицинскія статьи по-нѣмецки; статьи эти переводились редакторомъ „Нивы“ Клюшниковымъ на русскій языкъ...

Гоппе, въ отличіе отъ Маркса, сохранилъ дружественныя отношенія съ своимъ прежнимъ патрономъ, Вольфомъ, и открыто признавалъ себя ученикомъ Вольфа.

— О, это большой человѣкъ, этотъ Маврикій Вольфъ,—говорилъ онъ мнѣ.—Я убѣжденъ, если бы Маврикій Вольфъ избралъ другое поприще, въ особенности дипломатію, онъ бы сдѣлался великимъ.

Почему именно Гоппе считалъ Вольфа особенно способнымъ къ дипломатіи, онъ, насколько помнится, не объяснялъ.

Въ свою очередь Вольфъ считалъ Германа Гоппе самымъ даровитымъ, самымъ способнымъ изъ всѣхъ, когда-либо служившихъ у него помощниковъ и твердо вѣрилъ, что Гоппе займетъ видное мѣсто среди русскихъ издателей. И когда, во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, у Гоппе, который къ тому времени разошелся съ Корнфельдомъ, произошла заминка въ дѣлахъ, и онъ нигдѣ не могъ учесть своихъ векселей, Вольфъ тотчасъ же его выручилъ, помогъ ему.

— Неужели вы вѣрите въ дѣла Гоппе?—спросилъ его тогда одинъ изъ финансистовъ, удивлявшійся, что Вольфъ рискуетъ крупною суммою, чтобы выручить Гоппе.

— Я вѣрю въ самого Гоппе, въ его энергію, въ его коммерческія и издательскія способности, — отвѣтилъ Вольфъ.

Нѣкоторое охлажденіе между Вольфомъ и Гоппе произошло, когда Гоппе, завидуя успѣху марксовской „Нивы“, задумалъ издавать журналъ „Огонекъ“.

— Оставьте вы эту затѣю, — совѣтовалъ Вольфъ. — Довольно пока одного журнала типа „Нивы“. Конкурировать трудно и, во всякомъ случаѣ, рано. „Разбрасываться“ въ издательствѣ журналовъ—опасно.

Но Гоппе не послушался совѣта. Успѣхъ „Нивы“ не давалъ ему покоя.

„Огонекъ“, какъ извѣстно, успѣха не имѣлъ и принесъ, въ концѣ концовъ, большой дефицитъ издателю. Не спасли „Огонекъ“ и „Масоны“ Писемскаго, печатавшіеся въ этомъ журналѣ...

Служившій одновременно съ Германомъ Гоппе у Вольфа, его младшій братъ, Эдуардъ Дмитріевичъ Гоппе, былъ типичный работникъ „вольфовской школы“, энергичный, дѣятельный, неутомимый, въ работѣ упрямый, и, въ то же время, человѣкъ высоко-честный, относившійся къ своимъ подчиненнымъ замѣчательно сердечно и задушевно.

Послѣ смерти брата своего Германа, онъ взялъ на себя управленіе всѣми его, уже тогда сильно запутанными, дѣлами, но, какъ и Герману Гоппе, ему не повезло: дѣла брата онъ не поднялъ, а вложилъ въ него всѣ свои личныя, нажитыя собственнымъ трудомъ средства и, въ концѣ концовъ, потерялъ все до копейки, сохранивъ лишь имя честнаго, но несчастнаго человѣка.

Товарищъ обоихъ Гоппе по службѣ у М. О. Вольфа, „третій Аяксъ", Германъ Корнфельдъ, впослѣдствіи основатель и издатель „Стрекозы", долгое время пользовавшейся славою лучшаго послѣ „Искры" русскаго сатирическаго журнала, носился съ мыслью издавать „свой журналъ" дольше, нежели его товарищи, и только въ 1875 г. рѣшилъ осуществить эту мысль, пригласивъ въ редакторы сначала художника Н. Богданова, и затѣмъ, спустя четыре года, Н. Василевскаго (Буква). Въ данномъ случаѣ выраженіе „носился съ мыслью" по отношенію къ Корнфельду тѣмъ болѣе примѣнимо, что онъ, состоя на службѣ у Вольфа, сильно интересовался заграничными юмористическими и сатирическими журналами. Завѣдуя у Вольфа отдѣломъ подписки на иностранные журналы, Корнфельдъ особенно усердно заботился о томъ, чтобы увеличить число подписчиковъ на юмористическіе французскіе, нѣмецкіе и англійскіе журналы, и, если только время позволяло, усердно прочитывалъ всѣ получаемыя магазиномъ этого рода изданія, составляя въ то же время планъ большого русскаго юмористическаго журнала—планъ, который онъ, раньше или позже, рѣшилъ осуществить непремѣнно.

Свою издательскую карьеру Корнфельдъ началъ въ качествѣ компаніона Германа Гоппе, съ которымъ онъ вмѣстѣ предпринялъ изданіе адресъ-календаря Петербурга по типу европейскихъ этого рода календарей, съ богатымъ и обширнымъ справочнымъ отдѣломъ. У обоихъ компаніоновъ средства были крайне ничтожные, но была

глубокая увѣренность въ успѣхъ затѣи и... кредитъ въ типографіи Риккера, факторомъ которой въ то время, въ 1867 г., былъ Каспари, впослѣдствіи издатель „Родины“, а корректоромъ, на жалованіе 30 руб. въ мѣсяцъ—молоденькій тогда Романъ Романовичъ Голике, впослѣдствіи издатель „Шута“, владѣлецъ типографіи и пр. Занятія корректора календаря были до нѣкоторой степени соединены съ занятіями редактора: на обязанности Голике лежало, между прочимъ, превращать нѣмецкія мысли Голике въ русскій текстъ календаря, такъ какъ самъ Германъ Гоппе, хотя и очень плохо владѣлъ русскимъ языкомъ, но тѣмъ не менѣе, усердно принималъ участіе въ составленіи справочной части календаря. Въ качествѣ корректора, Голике работалъ по ночамъ; утромъ же онъ былъ занятъ въ Петропавловскомъ училищѣ — числясь ученикомъ этого училища, а послѣ полудня занимался въ маленькой типографіи своего отца. И вотъ эти трое людей, Гоппе, Корнфельдъ и Голике, работая до изнеможенія, составляли календарь, который долженъ былъ служить фундаментомъ издательской фирмы „Гоппе и Корнфельдъ“. Впрочемъ, „фирма“ просуществовала не долго. Корнфельдъ вышелъ изъ ея состава, а Гоппе сталъ съ тѣхъ поръ самостоятельно издавать свой календарь, и издавалъ его въ теченіе многихъ лѣтъ, при участіи въ редакціонной работѣ одного изъ своихъ товарищей по службѣ у М. О. Вольфа—Іосифа Рынкевича.

Разойдясь съ Гоппе, Корнфельдъ занялся было дѣятельностью, ничего общаго съ книжнымъ дѣломъ и издательствомъ не имѣющею (онъ сталъ фабрикантомъ каучуковыхъ штемпелей и новоизобрѣтенныхъ тогда металлическихъ вывѣсокъ), но идеи изданія юмористическаго журнала онъ не бросилъ и въ 1875 г. сталъ издавать „Стрекозу“, не оставляя и фабрикаціи штемпелей...

Корнфельдъ—по словамъ Вольфа—„родился издателемъ

юмористическаго журнала". Дѣйствительно, это былъ человѣкъ отъ природы необычайно жизнерадостный, веселый, остроумный, отъ души любившій смѣхъ и сатиру и обладавшій удивительною памятью на анекдоты и остроты, „А гдѣ вашъ острякъ?"—спрашивали часто кліенты магазина Вольфа, любившіе Корнфельда за его веселый нравъ. Не обладая литературнымъ дарованіемъ, онъ все же, по крайней мѣрѣ, въ первые годы изданія „Стрекозы", принималъ дѣятельное участіе въ составленіи нумеровъ, и если „Стрекоза" пріобрѣла славу хорошаго юмористическаго журнала, то въ этомъ, несомнѣнно, львиная доля заслуги принадлежала ея издателю.

Корнфельдъ очень любилъ общество литераторовъ и не пропускалъ ни одного юбилея, ни одного литературнаго собранія, и хотя онъ скромно признавалъ себя только „слегка причастнымъ къ журналистикѣ", все же всегда былъ желаннымъ гостемъ въ литературныхъ кружкахъ.

АПОСТОЛЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДИ НѢМЦЕВЪ.

ЕСЛИ образованные нѣмцы знаютъ и цѣнятъ Достоевскаго, если среди читающей публики въ Германіи получили популярность сочиненія Щедрина, Гаршина, Чехова и многихъ другихъ русскихъ писателей, если вообще новѣйшая русская литература перешагнула черезъ германскую границу и сдѣлалась знакомой и близкой интеллигентнымъ нѣмцамъ,—то это въ значительной степени заслуга Вильгельма Генкеля. Онъ, если и не первый, то одинъ изъ первыхъ, въ 1878 г. началъ усердно переводить произведенія русской беллетристики на нѣмецкій языкъ, онъ занялся распространеніемъ русской литературы въ Германіи, писалъ статьи и изслѣдованія о русской изящной литературѣ въ нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ и, не смущаясь полнымъ сначала равнодушіемъ къ его затѣѣ, усердно въ теченіе многихъ лѣтъ велъ дѣло пропаганды русской литературы, являясь однимъ изъ самыхъ усердныхъ апостоловъ этой литературы. И дѣло, въ успѣхъ котораго онъ твердо вѣрилъ, которому онъ отдалъ всѣ свои силы, дало великолѣпные результаты: русская литература завоевала себѣ въ Германіи прочное мѣсто, нѣмцы стали интересо-

ваться русскими писателями, стали ихъ усердно читать, изучать, наконецъ, на самой нѣмецкой литературѣ замѣтно отразилось вліяніе Россіи.

Первое русское произведеніе, съ которымъ Генкель познакомилъ нѣмцевъ, было „Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго. До выхода этого романа на нѣмецкомъ языкѣ изъ числа русскихъ писателей извѣстенъ былъ почти одинъ только Тургеневъ. О Пушкинѣ и Гоголѣ нѣмцы, за исключеніемъ небольшого кружка знатоковъ, имѣли лишь поверхностное понятіе; ихъ почти не читали, несмотря на довольно хорошіе переводы. О значеніи же „Мертвыхъ душъ“ и „Ревизора“, о „Горѣ отъ ума“ Грибоѣдова и о Достоевскомъ нѣмцы не имѣли возможности судить, потому что не понимали этихъ чисто-русскихъ произведеній, въ которыхъ было все чуждо и странно для нихъ. Достаточно сказать, что „Записки изъ мертваго дома“, переводъ которыхъ появился еще въ 1862 г., разошлись въ 50-ти экземплярахъ, остальная же часть изданія поступила въ макулатуру. Поэтому довольно рискованно было со стороны Генкеля взяться за переводъ романа того же автора. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ устоять противъ желанія познакомить нѣмцевъ съ „Преступленіемъ и наказаніемъ“. Долго Генкель искалъ издателя, но никто не желалъ рисковать нѣсколькими тысячами марокъ на изданіе никому неизвѣстнаго русскаго романа. Тогда Генкель рѣшился напечатать переводъ на свой счетъ и передалъ все изданіе на комиссію лейпцигскому книгопродавцу Фридриху. Результатъ былъ самый плачевный. Несмотря на значительные расходы на публикаціи (слишкомъ 1000 марокъ),въ теченіе перваго года распродано было менѣе 200 экземпляровъ, которые не окупили даже расходовъ на публикаціи. Но Генкель не падалъ духомъ и рѣшился испробовать одно средство, чтобы обратить вниманіе на изданный имъ русскій романъ: онъ разослалъ всѣмъ выдаю-

щимся писателямъ въ Германіи циркуляръ съ просьбою высказать мнѣніе о романѣ. Эта мѣра принесла желаемый результатъ. Переводчикъ Достоевскаго получилъ со всѣхъ сторонъ благопріятные и отчасти восторженные отзывы, вслѣдъ же за тѣмъ стали появляться статьи въ журналахъ и газетахъ, расхваливавшія переведенное и изданное Генкелемъ произведеніе. Первое изданіе разошлось, и вскорѣ понадобилось уже 2-е изданіе.

Этотъ неожиданный успѣхъ имѣлъ большое значеніе: нѣмецкіе издатели набросились на русскую литературу, и переводы съ русскаго начали являться уже десятками.

Послѣ романа Достоевскаго Генкель перевелъ „Стихотворенія въ прозѣ“ и „Клару Миличъ“ Тургенева. Потомъ онъ принялся за переводъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“ Н. Костомарова, перевелъ разсказы Вс. Гаршина, а затѣмъ еще цѣлый рядъ мелкихъ и крупныхъ произведеній русской литературы.

Помимо переводовъ, Генкель помѣстилъ много статей о русской литературѣ въ „Allgemeine Zeitung“ и „Neueste Nachrichten“ въ Мюнхенѣ; въ „Börsenblatt für den deutschen Buchhandel“, „Gartenlaube“, „Magasin f. d. Litteratur des In-u. Auslandes“ и „Gesellschaft“ въ Лейпцигѣ; въ „Litterarischer Merkur“ въ Веймарѣ; въ „Zeitshrift f. Geschichte“ въ Штутгартѣ; въ „Oesterreichs Litteratur-Zeitung“, „Neue Freie Presse“, „Tagblatt“ въ Вѣнѣ и др. Статьи его заключали въ себѣ преимущественно свѣдѣнія изъ области исторіи русской литературы и общественной жизни Россіи, а также біографіи русскихъ дѣятелей (Ѳ. М. Достоевскій, И. С. Тургеневъ, Н. И. Костомаровъ, И. С. Аксаковъ, А. Н. Островскій, К. Д. Кавелинъ, Н. Х. Бунге, С. Я. Надсонъ, М. О. Вольфъ, и мн. мн. др.).

Переводчикомъ и литераторомъ Генкель сталъ лишь на 55 году жизни. До этого онъ былъ исключительно книгопродавцемъ и издателемъ русскихъ книгъ и, вѣроятно, никогда не вздумалъ бы работать на поприщѣ литературы, если бы не... крушеніе его издательскаго дѣла.

Какъ странно иногда слагается судьба: если бы не неудача Генкеля на издательскомъ поприщѣ, нѣмцы, можетъ быть, и до сихъ поръ не знали бы Достоевскаго, а во всякомъ случаѣ интересъ къ русской литературѣ среди нѣмцевъ затормозился бы лѣтъ на 30, а то и больше. Вѣдь другой такой энергичный, настойчивый, неутомимый пропагандистъ русской литературы, какимъ былъ Вильгельмъ Генкель, нашелся бы не скоро. Для того чтобы бороться съ равнодушіемъ, больше даже—съ пренебреженіемъ къ русской литературѣ со стороны нѣмецкихъ издателей и нѣмецкой читающей публики—нуженъ былъ человѣкъ не только твердой, непреклонной воли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ, проникнувшійся убѣжденіемъ въ великихъ достоинствахъ русскихъ художественно-литературныхъ произведеній, вѣрою въ ихъ великое значеніе. Такимъ именно человѣкомъ былъ Вильгельмъ Генкель.

Я назвалъ его „апостоломъ русской литературы въ Германіи“, потому что онъ, дѣйствительно, явился апостоломъ, и его роль въ отношеніи распространенія русской литературы въ Германіи была огромная.

Вильгельмъ Генкель родился 5 (17) апрѣля 1825 года въ Бургѣ, близъ Магдебурга; въ 1834 г. его привезли въ Петербургъ и помѣстили въ Петропавловское училище, гдѣ онъ оставался до 1840 г.; затѣмъ онъ поступилъ ученикомъ въ книжный магазинъ Шмидторфа. Съ 1846 до 1851 г. Генкель изучалъ книжное дѣло въ Лейпцигѣ и въ Санъ-Галленѣ, а по возвращеніи въ С.-Петербургъ въ 1853 году началъ издавать русскія книги, затѣмъ въ 1854 году, вступивъ въ компанію съ А. А. Смирди-

нымъ, былъ главнымъ дѣятелемъ издательской фирмы „А. Смирдинъ, сынъ и К°“ и началъ издавать первую періодическую русскую библіографію. Въ 1861 году онъ разошелся съ А. А. Смирдинымъ и продолжалъ самостоятельно издательскую дѣятельность до 1872 года, издавая между прочимъ журналъ „Сѣверное Сіяніе“, основавъ „Недѣлю“ и т. д.

Начало самостоятельной издательской дѣятельности Генкеля совпадаетъ съ началомъ знакомства его съ Маврикіемъ Осиповичемъ Вольфомъ. Знакомство это перешло въ тѣсную дружбу, которая не была ничѣмъ омрачена до послѣднихъ дней жизни М. О. Вольфа.

Сначала дѣла Генкеля, какъ издателя, шли довольно успѣшно. Онъ даже нажилъ на издательствѣ довольно солидный капиталъ. Но во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ дѣла Генкеля, какъ издателя, стали падать.

Онъ однако надѣялся на улучшеніе ихъ и вкладывалъ въ дѣло все больше и больше изъ того капитала, который удалось ему собрать въ хорошіе дни издательства.

— Если такъ пойдетъ дальше—я останусь безъ гроша,—жаловался онъ Вольфу и, не видя другого исхода, рѣшилъ ликвидировать свои дѣла, прекратить совсѣмъ издательскую дѣятельность и искать занятій у кого-нибудь изъ болѣе счастливыхъ издателей.

Тутъ на помощь Генкелю пришелъ М. О. Вольфъ. Онъ предложилъ Генкелю мѣсто своего ближайшаго помощника по издательской части. И Генкель охотно принялъ это предложеніе. Въ 1876 году онъ, честно разсчитавшись со своими кредиторами и сохранивъ очень скромный остатокъ нажитаго раньше капитала, перешелъ на службу къ Вольфу.

Начало службы Генкеля у Вольфа совпало какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда Вольфъ, купивъ у наслѣдниковъ

Яковлева домъ съ участкомъ земли на Васильевскомъ Островѣ, по 16 линіи, сталъ строить тамъ огромныя зданія подъ кладовыя, типографію, конторы и пр. и переносилъ туда разбросанные въ разныхъ частяхъ города отдѣлы своего издательства. Работы было много—и Генкель, какъ спеціалистъ по книжному и издательскому дѣлу, оказался какъ разъ на мѣстѣ.

Когда все было устроено и приведено въ порядокъ, Генкель старался уговорить Вольфа расширить дѣло цѣлымъ рядомъ добавочныхъ учрежденій, составлялъ, одинъ за другимъ, проекты грандіозныхъ издательскихъ предпріятій, всероссійскихъ книжныхъ складовъ, книгопродавческихъ банковъ и т. п.

Въ архивѣ Вольфа сохранились цѣлыя груды составленныхъ Генкелемъ проектовъ реформъ книжнаго дѣла въ Россіи, расширеніе книгоиздательской русской промышленности, и пр. и пр.,—при чемъ главная роль во всѣхъ этихъ грандіозныхъ предпріятіяхъ предназначалась Маврикію Вольфу и его денежнымъ вкладамъ.

Но Маврикій Вольфъ былъ человѣкъ очень осторожный. Относясь со вниманіемъ къ проектамъ своего друга, онъ ему откровенно говорилъ:

— Милый другъ, вы идеалистъ и утопистъ. Не сердитесь на меня, но всѣ ваши проекты прекрасны только на бумагѣ, а на практикѣ они дали бы очень плачевные результаты... Я въ теченіе всей моей издательской карьеры старался идти, быть можетъ, и медленными, но вѣрными шагами и никогда не увлекался призрачными надеждами увеличить мое состояніе рискованными прыжками...

И какъ ни старался Генкель убѣдить Вольфа, что онъ, осуществляя генкелевскіе проекты, можетъ нажить милліоны, Вольфъ остался непоколебимъ. То, что Генкелю казалось очевиднымъ въ смыслѣ крупной выгоды, то Вольфъ считалъ рискованнымъ и сомнительнымъ.

Генкеля обижало это недовѣріе къ его издательскимъ и коммерческимъ способностямъ и, послѣ двухлѣтней службы у Вольфа, онъ рѣшилъ покинуть не только службу, но и вообще Россію и поселиться гдѣ-нибудь въ маленькомъ городѣ Германіи, гдѣ жизнь настолько дешева, что онъ могъ разсчитывать жить на проценты съ того скромнаго капитала, который уцѣлѣлъ послѣ его личныхъ издательскихъ дѣлъ. И оба друга въ 1878 г. разстались мирно.

Генкелю уже было тогда лѣтъ за пятьдесятъ, и хотя онъ дѣйствительно могъ спокойно прожить свой вѣкъ на упомянутые проценты, но привычка къ работѣ не оставляла его. И вотъ онъ, убѣдившись, что въ Германіи совершенно не знаютъ и не интересуются русской литературою, задумалъ заняться переводами русской беллетристики на нѣмецкій языкъ, начавъ съ писателя, котораго онъ цѣнилъ выше другихъ—съ Достоевскаго. Вскорѣ затѣмъ онъ переселился въ Мюнхенъ и тутъ уже всецѣло посвятилъ себя литературнымъ и литературно-критическимъ работамъ, спеціально по русской литературѣ, не покидая этой работы буквально до самой своей смерти.

Умеръ онъ на 85 году жизни, въ 1910 г.

КНИЖНИКЪ-ГЕНЕАЛОГЪ.

ВЪ 1876 году число ближайшихъ помощниковъ М. О. Вольфа, какъ по издательской, такъ и по книгопродавческой его дѣятельности, увеличилось новымъ лицомъ; въ дѣло вступилъ его племянникъ и зять Осипъ Людвиговичъ Вольфъ.

Это былъ развитой, широко образованный, очень начитанный молодой человѣкъ, тонкій знатокъ искусствъ, большой любитель исторіи, а въ особенности исторической генеалогіи, всѣ свои досуги посвящавшій генеалогическимъ изслѣдованіямъ о древнихъ польскихъ, польско-литовскихъ и литовско-русскихъ дворянскихъ родахъ.

Получивъ спеціальную теоретическую и практическую подготовку по коммерческимъ наукамъ, онъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, занялъ сначала мѣсто въ отдѣленіи варшавскаго коммерческаго банка и благодаря своей прирожденной свѣтскости, образованію, общительности, веселому нраву и умѣнью занять общество, вскорѣ не только завелъ обширныя знакомства въ финансовомъ и коммерческомъ мірѣ Петербурга, но и сталъ желаннымъ гостемъ во многихъ домахъ петербургской интеллигенціи. Познакомился онъ также и съ тою литературною средою, въ которой

вращался М. О. Вольфъ, и успѣлъ пріобрѣсти въ той средѣ большія симпатіи.

Послѣ женитьбы на старшей дочери М. О. Вольфа, согласно желанія своего тестя, вступилъ въ его дѣло и впослѣдствіи, когда фирма Вольфа была преобразована въ Высочайше утвержденное Товарищество на паяхъ, сталъ однимъ изъ ея директоровъ.

Женитьба О. Л. Вольфа на дочери петербургскаго книгопродавца и издателя встрѣтила сначала церковныя препятствія: въ виду близкаго родства жениха и невѣсты петербургское католическое духовенство (О. Л. Вольфъ былъ католикъ) не согласилось ихъ вѣнчать безъ спеціальнаго разрѣшенія римскаго папы. Издательская дѣятельность Вольфа по части польскихъ книгъ духовнаго содержанія („Исторія католической церкви“, „Путешествіе въ святую землю архіепископа Головинскаго“, „Жизнь святыхъ“ Скарги и пр.), на которую онъ сослался въ своемъ ходатайствѣ у папы, сравнительно быстро уладила дѣло: папское разрѣшеніе было получено.

Вступивъ въ предпріятіе тестя, О. Л. Вольфъ не гнушался самаго обыкновеннаго приказчичьяго труда и съ первыхъ же дней сталъ работать въ книжномъ магазинѣ, за прилавкомъ, рядомъ съ приказчиками, преимущественно однако въ иностранномъ отдѣлѣ; вечера же посвящалъ работамъ и перепискѣ по издательству.

Внѣшній лоскъ, свѣтскія манеры, знаніе иностранныхъ языковъ, большая начитанность, утонченная любезность— всѣ эти качества привлекли молодому помощнику Вольфа общія симпатіи кліентовъ книжнаго магазина. Отъ продавца книгъ, въ особенности иностранныхъ книгъ, требуютъ, чтобы онъ былъ образованъ, чтобы онъ зналъ литературу, зналъ книги, умѣлъ давать ихъ характеристики, умѣлъ рекомендовать ихъ, совѣтовать покупателю, что купить, и т. п. И тутъ знанія и способности О. Л. Вольфа

были какъ нельзя болѣе кстати. Къ нему обращались какъ къ человѣку компетентному и смотрѣли на него не какъ на простого продавца-приказчика.

Не малое было также вліяніе О. Л. Вольфа на издательскую дѣятельность Вольфа: онъ внесъ какъ бы новую, свѣжую струю въ эту дѣятельность, своими совѣтами способствовалъ привлеченію многихъ новыхъ литературныхъ силъ, изданію нѣсколькихъ цѣнныхъ научныхъ и общелитературныхъ книгъ.

Большой любитель старинныхъ книгъ, О. Л. Вольфъ завелъ себѣ большую, очень цѣнную личную библіотеку и, несмотря на то, что работалъ въ теченіе почти цѣлаго дня въ книжномъ магазинѣ, находилъ все же время чтобы заниматься въ своей библіотекѣ, преимущественно по излюбленной имъ отрасли—историко-генеалогическихъ изслѣдованій. Эти занятія сблизили его съ графомъ Ожаровскимъ, служившимъ въ департаментѣ герольдіи правительствующаго сената, при содѣйствіи котораго О. Л. получилъ доступъ къ хранившемуся въ сенатѣ, а затѣмъ перенесенному въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, въ высшей степени цѣнному рукописному собранію историко-генеалогическихъ актовъ, касающемуся литовскаго дворянства, т.н. „Литовской метрикѣ“. И вотъ, на основаніи работъ и изысканій въ сенатѣ онъ выпустилъ (на польскомъ языкѣ) сначала историческую монографію о князьяхъ Кобринскихъ, затѣмъ большую книгу о древнемъ вымершемъ теперь литовскомъ родѣ Пацовъ, довольно объемистый трудъ о сенаторахъ и сановникахъ великаго княжества литовскаго съ 1386—1795 г., книгу о родѣ Гедимина, небольшую монографію объ Абрагамѣ Эзофовичѣ—евреѣ-министрѣ короля Сигизмунда, завѣдывавшемъ финансами литовскаго великаго княжества съ 1510—1519 годъ и, наконецъ, самый крупный и выдающій свой трудъ—„Князья литовско-русскіе“. Въ этомъ

послѣднемъ трудѣ О. Л. Вольфъ, между прочимъ, старался доказать, что иные дворянскіе роды ложно приписываютъ себѣ происхожденіе отъ князя Гедимина, Рюрика и другихъ литовскихъ и русскихъ князей и совершенно неосновательно титулуютъ себя „княжескими родами“. Къ такимъ родамъ Вольфъ причислилъ князей Сапѣговъ, Горскихъ, Дашкевичей, Корбутовъ и пр. Это „разоблаченіе“ Вольфа, основанное на историческихъ актахъ, задѣло за живое многія дворянскія семьи въ Западномъ краѣ, надѣлало въ свое время не мало шума и вызвало рядъ протестовъ.

Трудъ О. Л. Вольфа по генеалогіи Литвы обратилъ на себя вниманіе историческаго отдѣла краковской академіи наукъ, который одну изъ монографій Вольфа—о князьяхъ Кобринскихъ—включилъ въ число своихъ академическихъ изданій.

Ближайшій помощникъ М. О. Вольфа въ послѣдніе годы его жизни, О. Л. Вольфъ сталъ послѣ смерти Маврикія Осиповича однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ правленія Товарищества М. О. Вольфъ и однимъ изъ его директоровъ, и на его долю выпало довести до конца цѣлый рядъ начатыхъ покойнымъ изданій.

Скончался онъ въ 1900 г. въ Гейдельбергѣ, на 47 году жизни, оставивъ по себѣ память хорошаго, образованнаго человѣка, смиреннаго любителя книгъ и прилежнаго труженика.

НЕУТОМИМЫЙ ПОПУЛЯРИЗАТОРЪ.

Странную шутку играетъ судьба съ нѣкоторыми тружениками пера. Иной изъ нихъ едва лишь успѣетъ выступить на путь литературы, напишетъ одинъ-два томика, и уже поднялъ шумъ: его хвалятъ, въ немъ видятъ будущую надежду, вкось и вкривь толкуютъ каждую его мысль, стараясь найти въ ней необычайную глубину и цѣнность. Другой же многіе годы, десятки лѣтъ, иногда всю свою жизнь, отдаетъ на пользу своего любимаго дѣла, выпускаетъ не мало полезныхъ книгъ, но кругомъ его имени всегда тихо. Особенно странно въ этомъ смыслѣ судьба многихъ популяризаторовъ и переводчиковъ. Сколько между ними людей истинно-талантливыхъ, высокообразованныхъ, преданныхъ своему дѣлу, людей, принесшихъ своими трудами болѣе пользы обществу, нежели десятки другихъ, многошумящихъ авторовъ... И между тѣмъ, ихъ мало знаютъ, о нихъ не кричатъ, хотя и не могутъ не признать ихъ несомнѣнныхъ заслугъ. Конечно, переводчика или компилятора нельзя сравнить съ писателемъ-художникомъ или ученымъ, имѣющимъ самостоятельные труды. Большинство компиляторовъ передаютъ лишь чужія мысли, чужія зна-

нія, будучи сами по себѣ не особенно даже свѣдущими людьми. Но не всѣ таковы. Есть компиляторы и популяризаторы, которые не только вѣрно передаютъ чужое своими словами, но и основательно перерабатываютъ матеріалъ, создаютъ часть его вновь. Для этого, кромѣ знанія, нуженъ и талантъ—особый талантъ.

Къ числу подобнаго рода популяризаторовъ-творцовъ, пользующихся очень скромною извѣстностью, несмотря на свои несомнѣнныя заслуги, принадлежитъ, между прочимъ, Павелъ Матвѣевичъ Ольхинъ, шестьдесятъ лѣтъ работавшій въ области популяризаціи науки. Немного найдется людей, которые бы потрудились такъ усердно на литературномъ поприщѣ, какъ онъ. Со школьной скамьи, съ 16-18-лѣтняго возраста, началъ онъ заниматься любимымъ дѣломъ и съ тѣхъ поръ непрерывно, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, работалъ какъ писатель-популяризаторъ.

Сынъ петербургскаго книгопродавца-издателя М. Д. Ольхина, Павелъ Матвѣевичъ родился въ 1830 году и получилъ среднее образованіе въ Петербургѣ въ училищѣ св. Петра. Затѣмъ онъ поступилъ въ медико-хирургическую академію, которую и кончилъ въ 1858 году. Но медицинской практикой молодой врачъ почти не занимался. Онъ весь отдался научной литературѣ, посвятивъ себя переводамъ и компиляціямъ сочиненій по исторіи, географіи, естественнымъ наукамъ, медицинѣ и по разнымъ отраслямъ технологіи, фотографіи, стенографіи.

Такимъ образомъ, онъ явился до нѣкоторой степени популяризаторомъ-энциклопедистомъ. Несмотря, однако, на разнообразіе матеріала, П. М. Ольхинъ писалъ всегда только о томъ, что онъ тщательно изучилъ, и потому его работы не носятъ того отпечатка поверхности и отсутствія знаній, какими часто страдаютъ всевозможныя популяризаціи.

Такой именно литературный работникъ былъ нуженъ Вольфу, который въ началѣ своей издательской дѣятельности главнымъ образомъ имѣлъ въ виду обогатить русскую литературу переводами и передѣлками популярно-научныхъ трудовъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, Россія въ годы предшествовавшіе великому акту 19 февраля 1861 г. и, еще больше, въ годы послѣдовавшіе послѣ этого акта, особенно нуждалась. И Вольфъ сдѣлалъ Ольхина однимъ изъ главныхъ своихъ литературныхъ сотрудниковъ. Ольхинъ переводилъ для Вольфа „Чтенія о полезныхъ и вредныхъ животныхъ“ Фогта, „Многочисленность обитаемыхъ міровъ“ Фламмаріона, „Міръ до сотворенія человѣка“ Шлейдена, популярную анатомію Бока, составилъ большой трудъ въ трехъ томахъ „Подвиги человѣческаго ума“, заключающій въ себѣ обзоръ изобрѣтеній всѣхъ отраслей техники и промышленности, написалъ сборникъ игръ и т. д., и т. д. Затѣмъ онъ же для предпринятыхъ Вольфомъ серіи путешествій перевелъ описаніе путешествія Радде по Амуру и Восточной Сибири, путешествіе Чуди въ южную Африку, путешествіе Мичи по Амуру, по Восточной Сибири и т. д.

Всѣ эти изданія въ свое время пользовались большимъ успѣхомъ, и имя Ольхина, какъ добросовѣстнаго переводчика и талантливаго компилятора, пріобрѣло довольно громкую извѣстность. Но необычайно скромный, Ольхинъ никогда не придавалъ значенія извѣстности, не искалъ славы и держался даже всегда въ сторонѣ отъ профессіоналовъ литераторовъ.

Въ 1861 году Вольфъ предпринимаетъ изданіе журнала землевѣдѣнія, естественныхъ наукъ, новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и наблюденій п. з. „Вокругъ свѣта“, а особымъ къ нему приложеніемъ „Природа-Землевѣдѣніе“, и Ольхинъ становится его редакторомъ. Журналъ издавался до 1869 года, (одинъ годъ, 1866,

журналъ издавался подъ редакціею Н. Страхова) и имѣлъ, въ особенности въ первые годы, большой успѣхъ. Въ журналѣ помѣщалась большею частью въ переводѣ самого редактора цѣлая масса трудовъ иностранныхъ ученыхъ и путешественниковъ, трудовъ, вышедшихъ затѣмъ отдѣльными книгами.

Если-бы собрать однѣ только научно-компилятивныя работы Ольхина, то составилось бы собраніе томовъ въ 50—60! Но кромѣ того у Ольхина были еще и оригинальныя, совершенно самостоятельно разработанныя имъ сочиненія.

Поистинѣ рѣдкій, неутомимый работникъ, который смѣло можетъ сказать о себѣ, что онъ внесъ посильную лепту въ русскую популярную литературу.

ЛАМПАДА ВЪ ХРАМѢ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЪ храмѣ литературы тихо и трепетно мерцала лампада, освѣщая намъ фигуры великихъ писателей. Этой тихой, трепетной лампадой былъ Владимиръ Викторовичъ Чуйко. Смерть погасила эту лампаду.

Въ такихъ словахъ оповѣстилъ своихъ читателей о смерти В. В. Чуйко (послѣдовавшей 28 марта 1899 г.) одинъ изъ даровитѣйшихъ фельетонистовъ, Дорошевичъ...

Сравненіе Чуйко съ лампадой, освѣщавшей фигуры великихъ писателей, имѣетъ безусловно свое raison d'être: у Чуйко была особая спеціальность — въ теченіе почти полувѣка онъ знакомилъ русское общество съ лучшими представителями мысли, знанія и творчества на Западѣ, писалъ обстоятельныя литературныя характеристики и русскихъ и иностранныхъ писателей, терпѣливо слѣдилъ за русской журналистикой и новостями русскаго и заграничнаго книжнаго рынка и давалъ о нихъ безпристрастно свои отчеты, составлялъ критическіе отзывы, велъ неоднократно въ разныхъ изданіяхъ литературное обозрѣніе и пр., и пр. Можно смѣло сказать, что за 40 послѣднихъ лѣтъ прошлаго столѣтія ни одно сколько-

нибудь выдающееся литературное явленіе, какъ въ Россіи, такъ и за границей, не прошло безъ того, чтобъ не быть отмѣченнымъ и освѣщеннымъ перомъ В. В. Чуйко. Какъ часовой, стоялъ онъ на стражѣ литературы, будя интересъ къ лучшимъ западнымъ писателямъ.

Но не одна только литература составляла предметъ многочисленныхъ трудовъ Чуйко: онъ писалъ цѣнныя изслѣдованія по искусству, исторіи, философіи и театру; переводилъ, компилировалъ, писалъ театральныя рецензіи, велъ отчеты и издавалъ отдѣльные сборники изъ выдающихся сочиненій „классическихъ“ европейскихъ писателей, редактировалъ на своемъ вѣку нѣсколько изданій и пр., и пр.

Какъ писатель просвѣщенный, энциклопедически образованный и начитанный, Чуйко во всѣхъ этихъ разнообразныхъ отрасляхъ литературы умѣлъ вездѣ и всюду проявить свое глубокое знаніе и искреннюю любовь къ предмету, составлявшему сюжетъ его статьи. Нерѣдко приниматься за ту или другую работу приходилось ему исключительно изъ-за вѣчныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, о завтрашнемъ днѣ, но даже и къ такимъ работамъ онъ относился съ свойственнымъ ему вниманіемъ.

Любимымъ предметомъ Чуйко былъ Шекспиръ. Покойный былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ шекспирологовъ, посвятилъ изученію великаго сердцевѣда всю свою жизнь, полюбилъ его почти съ дѣтскихъ лѣтъ. Онъ зналъ и понималъ Шекспира, какъ немногіе въ Россіи, онъ проникнутъ былъ имъ глубоко, могъ произносить наизусть цѣлыя тирады изъ его твореній, въ подлинникѣ и въ лучшихъ переводахъ. Иные годы В. В. Чуйко почти исключительно занимался Шекспиромъ, работая съ рѣдкимъ усердіемъ и увлеченіемъ по этому предмету въ Москвѣ, Петербургѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Стратфордѣ-на-Авонѣ и другихъ мѣстахъ.

Изъ болѣе обширныхъ трудовъ В. В. Чуйко обратили на себя вниманіе, по преимуществу, статьи о Сентъ-Бевѣ и Мишле, о Стендалѣ, о Тэнѣ, о Леопарди, о буддизмѣ, „Белетристы-народники“, о Викторѣ Гюго и др. Въ теченіе почти десяти лѣтъ, Владиміръ Викторовичъ Чуйко велъ литературно-критическій фельетонъ въ газетѣ „Новости“, и успѣлъ составить себѣ извѣстность, какъ одинъ изъ лучшихъ и безпристрастныхъ критиковъ. Какъ человѣкъ, В. В. Чуйко добротой, ласковостью, предупредительностью, незлобивостью и чуткостью, внушалъ большія симпатіи. Это былъ воистину „душа-человѣкъ“, отличный товарищъ и другъ, готовый помочь нуждающемуся человѣку, чѣмъ только могъ; какъ критикъ-же это былъ одинъ изъ немногихъ — увы! — честныхъ и безпристрастныхъ цѣнителей, никогда не увлекавшійся въ своихъ оцѣнкахъ ни партійностью, ни тѣмъ болѣе какими-либо мелкими личными соображеніями.

Однимъ изъ его достоинствъ была необычайная скромность.

Чуйко былъ однимъ изъ личныхъ друзей М. О. Вольфа и въ теченіе ряда лѣтъ однимъ изъ его совѣтниковъ, или, какъ его иногда называли „членомъ ученаго комитета при вольфовскомъ издательствѣ“. М. О. часто прибѣгалъ къ совѣтамъ Чуйко, считая его живою энциклопедіею въ области литературы и искусства. Работалъ онъ и непосредственно для изданій Вольфа. Такъ, онъ перевелъ изданное Вольфомъ сочиненіе Шайнохи „Ядвига и Ягайло“, редактировалъ вторую половину сочиненій Генриха Гейне въ переводѣ русскихъ писателей, изданныхъ М. О. Вольфомъ и мн. др. Въ 1881 году, по предложенію Вольфа, Чайко совершилъ этнографическое путешествіе по Царству Польскому; плодомъ этого путешествія явился рядъ очерковъ о Польшѣ для изданія „Живописной Россіи“.

ЗНАКОМСТВО СЪ ВЕНГЕРОВЫМЪ.

ВСЯКОМУ овощу свое время—точно такъ же и всякому изданію свое время, и издатель, какъ садовникъ, долженъ знать это время,—объяснялъ М. О. Вольфъ, когда его иногда упрекали, почему онъ не предприметъ того или другого, повидимому, выгоднаго изданія.

— Предложенное вами изданіе безспорно заслуживаетъ серьезнаго вниманія, — отвѣчалъ онъ нерѣдко предлагавшимъ ему писателямъ и ученымъ, но, къ сожалѣнію, для этого изданія еще не наступило время: оно не окупится, спросъ на такого рода изданія еще не наступилъ. Надо ждать этого времени.

Самъ онъ однако старался почти всегда идти навстрѣчу спросу и, такъ сказать, опередить этотъ спросъ заготовленіемъ подходящихъ изданій.

Вольфъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Полевой въ его біографіи, чутко угадывалъ тѣ быстрые переходы отъ одного увлеченія къ другому, которые были характеристическимъ отличіемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія въ русской литературѣ, журнальной, ученой и учебной. То принимаясь за науку, то вдаваясь въ беллетристику, М. О.

умѣлъ угодить неприхотливой русской публикѣ разнообразіемъ своихъ изданій.

Уже подъ конецъ жизни, въ 1881 году, у Вольфа явился грандіозный проектъ пріобрѣсти у цѣлаго ряда современныхъ писателей, а также у наслѣдниковъ нѣкоторыхъ умершихъ авторовъ права на изданіе полныхъ собраній сочиненій и сосредоточить въ своихъ рукахъ всю тогдашнюю художественную литературу, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ сочиненій, какъ Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, которые уже составляли собственность фирмы Глазунова.

— Вы не боитесь судьбы Смирдина, Стелловскаго, Базунова, которые потеряли нажитое состояніе на увлеченіи издательствомъ сочиненій русскихъ писателей? — спрашивали Вольфа.

— Нѣтъ, я считаю, что наступило или, вѣрнѣе, скоро наступитъ время, когда во всѣхъ русскихъ интеллигентныхъ домахъ, подобно тому какъ въ Германіи, будутъ свои библіотеки и для этихъ библіотекъ обязательно будутъ пріобрѣтаться въ первую голову полныя собранія сочиненій русскихъ писателей.

По намѣченному плану Вольфъ предполагалъ постепенно выпустить на рынокъ сочиненія Лажечникова, Бенедиктова, Салтыкова, Писемскаго, Лѣскова, Помяловскаго и многихъ другихъ, и вошелъ съ этой цѣлью въ переписку.

Въ первую очередь были поставлены Лажечниковъ, Писемскій и Бенедиктовъ.

Заручившись правомъ на изданіе сочиненій первыхъ двухъ писателей, Вольфъ сталъ искать подходящаго знающаго литератора, который взялся бы написать къ каждому собранію сочиненій соотвѣтственный критико-біографическій очеркъ.

— Хотѣлось бы,—говорилъ онъ,—чтобы это были не

сухія біографіи, а настоящіе критическіе этюды, которые послужили бы какъ бы путеводителями по сочиненіямъ того или другого писателя. И для этой работы я бы предпочелъ свѣжую, молодую литературную силу, которая освѣтила бы каждаго писателя съ точки зрѣнія настоящаго, такъ сказать, литературнаго вкуса.

Ему рекомендовали нѣсколько писателей. Иные сами предлагали свои услуги, какъ Марковъ и Аверкіевъ. Вольфъ остановилъ свой выборъ на молодомъ, только что начинавшемъ получать тогда извѣстность критикѣ—Семенѣ Аѳанасьевичѣ Венгеровѣ.

Обратившая вниманіе первая книга Венгерова о Тургеневѣ, рядъ его критическихъ фельетоновъ въ „Новомъ Времени“ въ 1876 г. подъ псевдонимомъ „Фаустъ Щигровскаго уѣзда“, критическіе этюды въ „Недѣлѣ“ 1878-79 и пр., свидѣтельствовали, что Венгеровъ—человѣкъ знающій и серьезный, а такого именно Вольфъ и искалъ для намѣченной имъ цѣли.

Тѣмъ не менѣе, раньше нежели рѣшить окончательно вопросъ, Вольфъ пригласилъ Венгерова для личныхъ съ нимъ переговоровъ.

Случилось такъ, что Венгеровъ явился, когда Вольфъ былъ очень занятъ, и, не называя своей фамиліи, просто сказалъ:

— Я бы хотѣлъ съ вами переговорить, Маврикій Осиповичъ.

— Сегодня я не состояніи васъ принять... У меня тутъ важное дѣло,—довольно рѣзко отвѣтилъ Вольфъ.— Оставьте вашъ адресъ, и я вамъ напишу, когда я могу съ вами переговорить.

— Я—Венгеровъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Венгеровъ!—воскликнулъ Вольфъ, сразу перемѣняя тонъ,—это другое дѣло. Очень радъ! Очень радъ! Я съ величайшимъ вниманіемъ прочелъ вашу книгу

о Тургеневѣ... Намѣревался было сначала только перелистать ее, но такъ увлекся, что прочелъ всю... А вѣдь при томъ обиліи книгъ, которыя выходятъ,—прибавилъ онъ,—читать цѣликомъ какую-нибудь книгу нашему брату, книгопродавцу, рѣдко приходится...

И пригласивъ молодого гостя къ себѣ, Вольфъ въ длинной, продолжавшейся нѣсколько часовъ бесѣдѣ, совершенно забылъ о „важномъ дѣлѣ“.

— На рѣдкость знающій толкъ въ литературѣ молодой человѣкъ,—разсказывалъ потомъ Вольфъ.—Буквально поражаешься его знаніемъ книгъ, его изумительною книжною памятью... Вотъ бы мнѣ такого помощника!

Въ результатѣ этого разговора, Вольфъ поручилъ Венгерову составленіе очерка сначала о Лажечниковѣ, затѣмъ о Писемскомъ.

Очеркъ Венгерова о Писемскомъ, появившійся въ печати уже послѣ смерти М. О. Вольфа, надѣлалъ много шума. Смѣлое и безпристрастное сужденіе молодого критика объ авторѣ „Тысячи душъ“, написанное умѣлою рукою, талантливо, спокойно и серьезно, но безъ утайки указывающее недостатки писателя и причины, почему онъ не пользовался, сравнительно съ Тургеневымъ, такою популярностью у молодежи, вызвали на столбцахъ нѣкоторыхъ органовъ реакціонной печати жестокую брань. Брань эта чуть было даже не повела къ дуэли Венгерова съ А. С. Суворинымъ.

Кромѣ двухъ указанныхъ критико-литературныхъ очерковъ, М. О. Вольфъ предложилъ Венгерову написать очеркъ для издаваемой имъ „Живописной Россіи“. Очеркъ этотъ долженъ былъ показать роль Москвы въ исторіи русской литературы.

Когда Вольфъ познакомился съ Венгеровымъ, послѣдній былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ,—ему было всего 26 лѣтъ. Но Вольфъ вѣрно угадалъ въ молодомъ

писателѣ будущаго крупнаго критика и историка литературы. — „Быть вамъ профессоромъ!“ — предсказывалъ Вольфъ, хотя данныхъ для этого тогда въ карьерѣ молодого писателя, занимавшаго очень скромный постъ въ конторѣ правленія либавской желѣзной дороги, почти не было.

Нерѣдко Вольфъ повторялъ, что въ своихъ многолѣтнихъ сношеніяхъ съ русскими писателями онъ не встрѣчалъ такого всесторонне литературно образованнаго, съ такимъ тонкимъ литературнымъ вкусомъ, какъ Венгеровъ и... съ такимъ знаніемъ книгъ.

Однажды въ разговорѣ съ Венгеровымъ, удивлясь огромной „книжной“, т.-е. собственно библіографической его освѣдомленности, Вольфъ воскликнулъ:

— Знаете, Семенъ Аѳанасьевичъ, вы такъ хорошо знаете книги, что, я увѣренъ, изъ васъ вышелъ бы превосходный книгопродавецъ-издатель!

Какъ ни соблазнительной казалась эта похвала и какія ни предвѣщала она матеріальныя выгоды, если бы молодой писатель рѣшилъ дѣйствительно посвятить себя книжному дѣлу, Венгеровъ все-таки предпочелъ остаться вѣрнымъ литературѣ и не промѣнялъ ее на книжное дѣло...

ОДИНЪ ИЗЪ НАСЛѢДНИКОВЪ.

ВЕЛИКО кладбище русскихъ издательскихъ и книгопродавческихъ предпріятій. Много покоится на немъ крупныхъ и значительныхъ когда-то фирмъ, которыя, просуществовавъ одинъ или два десятка лѣтъ, безвременно умирали вслѣдствіе неблагопріятнаго оборота дѣлъ. Смирдины, отецъ и сынъ, Кожанчиковъ, Черкесовъ, Базуновъ, Генкель, Плотниковъ, Стелловскій, Гоппе, Битепажъ — вотъ нѣсколько именъ изъ мартиролога русскаго книжнаго дѣла, именъ, которыя пользовались въ свое время большою извѣстностью, популярностью... Число книжныхъ фирмъ, которыя, просуществовавъ болѣе значительный періодъ времени и переходя отъ отца къ сыну и внуку, удержались до нашихъ дней, очень-очень невелико. Одна-двѣ и обчелся. Да и вообще старинныхъ книжныхъ фирмъ въ Россіи, — въ отличіе отъ Германіи, Франціи, Англіи, — чрезвычайно мало.

Маврикій Осиповичъ Вольфъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ издателей и книгопродавцевъ въ Россіи, которые не только создали крупное книжное дѣло и сумѣли удержать его въ своихъ рукахъ до конца жизни, постепенно развивая и расширяя, но и передали его въ руки

наслѣдниковъ, прививъ имъ и воспитавъ въ нихъ любовь къ этому дѣлу, желаніе продолжать его по намѣченному плану.

Въ время чествованія Маврикія Вольфа, въ 1878 г., по случаю двадцатипятилѣтія его дѣятельности на поприщѣ русскаго книжнаго дѣла, юбиляръ, въ своей рѣчи, упомянулъ, между прочимъ, что четверть вѣка онъ создавалъ свое дѣло, но что ему предстоитъ еще не меньшій трудъ упрочить его и подготовить продолжателей, въ лицѣ своихъ сыновей.

— А что, если ваши наслѣдники не питаютъ такой любви къ книжному дѣлу, какъ вы, не будутъ чувствовать призванія къ нему, не захотятъ имъ заниматься и выберутъ другую, болѣе спокойную и прибыльную отрасль дѣятельности?—замѣтилъ Мордовцевъ.

— Я думаю, что Маврикій Осиповичъ въ правѣ все-таки требовать отъ своихъ наслѣдниковъ, чтобы они посвятили хотя бы часть своей жизни дѣлу, созданному ихъ отцомъ, подобно тому, какъ государство требуетъ отъ своихъ подданныхъ, чтобы они несли извѣстное число лѣтъ воинскую повинность,—отвѣтилъ за Вольфа Вейнбергъ.

„Требовать“ однако не пришлось. Наслѣдники Вольфа унаслѣдовали отъ отца и любовь, и привязанность, и влеченіе къ той дѣятельности, которой посвятилъ себя Маврикій Осиповичъ, и пошли по его стопамъ.

Среди такихъ наслѣдниковъ Маврикія Осиповича Вольфа очень видное мѣсто принадлежитъ его нынѣ покойному сыну, Евгенію Маврикіевичу Вольфу.

Если самого М. О. Вольфа помнятъ теперь уже только старожилы, то личность и дѣятельность Евгенія Вольфа памятна многимъ представителямъ и болѣе молодыхъ поколѣній. Правда, эта дѣятельность не была такой яркой, такой замѣтной, наконецъ, такой самостоятельной, какъ его отца, но все же и онъ вложилъ въ русское книжное и издательское дѣло свой вкладъ и игралъ

въ этомъ дѣлѣ видную роль. Онъ тоже стоялъ на „книжномъ посту“ въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ вѣрный часовой, способствуя, по мѣрѣ силъ, успѣшному продолженію, упроченію и развитію созданнаго Мавриміемъ Вольфомъ крупнаго предпріятія. И значительная часть интеллигентнаго петербургскаго общества, интересовавшагося книгами, знала его хорошо, знала, цѣнила и любила, а авторы видѣли въ немъ всегда усерднаго пособника въ распространеніи книгъ. Въ видѣ нагляднаго свидѣтельства послѣдняго сохранилось, между прочимъ, большое число книгъ, подносимыхъ авторами Евгенію Вольфу, съ трогательными надписями, съ просьбами посодѣйствовать сбыту и пр. Въ особенности къ „протекціи“ Евгенія Вольфа прибѣгали беллетристы, зная, что онъ, подобно своему отцу, цѣлые дни проводитъ въ книжномъ магазинѣ за прилавкомъ, имѣетъ обширный кругъ знакомства среди покупателей беллетристики и что эти покупатели часто полагались на его рекомендацію и выборъ. И писатели-беллетристы не ошибались, предполагая, что, дѣйствительно, Е. М. Вольфъ въ состояніи проложить дорогу той или другой книгѣ въ широкомъ кругу кліентовъ книжнаго магазина.

Еще больше въ этомъ отношеніи разсчитывали на личное содѣйствіе и посредничество Е. М. Вольфа издатели роскошныхъ художественныхъ изданій, зная, какой интересъ проявлялъ онъ самъ къ такимъ изданіямъ и какъ часто любители подобныхъ изданій при покупкѣ полагались на его совѣты и указанія. И когда Е. М. Вольфъ, при появленіи какого-нибудь новаго изданія этого рода, с воимъ опытнымъ книгопродавческимъ глазомъ a priori предсказывалъ изданію успѣхъ или неуспѣхъ, или опредѣлялъ, на сбытъ какого количества экземпляровъ можно разсчитывать,—издатели и авторы вѣрили ему, зная, что онъ очень рѣдко ошибался въ своихъ предсказаньяхъ.

— Этой книги я вамъ продамъ въ теченіе мѣсяца экземпляровъ триста, — говорилъ онъ иногда, мелькомъ лишь просматривая представленное ему новое изданіе, и тутъ же намѣчалъ, кто навѣрное купитъ у него данное изданіе, кому онъ его покажетъ, порекомендуетъ.

Подобно своему отцу, Е. М. Вольфъ считалъ, что роль книжнаго продавца не ограничивается одною только продажею той или другой, потребованной покупателемъ книги. Онъ зналъ, что большая часть даже интеллигентной публики ждетъ отъ продавца совѣтовъ, указаній, и потому старался постоянно слѣдить за вкусами и требованіями общества, за новыми теченіями и направленіями въ области спроса на книги, старался быть au courant всего, что интересуетъ или можетъ интересовать кліентовъ книжнаго магазина. И онъ безошибочно опредѣлялъ, что та или другая книга должна заинтересовать сенатора X., ту необходимо показать генералу У., третью—послать инженеру Z., четвертую—порекомендовать художнику А. и т. д.

— Господа, — обращался онъ часто къ своимъ помощникамъ и приказчикамъ,—для книгопродавца недостаточно подать съ полки книгу, на которую прямо указываетъ покупатель. Нужно умѣть заинтересовать покупателя и другими книгами, которыя могутъ представлять для него интересъ. Первое сможетъ исполнить любой грамотный молодецъ, второе — только тотъ, кто спеціально посвятилъ себя книжному дѣлу. Изучайте не только книги, но и кліентовъ...

Кліенты были всегда благодарны Е. М. Вольфу за его указанія, какъ были благодарны въ свое время ихъ предшественники М. О. Вольфу. И этимъ, до извѣстной степени, объяснялся тотъ огромный наплывъ интеллигентной публики въ книжные магазины, основанные М. О. Вольфомъ, которому такъ завидовали его конкуренты...

Конечно, между ролью въ этомъ отношеніи Маврикія Вольфа и его сына разница громадная: измѣнились времена, измѣнились и люди и, въ частности, измѣнился типъ покупателей книгъ. Интеллигентная публика перестала всецѣло полагаться на выборъ и рекомендацію продавца, какъ это бывало раньше; она, эта публика, гораздо больше стала слѣдить за отзывами критики, печати. Значеніе продавцовъ книгъ замѣтно уменьшилось. Уменьшилось, но не исчезло совсѣмъ. И, попрежнему, значительная часть покупателей книгъ все-таки прибѣгаетъ къ совѣтамъ и указаніямъ книгопродавцевъ и ихъ помощниковъ, если только послѣдніе умѣютъ внушить къ себѣ довѣріе, обладаютъ необходимыми знаніями и, такъ сказать, отвѣчаютъ за свою рекомендацію.

А именно къ такимъ немногимъ книгопродавцамъ принадлежалъ Е. М. Вольфъ.

Къ своей дѣятельности онъ готовился съ самыхъ раннихъ лѣтъ, твердо рѣшивъ стать сначала помощникомъ, а затѣмъ и замѣстителемъ отца въ его книжной торговлѣ и издательской работѣ.

Е. М. Вольфъ родился въ Петербургѣ, 3 августа 1863 г. Получивъ общее образованіе въ Петропавловскомъ училищѣ, прямо со школьной скамьи, на шестнадцатомъ году жизни, отправился въ городъ Лейпцигъ, считающійся главнымъ книжнымъ рынкомъ и центромъ книжной торговли. Тамъ онъ поступилъ въ качествѣ т. н. „волонтера“, въ всемірно-извѣстную крупную издательскую фирму „Брейткопфъ и Гертель“ съ цѣлью изученія на практикѣ книжнаго и издательскаго дѣла. Въ этой фирмѣ онъ постепенно знакомился со всѣми отраслями означеннаго дѣла: онъ работалъ одно время въ типографіи, какъ наборщикъ, затѣмъ въ конторѣ, въ качествѣ конторщика, въ экспедиціи, въ управленіи издательствомъ и пр. Окон-

чивъ намѣченный срокъ „ученія“, для дальнѣйшаго усовершенствованія и ознакомленія съ книжнымъ дѣломъ онъ отправился въ Парижъ и Лондонъ, а въ 1883 году, возвратившись въ Петербургъ, вступилъ въ управленіе книжнымъ магазиномъ Т-ва М. О. Вольфъ. И вотъ, въ теченіе 27 лѣтъ, почти безъ отдыха съ утра и до вечера, онъ проводилъ время то за прилавкомъ, то въ конторѣ магазина, принимая въ то же время участіе и въ издательской дѣятельности Товарищества. Цѣлый рядъ книгъ, изданныхъ Т-вомъ М. О. Вольфъ съ 1883 по 1909 годъ, въ томъ числѣ т. н. дѣтскихъ книгъ, былъ выпущенъ по непосредственнымъ указаніямъ и совѣтамъ Е. М. Вольфа, всегда внимательно слѣдившимъ за книжными потребностями русской публики.

Большой знатокъ и любитель книгъ, обладавшій обширными практическими и теоретическими познаніями по книжному дѣлу, какъ русскому, такъ и иностранному, Евгеній Маврикіевичъ Вольфъ пользовался среди другихъ книгопродавцевъ и издателей большимъ уваженіемъ, а среди многочисленныхъ служащихъ книжныхъ магазиновъ Т-ва М. О. Вольфъ—искренней любовью. Строгій къ себѣ и не знающій самъ отдыха въ работѣ, Е. М. Вольфъ въ отношеніи служащихъ и, въ особенности, „мальчиковъ“, поступавшихъ въ ученіе, былъ всегда снисходительнымъ, являлся самымъ горячимъ сторонникомъ предоставленія служащимъ праздничнаго отдыха и сокращенія съ этой цѣлью времени торговли, давалъ возможность служащимъ въ книжныхъ магазинахъ пользоваться лѣтними каникулами, заботился о томъ, чтобы „мальчики“ и молодые приказчики пополняли пробѣлы своего образованія и пр., и пр., и пр.

Въ то же время онъ усердно старался привить своимъ помощникамъ тотъ взглядъ на книжное дѣло, котораго онъ самъ держался, а именно, что это—одна изъ

важныхъ культурныхъ отраслей промышленности и что профессія книгопродавца не ограничивается одною только продажею книгъ. „Книгопродавецъ,—твердилъ онъ часто,—долженъ быть совѣтникомъ и помощникомъ покупателя при покупкѣ книгъ. И онъ старался создать кадръ такихъ помощниковъ, которые сумѣли бы быть не только продавцами книгъ, но и руководителями кліентовъ при выборѣ книгъ.

Въ магазинѣ, во время „работы", всегда серьезный, сосредоточенный, весь поглощенный дѣломъ, подчасъ нервный и возбужденный, озабоченный, чтобы всѣ кліенты, безъ различія, уходили удовлетворенными и чтобы всѣ требованія исполнялись аккуратно,—въ частной жизни Е. М. Вольфъ былъ человѣкъ очень милый, общительный, разговорчивый. Большой любитель и поклонникъ всего изящнаго, художественнаго, онъ сумѣлъ окружать себя, въ своей частной квартирѣ, дѣйствительно цѣнными, въ художественномъ отношеніи, предметами, и значительную часть своего состоянія тратилъ на пополненіе своихъ коллекцій и своей личной библіотеки. Послѣдняя была особенно богата дорогими, роскошными художественными изданіями, къ которымъ онъ относился съ любовью искренняго любителя и знатока.

Не чуждъ былъ Е. М. Вольфъ и общественной дѣятельности: состоя членомъ Русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, а затѣмъ избранный въ члены правленія этого общества, онъ старался оживить русское книжное дѣло, ввести въ немъ порядки по западно-европейскимъ образцамъ, способствовать развитію книжной торговли въ провинціи, упорядочить вопросъ о книжномъ кредитѣ и т. п. Докладныя записки и проекты по этому поводу, составленные Е. М. Вольфомъ и хранящіеся въ архивѣ означеннаго общества, послужили основою къ ряду мѣръ, частью уже осуществленныхъ, частью ожидающихъ

еще осуществленія, въ цѣляхъ поставить книжное дѣло въ Россіи на подобающую высоту. Е. М. Вольфу принадлежитъ также починъ созыва перваго всероссійскаго съѣзда книгопродавцовъ и издателей, состоявшагося въ 1909 году. Но лично въ этомъ съѣздѣ онъ уже участвовать не могъ: сраженный неизлечимою болѣзнью, онъ послѣдніе годы жизни проводилъ за границею и скончался въ Давосѣ, въ Швейцаріи, 4 ноября 1909 г.

Показателемъ огромной популярности, которою пользовался Е. М. Вольфъ, явились его похороны, на которыхъ присутствовали представители всѣхъ слоевъ петербургскаго интеллигентнаго общества и администраціи, многіе профессора, писатели, военные, инженеры и пр., и пр., заполнившіе всю Реформатскую церковь, гдѣ 18 ноября 1909 г. происходило отпѣваніе привезенныхъ изъ Давоса останковъ покойнаго.

ПОСЛѢДНІЙ.

Въ началѣ 1875 года въ вестибюлѣ зданія Королевской Политехнической академіи въ Дрезденѣ было вывѣшено, за подписью директора, профессора машиностроительнаго дѣла Цейнера, объявленіе слѣдующаго содержанія:

„Большая издательская и книгопродавческая фирма въ С.-Петербургѣ, расширяя одинъ изъ своихъ спеціальныхъ отдѣловъ—технической литературы, предлагаетъ въ немъ мѣсто двумъ молодымъ политехникамъ, которые пожелали бы посвятить себя книжному дѣлу. Преимущество будетъ дано знающимъ одинъ изъ славянскихъ языковъ. Съ предложеніями обращаться въ дирекцію академіи".

Объявленіе это не представляло собою ничего особеннаго, исключительнаго. За границею, въ особенности въ Германіи, очень часто крупныя книжныя фирмы приглашаютъ на службу въ своихъ спеціальныхъ отдѣлахъ молодыхъ, оканчивающихъ курсъ, студентовъ-техниковъ, юристовъ, медиковъ и пр., которые нерѣдко всецѣло посвящаютъ себя впослѣдствіи книжному дѣлу. Но въ данномъ случаѣ предложеніе являлось изъ ряда вонъ выходящимъ и исключительнымъ въ томъ отношеніи, что требовался воспитанникъ академіи въ Россію и притомъ—знающій одинъ изъ славянскихъ языковъ. Правда,

среди студентовъ политехникума въ Дрезденѣ было въ то время значительное число русскихъ, поляковъ, чеховъ, сербовъ, но почти всѣ они разсчитывали на мѣста непосредственно по своей спеціальности—на большихъ заводахъ, фабрикахъ, рудникахъ и пр. Охотниковъ промѣнять карьеру технолога на профессію книгопродавца или издателя оказалось очень немного.

Одинъ изъ нихъ, уроженецъ г. Варшавы, помимо родного своего языка—польскаго, зналъ и русскій языкъ, такъ какъ воспитывался въ одной изъ варшавскихъ гимназій, гдѣ въ то время преподаваніе велось уже на русскомъ языкѣ.

Для этого юнаго политехника предложеніе, вывѣшенное дирекціей, представляло особенный соблазнъ. Дѣло въ томъ, что хотя онъ и состоялъ студентомъ химическаго отдѣленія академіи и ему, по окончаніи курса, предстояло занять мѣсто на одномъ изъ химическихъ заводовъ, но гораздо больше интересовался литературою, нежели химіею, и больше увлекался книгами, чѣмъ... ретортами. Онъ прилежно посѣщалъ всѣ лекціи, читавшіяся на существовавшемъ тогда историко-литературномъ отдѣлѣ политехникума (на этомъ отдѣлѣ, между прочимъ, читали свои курсы такіе извѣстные ученые, какъ проф. Штернъ—по всемірной исторіи, проф. Гетнеръ—по исторіи искусствъ, проф. Лампрехтъ—по исторіи культуры и пр.); въ то же время онъ былъ постояннымъ членомъ двухъ студенческихъ литературныхъ кружковъ, въ которыхъ самъ выступалъ съ докладами по вопросамъ художественной литературы, почти всегда принималъ участіе въ преніяхъ по поводу докладовъ другихъ студентовъ и нерѣдко помѣщалъ уже въ нѣмецкихъ и польскихъ журналахъ статьи на литературныя темы. Неудивительно поэтому, что юному политехнику представлялись гораздо болѣе привлекательными и соблазнитель-

ными занятія въ большомъ книжномъ и издательскомъ дѣлѣ, нежели на какомъ-нибудь химическомъ заводѣ или въ технической химической лабораторіи, куда ему предстояло поступить на службу. Правда, въ матеріальномъ отношеніи служба послѣдняго рода открывала лучшія перспективы, но юнаго политехника все-таки больше влекли къ себѣ книга и занятіе около книгъ. Вотъ почему онъ и рѣшилъ воспользоваться случаемъ и поставить свою „кандидатуру“ на предложенный изъ Петербурга постъ.

Когда онъ заявилъ объ этомъ лично директору академіи, проф. Цейнеру, тотъ отвѣтилъ:

— Я особенно охотно окажу вамъ содѣйствіе въ полученіи предложеннаго мѣста, потому что, посѣщая въ качествѣ гостя студенческіе литературные кружки и слѣдя за вашими выступленіями, я лично убѣдился въ вашемъ призваніи служить книгѣ, литературѣ... Если бы однако, вопреки ожиданіямъ, занятія по книжному дѣлу васъ не удовлетворили, не забудьте, что путь къ спеціальной дѣятельности по пріобрѣтеннымъ вами познаніямъ для васъ не закрытъ и наша академія, какъ alma mater, всегда охотно готова оказать содѣйствіе своимъ воспитанникамъ въ пріисканіи подходящихъ занятій...

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ академіи наступилъ обычный пасхальный выпускъ. Такъ какъ изъ Петербурга никакого отвѣта на письмо проф. Цейнера не послѣдовало, то юный политехникъ отправился обратно къ себѣ на родину, въ Варшаву, гдѣ и вошелъ въ переговоры относительно предложеннаго ему мѣста на одномъ изъ химическихъ заводовъ.

Совершенно случайно онъ познакомился здѣсь съ книгопродавцемъ Поллякомъ, который, узнавъ фамилію своего собесѣдника, сказалъ:

— А я васъ-то и ищу: мнѣ прислалъ порученіе разъ-

искать васъ глава крупной петербургской издательской и книгопродавческой фирмы, Маврикій Осиповичъ Вольфъ, который на будущей недѣли пріѣзжаетъ на нѣсколько дней въ Варшаву и желалъ бы съ вами лично познакомиться и переговорить.

Дѣйствительно, черезъ недѣлю политехникъ получилъ отъ М. О. Вольфа записку съ приглашеніемъ посѣтить его въ гостиницѣ „Викторія".

Оказалось, что именно М. О. Вольфъ и обращался къ дирекціи Дрезденской политехнической академіи съ предложеніемъ мѣста въ техническомъ отдѣлѣ его книжной фирмы, въ то время уже пользовавшейся широкою извѣстностью первокласснаго учрежденія этого рода.

Опытнымъ, проницательнымъ взглядомъ, очевидно, привыкшимъ судить о людямъ по первому впечатлѣнію, Вольфъ окинулъ молодого человѣка, что называется, съ ногъ до головы и сейчасъ же сказалъ:

— Хотя проф. Цейнеръ рекомендовалъ мнѣ васъ очень лестно, но я долженъ вамъ замѣтить, что принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые не придаютъ значенія рекомендаціямъ: каждый долженъ самъ, на дѣлѣ, своею работою, показать, для чего онъ годенъ и чего онъ стоитъ... Если вы увѣрены въ себѣ, пріѣзжайте въ Петербургъ,—и у васъ будетъ прочное постоянное мѣсто, то, что нѣмцы называютъ Lebensstellung. Больше я ничего вамъ пока обѣщать не могу. Отъ васъ самихъ, отъ вашихъ способностей, прилежанія, старанія, а главное, отъ вашей любви къ книгамъ и къ книжному дѣлу будетъ зависѣть создать себѣ то или другое положеніе въ моей фирмѣ...

Результатомъ переговоровъ, продолжавшихся не болѣе получаса, былъ „ангажементъ" молодого человѣка. Никакихъ условій ни съ той ни съ другой стороны, ни письменныхъ, ни даже устныхъ, поставлено не было. „Размѣръ жалованья и другія условія будутъ зависѣть

отъ вашихъ способностей и вашего прилежанія, — кратко заявилъ Вольфъ,—если же мы не понравимся другъ другу, то черезъ мѣсяцъ вы поѣдете обратно на мой счетъ".

— Но знайте, — сказалъ, смѣясь, на прощанье М. О. Вольфъ,—что книжное дѣло засасываетъ человѣка точно тина, и кто разъ себя посвятилъ ему, тому уже трудно съ нимъ разстаться.

Въ тотъ же день Вольфъ уѣхалъ въ Петербургъ, а спустя недѣлю юный политехникъ явился къ нему, чтобы занять предложенное мѣсто.

Это было 3 августа 1875 года.

Время пріѣзда бывшаго политехника въ Петербургъ совпало съ эпохою наибольшаго расцвѣта книжнаго и издательскаго дѣла М. О. Вольфа и, въ частности, техническаго отдѣленія его книжныхъ магазиновъ. Желѣзнодорожно-строительная горячка, оживленный интересъ къ фабричной промышленности, возникавшіе чуть не каждый день проекты новыхъ заводовъ и пр., все это вызвало огромный спросъ на книги по всѣмъ отраслямъ технологіи и инженерныхъ наукъ. Въ частности, въ книжныхъ магазинахъ Вольфа спросъ на подобныя книги доходилъ до такихъ размѣровъ, что наличный персоналъ Вольфа, несмотря на усиленную работу даже въ сверхъурочные часы, не въ состояніи былъ исполнить всѣ требованія. Каждую недѣлю изъ Лейпцига, Парижа, Лондона и Нью-Іорка приходили цѣлые тюки книгъ и дорогихъ атласовъ по технологіи и моментально раскупались какъ постоянными такъ и случайными кліентами Вольфа. Бывали покупатели, пріобрѣтавшіе въ одно посѣщеніе магазина техническихъ изданій на 500—600 рублей. Иные покупали буквально всѣ книги на разныхъ языкахъ, какія только были налицо у Вольфа по той или другой отрасли. Изъ провинціи поступали заказы на цѣлыя технической библіотеки. Многіе покупатели обращались къ

Вольфу и его помощникамъ съ просьбою помочь имъ найти такія сочиненія, въ которыхъ они нашли бы какія-нибудь указанія по интересующему ихъ производству, о которомъ спеціальныхъ трудовъ не существовало. Другіе обращались за библіографическими справками относительно рѣдкихъ техническихъ сочиненій и т. д.

Но Вольфъ былъ слишкомъ опытнымъ книжникомъ, чтобы дать увлечь себя этому потоку интереса къ технической литературѣ, чтобы повѣрить въ прочность этого интереса. Онъ предвидѣлъ, что горячка эта такъ же быстро пройдетъ, какъ и возникла. И онъ очень осторожно увеличивалъ свои запасы быстро старѣющихся техническихъ сочиненій, избѣгая завали.

Вольфъ не ошибся: уже къ концу семидесятыхъ годовъ „горячка“ въ области техники въ Россіи улеглась, спросъ на техническія сочиненія упалъ до обычной нормы. Но опредѣленный кругъ клієнтовъ техническаго отдѣла магазиновъ Вольфа все же значительно увеличился сравнительно съ прошлымъ, и потому Вольфъ не переставалъ относиться къ этому отдѣлу съ особеннымъ вниманіемъ, стараясь прочно его поставить и имѣть налицо въ своихъ магазинахъ всѣ такія книги по разнымъ отраслямъ техники, на которыя имѣется прочный спросъ, а для работъ по этому отдѣлу приглашалъ компетентныхъ помощниковъ.

Все управленіе Вольфовскимъ дѣломъ было въ то время сосредоточено при его книжномъ магазинѣ въ Гостиномъ Дворѣ. Тутъ, въ разныхъ этажахъ, была и канцелярія, и контора, и экспедиція, и издательское бюро. Тутъ же находился и главный издательскій кабинетъ самого М. О. Вольфа, крошечная комнатка, отдѣленная отъ магазина стеклянною перегородкою. Второй кабинетъ, болѣе обширный, удобный и хорошо обставленный, Вольфъ устроилъ у себя на квартирѣ на Караванной улицѣ, но въ немъ онъ работалъ лишь рано утромъ и позднею ночью.

Управленіе техническимъ отдѣломъ, гдѣ составлялись каталоги, велась обширная корреспонденція съ заграничными издателями и съ кліентами въ провинціи, составлялись заказы, производились расчеты и пр., находилось въ Гостиномъ Дворѣ, рядомъ съ „кабинетомъ“ Вольфа. Здѣсь и помѣстилъ Вольфъ своего новаго служащаго.

Первоначально Вольфъ предполагалъ занять приглашеннаго имъ на службу молодого политехника только въ техническомъ отдѣлѣ, но постепенно онъ расширилъ кругъ его обязанностей и поручилъ ему часть огромной корреспонденціи по своему издательству и книжному дѣлу, нѣкоторыя работы въ конторѣ типографіи, составленіе каталоговъ и пр. Спустя же нѣсколько недѣль, когда молодой человѣкъ освоился съ работою, преодолѣвъ первоначальныя трудности, Вольфъ заявилъ, что намѣренъ дать своему молодому помощнику, помимо занятій въ техническомъ отдѣлѣ и текущей корреспонденціи, болѣе отвѣтственный постъ—своего личнаго секретаря по издательскимъ дѣламъ.

— Но,—прибавилъ онъ,—я бы желалъ, чтобы вы въ свободное отъ секретарскихъ работъ время занимались хотя нѣсколько мѣсяцевъ также и продажею книгъ въ самомъ магазинѣ. Это важно не столько для меня, приказчиковъ у меня достаточно, сколько для васъ,—прибавилъ онъ.—Разъ вы хотите посвятить себя книжному дѣлу, вы должны познакомиться со всѣми его отраслями, а главное, познакомиться съ запросами и требованіями публики и пріобрѣсти тѣ знанія, которыя можетъ дать только общеніе непосредственно съ публикой, съ покупателями... Такихъ знаній никакая школа дать не въ состояніи...

Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, Вольфъ, желая, какъ онъ выражался, „ввести“ молодого своего помощника во всѣ отрасли книжнаго дѣла, поручилъ ему новое занятіе: привести въ порядокъ двѣ большія библіо-

теки старинныхъ книгъ: Писаревскаго и лейбъ-медика Виллiе, пріобрѣтенныя Вольфомъ съ аукціона. Въ библіотекахъ этихъ, кромѣ рѣдкихъ книгъ (въ томъ числѣ инкунабулъ) было также и много рукописей, историческихъ документовъ и пр. Все это предстояло привести въ порядокъ, разложить въ спеціально нанятой квартирѣ, составить каталоги. Для этой цѣли Вольфомъ были выписаны изъ-за границы спеціалисты по антикварному книжному дѣлу, и молодому помощнику Вольфа въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ежедневно, по нѣскольку часовъ, приходилось работать вмѣстѣ съ ними.

Несмотря на столь разнородныя занятія, молодой помощникъ все же старался находить время, чтобы удовлетворить своей страсти къ чтенію, и онъ широко пользовался богатымъ выборомъ книгъ, имѣвшихся въ магазинѣ Вольфа, частью съ цѣлью пополнить неизбѣжные пробѣлы образованія, а главное, познакомиться болѣе подробно съ русскою художественною и научною литературою.

Въ книжномъ магазинѣ Вольфа бывшій политехникъ очутился сразу въ водоворотѣ литературы, среди цѣлаго ряда крупныхъ, извѣстныхъ петербургскихъ литераторовъ, постоянныхъ гостей и собесѣдниковъ Мавpикія Осиповича, со многими изъ нихъ вошелъ въ общеніе, съ нѣкоторыми, несмотря на разницу лѣтъ и положенія, сдружился. Особенно близко, однако, онъ сошелся съ Н. С. Лѣсковымъ, который сталъ приглашать къ себѣ молодого помощника М. О. Вольфа, отнесся къ нему съ чисто отеческой заботливостью, началъ руководить его чтеніемъ, указывая ему между прочимъ, на тѣ произведенія русской литературы, „которыя каждому, кто интересуется Россіей, обязательно прочесть въ первую голову“, нерѣдко читалъ ему слухъ нѣкоторыя свои рукописи и пр., и пр.

Подъ вліяніемъ литературнаго кружка, собиравшагося у Вольфа, въ особенности, однако, подъ вліяніемъ бесѣдъ

съ Лѣсковымъ, бывшій политехникъ, уже раньше сотрудничавшій въ польскихъ и нѣмецкихъ газетахъ и журналахъ, началъ посылать въ газету „Новости“ небольшія статейки о книгахъ, о театрѣ, объ искусствѣ, о польскомъ вопросѣ, замѣтки о жизни за границею и пр. Эти статьи и замѣтки встрѣтили радушный пріемъ у редактора „Новостей“ О. К. Нотовича и печатались имъ на столбцахъ газеты почти всѣ безъ исключенія.

Вольфъ, узнавъ случайно, что его новый помощникъ посвящаетъ часы досуга журналистикѣ и публицистикѣ и пишетъ въ газетахъ, замѣтилъ:

— Вотъ это не хорошо... Не хорошо для вашего матеріальнаго будущаго... Литературное сочинительство и книжное производство—это, какъ ни странно, два полюса... Нельзя быть книжникомъ и литераторомъ въ одно и то же время... Жизнь и практика указываетъ, что писатели—люди непрактичные въ житейскомъ отношеніи. И литераторы, становясь книжниками, почти всегда прогораютъ, несмотря на ихъ иногда большія знанія, способности, прилежаніе... Исключенія бываютъ очень рѣдко. Поэтому, если мечтаете стать когда-либо самостоятельнымъ книгопродавцемъ и издателемъ, бросьте литературу. А если чувствуете влеченіе къ литературному творчеству—бросьте книжное дѣло. Или же примиритесь съ сознаніемъ, что изъ васъ не выйдетъ ни выдающагося книжника, ни сколько-нибудь выдающагося писателя...

Слова эти не имѣли, однако, вліянія на молодого человѣка: онъ не переставалъ писать въ „Новостяхъ“, въ „Голосѣ“ и другихъ изданіяхъ. продолжая въ то же время работать и на книжно-издательскомъ поприщѣ.

Въ 1878 году Вольфъ, сосредоточивъ всѣ свои издательскіе склады, контору, типографію, словолитню и пр. въ пріобрѣтенномъ имъ собственномъ домѣ по 16 линіи Васильевскаго Острова, передѣланномъ и раздвинутомъ въ

стороны новыми пристройками, перевелъ туда главное управленіе своего дѣла, поставивъ во главѣ литературнаго отдѣла бывшаго профессора П. Н. Полевого, во главѣ эксплоатаціоннаго отдѣла—бывшаго издателя В. Е. Генкеля, во главѣ спеціально книжныхъ своихъ магазиновъ—своего зятя и племянника О. Л. Вольфа, во главѣ типографіи и словолитни—В. А. Александрова; самъ же сохранилъ за собою, кромѣ общаго руководительства всѣмъ дѣломъ, издательство.

Несмотря, однако, на значительное расширеніе своей фирмы, Вольфъ попрежнему, придерживался строго принципа „единодержавнаго управленія“ всѣмъ дѣломъ, не допускалъ никакой самостоятельности въ трудахъ своихъ помощниковъ, управляющихъ и завѣдующихъ, считалъ ихъ только исполнителями своей воли, своихъ проектовъ и предначертаній, самъ лично вникалъ во всѣ мелочи, требовалъ, чтобы всѣ его распоряженія исходили не иначе, какъ съ его вѣдома и одобренія, каждое письмо, каждый счетъ снабжалъ своею собственноручною подписью.

Кругъ обязанностей молодого человѣка, которому приходилось работать бокъ-о-бокъ сначала съ П. Н. Полевымъ, а затѣмъ съ его преемникомъ М. А. Песковскимъ, значительно расширился, такъ какъ, независимо отъ секретарскихъ занятій, Вольфъ возложилъ на него завѣдываніе огромными своими складами изданій (въ которыхъ цѣлый штатъ приказчиковъ и биржевыхъ артельщиковъ работалъ по размѣщенію, распредѣленію болѣе милліона томовъ), поручилъ ему же нѣкоторыя работы по управленію типографіей, затѣмъ рядъ библіографическихъ работъ по собиранію матеріаловъ для изданія сочиненій Мицкевича, Гейне и Лессинга въ переводѣ русскихъ писателей; секретарскія занятія по редакціи „Живописной Россіи“ и „Задушевнаго Слова“; сотрудничество въ составленіи систематическаго каталога русскихъ книгъ за полвѣка и пр., и пр.

Вообще, работать у М. О. Вольфа было нелегко: трудоспособность его была поистинѣ изумительна, а между тѣмъ онъ требовалъ отъ своего молодого помощника такой же неутомимости, такого же рвенія къ дѣлу, какимъ отличался самъ. Занятый весь день то въ книжномъ своемъ магазинѣ, то въ типографіи, то разъѣздами въ цензуру, къ писателямъ и пр., Вольфъ находилъ время для совмѣстныхъ работъ со своимъ секретаремъ только по утрамъ, велѣлъ будить его въ 6 часовъ, садился вмѣстѣ съ нимъ въ своемъ кабинетѣ, давалъ тамъ свои указанія, намѣчалъ работы, перечитывалъ корреспонденцію, и въ 10 часовъ уѣзжалъ, требуя, чтобы къ слѣдующему утру все было исполнено.

Служба у Вольфа въ качествѣ секретаря была для молодого политехника такимъ образомъ хоть и тяжелою, но весьма полезною школою. Необычайная любовь и привязанность Вольфа къ своему дѣлу, рвеніе, съ которымъ онъ имъ занимался, все это невольно передавалось и его юному помощнику. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приглядѣвшись къ тому, какъ вообще ведется въ Россіи книжное дѣло, послѣдній не могъ не замѣтить недостатковъ и темныхъ сторонъ въ тогдашнемъ положеніи этого дѣла. И результатомъ его наблюденій явился рядъ довольно рѣзкихъ статей подъ заглавіемъ „За кулисами книжнаго дѣла въ Россіи“, которыя онъ помѣстилъ въ издававшемся тогда журналѣ „Россійская библіографія“ и въ которыхъ онъ разоблачалъ всѣ недочеты и безпорядки, господствовавшія въ русской книготорговлѣ. Статьи появились за полной подписью и вызвали нѣкоторую сенсацію въ мірѣ петербургскихъ книжниковъ. Такъ какъ многое, на что указывалось въ статьяхъ, относилось и къ самому Вольфу и къ его дѣлу, то книжники, и устно, и письменно, и даже печатно, обращались къ Вольфу съ упрекомъ, какъ онъ допускаетъ, чтобы его „служащій“ печаталъ подоб-

ныя разоблаченія. Но на Вольфа и на его отношенія къ его юному помощнику эти упреки не имѣли никакого вліанія.

— Докажите, что онъ не правъ, а закрывать кому-либо ротъ—это не доказательство,—былъ отвѣтъ Вольфа на всѣ нападки. И онъ сохранилъ къ молодому своему секретарю прежнія дружескія свои отношенія.

— Когда вы будете постарше,—говорилъ Вольфъ, обращаясь къ автору разоблаченій,—вы убѣдитесь, во-первыхъ въ томъ, что легко критиковать, но трудно дѣлать и что книжное дѣло—совершенно особая отрасль, которая не такъ легко поддается регламентаціи, какъ другія отрасли промышленности...

Жизненный опытъ показалъ молодому человѣку, что Вольфъ былъ правъ...

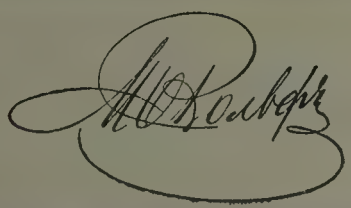
Очевидно, новый помощникъ пришелся „по душѣ“ Вольфу, потому что, если не считать мелкихъ споровъ и столкновеній, онъ, постепенно повышаясь „по должностной лѣстницѣ,“ остался у своего принципала до самой его смерти, занимая въ послѣдніе годы постъ секретаря правленія учрежденнаго Вольфомъ „Товарищества“, и этотъ постъ сохранилъ и послѣ его смерти.

Этотъ молодой политехникъ былъ пишущій настоящія строки, которому на долю выпало быть послѣднимъ помощникомъ М. О. Вольфа въ его издательской дѣятельности.

СОРОКЪ ЛѢТЪ СЛУЖЕНІЯ КНИГѢ.

... Я горд сознаньем, что своею дѣятельностью я внесъ вкладъ въ русскую культуру и принималъ посильное участіе въ величайшемъ двигателѣ цивилизаціи: въ размноженіи и распространеніи мысли человѣческой, разумнаго, честнаго и полезнаго слова.

Слова М. О. Вольфа, изъ его «Отчета за десять лѣтъ работы».



I.

Въ началѣ осени 1848 года въ Петербургъ пріѣхалъ молодой человѣкъ, представитель крупной виленской издательской и книгопродавческой фирмы, привезшій съ собою рекомендательныя письма отъ польскихъ писателей Крашевскаго, Сырокомли-Кондратовича и др., адресованныя на имя видныхъ представителей петербургской польской колоніи. Благодаря этимъ письмамъ молодой человѣкъ сталъ вхожъ во многіе интеллигентные дома столицы, сначала польскіе, а затѣмъ русскіе. Литературно-образованный, развитой, начитанный, благовоспитанный, разговорчивый, остроумный, со свѣтскими манерами, превосходно владѣвшій иностранными языками, въ особенности французскимъ, молодой книжникъ, несмотря на скромное свое общественное положеніе, пріобрѣлъ повсюду симпатіи и сталъ желаннымъ гостемъ во всѣхъ тѣхъ домахъ, гдѣ интересовались книгами, литературой.

Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ изъ Сѣверо-Западнаго края, который, въ качествѣ распространителя книгъ, объѣздилъ вдоль и поперекъ, завязавъ обширныя знакомства въ средѣ интеллигентныхъ помѣщиковъ, а также многихъ жившихъ въ этомъ краѣ польскихъ писателей, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей.

Въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ недѣль своего пребыванія въ Петербургѣ, пріѣзжій молодой человѣкъ завелъ въ столицѣ обширныя знакомства и успѣлъ пріобрѣсти репутацію знатока книгъ и книжнаго дѣла.

Какъ разъ въ это время крупный петербургскій книгопрода-

вецъ Я. А. Исаковъ, торговавшій въ значительныхъ размѣрахъ иностранными книгами, искалъ опытнаго, знающаго французскую литературу и французское книжное дѣло спеціалиста, который могъ бы привести въ порядокъ его, Исакова, запасы книгъ. Узнавъ, что молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Сѣверо-Западнаго края, занимался раньше въ одной изъ крупныхъ парижскихъ книжныхъ фирмъ, Исаковъ предложилъ ему принять на себя трудъ приведенія его книжнаго магазина въ порядокъ. Молодой человѣкъ охотно принялъ это предложеніе.

Въ то время, когда послѣдній занимался этою работою, Исаковъ обратился въ Парижъ, къ главѣ фирмы Брокгаузъ, имѣвшей тамъ крупную французскую книжную торговлю, съ просьбою рекомендовать молодого, знающаго и энергичнаго помощника, который могъ бы занять постъ управляющаго иностраннымъ отдѣленіемъ его, Исакова, петербургскаго книжнаго магазина. По странному совпаденію, Брокгаузъ рекомендовалъ Исакову какъ разъ того самаго молодого человѣка, который приводилъ уже въ порядокъ книжный магазинъ Исакова и котораго фирма Брокгаузъ знала хорошо по его службѣ въ Парижѣ и Лейпцигѣ, не подозрѣвал, однако, что онъ находится въ Петербургѣ. Исаковъ поспѣшилъ воспользоваться рекомендаціею, пригласилъ молодого человѣка (который тѣмъ временемъ, закончивъ приведеніе въ порядокъ его магазина, уѣхалъ въ Вильну, куда былъ вызванъ для составленія подробнаго инвентаря книжнаго магазина Рубена Рафаловича) на постоянное мѣсто, и тотъ сталъ во главѣ французскаго отдѣленія книжнаго магазина Исакова.

Этотъ молодой человѣкъ былъ Маврикій Осиповичъ Вольфъ, впослѣдствіи крупный петербургскій и московскій книгопродавецъ и издатель.

II.

Среди профессіоналовъ книжнаго дѣла сложилось твердое убѣжденіе, что дѣло это настолько трудное и сложное, требуетъ такихъ огромныхъ спеціальныхъ, знаній, что для того, чтобы съ успѣхомъ подвизаться на поприщѣ книжной торговли и книжной промышленности, необходимо посвятить себя имъ уже съ дѣтства. Факты показываютъ, что, дѣйствительно, только тѣ книгопродавцы и книгоиздатели достигаютъ значенія и сравнительнаго благополучія, которые съ „мальчиковъ“ начали

свою дѣятельность на поприщѣ книжнаго дѣла и прошли всѣ ступени книгопродавческой профессіи. Исключенія, конечно, бываютъ, но они очень и очень рѣдки.

Кромѣ того, для успѣха въ книжномъ дѣлѣ безусловно необходима любовь къ нему, любовь къ книгѣ. Можно стать хорошимъ купцомъ или фабрикантомъ, и не питая особенной любви къ продаваемому или производимому „товару“; но стать дѣльнымъ книгопродавцемъ или издателемъ, не питая такой любви,—рѣшительно не мыслимо. Знаменитое изреченіе министра Канкрина „книга не товаръ“ вполнѣ примѣнимо и въ данномъ случаѣ.

Но и знанія, опыта и любви къ книгѣ еще мало для успѣха въ книжномъ дѣлѣ: нужно предаться ему всецѣло, нужно посвятить ему всю свою жизнь. А затѣмъ, въ заключеніе, нужна еще особая, врожденная практическая смѣтка.

Жизнь и книгопродавческая карьера Маврикія Осиповича Вольфа показываютъ, что упомянутыя выше условія успѣха на книжномъ поприщѣ легли въ основу его дѣятельности.

Маврикій Осиповичъ Вольфъ родился 3 (15) ноября 1825 года въ Варшавѣ, гдѣ отецъ его былъ врачомъ, пользовавшимся извѣстностью и уваженіемъ въ образованномъ польскомъ обществѣ, и авторомъ цѣлаго ряда медицинскихъ монографій: о тифѣ, о лихорадкѣ, крупѣ и прославился, какъ непримиримый противникъ моднаго когда-то т. н. брауновскаго способа леченія болѣзней. Дѣдъ—тоже былъ врачемъ и занималъ должность лейбъ-медика австрійскаго императора Іосифа II.

Маврикій Осиповичъ не пошелъ по стопамъ отца и дѣда. Медицина его не привлекала, какъ не привлекала и трехъ другихъ его братьевъ, изъ которыхъ одинъ, Эдуардъ, сталъ впослѣдствіи извѣстнымъ композиторомъ и музыкантомъ, профессоромъ парижской консерваторіи, а два другихъ посвятили себя банковскому дѣлу. И лишь двое остальныхъ братьевъ, подобно отцу, избрали профессію врача. Что же касается Маврикія Вольфа, то онъ уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ сталъ увлекаться книгами. Но это было совершенно особое, своеобразное увлеченіе. Онъ не только читалъ, какъ говорятъ, запоемъ, но любилъ и собирать книги, разставлять ихъ въ порядкѣ по полкамъ, распредѣлять по ихъ содержанію, записывать ихъ названія, составлять нѣчто въ родѣ каталоговъ и т. п. И страсть эта росла у него съ годами. Въ варшавской гимназіи, куда онъ поступилъ девятилѣтнимъ маль-

чикомъ, онъ прослылъ среди товарищей „книговѣдомъ“, тратилъ всѣ свои карманныя деньги на покупку книгъ и пускался въ своего рода меленькія спекуляціи: продавалъ варшавскимъ букинистамъ однѣ изъ своихъ книгъ, покупалъ на вырученныя деньги другія, интересовался вновь выходящими книгами, собиралъ книгопродавческіе и издательскіе каталоги и проявлялъ удивительное для своего возраста знаніе книгъ. А когда ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, у него уже созрѣло твердое рѣшеніе посвятить себя книжному дѣлу, сдѣлаться непремѣнно книжникомъ, книгопродавцемъ.

Весьма любопытны слова самого М. О. Вольфа о томъ, какъ онъ пристрастился къ книгамъ, разсказанныя имъ сенатору П. П. Семенову, впослѣдствіи редактору „Живописной Россіи“:

Уже съ дѣтства я любилъ книги, но любилъ какъ-то особенно, не такъ, какъ любятъ ихъ библіофилы, собирающіе книги, и не такъ, какъ любятъ ученые, которые ищутъ въ книгѣ только источникъ свѣдѣній и наслажденій. Я видѣлъ въ книгѣ нѣчто другое. Моя мечта еще въ дѣтствѣ была распространить какъ можно больше книгъ, покрыть страну огромною массою книгъ, которые покрыли бы мое имя славою благодѣтеля человѣчества... Эти дѣтскія фантастическія мечты приняли затѣмъ другую, болѣе реальную форму: благодѣтелемъ я не сталъ, а только книгопродавцемъ и издателемъ, но, я думаю, и въ этой скромной роли я принесъ свою пользу... Я рано понялъ, что мои дѣтскія альтруистическія мечты неосуществимы и, сохраняя все-таки нѣкоторую долю моихъ мечтаній, я рѣшилъ, что мнѣ слѣдуетъ дѣйствовать такъ, чтобы другимъ была польза и мнѣ... Есть нѣмецкая поговорка: leben und leben lassen. Вотъ она и была въ моей книжной дѣятельности какъ бы руководящей нитью: я пришелъ къ убѣжденію, что можно и нужно трудиться такъ, чтобы и другимъ быть полезнымъ, и себѣ заработать честно кусокъ хлѣба...

Хотя отецъ Вольфа и предпочелъ бы другую, какъ онъ полагалъ, болѣе почетную и болѣе выгодную карьеру для сына, однако онъ не хотѣлъ препятствовать влеченію мальчика и потребовалъ лишь, чтобы тотъ, раньше нежели окончательно рѣшитъ свою судьбу, окончилъ среднюю школу.

Волѣ отца пришлось подчиниться, хотя юноша рвался къ намѣченной себѣ дѣятельности и считалъ, что многіе изъ тѣхъ предметовъ, которые пришлось ему проходить сначала въ частномъ учебномъ заведеніи Свидерскаго, а затѣмъ въ гимназіи, совершенно не нужны для будущей его профессіи. Зато онъ съ особеннымъ усердіемъ изучалъ исторію литературы и иностранные языки. Это послѣднее было не трудно, такъ какъ

въ семействѣ Вольфъ говорили и на французскомъ, и на нѣмецкомъ языкахъ, и къ этимъ языкамъ Маврикій Вольфъ уже пріучился съ дѣтства.

Завершивъ свое среднее образованіе въ пятиклассной варшавской гимназіи, Маврикій Вольфъ, на 15-мъ году жизни, поступилъ ученикомъ въ книжный магазинъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ книгопродавцевъ въ Варшавѣ, Глюксберга но пробылъ тамъ недолго. Юношу тянуло за границу, въ Парижъ, гдѣ, какъ онъ полагалъ, только и можно надлежащимъ образомъ подготовиться къ избранной имъ спеціальности. Безъ всякихъ средствъ, на скопленную имъ самимъ крошечную сумму (такъ какъ онъ рѣшилъ отказаться отъ помощи отца) молодой Вольфъ ѣдетъ въ Парижъ. Французскимъ языкомъ онъ владѣлъ хорошо, и поэтому надѣялся, что найти подходящія занятія ему будетъ не трудно. Дѣйствительно, уже черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда онъ получилъ мѣсто въ книжной торговлѣ Боссанжа, одного изъ самыхъ извѣстныхъ въ то время парижскихъ книгопродавцевъ. И притомъ—вопреки обычаю—мѣсто сразу платное, т.-е. не ученика книжной торговли, а одного изъ помощниковъ. Спустя три мѣсяца послѣ поступленія Вольфа къ Боссанжу, книжная торговля послѣдняго перешла въ руки знаменитаго лейпцигскаго книгопродавца Брокгауза. Во главѣ парижскаго отдѣленія Брокгаузъ поставилъ своего ближайшаго помощника Э. Авенаріуса, человѣка весьма свѣдущаго въ книжномъ дѣлѣ и преданнаго ему. Подъ его руководствомъ Маврикій Вольфъ пробылъ три года и, какъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи, „увлекаемый живымъ примѣромъ, закалилъ себя для избранной дѣятельности“. По совѣту Авенаріуса, онъ отправился въ Лейпцигъ для изученія нѣмецкой книжной торговли и здѣсь работалъ полтора года у В. Энгельмана, издателя сочиненій Гервинуса, Вебера, Шлейдена и др., помогая, между прочимъ, своему шефу въ его библіографическихъ работахъ.

Пріобрѣтя необходимыя знанія и опытность, Вольфъ ѣдетъ во Львовъ, гдѣ работаетъ нѣкоторое время у книгопродавца Миликовскаго, затѣмъ въ Краковъ, гдѣ онъ нашелъ мѣсто у книгопродавца Чеха. Оттуда его потянуло въ Вильну, гдѣ въ то время особенно процвѣтала польская книжная торговля и польское книгоиздательство. Въ Вильнѣ Вольфъ встрѣтилъ радушный пріемъ у книгопродавца Ѳеофила Глюксберга, одного изъ очень дѣятельныхъ въ то время и смѣлыхъ изда-

телей польской художественной литературы, въ рукахъ котораго сосредоточивалась тогда почти вся книжная торговля сѣверо- и юго-западнаго края. Глюксбергъ сразу оцѣнилъ выдающіяся способности Вольфа къ книжному дѣлу и сдѣлалъ его главнымъ своимъ агентомъ по продажѣ книгъ въ городахъ и мѣстечкахъ края. Отъ лица своего патрона Вольфъ странствовалъ съ множествомъ ящиковъ книгъ изъ города въ городъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко, въ каждомъ болѣе значительномъ мѣстѣ открывалъ на короткое время книжную лавочку и, удовлетворивъ потребностямъ мѣстной публики, переѣзжалъ въ другую мѣстность. Торговля шла очень бойко, потому что это было время усиленнаго интереса къ книгѣ среди польскаго общества. Каждая интеллигентная семья старалась тогда обзавестись библіотекой, составленной не только изъ книгъ для легкаго чтенія, но и изъ рѣдкихъ въ библіографическомъ отношеніи сочиненій. На пріобрѣтеніе такихъ сочиненій не скупились. Всѣ образованные помѣщики сѣверо- и юго-западнаго края были тогда, до извѣстной степени, библіофилами; обладаніе большимъ количествомъ книгъ, хорошо подобранною „книжною сокровищницею“, ставилось въ заслугу. Къ книгамъ относились съ особеннымъ вниманіемъ, и появленіе пріѣзжаго книгопродавца въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ считалось чуть не событіемъ. Болѣе богатые помѣщики приглашали къ себѣ въ помѣстья рѣдкаго гостя, который, заѣхавъ во дворъ знатнаго двора съ запасомъ соотвѣтственно подобранныхъ книгъ, увозилъ ихъ иногда пудовъ на тридцать меньше, ибо не только сами хозяева, но и многіе достаточные сосѣди со всего околотка, узнавъ о прибытіи книгопродавца, съѣзжались съ цѣлью пополнить свою библіотеку новыми пріобрѣтеніями.

Пространствовавъ такимъ образомъ четыре года и достигнувъ крупныхъ оборотовъ для фирмы, которой онъ былъ представителемъ, Вольфъ направился въ Петербургъ, и здѣсь прочно обосновался, получивъ мѣсто въ книжномъ магазинѣ Исакова.

III.

Книжный магазинъ Исакова въ Петербургѣ считался въ то время—въ концѣ сороковыхъ годовъ м. с.—однимъ изъ самыхъ крупныхъ и первыхъ въ Россіи по торговлѣ французскими книгами. Самъ Я. А. Исаковъ, впослѣдствіи издатель полнаго собранія сочиненій, Пушкина, „Записокъ иностранцевъ о Рос-

сіи", „Библіотеки путешествій", „Классной библіотеки" и мн. др. началъ свою книгопродавческую карьеру въ 1823 г. мальчикомъ у М. Х. Панькова, хозяина маленькой лавки, торговавшаго старыми книгами въ Гостиномъ Дворѣ № 13. Пробывъ у Панькова 6 лѣтъ, Исаковъ на 18-мъ году жизни купилъ у своего хозяина его дѣло въ разсрочку за 1500 руб. ассигнаціями и продолжалъ торговать сначала въ той же лавкѣ № 13, а потомъ въ лавкѣ № 22, при чемъ къ торговлѣ старыми книгами, присоединилъ торговлю новыми французскими книгами, которыя сталъ выписывать изъ Парижа. Удешевивъ цѣны на иностранныя книги, Исаковъ привлекъ въ покупатели многихъ кліентовъ другихъ торговавшихъ тогда въ Петербургѣ такими книгами книгопродавцевъ, какъ Ашеръ, Диксонъ, Белизаровъ, и въ сравнительно короткое время разбогатѣлъ, а его книжный магазинъ сталъ первымъ по сбыту. Въ магазинъ Исакова, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Булгаринъ („Сѣв. Пчела", 1839 № 247) „стала ѣздить за книгами вся знать, весь beau-monde."

Торгуя французскими книгами, Исаковъ однако самъ плохо зналъ французскій языкъ, которому онъ, съ грѣхомъ пополамъ, выучился самоучкою. Онъ нуждался поэтому въ такомъ помощникѣ, который могъ бы не только объясняться свободно по-французски съ публикою, но и вести переписку съ французскими издателями, слѣдилъ бы за тѣми французскими новинками, которыя могли интересовать русскихъ читателей и пр. Мавракіи Вольфъ какъ разъ отвѣчалъ желаніямъ и требованіямъ Исакова. Блестящія рекомендаціи Боссанжа, Брокгауза, Энгельмана и Глюксберга, которыя представилъ Вольфъ, убѣдили Исакова, что лучшаго помощника ему и не найти. И, несмотря на цѣлый рядъ „тяжелыхъ" условій, которыя предъявилъ ему Вольфъ, Исаковъ охотно принялъ Вольфа на службу въ свой магазинъ.

Энергичный и дѣятельный юноша быстро сумѣлъ оріентироваться въ новомъ положеніи и вскорѣ сталъ управляющимъ всей книжной торговли Исакова.

Во время своей службы у Исакова Вольфъ сумѣлъ пріобрѣсти большой кругъ знакомства среди интеллигентнаго петербургскаго общества, закупавшаго иностранныя книги у Исакова, завелъ знакомства и въ литературномъ, и въ ученомъ, и въ коммерческомъ мірѣ. „Въ молодомъ управляющемъ исаковскаго магазина, — разсказываетъ генералъ Іохеръ,—видѣли не только простого книжника-продавца, но образованнаго, милаго, умнаго собесѣдника, съ которымъ пріятно было потолковать, тѣмъ

болѣе, что самъ онъ внимательно слѣдилъ за жизнью, за всѣми литературными явленіями и умѣлъ дѣлиться своими впечатлѣніями. Бойкій разсказчикъ, владѣвшій превосходно французскимъ языкомъ, настоящій парижскій causeur, онъ не только не терялся въ обществѣ знатныхъ и важныхъ лицъ, среди которыхъ ему приходилось нерѣдко бывать, но, напротивъ, ухитрялся привлекать и сосредоточивать на себѣ вниманіе, и его слушали всегда съ удовольствіемъ".

Вольфъ, въ свою очередь, пользовался случаемъ, чтобы путемъ постоянныхъ сношеній съ интеллигентными сферами петербургскаго общества изучить вкусы и потребности этого общества и поставить продажу иностранныхъ книгъ у Исакова соотвѣтственно запросамъ публики, имѣть всегда возможность удовлетворить желанія кліентовъ относительно тѣхъ или другихъ интересующихъ ихъ вопросовъ и пр.

Исаковъ высоко цѣнилъ своего молодого управляющаго, который не только сумѣлъ поддержать репутацію его книжнаго магазина, но въ короткое время сдѣлалъ этотъ магазинъ центромъ иностранной книжной торговли въ Россіи и привлекъ въ качествѣ покупателей представителей всѣхъ слоевъ общества. Но въ то же время Исаковъ предвидѣлъ, что Вольфъ не удовольствуется навсегда скромною ролью управляющаго и что, раньше или позже, постарается „стать самостоятельнымъ", открыть собственное дѣло. Поэтому Исаковъ и требовалъ отъ Вольфа, чтобы тотъ не только управлялъ его Исакова, магазиномъ, но и подготовилъ бы другихъ подходящихъ помощниковъ изъ числа прежнихъ служащихъ.

На обязанность Вольфа легло вообще главное руководительство всѣмъ персоналомъ магазина Исакова. И благодаря Вольфу, книжный магазинъ Исакова пріобрѣлъ репутацію хорошей практической школы для книгопродавцевъ. Изъ этой школы вышли служившіе одновременно съ М. О. Вольфомъ у Исакова Г. Беренштаммъ, впослѣдствіи крупный книгопродавецъ въ Тифлисѣ, А. Ф. Битепажъ, основавшій потомъ свой собственный книжный магазинъ въ Петербургѣ, И. Мартыновъ, первый русскій антикваръ въ европейскомъ смыслѣ слова, Фризъ, извѣстный книгопродавецъ-комиссіонеръ въ Лейпцигѣ, И. Колесовъ, впослѣдствіи совладѣлецъ книгопродавческой фирмы „Колесовъ и Митинъ" и много др.

IV.

Во время странствованій по Литвѣ, Волыни и Подоліи, Вольфъ перезнакомился съ всѣми жившими тамъ многочисленными представителями польской литературы. И не только перезнакомился, но и подружился. Въ юбилейной книгѣ знаменитаго польскаго писателя Крашевскаго разсказывается, между прочимъ, какъ Вольфъ ѣздилъ съ Сырокомлей къ Крашевскому въ гости, а въ воспоминаніяхъ Киркора передается, какъ онъ гостилъ у историка Грабовскаго, какъ его приглашали къ себѣ „на побывку“ другіе польскіе писатели и т. д. Особенно близокъ сталъ Вольфъ съ Сырокомлей-Кондратовичемъ, который вообще имѣлъ большое вліяніе на молодого книжника.

Очутившись въ Петербургѣ, Вольфъ рѣшилъ воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что петербургская цензура менѣе строго относилась къ произведеніямъ польскихъ писателей, нежели варшавская и виленская,—и приступить въ Петербургѣ къ издательству польскихъ книгъ.

И поступая на службу къ Исакову, Вольфъ выговорилъ себѣ право на свой рискъ и страхъ самостоятельно заняться издательствомъ спеціально польскихъ книгъ.

Началъ Вольфъ свою польскую издательскую дѣятельность тотчасъ же по поступленіи къ Исакову, въ 1848 г., но сначала въ очень скромныхъ размѣрахъ. Судьба благопріятствовала ему: сбытъ польскихъ изданій Вольфа превзошелъ всякія ожиданія. Постепенно Вольфъ вступилъ въ дѣловыя издательскія сношенія со всѣми видными польскими писателями: Крашевскимъ, Корженевскимъ, графомъ Ржевускимъ, Викентіемъ Полемъ, Залевскимъ, Качковскимъ, Головинскимъ, Чайковскимъ и мног. другими, которые охотно передавали ему для изданія свои произведенія. Въ то же время онъ выпускаетъ собраніе сочиненій польскихъ историковъ въ переводѣ съ латинскаго Спасовича, Бартошевича, Іохера и др., предпринимаетъ первое критическое посмертное полное изданіе сочиненій Мицкевича, изданіе „Эстетики“ Либельта, „Жизне-описаній святыхъ“ Скарги, многотомнаго собранія стихотвореній польскихъ поэтовъ и пр., и пр.

Занятый весь почти день въ магазинѣ Исакова, Вольфъ могъ посвящать своему маленькому сначала издательскому дѣлу польскихъ книгъ только вечера и время досуга. Между тѣмъ

дѣло все разросталось, и пришлось невольно думать о томъ, чтобы начать совершенно самостоятельную дѣятельность, какъ въ качествѣ издателя, такъ и въ качествѣ книгопродавца.

И вотъ, прослуживъ у Исакова пять лѣтъ, Вольфъ, въ началѣ 1853 года, заявилъ своему принципалу, что намѣревается его покинуть, такъ какъ рѣшилъ открыть собственное книжное дѣло, какъ по издательству, такъ и по продажѣ книгъ, русскихъ, польскихъ и иностранныхъ.

Какъ ни жаль было Исакову разстаться со своимъ энергичнымъ помощникомъ, онъ очень сочувственно отнесся къ его планамъ и даже пообѣщалъ на первое время свое содѣйствіе, кредитъ.

Весною 1853 года Вольфъ покидаетъ Исакова и, снявъ освободившуюся тогда въ Гостиномъ Дворѣ лавку подъ № 18, ѣдетъ въ Парижъ, Лейпцигъ, Берлинъ, Лондонъ, Краковъ, Варшаву, съ цѣлью завязать сношенія съ мѣстными издателями.

Въ это же время онъ женится, избравъ себѣ подругу жизни изъ извѣстной книгопродавческой семьи.

Скопленныя личнымъ трудомъ сбереженія, барыши отъ польскихъ изданій и незначительное приданное, полученное за женою, — составили основной капиталъ задуманнаго Вольфомъ собственнаго дѣла.

V.

Перваго октября 1853 г., среди невзрачныхъ тогда лавочекъ Гостинаго Двора въ Петербургѣ, въ самомъ центрѣ его Невской, или, такъ называемой, Суконной линіи, открылся первый устроенный, до извѣстной степени, на западно-европейскій ладъ магазинъ: съ большими окнами-витринами, изящнымъ входомъ, приличной обстановкой. Вывѣска надъ магазиномъ—на двухъ языкахъ, русскомъ и французскомъ—гласила: „Универсальная книжная торговля Маврикія Осиповича Вольфа“.

Обиліе новыхъ, умѣло подобранныхъ, по всѣмъ отраслямъ литературы и знаній, иностранныхъ книгъ, выставленныхъ въ витринахъ магазина, самая внѣшность его, но, пожалуй, больше всего личность молодого владѣльца, котораго многіе знали по его прежней дѣятельности въ книжной торговлѣ Исакова, обезпечили новой фирмѣ, съ первыхъ же дней ея существова-

нія, значительное число постоянныхъ покупателей изъ интеллигентной среды петербургскаго общества, а также изъ т. н. „высшихъ“ круговъ.

Молодой „хозяинъ“ началъ свое дѣло со скромными средствами, но обладалъ за то сильною волею, твердою вѣрою въ его успѣхъ и необычайною трудоспособностью. А главное—обладалъ солидною профессіональною подготовкою, пріобрѣтенною многолѣтнимъ служеніемъ книжному дѣлу. И дѣло Маврикія Вольфа постепенно развивалось и развивалось, привлекая все больше и больше покупателей.

Но первые шаги молодого Вольфа, какъ владѣльца собственнаго дѣла, были все-таки очень трудные: затративъ всѣ наличныя средства на обзаведеніе и устройство магазина, да на покупку „книжнаго товара“, опасаясь залѣзть въ долги, онъ старался сокращать расходы, гдѣ только могъ и какъ только могъ, и ограничился сначала всего двумя-тремя служащими, лично работая зачастую до поздней ночи... „Я не разъ видѣлъ,—разсказываетъ генералъ Іохеръ, — какъ молодой „владѣлецъ-хозяинъ“ по вечерамъ, не стѣсняясь, помогалъ своему артельщику завязывать и зашивать въ рогожу пачки книгъ для отправки въ провинцію, видѣлъ какъ самъ онъ, послѣ дневной продажи, раскладывалъ по полкамъ лежавшія на прилавкахъ книги, а, исполнивъ всѣ эти работы, принимался за „корреспонденцію“, т.-е. переписку со своими клiентами въ провинціи, а затѣмъ за просмотръ библіографическихъ журналовъ и издательскихъ каталоговъ, по которымъ онъ постоянно увеличивалъ запасы своего магазина, сообразуясь со спросомъ публики. На слѣдующее утро послѣ такой работы въ Парижъ, Лейпцигъ, Москву и Варшаву отправлялись десятками и сотнями, заказы выписанные, большею частью собственноручно самимъ Вольфомъ. И такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ“.

Лицамъ, незнакомымъ съ техникою книжнаго дѣла, торговля книгами кажется дѣломъ очень простымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, снять съ полки книгу и получить за нее деньги не трудно. Но рѣдко кто имѣетъ понятіе о томъ, что торговля книгами связана съ другою, такъ сказать, закулисною работою, имѣющею мало общаго съ самою продажею книгъ. Вѣдь каждому книгопродавцу нужно запастись товаромъ, т.-е. книгами, знать, какія книги необходимо держать на складѣ, чтобы имѣть возможность удовлетворить требованія покупателей. Какъ бы ни

былъ обширенъ и великъ книжный магазинъ, онъ не сможетъ имѣть на складѣ всѣхъ книгъ, ибо число ихъ доходитъ до милліоновъ. Задача книгопродавца угадать, на какія книги можетъ быть спросъ, и держать всѣ этого рода книги, дабы покупатель могъ найти въ любое время все необходимое. Выборъ такихъ книгъ основывается на знаніи запросовъ и вкусовъ публики. И въ этомъ отношеніи Маврикій Вольфъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ книгопродавцевъ, которые, превосходно изучивъ запросы русской публики, всегда старался имѣть у себя на складѣ все то, на что можетъ явиться спросъ. Для этого онъ постоянно провѣрялъ свои запасы, пополнялъ ихъ, стараясь въ то же время избѣгать лишней завали.

Покупатель, являясь въ книжный магазинъ Вольфа, былъ всегда убѣжденъ, что найдетъ, если и не все ему нужное, то все же не уйдетъ съ пустыми руками. Когда появился спросъ на книги по естествознанію—Вольфъ уже могъ предложить изъ своихъ запасовъ все, что по данной отрасли имѣется болѣе важнаго въ литературѣ, не исключая и мелкихъ брошюръ. Когда интересъ читающей публики повернулся къ книгамъ философскаго содержанія — Вольфъ имѣлъ возможность удовлетворить и этому интересу. Пошелъ спросъ на книги о войнѣ—Вольфъ могъ предоставить своимъ покупателямъ большой выборъ и по этой части. Перечитывая ежедневно библіографическіе журналы, каталоги и пр., онъ постоянно выписывалъ, на свой рискъ и страхъ, все то, что, какъ онъ предвидѣлъ, заинтересуетъ его покупателей. Эта работа, кропотливая, трудная, производилась буквально изо дня въ день, но, конечно, покупатели и понятія не имѣли о ней, какъ не имѣли они понятія и о томъ широкомъ спеціально книжномъ образованіи, книжной подготовкѣ, которыя необходимы, чтобы съ успѣхомъ вести подобную работу.

Счастье улыбнулось молодому книжнику, труды его не пропали даромъ: въ короткое время книжная фирма М. О. Вольфа пріобрѣла репутацію магазина, въ которомъ можно найти любую требуемую книгу, и вызвала появленіе слѣдующей лестной для нея эпиграммы:

Въ Публичную (библіотеку) пойдешь,
Не найдешь,
Къ Вольфу заглянешь,
Достанешь...

И, дѣйствительно, бывали случаи, когда та или другая спеціальная брошюра или книга отсутствовала въ Имп. Публичной библіотекѣ, а у Вольфа она оказывалась налицо, имѣлась въ продажѣ.

Обладая замѣчательною памятью, Вольфъ отлично зналъ не только въ лицо всѣхъ, сколько-нибудь видныхъ представителей петербургскаго интеллигентнаго міра, но зналъ и ихъ положеніе, зналъ вкусы и интересы каждаго и сообразно этому при посѣщеніи ими магазина никогда не довольствовался тѣмъ, что продавалъ ту или другую указанную кліентомъ книгу, но всегда старался угадать, какія еще книги по какой отрасли могутъ его заинтересовать, и обращалъ вниманіе покупателя на такія книги, показывалъ ихъ кліенту, отмѣчалъ особенности, достоинство.

Въ этомъ онъ и усматривалъ „умѣніе продавать книги“ и въ этомъ духѣ наставлялъ своихъ помощниковъ, приказчиковъ.

Изысканно любезное обращеніе со всѣми покупателями безъ различія, умѣніе удовлетворить всѣмъ ихъ желаніямъ и обширныя библіографическія познанія—привлекали къ Вольфу изъ года въ годъ все большее и большее число кліентовъ, которые въ случаѣ какихъ-либо затрудненій при разыскиваніи книги по тому или другому интересующему ихъ вопросу были убѣждены, что Вольфъ непремѣнно дастъ имъ необходимыя указанія, разъищетъ ту или другую рѣдкую забытую брошюру. И дѣйствительно, обладая феноменальною книжною памятью, Вольфъ безошибочно называлъ всегда своимъ кліентамъ имя автора, названіе интересовавшей покупателя книги, годъ ея изданія и даже указывалъ, гдѣ, въ какомъ отдѣленіи, на какой полкѣ лежитъ требуемая книга. Если припять во вниманіе, что въ магазинѣ Вольфа было до 100,000 названій—то слѣдуетъ признать, что это было, на самомъ дѣлѣ, совершенно исключительное явленіе. При скудности библіографическихъ руководствъ и трудности разобраться въ каталогахъ, значеніе Вольфа въ этомъ отношеніи было огромное. И его освѣдомленность по всѣмъ отраслямъ литературы и книжной науки была одной изъ причинъ, почему книжный магазинъ Вольфа сталъ наиболѣе посѣщаемымъ книжнымъ магазиномъ Петербурга, а затѣмъ, постепенно, пріобрѣлъ обширную кліентуру въ провинціи.

V.

Одновременно съ открытіемъ книжнаго магазина, Маврикій Вольфъ принялся за издательство русскихъ книгъ.

Въ своемъ „Отчетѣ за первыя десять лѣтъ работы", который Вольфъ выпустилъ въ 1863 году въ видѣ отдѣльной брошюры, онъ пишетъ:

Издатель имѣетъ дѣло съ самымъ деликатнымъ изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ товаровъ, съ плодами умственнаго труда съ результатами художественнаго вдохновенія. Издатель размножаетъ сочиненіе и дѣлаетъ его доступнымъ для публики, вступая для этой цѣли въ извѣстныя условія съ авторомъ. Совершая такую операцію, издатель, волею или неволею, становится оцѣнщикомъ умственнаго труда и художественнаго вдохновенія. Но, чтобы быть оцѣнщикомъ, нужно до нѣкоторой степени быть цѣнителемъ, и тутъ нашъ путь усѣянъ безконечными затрудненіями и такими камнями преткновенія, какихъ не встрѣчаетъ ни одинъ изъ производителей, которые имѣютъ счастіе обращаться съ матеріаломъ менѣе деликатнымъ... Но даже если книгопродавецъ-издатель былъ бы самымъ тонкимъ критикомъ, самымъ компетентнымъ цѣнителемъ умственнаго и художественнаго труда, то и тогда его положеніе было бы ничуть не легче.

Издатель-книгопродавецъ можетъ быть въ восторгѣ отъ даннаго плода умственнаго труда: готовъ бы осыпать автора комплиментами, похвалами, изъявленіями своего восторга и золотомъ; но на всѣхъ его восторгахъ лежитъ неодолимою уздою вкусъ публики. Вѣдь публика должна снабдить книгопродавца тѣмъ золотомъ, которымъ осыплетъ автора издатель, потому что... изъ другихъ источниковъ взять золота негдѣ, и по необходимости издатель-книгопродавецъ умѣряетъ свои восторги и внимательно разсчитываетъ на возвратъ капитала, который онъ долженъ затратить... Бываютъ случаи, когда издатель лично находитъ предложенное ему для изданія сочиненіе превосходнымъ, но опытный глазъ говоритъ ему, что оно не угодитъ публикѣ и будетъ оставлено безъ всякаго поощренія.

Подчиняясь въ своихъ издательскихъ предпріятіяхъ запросамъ, требованіямъ и вкусамъ публики, Вольфъ замѣчаетъ однако въ томъ же „Отчетѣ":

Мы считаемъ себя покорнѣйшими, но не пассивными слугами публики, ибо мы цѣнимъ литературный трудъ прежде публики. Это дастъ намъ то преимущество, что мы, когда можно, забѣгаемъ впередъ умственнымъ потребностямъ нашего общества, а не идемъ позади ихъ. Когда представлялась возможность издать дѣльную книгу, мы не отступали передъ предстоявшими издержками, если только была маленькая надежда на возможность возврата издержекъ, хотя даже въ далекомъ будущемъ. Но мы издали и не одно капитальное сочиненіе уже съ явнымъ расчетомъ на убытокъ, ради того только, что и въ издательскомъ дѣлѣ есть своего рода noblesse, которая oblige не менѣе всякой noblesse, и мы считали своимъ долгомъ часть доходовъ употребить на изданія, которыя надо было имѣть литературѣ только ради чести литературы.

Къ издательской дѣятельности Вольфъ приступилъ въ очень глухое время, когда, послѣ печальнаго исхода издательскаго дѣла Смирдина-отца, оказавшаго огромныя услуги русской литературѣ и тѣмъ не менѣе умершаго въ бѣдности, нельзя было найти издателя даже для самой полезной книги: авторы, желающіе пустить свои трудъ въ продажу, должны были сами издавать ихъ, съ очень малою надеждою на возвращеніе затраченныхъ денегъ. По нѣкоторымъ отраслямъ знаній не было издано ни одной книги и, если бывало книгопродавецъ издавалъ на свой счетъ двѣ-три книги въ пять лѣтъ, то онъ смѣло называлъ себя издателемъ-книгопродавцомъ.

Вольфъ, не въ примѣръ другимъ, принялся за издательство съ необычайнымъ усердіемъ и смѣлостью и выпускалъ на рынокъ одну книгу за другой, по самымъ разнороднымъ отраслямъ знаній и литературы.

При этомъ, однако, онъ отнюдь не увлекался мечтою, что издательство книгъ—легкое и очень выгодное дѣло, на которомъ можно скоро нажиться. Напротивъ, онъ сознавалъ, что для издателя вообще, а для русскаго въ особенности, требуется величайшая осторожность, большія, чисто книгопродавческія знанія, книгопродавческій опытъ и... умѣнье сдерживать себя. Это послѣднее покажется страннымъ, но лишь для тѣхъ, кто не знаетъ исторіи русскаго книжнаго дѣла и многочисленныхъ краховъ видныхъ издательскихъ фирмъ, краховъ, вызванныхъ именно неумѣніемъ „сдерживать себя“. Увлеченные временнымъ успѣхомъ, слишкомъ легкомысленные издатели выбрасываютъ на рынокъ массу книгъ въ твердомъ расчетѣ на сбытъ, не обдумавъ и не обсудивъ, возможенъ ли спросъ въ такихъ большихъ размѣрахъ, и въ результатѣ теряютъ все то, что нажили на первыхъ удачныхъ изданіяхъ, входятъ въ долги, становятся несостоятельными должниками.

Вольфъ не увлекался. Онъ рисковалъ, какъ рискуетъ, меньше или больше, каждый издатель, но рисковалъ осторожно и... осмысленно, придерживаясь своего, такъ сказать, издательскаго credo:

— Нужно знать не только *что* издавать, но и для *кого* издавать.

Стоя у прилавка или перечитывая многочисленные запросы изъ провинціи, Вольфъ видѣлъ, что десятки и сотни требованій русскихъ покупателей книгъ не могли быть удовлетворены частью за совершеннымъ отсутствіемъ подходящихъ сочиненій,

частью вслѣдствіе полной непригодности или устарѣлости имѣвшихся въ продажѣ книгъ. Онъ на опытѣ убѣждался, на какого рода книги имѣется или можетъ быть спросъ, какіе пробѣлы въ литературѣ наиболѣе замѣтны. Заполнить эти пробѣлы онъ и поставилъ первою основною своею, какъ издателя, задачею.

VI.

Во время чествованія Маврикія Осиповича Вольфа въ октябрѣ 1878 года представителями литературы, науки и общественной жизни, по случаю исполнившагося тогда двадцатипятилѣтней дѣятельности Вольфа на поприщѣ русскаго издательства, Д. Д. Минаевъ произнесъ слѣдующій экспромтъ:

О, юбиляръ! нагналъ на насъ ты панику.
А чѣмъ—поймутъ, конечно, всѣ съ двухъ словъ:
Ты началъ тѣмъ, что выпустилъ „Механику“,
Теперь же намъ поднесъ „Молитвословъ“.

Наглядною „иллюстраціею“ къ этому экспромту явилась небольшая стеклянная витрина, поднесенная Вольфу служащими его издательской конторы: въ витринѣ лежали двѣ книги: „Общедоступная механика“ Писаревскаго и роскошный „Молитвословъ“ съ воспроизведенными по акварелямъ Солнцева хромолитографіями.

Экспромтъ Минаева и эта витрина довольно мѣтко охарактеризовали разнообразную издательскую дѣятельность Вольфа за четверть вѣка.

„Общедоступная механика“—была первою русскою книгою, изданною М. О. Вольфомъ; изданіемъ роскошнаго „Молитвослова“ онъ закончилъ первое двадцатипятилѣтіе своей издательской дѣятельности. А между этими двумя книгами—тянется длинный рядъ другихъ—свыше 2000 названій—по всѣмъ, буквально, отраслямъ литературы и науки.

Изданіе „Механики“, которое составило первый кирпичъ издательскаго дѣла Вольфа, не явилось случайнымъ. Оно было предпринято по мысли и личной иниціативѣ самого Вольфа, имъ самимъ задуманно.

Дѣло въ томъ, что предшествовавшее Крымской кампаніи время было отмѣчено усиленнымъ въ интеллигентныхъ рус-

скихъ кружкахъ спросомъ на популярно написанныя, доступныя и не спеціалистамъ, научныя книги.

Такихъ книгъ было тогда сравнительно мало, да и писать ихъ было некому. Для спеціально-научнаго труда не трудно было найти профессора; но популярныхъ книги русскіе ученые никогда, а въ тѣ годы въ особенности, не писали, считая это какъ бы ниже своего достоинства. Переводныя же книги не всегда отвѣчали потребностямъ русскихъ читателей. Вольфъ рѣшилъ остановиться поэтому на первыхъ порахъ на переработкахъ иностранныхъ популярныхъ сочиненій, сообразно съ потребностями и уровнемъ знаній русскихъ интеллигентныхъ читателей.

Для начала онъ рѣшилъ выпустить популярную механику, приспособленную къ потребностямъ сельскаго хозяйства, промышленности и домоводства.

Это рѣшеніе вызвало улыбки со стороны тогдашнихъ книгопродавцевъ. „Кто будетъ покупать теперь механику!"—говорили они. Но Вольфъ, очевидно, лучше зналъ рынокъ, нежели его товарищи по ,профессіи: изъ изданныхъ имъ 4000 экз. „Механики" больше половины разошлось въ одинъ годъ, остальные экземпляры тоже постепенно нашли покупателей, и такимъ образомъ начало издательства Вольфа оказалось вполнѣ удачнымъ.

Рѣшивъ выпустить руководство по механикѣ, Вольфъ лично пересмотрѣлъ нѣсколько десятковъ подобныхъ руководствъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, пока наконецъ не остановился на французскомъ руководствѣ Делонэ, которое показалось ему наиболѣе подходящимъ и наиболѣе популярнымъ. Чтобы провѣрить свое мнѣніе, Вольфъ обратился къ спеціалисту, преподавателю механики и физики, подполковнику генеральнаго штаба Н. Г. Писаревскому. Тотъ вполнѣ одобрилъ выборъ и охотно согласился принять на себя переводъ и передѣлку сочиненія Делонэ, а также составленіе необходимыхъ дополненій, которыя сдѣлали бы книгу еще популярнѣе. Но Вольфъ не удовольствовался этимъ: онъ представилъ трудъ Писаревскаго, до напечатанія, на просмотръ редакціоннаго комитета Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, и только послѣ одобренія послѣднимъ—приступилъ къ изданію.

И вотъ въ 1853 году появилась первая книга, отмѣченная именемъ М. О. Вольфа, какъ издателя. Она носило полное заглавіе:

Общедоступная механика
примѣнительная къ сельскому хозяйству,
промышленности и домоводству,
составленная по курсу ДЕЛОНЭ,
съ измѣненіями, дополненіями и примѣчаніями
И. ПИСАРЕВСКАГО.
2 тома, въ 8 д. л., съ 660 полит. Ц. 3 р. 50 к.

Отпечатана была эта книга за границею, у Фивега, въ Брауншвейгѣ.

Первый экземпляръ ея доставленъ былъ Вольфу изъ типографіи 1 октября 1853 года—дата, имѣющая въ исторіи издательской фирмы Вольфъ большое значеніе.

Объясняя, почему онъ началъ свою издательскую дѣятельность съ общедоступной механики, Вольфъ писалъ:

„Въ наше время механическія и физическія знанія пріобрѣли столь широкое развитіе, что не только въ наукахъ, но и въ самомъ общежитіи почти на каждомъ шагу встрѣчаемъ ихъ приложеніе. Теперь не только инженеръ или архитекторъ, но всякій промышленникъ и сельскій хозяинъ, даже всякій нѣсколько образованный человѣкъ почти ежедневно встрѣчаетъ случаи, гдѣ знаніе механическихъ законовъ не только полезно, но нерѣдко необходимо. А много ли найдется лицъ, которыя достаточно приготовлены, чтобы извлечь пользу изъ такихъ знаній. Изученіе механики считалось понынѣ дѣломъ чрезвычайно труднымъ, потому что для этого необходимо знаніе высшей математики; но такое изученіе механики нужно не для всякаго, а только для спеціалиста-инженера, архитектора и т. д. Огромному большинству публики достаточно знать общія основанія науки, ея главнѣйшія истины, чтобы въ случаѣ надобности пояснить себѣ многочисленныя явленія, встрѣчающіяся въ окружающемъ насъ мірѣ безпрерывно, вслѣдствіе механическихъ законовъ движенія и равновѣсія и т. д.“

Заявленіе это Вольфъ заканчивалъ словами:

Изданіемъ этой книги мы надѣемся оказать услугу огромному большинству русскихъ читателей.

Успѣхъ книги Писаревскаго показалъ, что Вольфъ въ своихъ издательскихъ расчетахъ не ошибся.

VIII.

Спустя три года по открытіи своего книжнаго магазина и книгоиздательства, Вольфъ въ 1856 году открылъ въ Петербургѣ, по Караванной улицѣ № 24, свою собственную типографію, переведенную затѣмъ въ болѣе обширное помѣщеніе по Фонтанкѣ № 59 и, наконецъ, въ собственный домъ на Вас. Остр., по 16 линіи № 5 и 7. Типографія была сначала маленькая, въ составѣ всего двухъ станковъ, но постепенно она расширялась и увеличивалась, по мѣрѣ развитія издательской дѣятель-

ности Вольфа, и достигла крупной цифры 14 скоропечатныхъ машинъ, 2 глазировальныхъ машинъ и нѣсколькихъ тысячъ пудовъ шрифта. Въ 1874 г. Вольфъ присоединилъ къ своей извѣстную въ то время типографію В. И. Головина, пріобрѣтенную имъ въ полномъ составѣ. Печаталъ Вольфъ въ своей типографіи почти исключительно только свои собственныя изданія, да кромѣ того, въ теченіе пяти лѣтъ, арендованныя имъ театральныя афиши.

Кромѣ типографіи, въ 1878 году Вольфъ пріобрѣлъ словолитню Е. Ревильона, бывшую въ свое время единственной въ Россіи, и увеличилъ ее значительнымъ числомъ шрифтовъ, рѣзанныхъ по его заказу во Франціи, Германіи, Англіи, Америки и въ Россіи, а также покупкою въ Парижѣ всѣхъ пунсоновъ знаменитаго гравера-словолитчика Лелье.

Черезъ типографію и словолитню Вольфа прошло множество лицъ, впослѣдствіи занявшихъ видное мѣсто въ русскомъ типографскомъ дѣлѣ. Самъ Вольфъ удѣлялъ своей типографіи не менѣе вниманія, чѣмъ книжной своей торговлѣ. Какъ разсказывалъ біографъ Вольфа въ журналѣ „Обзоръ графическихъ искусствъ“ (1883, № 6) ежедневно къ Вольфу въ 6 часовъ утра являлся факторъ типографіи съ рапортомъ за предшествовавшій день и находилъ его уже за работою, хотя было извѣстно, что онъ легъ не ранѣе 2 часовъ ночи. Съ удивительною быстротою онъ оріентировался во всемъ, что происходило въ типографіи, давалъ приказанія относительно новыхъ работъ и затѣмъ самъ обязательно каждый день, хотя на короткое время, пріѣзжалъ въ типографію, чтобы лично провѣрить, все ли тамъ порядкѣ.

Упрочившаяся между тѣмъ дѣятельность перваго, петербургскаго, магазина побудила Вольфа открыть книжный магазинъ также въ Москвѣ. Первоначально цѣлью открытія этого московскаго магазина было облегчить московскимъ книгопродавцамъ пріобрѣтеніе вольфовскихъ изданій на мѣстѣ, въ самой Москвѣ, а также упорядочить пріобрѣтеніе непосредственно у московскихъ издателей книжныхъ новинокъ для петербургскаго магазина Вольфа. Вскорѣ, однако, Вольфъ убѣдился, что Москва, несмотря на обиліе книгопродавческихъ фирмъ, нуждается въ книжномъ магазинѣ, который сосредоточивалъ бы въ себѣ продажу какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ книгъ и велся бы по типу иностранныхъ учрежденій этого рода. И изъ московскаго „о т д ѣ л е н і я“ онъ сдѣлалъ большой, с а м о с т о я-

тельный книжный магазинъ, во главѣ котораго поставилъ сначала своего ученика по книжному дѣлу И. А. Градовскаго, а затѣмъ многолѣтняго помощника послѣдняго С. И. Иванова. Оба они были люди образованные, знавшіе превосходно иностранные языки и повели задуманное Вольфомъ дѣло успѣшно. Самъ Маврикій Осиповичъ, какъ ни былъ онъ занятъ своимъ петербургскимъ, книжнымъ и издательскимъ дѣломъ, часто пріѣзжалъ въ Москву и управленіе московскимъ магазиномъ сохранилъ въ своихъ рукахъ, стараясь поддержать съ московскими кліентами такія же близкія отношенія, какія удалось ему завести съ петербургскими своими покупателями. Магазинъ, открытый на Кузнецкомъ Мосту въ домѣ Радакова, очень быстро занялъ видное мѣсто среди книжныхъ магазиновъ Москвы и, подобно петербургскому, привлекъ обширный кругъ постоянныхъ кліентовъ какъ въ самой Первопрестольной, такъ и во всемъ московскомъ районѣ.

IX.

Въ одномъ изъ первыхъ своихъ „обращеній къ публикѣ“, выпущенныхъ въ самомъ началѣ своей издательской дѣятельности при спискѣ вновь изданныхъ книгъ, Вольфъ заявилъ, что онъ считаетъ издателей „слугами общества, обязанными удовлетворять эстетическимъ и умственнымъ потребностямъ читающихъ и что, отнюдь не потакая низменнымъ инстинктамъ, онъ намѣренъ, однако, въ своей издательской программѣ обнять, по мѣрѣ возможности, всѣ тѣ произведенія науки и литературы, на которыя имѣется спросъ и въ области которыхъ замѣчаются наибольшіе пробѣлы“.

И этому своему издательскому credo Вольфъ остался вѣренъ. Онъ не замкнулся въ какой-нибудь одной отрасли издательства, не издавалъ книгъ по одному какому-либо отдѣлу науки или литературы. Онъ хотѣлъ быть издателемъ-энциклопедистомъ и издавалъ книги по всѣмъ отраслямъ знаній, по всѣмъ отдѣламъ словесности какъ оригинальныя, такъ и переводныя и избѣгалъ издавать лишь такія, которыя имѣютъ только преходящее значеніе, даже если они сулили значительную выгоду.

Несмотря на разнообразіе содержанія и характера изданій Вольфа, въ его издательской дѣятельности, какъ замѣтилъ въ свое время М. Л. Песковскій, было все-таки опредѣ-

ленное направленіе. Религія, наука, литература, искусство, прикладныя знанія и, наконецъ, учебно-воспитательное дѣло, вотъ что исключительно служило объектомъ его сорокалѣтней издательской дѣятельности. Онъ былъ первымъ издателемъ капитальныхъ ученыхъ сочиненій на русскомъ языкѣ по математикѣ, механикѣ, физикѣ, химіи, медицинѣ и т. д., онъ первый познакомилъ русскую публику съ Боклемъ, Шлоссеромъ, Куно-Фишеромъ, Фигье, Вегнеромъ; онъ первый выпустилъ собранія сочиненій Даля, Писемскаго, Полонскаго, Мицкевича, арх. Иннокентія, Лессинга, Вальтеръ-Скотта, Купера, Жюля Верна, Эмара; онъ далъ русскому юношеству Чистякова, Разина, Макарову; Вольфъ первый въ Россіи сталъ выпускать большія художественныя изданія, какъ „Библія“ и „Божественная Комедія“ съ рисунками Густава Доре, „Фаустъ“ съ иллюстраціями Лизенъ-Мейера, „Исторія внѣшней культуры“ Готтенрота, художественный молитвословъ, „Атласъ всемірной исторіи“ Вейсера, „Картинная галлерея Европы“ Андреева, „Толковый Словарь“ Даля, и много-много другихъ. Въ числѣ изданныхъ Вольфомъ книгъ по беллетристикѣ были произведенія Лѣскова, Костомарова, Крестовскаго, Милюкова, Дмитріева, Евгенія Маркова, Мещерскаго, Немировича-Данченко, Печерскаго-Мельникова, Саліаса, Стахѣева, Н. Успенскаго и др., сборники театральныхъ пьесъ Кони, Ленскаго, Андреева, Григорьева. Вольфу принадлежала иниціатива такихъ изданій, какъ исторія французской революціи Тьера, сочиненія Шайнохи „Ядвига и Ягайло“, исторія всемірной литературы Зотова. Сюда нужно еще прибавить цѣлый рядъ сочиненій по медицинѣ, математикѣ, химіи, физикѣ, механикѣ, географіи и пр., и пр.

„Не будетъ преувеличеніемъ сказать,—пишетъ Песковскій,—что въ серьезномъ направленіи русской издательской дѣятельности М. О. Вольфъ былъ колонновожатымъ“ („Новости“ 1883, № 53).

За каждое новое, крупное изданіе, Вольфъ принимался горячо, съ юношескимъ жаромъ и увлеченіемъ, но хотя онъ и „горѣлъ“, принимаясь за изданіе, однако, на стражѣ стояли у него всегда „холодный“ умъ и щепетильная расчетливость.

„Памятная книжка“ Вольфа, въ которой онъ отмѣчалъ желательныя и предполагаемыя имъ со временемъ изданія была всегда полна проектами, заглавіями и т. п. Но осуществленіе проектовъ шло осмотрительно, осторожно. Въ этомъ

отношеніи издательская дѣятельность Вольфа представляетъ собою много поучительнаго, и внимательный историкъ русской культуры, несомнѣнно, могъ бы по изданіямъ Вольфа прослѣдить до извѣстной степени вкусы, запросы русской публики даннаго времени, потому что Вольфъ во всѣхъ почти своихъ издательскихъ предпріятіяхъ старался служить интересамъ русской интеллигенціи данной эпохи и, такъ или иначе, идти навстрѣчу ея запросамъ.

Просматривая каталоги русскихъ книгъ съ 1853 по 1883 гг., какую вы отрасль науки, литературы или прикладныхъ знаній ни возьмете, вы вездѣ наткнетесь на рядъ то многотомныхъ сочиненій, то небольшихъ книжекъ или брошюръ, отмѣченныхъ именемъ М. О. Вольфа, какъ издателя, и ему обязанныхъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ.

Не всѣ, конечно, изданія Вольфа были одинаково удачны и по мысли и по исполненію. Все таки неблагопріятныя обстоятельства, гибельно отразившіяся на русскомъ книгоиздательствѣ въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія и вынудившія многія издательскія фирмы ликвидировать дѣла, не коснулись М. О. Вольфа. Не коснулись потому, что какъ осторожный и опытный издатель, онъ хотя и очень усердно, и безпрерывно издавалъ одну книгу за другой, но старался издавать только то, что нужно, въ чемъ чувствуется, та или иная, потребность въ публикѣ или на что можно было предвидѣть спросъ.

Тѣмъ не менѣе бывали и у Вольфа такія изданія, которыя далеко не оправдывали ожиданій и надеждъ издателя, не окупали расходовъ. Иныя изданія оказывались преждевременными. Такъ, напр., Вольфъ, начавъ въ семидесятыхъ годахъ печатать серію книгъ по естествознанію, былъ убѣжденъ, что черезъ годъ или два долженъ начаться усиленный спросъ именно на такія книги. Спросъ дѣйствительно явился, но... спустя лишь 30 лѣтъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Вольфъ началъ особенно усердно издавать книги по исторіи, но спросъ на нихъ тоже начался лишь значительно позже, и вложенный въ изданіе капиталъ много лѣтъ не давалъ никакихъ процентовъ. Рядомъ съ такими книгами, сплошь и рядомъ были у Вольфа изданія, которыя другимъ издателямъ казались невыгодными, рискованными, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ имѣли быстрый и прочный успѣхъ. Укажемъ хотя бы на „Логику“ Милля, на многотомную „Всемірную исторію“ Шлоссера, на „Исторію

Наполеона" Ланфрэ и т. д. Въ общемъ, конечно, сбытъ русскихъ книгъ во времена Вольфа былъ значительно меньше, нежели теперь. Среднее количество экземпляровъ, въ которомъ печатались изданія, колебалось между 1200—2000 экз.

Понятно, это отражалось на цѣнахъ книгъ, которыя приходилось назначать сравнительно высокія. „Русскія книги туго продаются, потому что они дороги",—говорили кабинетные теоретики. Но окончившіяся неудачей попытки изданій книгъ по дешевой цѣнѣ показали, что въ Россіи тогда еще не наступило время для дешевой книги, т.-е. для массоваго сбыта.

Особенной чертой издательской дѣятельности Вольфа—была полная самостоятельность: онъ не подражалъ другимъ и не старался конкурировать съ другими, шелъ своей, имъ лично прокладываемой, дорогой.

Нельзя также не указать, что среди громаднаго количества изданій Вольфа (около 5000 названій!) не было ни одного оскорбляющаго нравственное чувство, ни одного завѣдомо реакціоннаго, пошлаго, вреднаго, вообще не было ничего такого, что могло дать крупные барыши, но вредило бы репутаціи издателя. „Кипучая дѣловая натура Вольфа, способная только творить и созидать,—какъ замѣчаетъ Песковскій,—искала въ жизни положительной стороны ея и служила лишь ей одной. И какъ ни соблазнителенъ былъ успѣхъ, напр., т. н. книгъ „легкаго жанра" или лубочныхъ изданій, Вольфъ за такія изданія приняться не хотѣлъ".

Были, разумѣется, въ дѣятельности Маврикія Вольфа, какъ издателя, промахи, были ошибки и недочеты, но никто не въ состояніи отрицать, что благодаря ему появились сотни полезныхъ и цѣнныхъ книгъ, которыя, если бы не Вольфъ, быть можетъ, никогда не увидѣли бы свѣта. Онъ обогатилъ русскую литературу многими-многими десятками цѣнныхъ сочиненій, онъ далъ возможность многимъ писателямъ предстать передъ публикою со своими произведеніями, пріобщилъ русской литературѣ десятки крупныхъ капитальныхъ трудовъ иностранныхъ авторовъ. Мало того: онъ сумѣлъ заинтересовать ими публику, сумѣлъ вызвать въ русскомъ обществѣ небывалый интересъ къ книгамъ или, по крайней мѣрѣ, значительно оживить его.

X.

Очень видное мѣсто въ издательскомъ формулярѣ М. О. Вольфа занимаетъ изданіе книгъ для дѣтей и юношества.

Въ своемъ „Отчетѣ“ за первые десять лѣтъ работы, Вольфъ указываетъ на „величайшій недостатокъ“, какой онъ встрѣтилъ, когда началъ заниматься русскимъ издательствомъ: недостатокъ въ дѣтскихъ книгахъ. „Поэтому,—пишетъ онъ,—мы посвятили всѣ свои силы на обогащеніе именно дѣтской литературы, которая долгое время была и будетъ одною изъ нашихъ спеціальностей...“

Вступивъ на поприще издательства русской дѣтской литературы въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда вся эта литература ограничивалась немногими десятками книгъ, преимущественно переводныхъ, Вольфъ сразу энергично, смѣло, не опасаясь риска, выступилъ на книжный рынокъ съ массою изданій, которыя по тому времени, въ отличіе отъ издававшихся тогда дѣтскихъ книгъ, отличались, изящною, красивою, иногда даже богатою внѣшностью. Что это дѣйствительно такъ, это подтверждаетъ авторъ перваго опыта библіографіи русской дѣтской литературы Ф. Толль, который въ изданной имъ въ 1862 году книгѣ „Наша дѣтская литература“ писалъ:

„Надо отдать г. Вольфу справедливость, что въ отношеніи великолѣпія и изящества изданій онъ перещеголялъ всѣхъ нашихъ книгопродавцевъ“.

Конечно, въ настоящее время, это „великолѣпіе и изящество“ первыхъ изданій Вольфа кажутся мизерными. Дѣтская литература сдѣлала огромный шагъ впередъ, въ смыслѣ изящества изданія. Но въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, въ пору, такъ сказать, младенчества русской дѣтской литературы, это было невиданная роскошь, которая имѣла большое вліяніе на издательство дѣтскихъ книгъ въ Россіи.

Къ издательству дѣтскихъ книгъ Вольфъ приступилъ съ опредѣленнымъ планомъ: онъ хотѣлъ, съ одной стороны, пріобщить русской дѣтской литературѣ все, что было выдающагося въ области этой литературы въ Германіи, Франціи, Англіи; съ другой же—выпустить для дѣтей рядъ оригинальныхъ произведеній, принадлежащихъ перу русскихъ писателей. Что же касается характера дѣтскихъ книгъ, то Вольфъ считалъ, что онъ, какъ издатель, обязанъ удовлетворять, по возможности, самымъ разнообразнымъ требованіямъ, желаніямъ и вкусамъ широкихъ круговъ публики и педагоговъ, и въ этомъ отношеніи руководствоваться словами Гете: „кто многое даетъ, тотъ всякому что-нибудь приноситъ“.

„Мы держались той мысли,—заявляетъ Вольфъ въ своемъ отчетѣ, за первыя десять лѣтъ издательства,—что для развитія ребенка необходима самая разнообразная умственная пища. Поэтому мы издавали **все хорошее**, что могли добыть, имѣя въ виду, что затѣмъ, уже дѣло педагоговъ—предлагать воспитывающемуся юношеству ту или другую умственную пищу, и въ той пропорціи, и въ томъ порядкѣ, какіе найдены будутъ для каждаго субъекта наиболѣе пригодными".

Этой „программы" Вольфъ и держался во всѣ 30 лѣтъ послѣдующей своей издательской дѣятельности: онъ издавалъ дѣтскія книги самаго разнообразнаго характера и содержанія, начиная съ книгъ-картинокъ, азбукъ и кончая серьезными путешествіями, сочиненіями по естественнымъ наукамъ, исторіи. Но больше всего онъ удѣлялъ вниманія художественной дѣтской литературѣ.

Осуществить широкозадуманное издательство дѣтскихъ книгъ было, однако, на первыхъ порахъ очень трудно, такъ какъ число писателей, работавшихъ на поприщѣ дѣтской литературы, въ пятидесятыхъ годахъ ограничивалось только очень немногими именами.

Изъ числа этихъ немногихъ Вольфъ приглашаетъ прежде всего Чистякова, Даля, Разина, Пчельникову, Лапина, затѣмъ Софію Дестунисъ, Александру Гиппіусъ, Александру Ярцеву, Классовскаго, Макарову. Разина онъ дѣлаетъ своимъ литературнымъ секретаремъ, съ нимъ совѣтуется, ему поручаетъ редакцію большинства издаваемыхъ имъ дѣтскихъ книгъ. Въ то же время Вольфъ старается привлечь къ работамъ по дѣтской литературѣ писателей такъ называемой общей литературы. Лѣскову онъ передаетъ обработку для дѣтей романа Виктора Гюго „Труженики моря", Афанасьеву-Чужбинскому заказываетъ переводъ „Сказокъ 1001 ночи", Страхова приглашаетъ принять на себя редакцію русскаго перевода сочиненія Фигье „Свѣтила науки", Даля уговариваетъ приспособить для дѣтей рядъ разсказовъ изъ простонародной жизни и т. д.

Изъ иностранной литературы онъ издаетъ въ русскомъ переводѣ пользовавшіяся тогда большою популярностью въ Германіи повѣсти Штейнъ, Гофмана, Горна, Нирица, Хр. Шмидта, Герштеккера, Гумпертъ, затѣмъ многотомныя серіи сочиненій Вальтеръ-Скотта, Купера, Маріэтта, Эмара, въ обработкѣ для юношества, выпускаетъ наглядную энциклопедію для дѣтей Лаукарта „Orbis pictus" подъ заглавіемъ „Все въ картинахъ" и мн. др.

Но прежде всего онъ старается издать по-русски по возможности всѣ тѣ произведенія дѣтской литературы, которыя пользуются всемірною славою классическихъ произведеній для дѣтей, какъ „Хижину дяди Тома“, „Путешествія Гулливера“, „Рейнеке-Лисъ“, сказки Гауффа, сказки Перро и т. п.

Послѣдовательно знакомитъ Вольфъ русское юношество съ сочиненіями Смайльса, Фарадея, гр. Сегюръ, съ популярно-научными очерками Вагнера, выпускаетъ популярную азбуку Дараганъ „Елку“ (которая разошлась при жизни Вольфа въ 100.000 экз.), предпринимаетъ изданіе серіи романовъ иностранныхъ писателей для юношества (Сувестра, Вессерель, Прессаніе, Юнгъ), издаетъ путешествія Ливингстона, Мичи, серію книгъ по наглядному обученію „Міръ въ картинкахъ“, предлагаетъ Д. Д. Минаеву переложить на стихи народныя русскія сказки и издаетъ ихъ съ хромолитографированными иллюстраціями Тейхеля, выпускаетъ сборникъ басенъ съ акварельными рисунками Офтердингера и др. Когда появился Жюль-Вернъ, Вольфъ поспѣшилъ издать первыя его произведенія въ русскомъ переводѣ и, хотя педагогическая критика встрѣтила сочиненія знаменитаго впослѣдствіи французскаго писателя недружелюбно, продолжалъ выпускать и слѣдующіе его романы, въ твердомъ убѣжденіи, что придетъ время, когда Жюль-Вернъ будетъ признанъ и педагогическою критикою, въ чемъ онъ не ошибся.

Сознавая потребность въ доступныхъ для юныхъ читателей книгахъ по русской исторіи, Вольфъ пригласилъ Разина составить русскую исторію въ отдѣльныхъ разсказахъ для дѣтей п. з. „Откуда пошла русская земля“, а когда Разинъ умеръ, поручилъ закончить изданіе Лапину. Въ то же время онъ издалъ „Русскую исторію для дѣтей“ Иванова, книгу о Петрѣ Великомъ Чистяковой, „Исторію Екатерины II“ Макаровой и др.

Стремясь сдѣлать дѣтскую книгу доступной и болѣе широкимъ кругамъ, Вольфъ предпринялъ нѣсколько серій дѣтскихъ книгъ въ дешевыхъ изданіяхъ, какъ напр. „Розовую библіотеку“, „Зеленую библіотеку“ и пр.

Предвидя спросъ на юмористику для дѣтей и считая отсутствіе веселыхъ книжекъ для дѣтскаго чтенія пробѣломъ, онъ издаетъ „Степку-растрепку“, „Говорящихъ животныхъ“, „Машу-разиню“, „Гошу долгія руки“ и т. п. Первое изъ этихъ изданій имѣло (и продолжаетъ имѣть) огромный успѣхъ и стало самою

распространенною въ Россіи дѣтскою книгою, несмотря на то, что часть критики, отнеслась къ „Степкѣ-растрепкѣ“ отрицательно.

Изъ оригинальныхъ, беллетристическихъ произведеній для дѣтей разныхъ возрастовъ, въ изданіи Вольфа особеннымъ успѣхомъ пользовались сборники разсказовъ Чистякова, „Весна“, „Лѣто“, „Осень“ и „Зима“, того же автора „Корни и плоды“, Макаровой „Изъ русскаго быта“, Даля „Крошки“, „Первинки“ и „Картины изъ русской жизни“ и друг., Полевого „Народныя русскія сказки, Гиппіусъ „Нептунъ“, и др. Всѣ эти книги были любимымъ чтеніемъ нѣсколькихъ поколѣній русскаго юношества и въ теченіе долгаго времени пользовались репутаціею лучшихъ произведеній русской дѣтской литературы.

Какъ умѣло и осторожно дѣлалъ Вольфъ выборъ издаваемыхъ имъ книгъ и какъ чутко слѣдилъ за спросомъ публики, свидѣтельствуетъ фактъ, что почти всѣ, такъ называемыя, дѣтскія изданія Вольфа пользовались огромнымъ сбытомъ, а многія, выдержавъ цѣлый рядъ изданій при его жизни, и до сихъ поръ выходятъ еще все новыми и новыми изданіями.

Нельзя однако не отмѣтить, что нѣкоторыя изданія Вольфа для дѣтей, единогласно одобренныя критикою, заслужившія самыя восторженныя отзывы ея,—но имѣли успѣха въ продажѣ. Такъ случилось, между прочимъ, съ роскошно изданнымъ разсказомъ Н. Н. Каразина „Андронъ Головановъ“, со сборникомъ стихотвореній „Родные отголоски“ и др.

Съ другой стороны, нѣкоторыя изданія, при жизни Вольфа имѣвшія лишь очень ограниченный сбытъ, только много лѣтъ послѣ его смерти пріобрѣли популярность и заняли въ русской дѣтской литературѣ видное мѣсто. Для примѣра можно указать на „Исторію свѣчки“ Фарадея, „Исторію кусочка хлѣба“ Массе и др.

Конечно, въ массѣ изданныхъ Вольфомъ дѣтскихъ книгъ были и неудачныя, вызвавшія осужденіе критики, но это были лишь исключенія. Впрочемъ, критика различно относилась къ отдѣльнымъ изданіямъ. Такъ, напр., часть критики находила, что не слѣдуетъ издавать сочиненій Вальтеръ-Скотта и Купера въ сокращенномъ видѣ и что ихъ надлежитъ давать только въ полномъ объемѣ; напротивъ, другая часть критики высказывала мнѣніе, что заслуга Вольфа въ томъ, что онъ даетъ возможность юному поколѣнію знакомиться съ произведеніями выдающихся писателей въ доступной для юныхъ читателей обработкѣ. Одни изъ критиковъ утверждали, что

напрасно Вольфъ издаетъ для юношества „Тружениковъ моря“ Гюго; другіе—считали изданіе этого классическаго произведенія очень полезнымъ. Одни находили, что издатель приноситъ вредъ издавая сказки, даже образцовыя, классическія сказки; другіе, напротивъ, признавали за сказками большое педагогическое значеніе и т. д. Считаясь, по мѣрѣ возможности, съ мнѣніями критики, Вольфъ стремился примирить иногда противоположные взгляды ея и тщательно собиралъ и группировалъ всѣ высказываемыя въ печати мнѣнія о своихъ изданіяхъ, а приступая къ новымъ изданіямъ, до извѣстной степени старался принимать „къ руководству“ тѣ указанія, которыя считалъ справедливыми.

Въ связи съ дѣтскою литературою, Вольфъ сталъ издавать и разные педагогическія пособія и руководства и не безъ гордости упоминаетъ въ своемъ „Отчетѣ“, что онъ „первый перенесъ на русскую почву столь важное педагогическое нововведеніе, какъ наглядный способъ обученія, изданіемъ различныхъ рисунковъ, коллекцій минераловъ, коллекцій предметовъ, обрабатываемыхъ промышленностью и т. д.“, что онъ первый сталъ въ Россіи распространителемъ методы Фребеля и пр.

Усиленная дѣятельность Вольфа на поприщѣ дѣтской литературы и его успѣхъ не могли, конечно, не вызвать подражаній, конкуренцій и... зависти. Послѣдняя объяснялась тѣмъ, что въ то время, какъ Вольфовскія изданія распродавались въ огромномъ количествѣ,—предпринятыя многими изъ его конкурентовъ изданія давали убытокъ.

XI.

Не ограничиваясь изданіемъ книгъ, Вольфъ, уже въ начальные годы своего издательства, приступаетъ къ изданію журналовъ.

Первымъ этого рода предпріятіемъ былъ журналъ землевѣдѣнія, естественныхъ наукъ, изобрѣтеній и наблюденій, называвшійся „Вокругъ Свѣта“ и начатый въ 1861 году подъ редакціею П. Ольхина; въ 1866 г. онъ редактировался Н. Страховымъ, а затѣмъ, до самаго закрытія, въ 1869 г., опять П. Ольхинымъ. Журналъ ставилъ себѣ цѣлью передавать впечатлѣнія и наблюденія путешественниковъ и естествоиспытателей всѣхъ странъ, вѣковъ и народовъ, знакомить съ

ихъ выдающимися сочиненіями, частью въ полныхъ переводахъ, частью въ извлеченіяхъ, давать описанія замѣчательныхъ мѣстностей, картинъ народной жизни, статьи по научнымъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ географіи и этнографіи и пр. На страницахъ „Вокругъ Свѣта“ прошелъ цѣлый рядъ сочиненій, впослѣдствіи изданныхъ отдѣльными книгами, какъ „Путешествія Ливингстона“, „Путешествія Радде“, „Подвиги человѣческаго ума“ Ольхина и много другихъ. Начиная съ 1862 г. при журналѣ выпускалось еще особое изданіе подъ заглавіемъ „Природа и землевѣдѣніе“. Десять толстыхъ томовъ „Вокругъ Свѣта“ съ его приложеніями, украшенными многочисленными заграничными гравюрами на мѣди и стали, черными и цвѣтными, представляли собою цѣлую энциклопедію всевозможныхъ свѣдѣній изъ области географіи, этнографіи и естественныхъ наукъ, и многіе годы послѣ прекращенія изданія полные комплекты „Вокругъ Свѣта“ довольно успѣшно продавались, какъ подарочное изданіе.

Въ 1863 году Вольфъ приступилъ къ изданію „Библіографическихъ извѣстій“ — указателя русскихъ и иностранныхъ книгъ. Изданіе было ежемѣсячное и печаталось въ количествѣ 35,000 экземпляровъ, которые разсылались при нѣсколькихъ журналахъ безплатно. Просуществовало оно однако не долго и, отчасти вслѣдствіе цензурныхъ и таможенныхъ затрудненій, тормозившихъ своевременное полученіе его въ Петербургѣ (журналъ печатался въ Лейпцигѣ), было пріостановлено на пятомъ выпускѣ.

Въ томъ же 1863 году Вольфъ предпринялъ изданіе ежемѣсячнаго журнала для дѣтей младшаго возраста подъ заглавіемъ „Забавы и разсказы“, редакторомъ котораго и главнымъ сотрудникомъ была А. А. Пчельникова. Всѣ почти статьи въ журналѣ имѣли научную или нравственную подкладку. Журналъ, какъ значилось въ его программѣ, имѣлъ цѣлью „развивать въ помѣщаемыхъ на его страницахъ статьяхъ, безъ педантизма и сухой морали, нравственныя истины о любви къ ближнему, о состраданіи къ несчастнымъ и бѣднымъ, объ уваженіи къ нравственнымъ достоинствамъ, независимо отъ случайной неприглядной внѣшности, въ которой они обнаруживаются, объ образѣ дѣйствій, необходимомъ для поддержанія согласія въ семействѣ, объ обращеніи съ животными и т. п.“. Біографіи русскихъ людей, разсказы изъ русской исторіи, изъ быта разныхъ народовъ, описанія животныхъ, ра-

стеній, объясненія физическихъ явленій и явленій природы, описанія земель, фабричныхъ производствъ и быта рабочихъ людей, сказки, игры, загадки, сюжеты для живыхъ картинъ и для домашняго театра и друг.—все это, проникнутое любовью къ ближнему, благостью, желаньемъ развить въ дѣтяхъ чувство справедливости, и стремленіемъ къ развитію ихъ въ нравственномъ отношеніи и къ обогащенію знаніями—составляло содержанія журнала. По тому времени журналъ пользовался довольно значительнымъ успѣхомъ, и прекратился въ 1867 г. лишь по болѣзни главнаго редактора. Полные комплекты журнала продавались затѣмъ еще долго и составляли любимое чтеніе дѣтей.

Съ 1864 г. Вольфъ приступилъ къ изданію толстаго ежемѣсячнаго журнала „Заграничный Вѣстникъ“, фактическимъ редакторомъ котораго былъ П. Л. Лавровъ, офиціальными же значились сначала Н. М. Цейдлеръ, а затѣмъ А. Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Цѣлью журнала было „отраженіе самыхъ крупныхъ явленій европейской жизни и современной литературы“.

По мысли Вольфа, вполнѣ одобренной Лавровымъ, „Заграничный Вѣстникъ“, долженъ былъ быть

„отголоскомъ всего замѣчательнаго, частнаго и дѣльнаго въ литературѣ и наукѣ Запада, къ какой бы партіи и направленію авторы статей не принадлежали“. Журналъ долженъ былъ при этомъ знакомить читателей съ важнѣйшими отдѣльными сочиненіями, цѣликомъ или въ отрывкахъ и извлеченіяхъ“.

Идея изданія „Заграничнаго Вѣстника“, возникшая вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, принадлежала всецѣло М. О. Вольфу. Какъ опытный издатель, бдительно слѣдившій за пульсомъ общественной жизни, Вольфъ чувствовалъ, что въ обществѣ замѣчается потребность въ серьезномъ періодическомъ органѣ, который знакомилъ бы Россію съ современною европейскою жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, со всѣми новѣйшими побѣдами науки, со всѣми крупными, доступными читающей массѣ, научными трудами западныхъ ученыхъ. И вотъ, послѣ цѣлаго ряда обсужденій плана изданія, Вольфъ вошелъ въ соглашеніе съ Лавровымъ.

Журналъ рѣшено было составлять исключительно изъ переводныхъ статей и переводовъ. Рѣшеніе это было вызвано цензурными соображеніями: то, что цензура не пропустила бы, какъ оригинальное произведеніе русскаго автора, безъ особыхъ затрудненій могло пройти въ качествѣ перевода или, по

крайней мѣрѣ, подъ видомъ перевода. Это давало возможность помѣщать статьи по такимъ вопросамъ, какихъ въ другихъ изданіяхъ нельзя было затрогивать. Когда по поводу одного изъ писемъ Луи Блана, помѣщенныхъ въ „Заграничномъ Вѣстникѣ“, цензору былъ сдѣланъ запросъ, на какомъ основаніи онъ его пропустилъ, цензоръ оправдывался въ своей объяснительной запискѣ тѣмъ, что „воспроизведеніе мнѣнія иностраннаго писателя, мнѣнія, къ тому же относящагося къ иностраннымъ порядкамъ, не можетъ считаться мнѣніемъ русскаго сотрудника“. Благодаря такому взгляду удавалось проводить вопросы, которые съ русской правительственной и цензурной точки зрѣнія считались въ то время даже революціонными.

Явно выразившійся въ выборѣ матеріала прогрессивный характеръ журнала, стремленіе редакціи знакомить русскихъ читателей съ государственнымъ управленіемъ передовыхъ странъ Европы, съ конституціей, новѣйшими побѣдами науки (въ томъ числѣ дарвинизмомъ) и т. п. вызвали, уже въ первый годъ изданія, упрекъ въ революціонности его. Лаврову, негласному редактору, ставили даже въ вину, что онъ въ „легальномъ изданіи ухитряется проводить нелегальные взгляды“. Тѣмъ не менѣе журналъ продолжалъ выходить до 1867 г. и прекратился лишь послѣ того, какъ Лавровъ, по подозрѣнію въ участіи въ каракозовскомъ дѣлѣ, былъ арестованъ и сосланъ въ Вологодскую губернію *).

Подъ видомъ журнала выпускалъ Вольфъ еще художественно-литературное изданіе подъ редакціей А. Н. Андреева „Картинныя галлереи Европы“. Оно выходило съ 1862—1864 гг., а затѣмъ съ 1877—1878 гг., ежемѣсячно, тетрадями. Это было собраніе замѣчательныхъ произведеній живописи, ваянія и зодчества разныхъ школъ, съ біографіями художниковъ, статьями о художественныхъ музеяхъ, выдающихся классическихъ произведеніяхъ искусства и пр., и пр. съ гравюрами на стали и деревѣ, изображающими шедевры классической живописи.

Въ 1870 г. Вольфъ началъ издавать справочную газету, публикаціоннаго характера подъ заглавіемъ „Городскія и иногородныя афиши“, которую продолжалъ издавать до самой своей смерти, сдѣлавъ ее исключительно, однако, листкомъ

*) См. подробн.: „П. Л. Лавровъ, какъ редакторъ „Заграничнаго Вѣстника“. Статья С. Ф. Либровича „Вѣстн. Литер.“ 1913. 11. 12.

объявленій. Газета имѣла широкое распространеніе. Главный ея отдѣлъ составляли объявленія ищущихъ труда. Она вывѣшивалась на углахъ петербургскихъ улицъ, на особыхъ 'доскахъ, передъ которыми по утрамъ толпилась всегда прислуга, ищущая мѣстъ.

Въ 1876 г. у Вольфа возникла мысль приступить къ изданію ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала для дѣтскаго и семейнаго чтенія. Первое лицо, которому Вольфъ сообщилъ свой планъ, былъ И. А. Гончаровъ. Къ нему же онъ обратился за совѣтомъ, какъ назвать проектируемый журналъ. Гончаровъ предложилъ названіе „Задушевное Слово". Оно и было принято Вольфомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ Гончарова быть крестнымъ отцомъ имѣющаго появиться на свѣтъ Божій журнала, на что тотъ изъявилъ согласіе, узнавъ, что редактировать его будетъ дѣтская писательница Софья Марковна Макарова, къ педагогической и литературной дѣятельности которой Гончаровъ относился очень сочувственно. „Крестины" журнала происходили на одномъ изъ осеннихъ литературныхъ собраній у Вольфа въ октябрѣ 1876 г., при чемъ въ числѣ присутствующихъ были Гончаровъ, Лѣсковъ, Мордовцевъ, С. В. Максимовъ, Авенаріусъ, Вейнбергъ, педагогъ Лапинъ и другъ. Согласно проекту Вольфа, новый журналъ долженъ былъ обслуживать всю семью и, сообразно этому, былъ подраздѣленъ на четыре самостоятельныхъ изданія: для маленькихъ дѣтей, для дѣтей средняго и старшаго возраста, для юношества и для чтенія взрослыхъ. Главнымъ отвѣтственнымъ редакторомъ журнала былъ приглашенъ педагогъ В. И. Лапинъ, но каждое изданіе имѣло, кромѣ того, своего автономнаго редактора. Таковыми были: С. М. Макарова—въ отдѣлѣ для дѣтей, В. И. Лапинъ—въ отдѣлѣ для юношества и В. П. Авенаріусъ—въ отдѣлѣ для семейнаго чтенія (послѣдняго послѣ выхода первыхъ нумеровъ смѣнилъ П. И. Вейнбергъ). Въ такомъ видѣ журналъ выходилъ, однако, только одинъ годъ. Впослѣдствіи же отдѣлы для юношества и для взрослыхъ прекратили свое существованіе, и изданіе продолжалось только въ видѣ двухъ ежемѣсячныхъ журналовъ для дѣтей младшаго и для дѣтей старшаго возраста, подъ общей редакціею С. М. Макаровой, и уже послѣ смерти Вольфа было преобразовано въ еженедѣльный журналъ, существующій и понынѣ, и ставшій однимъ изъ самыхъ распространенныхъ русскихъ періодическихъ изданій для дѣтскаго чтенія.

Рядомъ съ журналами, Вольфъ издавалъ выпусками, по подпискѣ, большія иллюстрированныя и научныя изданія. Въ такомъ видѣ имъ выпускались „Божественная комедія“ Данте, съ иллюстраціями Доре, „Библія“ съ иллюстраціями Доре, „Толковый словарь“ Даля и др. Послѣднимъ этого рода изданіемъ была „Живописная Россія“—отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи,—подъ редакціею П. П. Семенова, вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, сенатора, впослѣдствіи члена Государственнаго Совѣта. Къ участію въ этомъ изданіи были приглашены всѣ наличныя научныя и литературныя силы, и на страницахъ „Живописной Россіи“ появились оригинальныя, спеціально для этого изданія написанные очерки Д. Аверкіева, проф. С. И. Барановскаго, П. Д. Боборыкина, С. А. Венгерова, А. С. Гацискаго, проф. И. Е. Забѣлина, проф. Д. И. Иловайскаго, проф. А. Исаева, Н. Н. Каразина, Е. П. Карновича, А. К. Киркора, проф. А. И. Кирпичникова, проф. Н. И. Костомарова, князя Н. Кострова, князя А. А. Кропоткина, П. А. Кулиша, С. В. Максимова, Е. Л. Маркова, К. С. Мережковскаго, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, проф. В. И. Модестова, проф. И. В. Мушкетова, В. И. Немировича-Данченко, П. М. Ольхина, М. Л. Песковскаго, проф. П. Н. Полевого, Г. Н. Потанина, д-ра Г. И. Раддэ, В. В. Радлова, проф. Д. Я. Самоквасова, К. А. Скальковскаго, Д. И. Стахѣева, В. В. Чуйко, С. Н. Шубинскаго, Н. М. Ядринцева и мн. друг.

Съ идеей изданія большого сочиненія, заключающаго въ себѣ подробное, всестороннее художественно-научное описаніе Россійской Имперіи и народовъ ее населяющихъ, Вольфъ носился довольно долго, все не рѣшаясь приступить къ нему, какъ въ виду огромнаго риска, значительныхъ затратъ, такъ и, въ особенности, въ виду трудности подыскать подходящихъ для осуществленія самой идеи писателей, ученыхъ, художниковъ. Ядромъ или ячейкою „Живописной Россіи“ явилось задуманное еще въ самомъ началѣ издательской дѣятельности Вольфа, въ 1856 году, иллюстрированное описаніе Польши подъ редакціею извѣстнаго польскаго писателя Крашевскаго, но, по причинамъ политическаго характера, не осуществленное *).

*) См. брошюру „Stara Polska w opisie malowniczym przez Zygmunta Librowicza. Krakow. 1885.

Первое иллюстрированное объявленіе о „Живописной Россіи“ было выпущено какъ разъ къ двадцатипятилѣтію издательской и книгопродавческой дѣятельности М. О. Вольфа, въ октябрѣ 1878 года; а первые два выпуска изданія появились въ свѣтъ въ мартѣ 1879 года.

Несмотря, однако, на значительный трудъ, вложенный въ изданіе, и огромныя денежныя затраты, „Живописная Россія“, разсчитанная на 12 большихъ книгъ in 4° (число это впослѣдствіи было увеличено до 19 книгъ, которыя вмѣщали 800 печатныхъ листовъ или 6,984 страницы, обнимавшихъ 220 отдѣльныхъ очерковъ, написанныхъ 93 авторами по спеціальной, выработанной редакціей программѣ), не оправдало ожиданій издателя: изданіе далеко не встрѣтило того сочувствія, на которое оно разсчитывало, не получило того распространенія, на какое надѣялась редакція и, въ итогѣ, принесло крупные убытки.

Въ предисловіи къ изданію Вольфъ писалъ:

„Живописная Россія“ не есть только крупное предпріятіе издателя, обладающаго большими средствами, а дорогое дѣтище, съ которымъ мы сжились, съ которымъ привыкли носиться и няньчиться, не жалѣя на него ни заботъ, ни трудовъ. Скажемъ болѣе—мы сблизились съ нимъ настолько, что привыкли видѣть въ этомъ трудѣ памятникъ, который думаемъ по себѣ оставить Россіи.

Печать и критика, за небольшими исключеніями, встрѣтили „Живописную Россію“ доброжелательно и предсказывали, что она станетъ географическо-статистической русской энциклопедіей („Молва“), что она является „замѣчательнымъ памятникомъ типографскаго и ксилографскаго искусства“ („Новости“), „роскошнымъ альбомомъ, заслуживающимъ вниманія публики“ („Голосъ“) и т. п. Нѣкоторые органы печати, однако, съ самаго начала отнеслись къ „Живописной Россіи“ отрицательно *). Особенно рѣзко отозвался о „Живописной Россіи“ Кояловичъ на столбцахъ аксаковской „Руси“ (1884. № 13), и, несмотря на стоящее внѣ всякихъ подозрѣній въ политическомъ отношеніи имя редактора, сенатора П. П. Семенова, усмотрѣлъ въ изданіи, въ главахъ, посвященныхъ Литвѣ и Бѣлоруссіи, какія-то сепаратическія тенденціи.

---

*) См. „Исторія Живописной Россіи“, заключительный очеркъ въ т. VIII „Живоп.“, стр. 292—311.

Хотя уже по выходѣ первыхъ томовъ ясно опредѣлилось, что расходы по изданію не окупятся, Вольфъ рѣшилъ во что бы то ни стало довести его до конца. Но закончить „Живописную Россіи“ удалось лишь послѣ его смерти.

XII.

Параллельно съ развитіемъ и расширеніемъ издательской дѣятельности Вольфа шло все бо̀льшее и бо̀льшее развитіе его книжныхъ магазиновъ, въ особенности центральнаго книжнаго магазина въ Петербургѣ, который, по сбыту книгъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и по размѣрамъ своихъ оборотовъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ занялъ первое мѣсто въ Россіи. Съ ранняго утра и до поздняго вечера толпилась въ немъ публика. Передъ рождественскими праздниками, а также въ сезонъ продажи учебниковъ, наканунѣ дней св. Николая, св. Софіи, Вѣры, Надежды и Любви, передъ началомъ разъѣзда зажиточной публики на лѣтніе каникулы и пр. толпа въ магазинахъ Вольфа достигала колоссальныхъ размѣровъ. Въ то же время кипѣла жизнь въ скрытыхъ отъ взоровъ публики помѣщеніяхъ въ верхнихъ этажахъ магазина и въ кладовыхъ, гдѣ производилась отправка книгъ провинціальнымъ покупателямъ и откуда ежедневно отсылались сотни посылокъ, тюковъ и ящиковъ съ книгами, по почтѣ и по желѣзнымъ дорогамъ. Быстрое удовдетвореніе 45,000 кліентовъ, обращавшихся въ среднемъ ежегодно изъ провинціи съ своими заказами и требованіями въ магазинъ Вольфа, и манипуляція отправки имъ „книжнаго товара“ требовали постоянной работы многихъ десятковъ служащихъ.

Несмотря на расширеніе дѣла, Вольфъ все же не выпускалъ „бразды правленія“ изъ своихъ рукъ, старался во все вникать, слѣдилъ самъ за исполненіемъ всѣхъ заказовъ, вездѣ лично присутствовалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалъ по нѣскольку часовъ въ день проводить за прилавкомъ въ магазинѣ, въ качествѣ продавца.

Помимо того соображенія, что присутствіе „хозяина“ въ магазинѣ имѣетъ большое значеніе на весь ходъ торговли и что старые кліенты магазина привыкли обращаться именно къ „хозяину“, Вольфомъ руководствовали еще и другія соображенія: общеніе съ публикою онъ считалъ очень важнымъ для

издательской своей дѣятельности, такъ какъ это общеніе давало ему возможность знать—на что есть спросъ, въ чемъ чувствуется пробѣлъ. И этимъ постояннымъ общеніемъ съ публикою Вольфъ объяснялъ, почему въ числѣ его изданій не было почти такъ называемой „завали“, т.-е. книгъ, которыя не находили покупателей,—такихъ книгъ онъ не издавалъ.

Вообще, придерживался того взгляда, что книгоиздательство неразрывно связано съ книготорговлею, давая возможность производителю быть въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ потребителемъ, знать его потребности, его запросы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію Вольфа, только соединеніе книгоиздательства съ книжною торговлею даетъ возможность пріискивать и указывать вѣрные пути къраспространенію издаваемыхъ книгъ.

Въ этомъ отношеніи Вольфъ какъ бы оправдывалъ на практикѣ слова Новикова:

Мало издавать книгу, надо дать ее въ руки читателю; только при такомъ пониманіи дѣла книгоиздательство явится дѣйствительно живымъ дѣломъ.

Самую профессію книгопродавца Вольфъ ставилъ высоко, и его рѣшеніе стоять въ магазинѣ за прилавкомъ, объяснялось искреннимъ, глубокимъ уваженіемъ Вольфа къ книжной торговлѣ и желаніемъ показать своимъ помощникамъ, что занятіе торговца книгами—занятіе почетное.

Для веденія разныхъ отдѣловъ своего магазина, Вольфу пришлось пригласить на службу цѣлый рядъ помощниковъ-спеціалистовъ книжнаго дѣла. Поочередно въ качествѣ такихъ помощниковъ, спеціально по иностранному отдѣлу книжнаго магазина Вольфа, служили: Адольфъ Марксъ, впослѣдствіи издатель „Нивы“; Германъ Гоппе, впослѣдствіи издатель „Всемірной Иллюстраціи“; Эдуардъ Гоппе, впослѣдствіи крупный типографъ и издатель „Обзора графическихъ искусствъ“; Германъ Корнфельдъ, впослѣдствіи издатель „Стрекозы“ и мн. друг. Въ 1867 г. Вольфъ вошелъ въ переписку съ проживавшимъ тогда въ Лондонѣ молодымъ работникомъ на поприщѣ книжнаго дѣла Альфредомъ Девріеномъ, ставшимъ впослѣдствіи крупнымъ и виднымъ представителемъ издательскаго дѣла въ Россіи. Девріенъ долженъ былъ занять постъ управляющаго иностраннымъ отдѣленіемъ книжнаго магазина Вольфа. Но этотъ „ангажементъ“ не состоялся, и Девріенъ у Вольфа не служилъ, хотя по почину Вольфа осуществилъ свое намѣреніе пріѣхать въ Россію, ставъ затѣмъ однимъ изъ

дѣятельнѣйшихъ издателей сочиненій какъ по сельско-хозяйственной, такъ и по дѣтской литературѣ.

Кромѣ „перечисленныхъ „помощниковъ“ Вольфа, прибывшихъ изъ за границы и затѣмъ прочно основавшихся въ Россіи, перебывало у Вольфа и много другихъ, занявшихъ въ послѣдствіи видное мѣсто въ книжномъ дѣлѣ за границею.

Гораздо труднѣе было подобрать помощниковъ для русскаго отдѣла магазина. Такихъ помощниковъ нужно было самому воспитать. И въ магазинѣ Вольфа образовалась своего рода школа книжныхъ приказчиковъ, которые и своими манерами, и благообразною внѣшностью, и познаніями по книжному дѣлу, и умѣніемъ обращаться съ публикою рѣзко отличались отъ сѣрой массы большей частью грубыхъ, невѣжливыхъ и невѣжественныхъ продавцовъ, служившихъ въ то время у другихъ книгопродавцевъ.

До какихъ мелочей доходило стремленіе Вольфа „воспитать“ приказчиковъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій характерный фактъ: признавая, что театръ имѣетъ очень важное облагораживающее значеніе, Вольфъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ покупалъ двѣ-три ложи то въ русскомъ, то во французскомъ театрѣ для своихъ учениковъ и молодыхъ приказчиковъ и, отправляя ихъ на спектакль, напоминалъ имъ часто, что не для одного только развлеченія онъ ихъ посылаетъ. Чуть ли не первый изъ русскихъ книгопродавцевъ, Вольфъ подумалъ также о необходимости давать своимъ ученикамъ и приказчикамъ возможность пополнить пробѣлы образованія и нанималъ учителей, которые обучали приказчиковъ иностраннымъ языкамъ, знакомили ихъ съ исторіею литературы, упражняли въ перепискѣ, мелкихъ счетоводныхъ работахъ и т. п.

Благодаря очень здоровому и крѣпкому сложенію, М. О. самъ способенъ былъ свободно работать по 15-ти часовъ въ день, и очень удивлялся, когда видѣлъ, что другіе не могутъ выносить подобной же работы.

Цѣлый день, какъ говорится, „на ногахъ“, въ магазинѣ, Вольфъ подъ вечеръ, когда число покупателей рѣдѣло, наскоро пообѣдавъ (иногда тутъ же въ магазинѣ, вмѣстѣ съ приказчиками), летѣлъ въ свою типографію, провѣрить, какъ идетъ тамъ работа, дать распоряженія и порученія, а вечеромъ возвращался опять въ магазинъ. Послѣ того какъ приказчики уходили домой, Вольфъ почти всегда оставался въ

магазинѣ съ однимъ-двумя „дежурными“ и, продолжалъ работать до поздней ночи, выбиралъ книги для изданій, переписывался съ авторами намѣченныхъ для изданій книгъ, провѣрялъ счета типографіи, заказывалъ и принималъ рисунки для своихъ дѣтскихъ и другихъ книгъ, дѣлалъ заказы на книги и т. д. Работоспособность и любовь къ труду его были изумительны и не только не падали съ годами, но увеличивались. Привычка къ вѣчной работѣ дошла у него до того, что въ праздничные дни, когда поневолѣ приходилось отдыхать, онъ чувствовалъ себя всегда точно больнымъ и ждалъ съ нетерпѣніемъ наступленія „рабочаго“ дня, чтобы опять приняться за обычныя занятія. Только лѣтомъ иногда, по настоянію врачей, онъ позволялъ себѣ отдыхъ въ видѣ поѣздки для леченія водами въ Карлсбадѣ, но и туда бралъ съ собою цѣлыя массы работы.

„Отличительною чертою характера М. О. Вольфа,—замѣчаетъ П. Н. Полевой,—была замѣчательная любовь къ труду, который составлялъ для него главный и самый привлекательный элементъ жизни. Съ этой стороны онъ былъ настоящимъ типомъ тѣхъ людей, которыхъ мы всюду видимъ основателями крупныхъ торговыхъ фирмъ“.

Разъ какъ-то, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, В. И. Немировичъ-Данченко и Н. Н. Каразинъ, возвращаясь изъ театра, замѣтили въ витринѣ книжнаго магазина Вольфа въ Гостиномъ Дворѣ огонекъ. Удивленные, они направились въ магазинъ и къ величайшему изумленію застали Вольфа, окруженнаго приказчиками французскаго отдѣленія и занятаго пріемомъ и такъ называемой „размѣткою“ полученныхъ изъ Парижа французскихъ новинокъ.

— Какъ вамъ не жаль себя!—воскликнулъ Немировичъ-Данченко.—Неужели же не можете нанять людей, которые дѣлали бы эту работу за васъ и давали бы вамъ возможность... спать по ночамъ?

— Вы, кажется, скупѣе того мольеровскаго „Скупого“, котораго мы сейчасъ смотрѣли,—смѣясь прибавилъ Каразинъ.

— Дѣло не въ скупости,—отвѣтилъ Вольфъ,—а въ томъ, что, какъ это ни странно вамъ покажется, но нельзя найти людей, которымъ можно было бы довѣрить эту, на первый взглядъ простую, работу... Для банкирской конторы, для мануфактурнаго дѣла, для суконной торговли—вы легко найдете помощниковъ, а для книжнаго дѣла не найти... Вотъ почему

я, волей-неволей, и занимаюсь всѣмъ самъ, не досыпаю, не доѣдаю,—но вѣдь жаль смотрѣть, какъ вдругъ другіе станутъ портить и губить дѣло, которое создано не малымъ трудомъ и не малою любовью... Нѣтъ, нужно все дѣлать самому.

Это убѣжденіе, что онъ самъ долженъ входить во всѣ мелочи своего огромнаго дѣла, не оставило Вольфа до послѣднихъ дней жизни. Больной, онъ срывался съ постели и бѣжалъ въ магазинъ, садился закутанный въ шубу въ свой крошечный кабинетъ и, обложенный подушками, тамъ принималъ врача и нервничалъ, замѣчая, что тотъ или другой приказчикъ не такъ держитъ книгу, какъ слѣдуетъ, не достаточно внимателенъ къ покупателю и т. п.

Вотъ что разсказываетъ, между прочимъ, М. К. Песковскій о послѣднихъ годахъ жизни М. О. Вольфа:

Рабочій день М. О. Вольфа, несмотря на сложную и упорную двухлѣтнюю болѣзнь, почти регулярно начинался около 5 часовъ утра и безостановочно продолжался до 7—8 часовъ вечера, а зачастую и далеко позже этого. Въ тѣ дни и часы, когда болѣзнь держала его внѣ дѣла, онъ мучился и страдалъ.

Это былъ труженикъ, съ увлеченіемъ относившійся къ своей профессіи, влагавшій душу свою въ дѣло. Онъ, буквально, з а р а б о т а л с я. По мнѣнію свѣтилъ медицинской науки, пользовавшихъ его, онъ прожилъ бы еще много лѣтъ, если бы не чрезмѣрное трудолюбіе. Но удалить его отъ работы не было никакой возможности. Онъ понималъ жизнь только въ смыслѣ работы.

Входя въ каждую мелочь своего издательскаго, книгопродавческаго, типографскаго и словолитнаго дѣла, Вольфъ всюду вносилъ свѣтлый взглядъ, идею. Работая не покладая рукъ, онъ высоко цѣнилъ добросовѣстность другихъ въ работѣ. Прямой до рѣзкости въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ другими, онъ съ уваженіемъ относился къ справедливой критикѣ его дѣйствій и соглашался съ каждымъ разумнымъ замѣчаніемъ, когда оно исходило даже отъ типографскаго мальчика.

Любовь свою къ труду, и въ частности, любовь къ труду около книгъ, къ книжному дѣлу, Вольфъ сумѣлъ привить и многимъ изъ своихъ помощниковъ, въ особенности изъ числа тѣхъ молодыхъ помощниковъ, которые вышли изъ его „школы“. Между прочимъ въ числѣ ближайшихъ помощниковъ М. О. Вольфа по разнымъ отдѣламъ его русской книжной торговли были: Ѳ. И. Колесовъ (ученикъ Мавракія Осиповича въ то время, когда онъ служилъ еще у Исакова, а затѣмъ совладѣлецъ книгопродавческой и издательской фирмы Колесовъ и Михинъ)

И. П. Перевозниковъ (открывшій впослѣдствіи собственное дѣло), Межуевъ (прослужившій у Вольфа приказчикомъ до самой своей смерти), Рынкевичъ (перешелъ на службу въ одно изъ страховыхъ обществъ), Эмиль Гольстъ (который книжную торговлю промѣнялъ на галантерейную торговлю и открылъ впослѣдствіи свой магазинъ въ Гостиномъ Дворѣ) и другіе.

XIII.

Къ концу семидесятыхъ годовъ м. с. дѣло Вольфа настолько разрослось, что пришлось подумать, какъ бы сгруппировать въ одномъ мѣстѣ типографію, словолитню, кладовыя и склады изданій, издательскую контору и пр., разбросанныя до тѣхъ поръ въ разныхъ частяхъ Петербурга.

Съ этой цѣлью Вольфъ рѣшилъ купить въ Петербургѣ собственный домъ и, перестроивъ его, приспособить для своего издательства. Изъ трехъ предложенныхъ тогда ему домовъ: на Невскомъ, противъ Гостинаго Двора (гдѣ нынѣ зданіе Московскаго Купеческаго Банка), на Владимирской улицѣ (зданіе такъ называемаго Приказчичьяго Клуба) и на Васильевскомъ Островѣ, по 16 линіи (домъ Яковлева), онъ остановилъ свой выборъ на послѣднемъ, такъ какъ по размѣрамъ занимаемой земли владѣніе Яковлева представляло наибольше гарантій, что оно удовлетворитъ требованіямъ даже въ случаѣ еще большаго расширенія дѣла. И въ 1877 году Вольфъ покупаетъ у наслѣдниковъ Яковлева домъ, вѣрнѣе, цѣлую усадьбу, занимавшую большое пространство по пустынной еще тогда 16 линіи Васильевскаго Острова, недалеко отъ набережной Невы.

Усадьба эта состояла изъ огромнаго каменнаго строенія съ высокою башнею, деревяннаго флигеля и деревянныхъ же строеній: конюшни, службъ и пр. При усадьбѣ былъ садъ и большая пустая площадь. Домъ-дворецъ въ усадьбѣ (въ которомъ богачъ Яковлевъ, принималъ своихъ гостей въ огромныхъ залахъ, съ расписанными фресками потолками, съ мраморными женскими фигурами въ нишахъ, зеркальными дверьми и пр.), къ началу семидесятыхъ годовъ находился въ полномъ запустѣніи. Къ тому же сама усадьба, сданная въ аренду подъ кафе́-шантанъ и ресторанъ подъ названіемъ „Василеостровскіе семейные вечера“, совершенно утратила свой первоначальный видъ барскаго дома. Вольфъ, тотчасъ же послѣ пріобрѣтенія

усадьбы, принялся за устройство въ каменномъ зданіи складовъ книгъ, типографіи, конторы, пристроилъ два каменныхъ зданія, предназначенныхъ подъ квартиры служащихъ, реставрировалъ другія зданія и пр., и пр. и перевелъ туда свои склады, кладовыя, типографію, словолитню и пр., оставивъ лишь въ Гостиномъ Дворѣ, на прежнемъ „насиженномъ мѣстѣ“, свой книжный магазинъ.

Особенно много пространства пришлось отвести подъ склады книгъ, для которыхъ было пристроено новое большое зданіе въ глубинѣ сада.

Кто бывалъ въ этихъ складахъ, кто видѣлъ эти длинныя двухъ-и трехъэтажныя галлереи, тянущіяся на многіе десятки саженъ и буквально заваленныя книгами, и при этомъ исключительно книгами, отмѣченными именемъ Вольфа, какъ издателя, тотъ не могъ не выразить своего удивленія передъ колоссальными размѣрами Вольфовскаго издательскаго дѣла.

Когда въ 1878 году по случаю двадцатипятилѣтія книгопродавческо-издательской дѣятельности Вольфа, въ его домѣ на Васил. Остр. собрался почти весь литературный міръ Петербурга, юбиляръ повелъ своихъ гостей въ только что отстроенные заново каменные склады своихъ изданій и торжественно заявилъ, что въ этихъ складахъ лежитъ книжнаго „товара“ на пять милліоновъ рублей по номинальной цѣнѣ, при чемъ, въ подкрѣпленіе своихъ словъ, указалъ на лежавшую тутъ же инвентарную книгу.

Эти слова были подхвачены Д. Л. Мордовцевымъ, который тутъ же произнесъ такую рѣчь экспромптомъ:

— Господа, я только что заглянулъ въ инвентарные списки этихъ складовъ и увидѣлъ цифру 5 милліоновъ. Эта цифра обозначаетъ общую сумму номинальной стоимости собранныхъ подъ этими каменными сводами, изданныхъ Маврикіемъ Осиповичемъ Вольфомъ за 25 лѣтъ его книжной дѣятельности книгъ. И такъ, вы видите передъ собою воочію русскаго *книжнаго милліонера*, перваго русскаго издателя, у котораго въ книгахъ имъ изданныхъ, накоплены *милліоны*. Были у насъ крупные заслуженные издатели, но не было еще между ними такого, цѣнность изданій котораго, даже по номинальной ихъ цѣнѣ, равнялась бы милліонамъ... Я предлагаю поэтому тостъ за *перваго русскаго книжнаго милліонера* Маврикія Осиповича Вольфа!

Тостъ этотъ былъ подхваченъ присутствующими съ большимъ воодушевленіемъ.

По этому поводу Вольфъ въ своемъ печатномъ автобіографическомъ очеркѣ 1878 года пишетъ:

„Цѣнность моихъ собственныхъ изданій, по составленному инвентарю

въ продажныхъ цѣнахъ, доходитъ до суммы 5 милліоновъ рублей. Но, къ несчастію, приведенная большая цифра имѣющагося налицо товара не обозначаетъ его дѣйствительной цѣнности. „Книги не товаръ“ по выраженію одного изъ высшихъ административныхъ дѣятелей, и лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить та аксіома, что въ случаѣ надобности трудно получить даже малую сумму за эти, на бумагѣ значащіеся, милліоны...“

Дѣло тутъ, однако, не въ крупной милліонной суммѣ, а въ томъ огромномъ количествѣ книгъ, которыя выпущены были М. О. Вольфомъ на книжный рынокъ за 25 лѣтъ его издательской дѣятельности. И Вольфъ имѣлъ полное основаніе отвѣтить, что онъ гордится не тѣмъ милліоннымъ капиталомъ, который находится въ лежащихъ въ его складахъ книгахъ, а тѣми милліонами книгъ, которыя ему удалось распространить по всей Россіи.

Мы привыкли представлять себѣ милліонеровъ сибаритствующими, утопающими въ роскоши и богатствѣ, наслаждающимися жизнью и праздно пожинающими дары побаловавшей ихъ судьбы. Но „книжный милліонеръ“ Вольфъ не принадлежалъ къ *такимъ* милліонерамъ. Онъ, какъ уже выше указано, всю свою жизнь провелъ въ трудовой тягѣ и съ одинаковымъ рвеніемъ работалъ тогда, когда только начиналъ свое дѣло, и тогда, когда сталъ уже зажиточнымъ человѣкомъ, не позволяя себѣ никакой роскоши, никакихъ развлеченій, удовольствій.

XIV.

Сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ при конторѣ на Васил. Остр. требовало со стороны Вольфа усиленнаго труда и вниманія. И онъ съ особеннымъ рвеніемъ принялся за работу, не щадя силъ и совершенно пренебрегая совѣтами, которые давали ему врачи—отдохнуть, во что бы то ни стало отдохнуть.

Въ 1881 году Вольфъ получилъ „первое предостереженіе“ отъ природы: съ нимъ случился ударъ, который заставилъ его спѣшно уѣхать лечиться за границу. Но онъ все-таки не хотѣлъ сдѣлать никакихъ уступокъ даже и тяжкому своему недугу. Едва поправившись, онъ опять принялся за дѣло и, желая увѣковѣчить свое созданіе и уберечь его отъ распаденія, обратилъ его въ обширное издательское и книгопродавческое товарищество на паяхъ.

Устроить это было тогда не такъ легко. Ходатайство Вольфа встрѣтило въ административныхъ сферахъ затрудненіе въ виду его новизны. Книгопродавческо-издательское дѣло на паяхъ, отвѣтили Вольфу, не можетъ быть разрѣшено, потому что... въ немъ будутъ мѣняться стоящія во главѣ лица, и такимъ образомъ не будетъ лица, отвѣтственнаго передъ правительствомъ (!). И только послѣ долгихъ мытарствъ уставъ товарищества М. О. Вольфъ былъ представленъ на Высочайшее утвержденіе и 3 сентября 1882 года удостоился этого утвержденія, при чемъ самый уставъ пришлось передѣлать сообразно съ типомъ обычныхъ уставовъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній.

— Ну-съ, теперь, Маврикій Осиповичъ, вы можете, наконецъ, отдохнуть,—говорили, поздравляя его съ „утвержденіемъ устава", писатели.

— Нѣтъ, вотъ теперь и начнется главная работа по организаціи товарищества моего имени,—отвѣтилъ Вольфъ.— Я хочу передать дѣло моимъ наслѣдникамъ въ полномъ порядкѣ.

Желая, чтобы сыновья продолжали „съ достаточною компетентностью" созданное имъ дѣло, Вольфъ распредѣлилъ ихъ подготовку такимъ образомъ: старшаго сына онъ отправилъ въ Лейпцигъ изучать книжное дѣло сначала въ большой книжной фирмѣ Францъ Вагнеръ, затѣмъ въ Парижъ и Лондонъ; второго—помѣстилъ въ знаменитую типографію и издательское дѣло Брейткопфа и Гертеля, а относительно третьяго, младшаго, выразилъ желаніе, чтобы онъ, окончивъ гимназическій курсъ, поступилъ на юридическій факультетъ Спб. университета, такъ какъ считалъ, что юридическое образованіе, по энциклопедичности, является наиболѣе подходящимъ для успѣшнаго руководительства издательствомъ.

Какъ-то разъ, уже въ послѣдніе годы жизни М. О. Вольфа, къ нему, въ одинъ изъ жаркихъ лѣтнихъ дней, пріѣхалъ маститый вице-президентъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, сенаторъ П. П. Семеновъ, редактировавшій издаваемую Вольфомъ „Живописную Россію".

Маврикій Осиповичъ принялъ гостя въ саду, гдѣ, страдая одышкою и изнемогая отъ жары, въ лѣтнее время устроилъ себѣ въ открытой бесѣдкѣ временный рабочій кабинетъ.

Послѣ дѣлового разговора, когда въ бесѣдку былъ поданъ чай, Семеновъ, глядя на огромное зданіе складовъ изданій Вольфа, спросилъ, смѣясь:

— Откройте мнѣ, Маврикій Осиповичъ, то рыбье слово, которое помогло вамъ стать книжнымъ милліонеромъ. Вѣдь, несомнѣнно, въ вашей карьерѣ такое рыбье слово играло видную роль.

Вольфъ задумался и отвѣтилъ:

— Да, ваше превосходительство, вы правы: въ моей карьерѣ дѣйствительно большое значеніе имѣло одно рыбье слово, которое руководствовало мною съ самыхъ раннихъ дней моей жизни. Это слово—любовь къ дѣлу, любовь къ книжному дѣлу. И если я достигъ чего-нибудь въ жизни, такъ именно благодаря этой любви...

— Позвольте, Маврикій Осиповичъ, но вѣдь много и другихъ было людей, проявлявшихъ любовь къ дѣлу въ области книгоиздательства и книжной торговли, а вотъ они не достигли ничего,—замѣтилъ Семеновъ.

— Судить о причинахъ неудачъ другихъ я не берусь. Если чужая душа, по поговоркѣ, потемки, то и чужія дѣла—потемки,—отвѣтилъ Вольфъ.—Что же касается меня, то я твердо убѣжденъ, что меня вывезла не „кривая“, о которой говоритъ поговорка, а искренняя, глубокая, но въ то же время разумная любовь къ дѣлу. Именно разумная. Я никогда не увлекался, никогда не терялъ головы, но я всегда любилъ мое дѣло и былъ ему преданъ всею душою... Я началъ работать въ области книжнаго дѣла почти съ дѣтства, прошелъ рѣшительно всѣ ступени этого дѣла, не чуждался самой грубой работы, если считалъ, что такую работу исполнить нужно, свое дѣло я предпринялъ осторожно, расширялъ его постепенно, не бросался, не искалъ быстрой, легкой наживы...

— Говорятъ,—продолжалъ Вольфъ, замѣтивъ, съ какимъ вниманіемъ слушаетъ его собесѣдникъ,—что мнѣ посчастливилось. Еще на-дняхъ я получилъ въ этомъ смыслѣ письмо отъ одного моего родственника. Да, это, можетъ быть, и вѣрно. Но вѣдь всякій самъ кузнецъ своего счастья, и я въ качествѣ кузнеца поработалъ надъ моимъ „счастьемъ“ не мало. Все же въ моей жизни, въ моей карьерѣ было не мало такихъ моментовъ, когда я уже думалъ, что стою на краю пропасти, что вотъ-вотъ наступаетъ крахъ. Въ такіе моменты меня выручала опять-таки любовь къ дѣлу и твердая вѣра въ успѣхъ... Да, я полюбилъ, искренно полюбилъ то дѣло, которому я посвятилъ всю свою жизнь. И эта любовь давала мнѣ энергію, силу воли, вѣру въ побѣду, въ успѣхъ, заставляла работать до самозабвенія... Но,

повторяю, я никогда не дѣйствовалъ очертя голову. Я намѣчалъ себѣ планъ, и шелъ къ цѣли по этому плану осторожно, упорно, сказавъ себѣ твердо, что только постепенными, осторожными, равномѣрными шагами я могу чего-нибудь добиться... О быстромъ обогащеніи, о крупной наживѣ на какомъ-нибудь одномъ изданіи я никогда не думалъ. Соблазнительные случаи и предложенія въ этомъ отношеніи я отклонялъ. Если вы прослѣдите ходъ моей книжной и издательской дѣятельности, то вы увидите, что я шелъ всегда маленькими, но вѣрными шагами, расширялъ свою дѣятельность, не торопясь. Началъ я незначительными по размѣру изданіями, разсчитанными на сравнительно небольшой, но вѣрный сбытъ, и лишь постепенно дошелъ до того, что сталъ издавать многотомныя сочиненія.

— При чемъ тутъ, однако, любовь?—спросилъ Семеновъ.—Тутъ скорѣе можетъ быть рѣчь объ осторожности.

— Любовь - то и подсказывала мнѣ необходимость быть осторожнымъ... Конечно, одной любви къ книжному дѣлу мало: нужны и знанія, нужно умѣнье. По поговоркѣ, безъ ученья—нѣтъ умѣнья. Почувствовавъ любовь къ книжному дѣлу, я его очень тщательно изучилъ... Я сталъ на путь самостоятельной книжной дѣятельности только послѣ того, когда я изучилъ книжное дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, въ отличіе отъ многихъ другихъ моихъ товарищей по профессіи, которые берутся за книжное и издательское дѣло совсѣмъ безъ подготовки, съ одною только вѣрою на авось. Я считалъ и считаю книжное дѣло очень труднымъ и сложнымъ и, хотя и признаю, что и въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, счастье и судьба играютъ видную роль, но... счастье измѣнчиво. Примѣровъ въ этомъ отношеніи въ русскомъ книжномъ дѣлѣ особенно много... У меня, въ складахъ, помѣщаются, между прочимъ, остатки изданій около 10 когда-то крупныхъ издателей, которые увлеклись счастьемъ, и въ результатѣ вынуждены были продать съ молотка свои изданія и остались нищими. Будь я менѣе остороженъ, и меня могла бы постигнуть такая же участь... Хотѣлось бы прожить еще лѣтъ десять, — заключилъ Вольфъ,—для того, чтобы поставить мое дѣло окончательно прочно и, передавая его дѣтямъ, внушить имъ продолжать его съ тою же любовью и съ тою же осторожностью, какъ велъ его я...

Свой взглядъ, что именно любовь къ дѣлу помогла ему

въ его дѣятельности, Вольфъ высказалъ и въ своей юбилейной рѣчи 1878 года:

Любовь къ книжному дѣлу въ теченіе долголѣтней дѣятельности, несмотря на многія тяжелыя минуты, укрѣпляла меня на предначертанномъ поприщѣ и донынѣ руководитъ много въ моихъ предпріятіяхъ *).

Къ концу семидесятыхъ годовъ Маврикій Вольфъ уже становится однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей книжной торговли и книгоиздательства. По одному только петербургскому его книжному магазину оборотъ, за 25 лѣтъ, достигъ 7 милліоновъ рублей; по московскому $1^1/_2$ милліона! Въ биржевыхъ сферахъ Вольфа считали обладателемъ большихъ капиталовъ и старались втянуть его въ разныя биржевыя спекуляціи. Несмотря на соблазнъ крупной наживы въ эту пору биржевой лихорадки, Вольфъ долго держался вдали отъ всякихъ спекулятивныхъ аферъ, и его личнымъ друзьямъ, банкиру І. С. Познанскому (впослѣдствіи директору Русскаго для внѣшней торговли банка), инженеру Соболевскому и извѣстнымъ желѣзнодорожнымъ предпринимателямъ, Кроненбергу и Бліоху, стоило не мало труда уговорить Вольфа попробовать счастья въ области финансовыхъ предпріятій. Послѣ перваго же, однако, столкновенія на биржѣ на почвѣ недоразумѣній по поводу какой-то акціонерной затѣи, Вольфъ окончательно рѣшилъ держаться вдали отъ опасныхъ „биржевыхъ авантюръ“ и остаться вѣрнымъ книгѣ и книжному дѣлу.

Это, конечно, не значитъ, чтобы Вольфъ совершенно сторонился финансовой дѣятельности. Напротивъ, несмотря на сизифову работу по книжному дѣлу, онъ все же ухитрился найти время, чтобы стать еще во главѣ нѣсколькихъ акціонерныхъ учрежденій, то въ качествѣ директора, то члена совѣта или крупнаго акціонера. Но и тутъ онъ проявилъ себя настоящимъ „книжникомъ“: вступивъ, напр., въ число учредителей газоваго общества—онъ тщательно сталъ изучать по книгамъ газовое дѣло; ставъ вмѣстѣ съ Познанскимъ, инж. Соболевскимъ и др. во главѣ нефтяного дѣла на Кубани, онъ перечиталъ массу книгъ по этому дѣлу и т. д.

Ставъ изъ книгопродавца-издателя первымъ директоромъ „Товарищества М. О. Вольфъ“, М. О. не измѣнилъ, ни прежняго образа жизни, ни прежнихъ привычекъ, ни прежняго трудового образа жизни. Только рѣже сталъ бывать у

*) Къ двадцатипятилѣтію издательской дѣятельности Маврикія Осиповича Вольфа 1 октября 1878 г. (Отдѣл. брошюра).

себя въ магазинѣ, больше проводя времени въ своей издательской конторѣ, гдѣ и случился съ нимъ „послѣдній ударъ“, повлекшій за собою смерть, рано утромъ 19 февраля 1883 года.

Умеръ онъ буквально на „книжномъ посту“: смерть застигла его за подготовительными работами къ изданію собранія сочиненій Боборыкина...

Отпѣваніе тѣла покойнаго происходило въ реформатской церкви въ Петербургѣ (что на Морской). Почти всѣ болѣе или менѣе видные литературные дѣятели, а также книгопродавцы, какъ свидѣтельствуютъ „Новости“ (1883, № 51),— собрались отдать послѣдній долгъ усопшему. С.-Петербургское городское общество представляли: городской голова И. И. Глазуновъ и нѣкоторые гласные. Обрядъ отпѣванія совершалъ пасторъ Дальтонъ, который сказалъ прочувственное слово на евангельскій текстъ: „Воздадите Кесарево Кесареви, а Божіе Богови“.

Похороненъ М. О. Вольфъ на лютеранскомъ Смоленскомъ кладбищѣ въ Спб., въ фамильномъ склепѣ. Надъ могилой его воздвигнутъ памятникъ съ бюстомъ работы художника-скульптора Л. А. Бернштамма.

XV.

У каждаго человѣка, если онъ живетъ и дышитъ, а не прозябаетъ, есть враги. Были враги и, болѣе чѣмъ въ достаточномъ количествѣ, у Маврикія Осиповича Вольфа.

Успѣхъ, достигнутый Вольфомъ на поприщѣ какъ издательскаго, такъ и книжнаго дѣла—успѣхъ не случайный, но пріобрѣтенный упорнымъ трудомъ, обширными знаніями и смѣлыми, рискованными, но все же осторожными предпріятіями, не могъ, конечно, не вызвать нападокъ мелкихъ конкурентовъ. Въ то время, какъ одни дѣлались врагами Вольфа изъ зависти къ его успѣхамъ на поприщѣ книжнаго дѣла, другіе становились врагами изъ злобы за то, что онъ не соглашался принять на себя изданіе завѣдомо невыгодной книги и т. д. И „выпады“ въ печати по адресу Вольфа были нерѣдки. Но широкіе круги публики, можно почти сказать—вся читающая Россія, относилась къ дѣятельности Вольфа всегда съ глубокимъ уваженіемъ.

И все-таки, какъ вѣрно замѣчаетъ авторъ воспоминаній о

Вольфѣ, въ Западной Европѣ цѣнили М. О. Вольфа несравненно больше, чѣмъ въ Россіи. Тамъ на него смотрѣли, какъ на одного изъ крупнѣйшихъ, талантливѣйшихъ и опытнѣйшихъ книжныхъ издателей *).

— Для того, чтобы васъ оцѣнили у насъ какъ слѣдуетъ, вамъ, Маврикій Осиповичъ, нужно умереть,—говорилъ Мордовцевъ.

Дѣйствительно, смерть Вольфа вызвала въ печати, безъ исключенія направленій, рядъ весьма сочувственныхъ некрологовъ, воспоминаній и статей, а въ литературныхъ и журнальныхъ кружкахъ признавали, что въ лицѣ Вольфа сошелъ въ могилу дѣйствительно „замѣчательный дѣятель“, умеръ человѣкъ, который, несомнѣнно, принесъ пользу русской литературѣ, русской культурѣ.

Даже „Новое Время“, не разъ при жизни Вольфа рѣзко осуждавшее его, въ некрологѣ, ему посвященномъ, писало:

Книжное дѣло требуетъ вездѣ, а у насъ въ особенности, большой коммерческой опытности, большой выдержки, большого терпѣнія, упорнаго труда и энергіи. Этими качествами отличался Маврикій Осиповичъ Вольфъ. Чуткій къ потребностямъ читающаго и занимающагося люда, М. О. Вольфъ умѣлъ выбиралъ для своихъ изданій иностранныя и русскія сочиненія, которыя, какъ бы ни былъ незначителенъ у насъ кругъ читателей, всегда находили сбытъ; не быстрый, но обезпечивающій за самимъ издателемъ доброе имя въ исторіи книжнаго дѣла. Такъ, когда въ публикѣ особенно сильно проявлялся спросъ къ естественно-научнымъ знаніямъ, М. О. издавалъ сочиненія и переводы сочиненій иностранныхъ корифеевъ по этой спеціальности. Когда сказалась потребность въ дѣтской литературѣ, М. О. одинъ изъ первыхъ отозвался на эту потребность и т. д. **).

А вотъ отрывокъ изъ біографіи Вольфа, помѣщенной на страницахъ „Живописнаго Обозрѣнія“.

То принимаясь за науку, то вдаваясь въ беллетристику, Маврикій Осиповичъ Вольфъ умѣлъ угодить русской публикѣ разнообразіемъ своихъ изданій и привлечь ее къ себѣ вполнѣ европейскою внѣшностью и строгимъ порядкомъ своихъ магазиновъ. Но заслуги Вольфа не ограничились только тѣмъ, что онъ издавалъ книги, на которыя уже явился спросъ; нѣтъ, прослѣдивъ его издательскую дѣятельность, нельзя не придти къ заключенію, что Вольфъ шелъ навстрѣчу этому спросу, что онъ, приступая къ изданію той или другой серіи книгъ, старался вызвать въ интеллигентной публикѣ интересъ къ той или другой наукѣ, къ тому или другому вопросу. Въ то же время, какъ издатель, М. О. обладалъ необыкновеннымъ умѣньемъ выбирать и приближать къ себѣ талантливыхъ и работающихъ литературныхъ дѣятелей; надъ его изданіями, поочередно, работали такіе неутомимые тру-

*) „Новости“. Фельетонъ, 1883 г.
**) М. О. Вольфъ. Некрологъ. „Новое Время“ 1883. 21. II.

женики, какъ Разинъ, Чистяковъ, Резенеръ, Зотовъ, Цейдлеръ, Усовъ, Вильде, Ольхинъ и множество другихъ, менѣе замѣтныхъ, но не менѣе трудолюбивыхъ дѣятелей *).

„Московскія Вѣдомости“ въ краткомъ некрологѣ отмѣтили, что

цѣлый рядъ капитальныхъ изданій надолго сохранитъ въ русской литературѣ добрую память о дѣятельности Маврикія Осиповича Вольфа. Изданій этихъ такъ много, что перечень ихъ составилъ бы отдѣльную книгу. Въ лицѣ Маврикія Осиповича Вольфа русское издательское дѣло утратило одного изъ наиболѣе выдающихся, неутомимыхъ и полезныхъ своихъ дѣятелей **).

„Всемірная Иллюстрація“, давъ очеркъ жизни Вольфа, остановила особенное вниманіе на его иллюстрированныхъ изданіяхъ.

Одною изъ спеціальностей Вольфа были изящныя большія иллюстрированныя изданія, требующія затратъ громаднаго капитала, и притомъ весьма рискованныя. Онъ первый познакомилъ нашу публику съ рисунками знаменитаго художника Доре, издавъ „Божественную Комедію“, „Библію“ и „Сказки Перро“ съ его рисунками. Ему же обязаны мы изданіемъ многотомнаго альбома, озаглавленнаго „Картинная галлерея Европы“, съ прекрасными гравюрами на стали, „Молитвослова“, украшеннаго великолѣпными орнаментами, и „Фауста“ ***).

„Новости“, обозрѣвая трудовую карьеру Вольфа, писали:

Помимо предпріимчивости, энергіи, настойчивости характера и трудолюбія, необходимъ обширный умъ и недюжинный запасъ положительныхъ знаній, чтобы, вступивъ на поприще книгопродавца буквально съ нѣсколько копейками въ карманѣ, занимаясь издательскимъ дѣломъ при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится печатное слово въ Россіи, создать издательско-книгопродавческую фирму, стоящую на ряду съ богатѣйшими и солиднѣйшими европейскими фирмами, и обратить дѣло начатое съ *нуля*, въ *милліонное* состояніе.

Та же газета, перечисляя рядъ „спеціальностей“ Вольфа, какъ издателя и особенно отмѣчая его заслуги по изданію книгъ педагогическаго характера, по дѣтской литературѣ, замѣтила:

Впрочемъ, трудно говорить о „спеціальностяхъ“ въ отношеніи дѣятельности Вольфа, такъ какъ издательская его дѣятельность обнимаетъ собою „почти все лучшее, что давала умственная жизнь; она была далека отъ вреднаго пошиба обыденной книжной спекуляціи“. Для перечисленія серьезныхъ и многотомныхъ сочиненій, изданныхъ Вольфомъ, пришлось бы перепечатать важнѣйшія страницы нашихъ каталоговъ. Физика и химія, товаровѣдѣніе и лѣсная технологія, изящныя искусства, сельское хозяйство и исторія—всѣ эти отрасли литературы находили въ немъ дѣятельнаго и

*) М. О. Вольфъ. Біографическій очеркъ П. Полевого. „Живоп. Обозрѣніе“ 1883. № 11.

**) „Моск. Вѣд.“ 1883. № 52.

***) М. О. Вольфъ. Біографическій очеркъ. „Всеміри. Иллюстр.“, № 738.

предпріимчиваго издателя, который не только издавалъ, но и указывалъ авторамъ на различные пробѣлы въ литературѣ. Нѣтъ почти русскаго литератора, ученаго, художника, который не находился бы въ сношеніяхъ съ Вольфомъ *).

Эти слова находятъ подтвержденіе въ личныхъ воспоминаніяхъ одного изъ старыхъ литераторовъ:

Свободныя литературныя силы,—пишетъ авторъ воспоминаній,—находили сбытъ своему труду только исключительно при помощи М. О. Вольфа. Онъ былъ очень чутокъ къ нуждѣ литературнаго люда. Давая работу нуждающемуся, онъ заботливо думалъ о томъ, чтобы подыскать для него работу и на будущее время **).

„Историческій Вѣстникъ“ отмѣтилъ, что

Вольфъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ книгопродавцевъ и издателей. По отдѣлу дѣтской литературы онъ явился первостепеннымъ и незамѣнимымъ дѣятелемъ. Но еще больше пользы русской литературѣ вообще принесъ онъ изданіемъ многотомныхъ и дорогихъ иллюстрированныхъ изданій, на которыя затрачивалъ значительный капиталъ, безъ надежды на скорое возвращеніе—и въ этомъ отношеніи дѣятельность его вполнѣ почтенная и заслуживаетъ признательность писателей и общества ***).

Спеціальный органъ типографовъ „Обзоръ графическихъ искусствъ“ писалъ:

Такого издателя, какъ Маврикій Осиповичъ Вольфъ, у насъ еще не было и, хотя Маврикій Осиповичъ въ могилѣ, но онъ не умеръ и не умретъ въ памяти не только типографовъ, но и всей русской читающей публики, которой онъ оказалъ громадную услугу своей плодотворной издательской дѣятельностью. Съ М. О. Вольфомъ мы потеряли одного изъ дѣятельнѣйшихъ русскихъ издателей, книгопродавцевъ, типографовъ и словолитчиковъ ****).

А Вл. Михневичъ въ своемъ „Фельетонномъ словарѣ современниковъ“ отмѣтилъ:

Маврикій Осиповичъ Вольфъ былъ безспорно недюжинный человѣкъ и, по степени просвѣщенности, знанію дѣла и ширинѣ предпріимчивости, у него не было соперниковъ въ нашемъ книгопродавческомъ мірѣ. Его издательская дѣятельность была монументальная *****).

Отмѣтила смерть Вольфа и польская печать цѣлымъ рядомъ статей и подробныхъ біографій, въ которыхъ указывались заслуги покойнаго, какъ издателя сочиненій многихъ видныхъ польскихъ писателей. Извѣстный же польско-литовскій историкъ, археологъ и публицистъ А. К. Киркоръ выпустилъ

*) М. О. Вольфъ. „Новости“ 1883. 21. II.

**) Послѣднія минуты М. О. Вольфа и его дѣятельности. Фельетонъ въ „Новостяхъ“ 1883 г.

***) „Историч. Вѣстн.“ 1883. III.

****) Маврикій Осиповичъ Вольфъ. „Обзоръ графическихъ искусствъ“. 1883 г. № 6.

*****) Вл. Михневичъ. Наши знакомые. „Фельетонный словарь современниковъ“. Спб. 1884. Стр. 44.

въ Краковѣ спеціальную монографію о покойномъ на польскомъ языкѣ, въ которой подробно разсказалъ о заслугахъ Вольфа, какъ издателя какъ польскаго, такъ и русскаго *).

Не прошла незамѣченною смерть Вольфа и за границею: во французскихъ и нѣмецкихъ заграничныхъ газетахъ и журналахъ было указано, что въ лицѣ М. О. Вольфа сошелъ въ могилу одинъ изъ важныхъ посредниковъ по распространенію произведеній иностранныхъ литературъ въ Россіи, значительно способствовавшій духовному сближенію Франціи и Германіи съ Россіею. Спеціальный же органъ французскихъ книгопродавцевъ „Bibliographie de le France“ удостовѣрилъ, что

львиная доля всего количества французскихъ книгъ, разошедшихся въ Россіи въ теченіе 30 лѣтъ, прошла черезъ руки Вольфа и частью ему обязана была своимъ сбытомъ. Не меньше его заслуги по распространенію трудовъ французскихъ ученыхъ, беллетристовъ и дѣтскихъ писателей въ русскомъ переводѣ.

Много лѣтъ спустя послѣ смерти М. О. Вольфа, въ пятнадцатую годовщину его кончины, Д. Л. Мордовцевъ писалъ:

Съ М. О. Вольфомъ я былъ знакомъ много лѣтъ и достаточно зналъ его горячую любовь ко всему, что представляло собою выдающееся явленіе въ области науки и литературы, ко всему, въ чемъ проявлялось творчество духа, и плодамъ этого творчества онъ не давалъ заглохнуть въ неизвѣстности. Лучшее изъ этого творчества онъ тотчасъ же передавалъ печати, и оно выходило на свѣтъ Божій. Этой благородной дѣятельностью онъ создалъ себѣ „памятникъ“, но я стѣсняюсь, какъ назвать его: „рукотворнымъ“ или „нерукотворнымъ“? Только, это дѣйствительно, „памятникъ“. Многочисленные томы его изданій могли составить солидную „пирамиду“, хотя и не выше, быть можетъ, пушкинскаго „Александрійскаго столпа“.

Нельзя поэтому не согласиться со словами г. Русакова **), что „Вольфъ могъ умереть съ пріятнымъ сознаніемъ, что его имя не будетъ забыто, что онъ оставилъ видный слѣдъ въ исторіи русской культуры и что рано или поздно настанетъ время, когда его дѣятельность будетъ оцѣнена по достоинству“. И несомнѣнно, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Русаковъ, дѣятельность эта будетъ оцѣнена, такъ какъ не умирающими свидѣтелями ея являются самые нелицепріятные, самые краснорѣчивые свидѣтели въ мірѣ—„множество изданныхъ имъ книгъ“.

Слова эти невольно заставляютъ меня припомнить слѣдующее.

Въ 1878 году, М. О. Вольфъ, намѣреваясь приступить къ изданію капитальнаго коллективнаго труда русскихъ писателей—„Живописной Россіи“, пригласилъ къ себѣ всѣхъ сотрудниковъ этого колоссальнаго предпріятія съ П. П. Семеновымъ во главѣ. На этомъ собраніи, послѣ, помнится, мо-

*) B. M. Wolff. Wspomnienie posmiertne przez Jana ze Sliwina. Krakow 1884.

**) Мордовцевъ имѣлъ въ виду статью, помѣщенную въ «Извѣстіяхъ по литературѣ, наукамъ и библіографіи»: «Маврикій Осиповичъ Вольфъ. Къ пятнадцатилѣтію со дня его смерти», 1898 г. № 6.

лебна, Маврикій Осиповичъ изложилъ вкратцѣ исторію своей издательской дѣятельности и, ознакомивъ присутствовавшихъ съ результатами своего двадцатилѣтняго служенія русской наукѣ и литературѣ, предложилъ своимъ гостямъ роскошный завтракъ, за которымъ говорилось не мало прекрасныхъ рѣчей.

Послѣ отлично обоснованной рѣчи П. П. Семенова и блестящаго поэтическаго экспромпта Я. П. Полонскаго, всталъ, я помню, сидѣвшій около меня Д. Д. Минаевъ и, обращаясь къ хозяину, продекламировалъ, со свойственной Минаеву находчивостью, слѣдующее четверостишіе:

Не владѣю стихомъ я Полонскаго
И скажу здѣсь лишь нѣсколько словъ:
„Удалось вамъ не хуже Сенковскаго
Превращеніе въ книги головъ...“

Послѣдними словами экспромпта Минаевъ намекалъ на извѣстное, полное блестящаго остроумія бордеро—памфлетъ знаменитаго барона Брамбеуса, Сенковскаго—„Превращеніе головъ въ книги и книгъ въ головы“—памфлетъ, появившійся когда-то въ „Ста русскихъ литераторахъ“ и, сколько помнится, имѣвшій въ виду издательскую дѣятельность Смирдина, дѣятельность, давшую безсмертіе имени этого книгопродавца. Я не имѣю теперь подъ руками „Ста русскихъ литераторовъ“, но, мнѣ кажется, не ошибусь, полагая, что Минаевъ въ своемъ экспромптѣ приравнивалъ издательскую дѣятельность Вольфа таковой же Смирдина. И тотъ и другой „превращали головы писателей въ книги“ и распространяли ихъ по лицу русской земли, оставляя, впрочемъ, головы писателей на плечахъ ихъ носителей для новыхъ и новыхъ превращеній ихъ въ книги.

При этомъ я невольно припоминаю одинъ разговоръ мой съ Маврикіемъ Осиповичемъ, если не ошибаюсь, въ началѣ 70-хъ годовъ. Въ то время, въ періодъ самой горячей желѣзнодорожной аргонавтики, когда со всѣхъ сторонъ стекались въ Россію искатели золотого руна, Маврикія Осиповича приглашали въ Варшаву вступить въ число этихъ новыхъ аргонавтовъ, обѣщая ему милліонныя стрижки съ золотошерстнаго барана, но онъ категорически отклонилъ отъ себя всѣ соблазнительныя предложенія.

—Конечно, тамъ меня ждутъ золотыя горы, которыхъ книга не дастъ,—говорилъ онъ мнѣ,—но когда я взгляну на эти полки, на которыхъ покоятся мои дѣтища (разговоръ происходилъ въ книжномъ магазинѣ), я не въ силахъ съ ними разстаться. Это мои дѣти, и въ каждой изъ этихъ книгъ—частица моей души. Я не могу ихъ покинуть.

Многіе ли такъ любятъ свое дѣло?

Во всякомъ случаѣ, въ „Исторіи русской книги“, которая еще ждетъ своего Геродота, самыя видныя страницы займутъ по праву четыре имени: Новикова, Смирдина, Вольфа, и Суворина *).

Слова Мордовцева тѣмъ болѣе цѣнны для характеристики Маврикія Осиповича Вольфа, что „старый дідъ“ не находился

*) См. замѣтку Д. Л. Мордовцева „Къ пятнадцатилѣтію со дня смерти М. О. Вольфа. „Извѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи“ 1898. № 7.

ни въ какихъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ покойнымъ, и его мнѣніе явилось совершенно безпристрастнымъ, не продиктованнымъ посторонними соображеніями.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Карамзинъ сказалъ о Новиковѣ:

— „Онъ, какъ гражданинъ, полезною своею дѣятельностью заслужилъ общую признательность".

Между характеромъ, задачами и цѣлями дѣятельности Новикова и Вольфа—конечно, огромная разница. Тѣмъ не менѣе слова Карамзина вполнѣ примѣнимы и къ Маврикію Осиповичу Вольфу.

Вѣдь и онъ былъ, до извѣстной степени, проводникомъ просвѣщенія въ Россіи, вѣдь и онъ способствовалъ распространенію печатнаго слова, вѣдь и онъ „размножалъ" книги и многими изъ нихъ „вносилъ лучъ свѣта" въ широкія народныя массы.

Правда, Вольфъ не былъ ни меценатомъ, ни альтруистомъ. Все же онъ трудился не только для личнаго своего матеріальнаго обогащенія, но и для культурнаго обогащенія Россіи. И тѣ тысячи книгъ, которыя были имъ выпущены въ свѣтъ за 40 лѣтъ его дѣятельности, это своего рода памятникъ, къ которому „не заростетъ народная тропа".

Тѣмъ болѣе мы имѣемъ право это сказать, что многія изъ изданныхъ Вольфомъ книгъ не утратили своего значенія, не устарѣли, но обновленныя и дополненныя, въ новыхъ изданіяхъ продолжаютъ служить цѣлямъ то культурнаго, то художественнаго характера.

Подводя итоги многолѣтней работы М. О. Вольфа, мы видимъ, что онъ оставилъ послѣ себя два наслѣдства: одно—состоящее изъ большого, созданнаго имъ цѣною огромныхъ усилій и безспорнаго дарованія, твердо и прочно поставленнаго книжнаго дѣла, которое завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ продолжать, развивать и расширять; другое—состоящее изъ многихъ тысячъ томовъ изданныхъ имъ сочиненій міровой литературы, захватившихъ всѣ отрасли изящной словесности, науки и прикладныхъ знаній,—сочиненій, которыя сдѣлались достояніемъ всей грамотной Россіи.

Послѣ М. О. Вольфа появились въ Россіи не менѣе круп-

ные издатели, возникли милліонныя издательскія предпріятія, открылись, и въ столицахъ и въ провинціи, большіе книжные магазины. Но, прослѣдивъ безпристрастно исторію книжнаго дѣла за послѣднее столѣтіе, нельзя не признать, что именно М. О. Вольфомъ было положено начало русскаго книгоиздательства и русской книжной торговли въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, которыя эти отрасли культурной русской промышленности приняли за послѣднее время. Это обстоятельство обезпечиваетъ М. О. Вольфу одну изъ почетныхъ страницъ въ исторіи книжнаго дѣла въ Россіи; а такъ какъ это дѣло неразрывно связано съ успѣхами культуры, то за Маврикіемъ Осиповичемъ Вольфомъ должны быть признаны неоспоримыя заслуги и въ исторіи культуры русскаго народа, русской интеллигенціи.

КОНЕЦЪ.

Библіотека
Института Наслѣдія

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Предисловіе 1

На книжномъ посту 1

О „центральномъ лицѣ“ воспоминаній. — Издатель-культуртрегеръ.—Отношенія къ нему писателей и сношенія его съ государственными и общественными дѣятелями.—Почему настоящая книга носитъ названіе „На книжномъ посту“.

Въ литературномъ почти-клубѣ 9

Собраніе литераторовъ въ семидесятыхъ годахъ м. с. въ Петербургѣ.—Какъ возникъ литературный почти-клубъ.—Ген. Треповъ—основатель „клуба“.—Кто тамъ бывалъ.—Владиміръ Зотовъ.—Пріѣзды Островскаго.—Сотрудники „Голоса“.—Постоянные посѣтители: Писемскій, Гончаровъ, Лѣсковъ, Минаевъ.—Политическіе разговоры.—Записная книжка Гончарова.—Представитель литературной богемы Бурнашевъ.—Посѣщенія почти-клуба Катковымъ и кн. Вяземскимъ.—Экспромпты Минаева.—Забота Щедрина о продажѣ его книгъ.—Стихи Головина.—Пріѣздъ Тургенева.—Судья Квистъ, генералъ Черняевъ и др.—Дѣло Засуличъ и Достоевскій.—За партіею виста.—Концертъ Венявскаго.—Закрытіе почти-клуба.

Среди писателей и книгъ.

Прокуроръ-поэтъ 49
Историкъ кабачества 58
Покровители революціи 62
Первый редакторъ „Новаго Времени“ 66
Писатель-чтецъ 73

стр.
Арестъ „Логики“ Милля 79
„Подпоясанный“ 85
Историкъ и книгопродавецъ 89
Какъ читали Анну Каренину 96
Великій Маврикій и Смиренный Сергій 101
Сигары для писателей 112
Литераторъ, умѣвшій работать 116
А. С. Суворинъ и М. О. Вольфъ 122
Вѣнценосный историкъ и его переводчикъ 127
Первый литературный гонораръ Боборыкина 132
Эпизодъ изъ жизни Тургенева 145
Оригиналы Мельникова-Печерскаго 149
Полузабытый писатель-педагогъ 147
Творецъ цыганскихъ пѣсенъ 154
Обыскъ въ книжномъ магазинѣ Вольфа 168
Кое-что изъ жизни автора Обломова 162
Поиски издателя на сочиненіе Л. Н. Толстого 188
Шесть писемъ Щедрина 184
Переводчикъ-маніакъ 199
„Некуда“ 210
„Божественная комедія“ въ Россіи 215
Не состоявшееся художественное изданіе 219
Мицкевичъ по-русски 222
Писатель, обиженный судьбою 228
Плохіе покупатели книгъ 238
Предсказатель погоды 240
Базуновское наслѣдство 241
„Б. Д.“ 254
Исторія одной запрещенной дѣтской книги 259

Высокопоставленные книголюбы.

Университетъ—за книжнымъ прилавкомъ 267
Великій князь—кліентъ книжнаго магазина 275
Три высокопоставленныхъ покупателя книгъ 281
Министры-собесѣдники 285
Какъ графъ Д. А. Милютинъ готовился къ конституціи . . . 300
Министръ-книголюбъ 307
Злой геній Россіи 315
Скобелевъ и книги 325
Строитель Николаевскаго моста 331
Покровитель ссыльныхъ 339
Къ исторіи „Земли и Воли“ 345
Бытописатель великосвѣтскихъ салоновъ 354
Библіотека на одну ночь 360

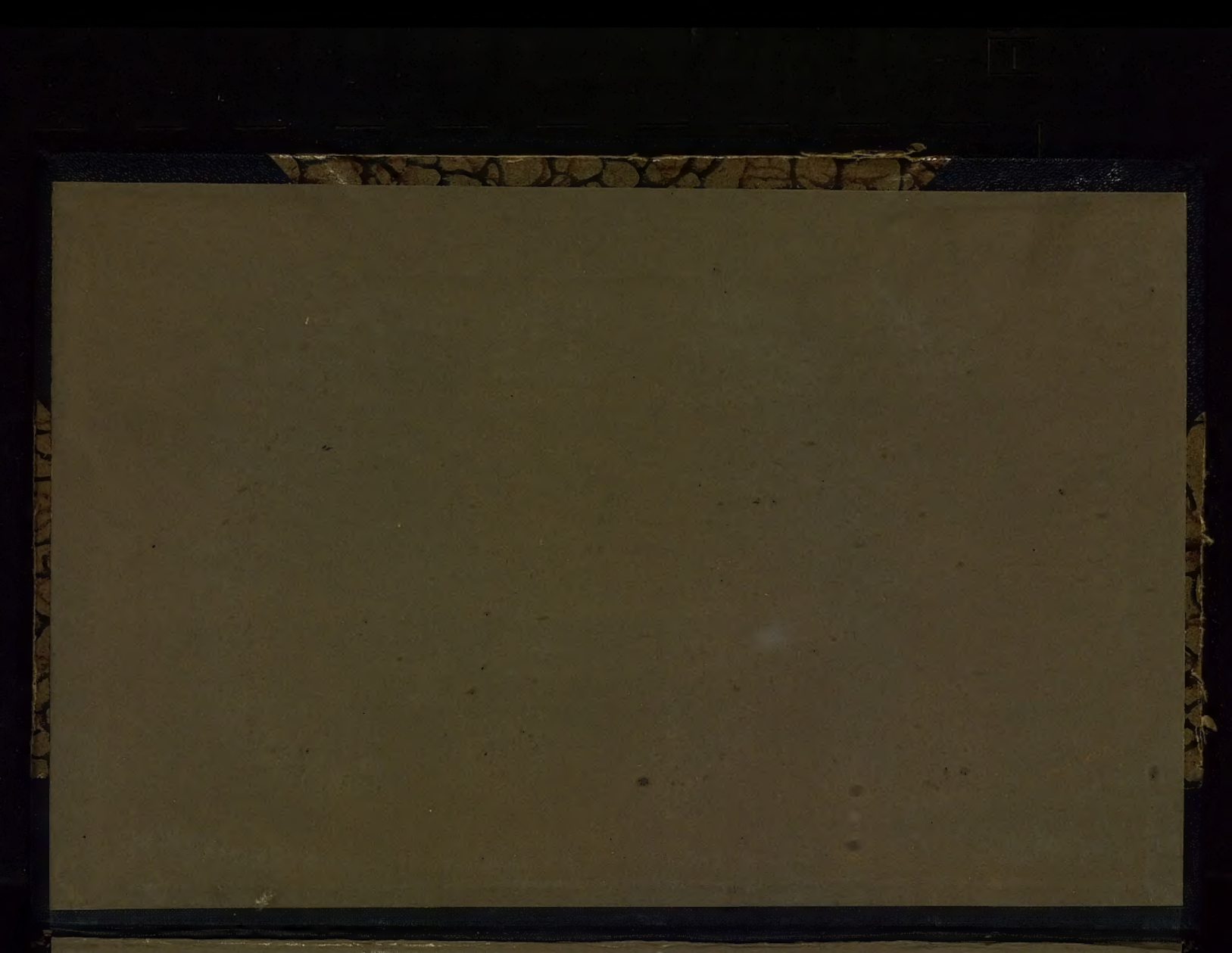
Друзья и сотрудники.

„Другъ“ Спасовичъ 365
Архіепископъ-покровитель 371
Литературные секретари 376
Заморскій нѣмецъ Марксъ 383
Три Аякса 390

СТР.
Апостолъ русской литературы среди нѣмцевъ 398
Книжникъ-генеалогъ 405
Неутомимый популяризаторъ 409
Лампада въ храмѣ литературы. 413
Одинъ изъ наслѣдниковъ 421
Послѣдній 429

Приложеніе.

Сорокъ лѣтъ служенія книгѣ 441

Siena 5 pts

nos 1–50.